

ТАЙНА ЛОТОСА

Ольга
Горышина

Дома Сусанну продолжают звать "Суслик" и подсмеиваются над её желанием написать роман про Древний Египет. А вот первый же встреченный ей каирец очень даже рвётся помочь написать роман. Только как сохранить трезвую голову, когда тебе планомерно пудрят мозги с восточной изысканностью.

Глава 1

Суслик, всё будет хорошо. Всё будет хорошо... В голове звучал то ли собственный голос, то ли голос сестры, то ли мамы... Суслик, всё будет хорошо...

— Сусанна, всё хорошо?

В проходе стоял Паша. В одной футболке с логотипом «Зенита», когда сама она дрожала от холода, сильнее натягивая на пальцы рукава толстовки.

— Да, да, — закивала Сусанна нервно, чувствуя животом застёжку ремня безопасности. — Почему мы не взлетаем?

— Ждём какого-то козла.

Сусанна снова закивала. Она настолько ушла в свои тревоги, что не слышала никаких объявлений.

— Может, к окну пересядешь?

Зачем мама рассказала ему и про её страх перед самолётами? Достаточно было просто попросить приглядеть за ней. За маленькой девочкой, первый раз оказавшейся за границей одной.

Она вообще только второй раз покидает пределы России, и в прошлом году они с сестрой ездили в Чехию на автобусе, потому что... Да потому что Суслик боится самолётов! Это мама ей внушила, рассказав, как она в три года кричала, когда они летели в Сочи. Да, её рвало, и закладывало уши... Неужели это повторится...

— У окна удобнее, сможешь поспать, — не унимался Паша.

Чужая опека сейчас не успокаивала, а только больше оголяла нервы. Если бы не Египет, она бы не села в самолёт.

— Мне в проходе будет лучше.

Да, да... До туалета быстрее добежишь! Она взглянула на пустое кресло. В нём должна была сидеть сестра, но ночью у той подскочила температура, когда она проснулась с криком, что её ужалила змея, а с утра сестру начало рвать... Сусанна зажмурилась, ощутив на губах горький привкус желчи. Только бы её саму не стошнило на взлёте. Вот позор-то будет... Сусанна нащупала в кармашке кресла бумажный пакет. Хорошо ещё рядом никого...

— Жвачку дать?

Сусанна уставилась на Пашу. Не пошёл бы он уже... К жене!

— У меня леденцы с собой.

Но Паша не уходил. Если он так же станет пасти её в Каире, она повесится! Ей страшно только в самолёте, а потом она в присмотре не нуждается. Это даже классно оказаться среди пирамид одной. Сестре все эти древности даром не нужны. Она купила путёвку только из-за

сестрёнки, потому что та помешана на Египте. Да, да... Так она и сказала — Суслик, ты ненормальная. Египтян не существует, там арабы, арабы и ещё раз арабы... Беее... Она даже язык ей показала. Сестре двадцать четыре, но дурачится она порой хуже пятилетней. И вот поездка чуть не сорвалась. Сусанна и не думала, что мать согласится отпустить её одну. Но вот же, отпустила... А потом, в самом аэропорту, вдруг попросила абсолютно незнакомых людей присматривать за ней.

— Excuse me.

Паша наконец убрал руки со спинки её кресла и попытался вжаться в него, чтобы пропустить мужчину в деловом костюме, но тот вновь повторил извинение, но уже обращаясь к Сусанне. От неожиданности она не разобрала английских слов, но всё же догадалась, что тот желает занять место сестры. Только не это! Она дёрнулась, чтобы встать, и снова откинулась в кресле, когда предательский ремень удержал её на месте. Она чуть не сломала ноготь, рванув застёжку, и вжалась в панике Пашу, пропуская нового пассажира.

— Этого козла мы и ждали, — прошептал Паша ей на ухо.

Сусанна бросила взгляд на соседа, боясь, что тот расслышал обидные слова. Однако мужчина не обернулся. Был бы русским, не стал бы говорить по-английски. Да и слишком смугл, хотя ни на итальянца, ни на араба не похож. Он расстегнул пиджак, застегнул ремень и отвернулся к окну. Вот и хорошо.

Сусанна уселась обратно в кресло.

— Если что, приходи, — кивнул Паша и наконец-то пошёл к жене.

Сусанна уставилась на экран телевизора, хотя и понимала, что случись катастрофа, сама и жилета не найдёт, и маску не нацепит. Да и вообще об этом лучше не думать. В отпуске с людьми ничего не должно случаться. Ничего, кроме радости. Только успокоиться не получалось. Когда самолёт тронулся, она вжалась в спинку кресла и глубоко задышала, а при разгоне вообще закрыла глаза. Руки сцепленными лежали на коленях, и когда шасси еще не оторвались от земли, она вдруг почувствовала на своей руке руку соседа. Он даже что-то сказал, но она расслышала только слово «Hand» и покорно сжала руку — сухую и теплую, а вот в сухости своей она не была уверена, но вырвать пальцы не получилось — хватка соседа оказалась железной.

Самолёт набирал высоту. В ушах гудело, но завтрак остался в животе. К счастью. Когда самолёт выровнялся, сосед отпустил руку и начал говорить много и быстро. Сусанна уловила слова — детство, самолёт, отец... Но они не выстроились в смысловую цепочку, и потому она поспешила выдать:

— I don't speak English.

— I see.

На этом разговор, к счастью, закончился. Мужчина вновь отвернулся к окну, а она украдкой — к нему. Волосы слишком короткие, будто он недавно брился налысо. Хотя чего удивляться на человека из жарких стран. И когда он обернулся, то ли почувствовав пристальный взгляд, то ли решив рассмотреть соседку, она быстро сунула руку в кармашек кресла и вынула свой планшет. Как по команде мужчина тоже нагнулся к сумке и вытащил из кармана небольшой ноутбук. Оба уставились на свои экраны.

Отсутствие сестры давало возможность поработать над романом. Сусанну раздражало её глупое подтрунивание и желание заглянуть в экран, чтобы опять же посмеяться. «Лучше в кино сходим!» — тащила она её всякий раз от компьютера, но Сусанне важнее было дописать роман. И вот когда впереди несколько пустых часов, в голову ничего не лезет,

кроме глупых английских фраз из учебника, которые соседу лучше не говорить, потому стоит создать видимость работы. И Сусанна устала в начало страницы:

«Пентаур любил приходить на пустынный берег Нила, вглядываться в его иногда голубые, иногда темно-зеленые, иногда желтоватые воды. Он срывал цветок лотоса и мучил им воду. С детских лет не любил Пентаур шумных мальчишеских игр. Даже сейчас, уже будучи взрослым, в свои тринадцать лет он был слишком тих, внимателен и умен. Слишком...»

Сусанна скосила глаза на соседа. Он просматривал сайт СиЭнЭн и на этот раз, кажется, не заметил подглядывания. И всё же не стоит рисковать и нарываться на новый разговор глухого с немым. А в Чехии она, кажется, с кем-то разговаривала, и её даже понимали... Кажется. И Сусанна прокрутила страницу вниз:

«Сегодня он как обычно пришел к полноводному Нилу и лишь успел сорвать цветок, как внимание его привлек непонятный звук, очень похожий на плач. Юноша подбежал к кромке воды, раздвинул руками камыши и замер: запутавшись в водорослях, на воде качалась грубо сплетённая лодочка. Пентаур ступил по колено в воду и взял ребенка на руки. Младенец заплакал пуще прежнего, и юноша поспешил в храм, не обращая внимания на людей, оборачивавшихся на детский плач. У храмовых пилонов он столкнулся со жреческой процессией, возглавляемой старшим жрецом Амени.

— Откуда у тебя ребенок, Пентаур?

Жрец хмуро взглянул на него, и юноша внутренне сжался, потому что знал, что последует за этим вопросом — нет, это не был его ребёнок. Как в нём могли усомниться!

— Я нашел его плывущем в лодочке по Нилу, — ответил Пентаур дрожащим голосом.

Жрец помрачнел: только еще одного подкидыша не хватало. Очередная женщина решила скрыть бесчестие, отдав новорожденное дитя на волю волн. Плач голодного младенца становился невыносимым, и Амени поспешил взять найдёныша на руки, и в сильных мужских руках ребенок перестал плакать, зато жрец издал странный смешок.

— Девочка!

Недовольство его усилилось, и юноша знал причину: если мальчика можно отдать в храмовую школу, то что делать с девочкой? Не нянчиться же его жене! Но нянчиться придётся. Воды Нила отдали девочку храму. И Амени действительно велел Пентауру отнести ребёнка во двор и отдать той работнице, у кого было в грудях молоко, а вечером он обещал забрать девочку домой. Но вечером он не сумел отыскать ребёнка и разгневанный покинул храм и всю ночь придумывал ученику достойное наказание, но утром, когда тот, как маленький, расплакался у его ног, жрец махнул рукой и разрешил до поры оставить ребёнка при храме. Амени всегда питал к Пентауру слабость и в этот раз даже возвращенный за ночь гнев не устоял перед мольбами юноши.

— Как ты назовешь ее? — спросил жрец, перестав сердиться.

— Нен-Нуфер, — тут же ответил Пентаур, протягивая жрецу цветок лотоса. — Она так же прекрасна. И он был в моих руках, когда я услышал её плач.

Жрец усмехнулся и приказал ученику отнести младенца в храмовую пристройку для слуг и отдать на попечение рабыням, а самому вернуться к занятиям. Когда девочка научилась бегать, все поняли, что она не похожа на детей Кемета. Сомнений не оставляли ни ее изумрудные глаза, ни шелковые светлые волосы, ни бледный цвет кожи. Как она попала в бурную реку, оставалось тайной, но такой тайной, которую Пентаур не желал раскрывать...»

Сусанна вздрогнула, вновь услышав английскую речь, но, увидев стюардессу, обрадовалась, что сосед обращался не к ней. Девушка за что-то извинялась, а он успокаивал её. Потом многозначительно взглянул на Сусанну, и та испугалась, что пропустила какой-то вопрос или сделала что-то не так.

— I... — попыталась она составить фразу. — It... It is first time I am flying...

Сусанна выдохнула, но рано обрадовалась. Лицо соседа расплылось в улыбке. Она ошиблась в грамматике или в произношении? Или... И тут Сусанна догадалась, что сосед смеется над её волосами. Да, она выкрасила концы зелёной ваксой, а сестра розовой. Они думали, что это будет весело. Вдвоём они, может, и смотрелись бы «кульно», но сейчас одна Сусанна выглядела душой. Жалко в самолёте не смыть эту дрянь! А когда сосед открыл рот, Сусанна покраснела ещё больше. Он, растягивая каждое слово, объяснил, что её фраза на самом деле означает, что она не пьяная. Точно, лучше бы молчала!

Сосед поднял руку и щелкнул пальцами. Совсем, как шейх. И стюардесса, заметив жест, тут же подпархнула к ним. Теперь Сусанна поняла каждое слово — он заказывал шампанское. Она открыла было рот, но так и не смогла сказать, что не собирается с ним «летать» в переносном смысле. И пока она хлопала ненакрашенными ресницами, сосед вытащил из внутреннего кармана визитку. Вместо строки с именем взгляд упал на название каирского музея древностей, который она собиралась посетить. На языке вертелся вопрос, и наконец она сумела его выдать и даже понять ответ:

— Я не археолог. Я консультант по драгоценностям. Меня пригласили в Эрмитаж опознать некоторые экспонаты, и теперь я спешу домой. Реза. Меня зовут Реза.

Сусанна кивнула. Как полная дура. И тогда он задал школьный вопрос:

— What's your name?

Она назвалась и ещё сказала, что её имя происходит от египетского слова «лотос». Сосед удивлённо вскинул брови, и Сусанна выдала, решив произвести ещё большее впечатление:

— Нен-Нуфер.

И он действительно удивился, совсем по-американски воскликнув «Вау!»

— Так ты тоже летишь в Каир, не в Рим?

Сусанна кивнула.

— Я люблю историю Египта. Я часто хожу в Эрмитаж, — произносила она медленно по-английски, а он кивал, то ли издеваясь над её жалкими потугами поддержать разговор, то ли подтверждая, что понял сказанное. Если она сейчас добавит, что пишет роман о древнем Египте, где героиню зовут Нен-Нуфер, он захочет на весь самолёт, и Сусанна замолчала. Впрочем, молчание не было вынужденным. Стюардесса вернулась с двумя бокалами. Пришлось взять один, но пить за знакомство она не решилась. А вдруг ей станет плохо, и она действительно улетит с одного бокала. Сестра вычитала, что пить в самолёте нельзя, потому что один бокал в воздухе равен четырём на земле. Проверять данные из журнала на собственном опыте не хотелось, и Сусанна выдала, что ей всего лишь шестнадцать, на что Реза с непроницаемым лицом заявил:

— Но ты ведь русская.

Ходячий анекдот! Хорошо ещё не водку заказал...

Сусанна уставилась в бокал. Наверное, дело в зелёных волосах. За кого он её принял, узнав, что она летит в Египет? Её ведь даже не Наташа зовут! Но поставить бокал было некуда — весь столик занимал планшет с клавиатурой. Пришлось выпить шампанское. За

два глотка. Почти залпом. Да, она русская! Но когда пузырьки ударили в нос, Сусанна чуть не икнула. Реза поспешил забрать пустой бокал и вновь щёлкнул пальцами.

Стюардесса явно следила за ними, потому что тут же выросла подле кресла Сусанны и, даже не взглянув на ту, залилась соловьем на прекрасном английском. Сусанна почувствовала необъяснимый укол ревности и уставилась на экран, стараясь не вслушиваться в разговор, но всё же поняла, что они обсуждали обед. Салон действительно наполнили характерные запахи. Она прибережёт «чикен» и «пасту» для второго полёта, а сейчас стюардесса обязана говорить с ней по-русски. А сосед пусть вообще молчит. Однако тот не собирался возвращаться к новостному сайту, и Сусанна изготавилась слушать, надеясь на разговорчивость Резы, потому что своими примитивными фразами могла вызвать лишь приступ безудержного смеха.

— Что тебя привлекает в египетской культуре?

И как, как она ответит на этот вопрос распространёнными предложениями? Или он решил повеселить себя её скудным словарным запасом? Не очень вежливо. Пусть он дважды будет шейхом! Хотя что тогда он делает подле неё?

— Это необычно, — ответила она, надеясь на прекращение разговора.

— А что ты ждёшь от поездки, кроме купания в Красном море?

— Я не еду на море. У меня есть только шесть дней, и я проведу их в Каире. Не думаю, что это много на такой большой город.

— О, нет. На него не хватит всей жизни. Тот, кто не видел Каир, тот не видел мира. Ведь так?

Он улыбнулся, но, как оказалось, не ей. Стюардессы ещё не начали обслуживать остальных пассажиров, но им уже принесли еду. Сусанна поспешила сунуть планшет обратно в кармашек кресла. Перед ней оказался поднос с тканевой салфеткой и красивая фарфоровая тарелка с рагу и аккуратными кубиками картошки. Рядом примостилась тарелочка с салатом, бокал с водой и бокал с вином. Она скосила глаза в проход. За ними наблюдали и уже давно. Ну и что, она соседа не выбирала... Теперь только бы не уронить еду на себя.

— Надеюсь, это вкусно.

Он, конечно же, шутил. Еда выглядела ресторанной и на вкус не уступала домашней. Сусанна запнулась лишь на бокале вина, но воспротивиться очередному «чин-чин» не смогла. Ничего страшного, им ещё лететь и лететь... Может, после вина она начнёт его даже лучше понимать. Только он замолчал. То ли устал от её школьного английского, то ли не привык говорить с полным ртом.

После того, как стюардессы раздали упакованные в фольгу обеды, они принесли десерт и кофе.

— Я в детстве очень боялась мумии, — молчание давило, да и беседа помогала отвлечься от косых взглядов соседей.

— А чего её бояться! — Реза опустил чашку на блюдечко и едва заметно облизал губы, однако Сусанна успела вздрогнуть. — Мумия даже не труп, просто чучело. Если уж бояться, то Ка, блуждающего в стенах музея без еды, но и это Ка уже явно не делает в настоящем музее, только в павильонах Голливуда. В царстве Осириса ему явно лучше, чем среди любопытных туристов. Да и неприкаянные души бывают только у тех, чьи тела не забальзамировали. А остальные покоятся с миром, вернее наслаждаются вечной жизнью.

— Мне всё равно неприятно до сих пор смотреть на жреца Па-Ди-Иста, — Сусанна

попыталась отпить кофе так, чтобы не пришлось облизывать губы.

— Вау, — теперь Реза улыбался без сарказма. — А ты, Нен-Нуфер, и правда любишь Эрмитаж.

— Да, люблю, — Сусанна сказала это с ноткой обиды, ей бы хотелось, чтобы сосед назвал её русским именем, но он не потрудился его запомнить. — А вам музей понравился?

— Да, очень. Особенно то ожерелье в форме лотоса, которое я эвалюировал.

— А что вы чувствуете, когда держите в руках такую древнюю вещь, сэр?

Вот, она сумела начать беседу! Только Реза вдруг ей подмигнул и произнёс слишком медленно для такого понятного слова:

— Деньги. Я чувствую деньги. Больше ничего. Я не сумасшедший, который дрожит над древностями. Для меня это просто бизнес. Не больше и не меньше. Прости, если разочаровал.

— Нет. Совсем нет.

И теперь Сусанна облизала губы. Непроизвольно, и покраснела под откровенно похабным взглядом консультанта по драгоценностям.

— Извините.

Ей действительно захотелось в туалет. Шампанское, вода, вино и кофе дали о себе знать. Кофе, кстати, помогло дойти до туалета, не качаясь, или она хотела верить, что пару раз схватилась за чужое сиденье из-за обычной тряски.

— Сусанна, ты в порядке?

Паша ухватил её за руку.

— Со мной всё хорошо.

Зеркало в туалете не разделяло её уверенности. Как ни крути, она выглядела пьяной. И вела себя, наверное, точно так же. Ох, Суслик, Суслик... Набрав в лёгкие побольше воздуха, она без поддержки дошла до своего кресла, но лишь опустилась в него, рядом вырос Паша.

— I will appreciate if you stay away from my little sister. She's not allowed to drink.

Его английский был намного лучше её, но фраза прозвучала коряво или даже грубо. Реза с извинениями кивнул, наградив Пашу такой же улыбкой, что прежде стюардессу, и Паша, похлопав Сусанну по плечу, ушёл. Братик... Суслик, у тебя появился братик.

— Твой брат любит Египет, как и ты? Или только присматривает за тобой?

Сусанна кивнула. Надо быть полным идиотом, чтобы поверить в их родство. Кудрявый брюнет и она, с куцыми кошачьими хвостами, непонятно какой светлости. И сосед, конечно, не поверил. Взгляд сделался вовсе тяжёлым и гадким.

— Его жена интересуется историей, — поспешила зачем-то оправдаться Сусанна.

Какое Резе вообще дело, летит она одна или нет! Или он так завуалированно предлагал ей деньги?

— Семейные каникулы, — усмехнулся он.

Она кивнула, надеясь, что Реза сам прекратит разговор. И он действительно прекратил, вновь достал ноутбук и открыл новостной сайт. Она тоже с удовольствием уткнулась в свой планшет.

Глава 2

«Пентаур обожал играть непослушным светлым чубчиком девочки. На него нисходило озарение, когда тонкие шелковые нити скользили между пальцев. Его спина помнила

множество побоев. Нерадивый ученик оставлял занятия священного письма ради мимолётного взгляда зелёных глаз воспитанницы. Девочка часто засыпала на его руках под сказки о богах или играя полами длинного жреческого одеяния. Он сам взялся учить её письму. И учил не так, как учили жрецы, карая за каждый неправильный иероглиф ударами палок, а терпеливо разъясняя ученице значение каждой палочки, каждого рисунка. Он никуда не спешил.

Если сначала на написание одного слова уходило несколько дней, то вскоре девочка уже без особого труда переписывала мифы об Осирисе. Да так красиво, что однажды Амени обратился к ней с просьбой сделать свиток Книги Мёртвых для только что взошедшего на престол фараона. Нен-Нуфер старательно выводила рисунок за рисунком, пока кисть в крохотной руке не начинала дрожать. Тогда она отдыхала немного и вновь склонялась над папирусом. Верховный жрец, пришедший за свитком, поразился искусству десятилетней девочки. Он знал о найдёныше, и никогда лично не порицал Пентаура за многочисленные пропуски занятий, потому что свет мудрости исходил из его глаз, и скоро он стал одним из немногих учеников, удостоившихся жреческого сана.

И вот Пентаур начал познавать тайны, скрытые за стенами храма и не доступные простым ученикам. Иногда ему даже выпадала великая честь сторожить статую Пта. Он видел много нерадивых жрецов, предающихся веселью на посту, но сам, охраняя сон Божественного, как и подобает, не прикасался к вину и не смыкал очей. Всё время, свободное от занятий с Нен-Нуфер, Пентаур проводил за чтением священных папирусов, проникая в священные знания о движении светил, по которым предсказывали разлив Великой Реки, судьбы отдельных людей и целых народов. Пентаур впитывал в себя знания, как морская губка воду. За несколько лет он оставил позади всех сверстников, довольствующихся либо ролью писцов, либо низшим жреческим саном тогда, когда ему уже было предоставлено право присутствовать на заседаниях высших жрецов и позволено принимать участие в священных празднованиях.

Амени, ставший к тому времени верховным жрецом Пта, поручил любимому ученику надзирательство за храмовыми школами. Пентаур несколько раз просил его заменить нерадивых учителей и выгнать ни к чему не способных юношей, которых держали лишь за богатые дары, принесённые храму их родителями. Амени не разочаровался в избраннике, но иногда всё же осаживал пыл молодого жреца, говоря, что тот должен прежде всего думать о благополучии своего бога. Поначалу Пентаур возмущался тому, что они должны терпеть нерадивость сыновней знати и богатых чиновников, но скоро научился держать подобные мысли при себе и не злить понапрасну верховных жрецов. Впереди его ждал долгий путь постижения божественных премудростей.

Он был сыном простых земледельцев, которые упростили жрецов взять сына в храмовую школу, так как не могли прокормить его. Амени сразу приметил мальчика, схватывавшего всё налету, когда другим приходилось вколачивать знания палочными ударами. Казалось, юношу не интересовало ничего, кроме знаний. Даже в жреческом сане Пентаур остался равнодушным к богатствам. Он продолжал довольствоваться набедренной повязкой, сандалиями из грубой кожи и, когда того требовалось, белоснежным жреческим облачением. Он вёл такой же аскетический образ жизни, как и Амени, которого Пентаур почитал за отца. Настоящих родителей он почти не помнил. Они пришли издалека, чтобы передать сына под покровительство мемфисского божества, и больше не возвращались.

У Пентаура была только одна страсть: белокурая девушка с глазами зелёными, как

глубинные воды Нила. Несмотря на большую занятость и ответственность за храм, Пентаур не оставил занятий с воспитанницей. Нен-Нуфер уже могла свободно писать, считать и даже имела кое-какие познания в медицине. Маленький найдёныш подрастал. Ей перестали брить голову задолго до того, как тело из детского стало превращаться во взрослое. Теперь вместо чубчика, по плечам струился светлый лен тонких волос, и настал день, когда в теле её расцвёл красный цветок...»

Объявили посадку, и Сусанна сунула планшет в рюкзак и толкнула его под кресло. Если она нормально переживёт и приземление, то мамины страхи просто наговоры и не больше, только зря прошлым летом тряслась в автобусе целые сутки! Она ничего не боится. Ничего. Просто втянула живот, чтобы не расслаблять ремень.

— Take my hand.

И ладонь соседа вновь накрыла её пальцы, но на этот раз Сусанна успела вырвать руку.

— I'm fine. I'm totally fine, — пропищала она, пытаясь выглядеть абсолютно бесстрастно.

Сосед продолжал держать руку ладонью вверх, и Сусанна боролась с желанием вновь почувствовать крепкое рукопожатие. Только владел ей не страх перед посадкой, а другое противное чувство, которое ещё предстояло описать в романе. Если бы Реза, наплевав на её колебания, сжал её пальцы, она была бы ему благодарна. Однако сосед опустил руку себе на колено и отвернулся к иллюминатору. Ох, Суслик, Суслик...

Самолёт тряхнуло, и Сусанна ощутила сердце где-то там, внизу. Только бы не выдать страх, который против воли заполнил тело, но сосед продолжал спокойно наблюдать за облаками. И она тоже, потому не успела отвести взгляда, когда Реза резко обернулся. Тяжёлое мгновение было кратким, сосед просто предложил поменяться местами и, не дав ей и рта раскрыть, отстегнулся. Сусанна тоже щелкнула ремнём и хотела выйти в проход, но Реза поймал её за локоть и указал на кресло. Неужели он хочет, чтобы она забралась в него с ногами? Стюардесса, проверявшая невдалеке спинки кресел, глядела на неё в упор, и её неприятный взгляд заставил Сусанну запрыгнуть на кресло. А дальше случилось то, о чём она не подумала. Поднявшись из кресла, Реза почти уткнулся носом ей в грудь. Во время полёта она расстегнула кофту, и между ними осталась лишь тонкая футболка. Руки его скользнули по её спине, и Сусанна чуть не запнулась о приподнятую ручку, переходя на соседнее кресло. Не говорите только, что сделал он это лишь для того, чтобы полапать её! Да, Суслик, именно так!

Сусанна злобно щелкнула замком, ругая себя за дурость, и уставилась на облака, чувствуя, как у неё начинает гореть левое ухо. Суслик, ты дура! Какая же ты дура! А он, небось, улыбнулся проходившей мимо стюардессе. И из-за злости Сусанна вовсе не почувствовала посадки.

Табло ещё не погасло, когда стюардесса подошла к Резе и предложила выйти. Он кивнул и перегнулся к Сусанне, чтобы достать свою сумку.

— Если хочешь, — он говорил нарочно медленно, чтобы она поняла каждое слово, и тихо, потому что рука его лежала на её коленке, а лицо было напротив её лица. — Можешь, на следующий полёт перейти ко мне в бизнес-класс.

Она смотрела в его тёмные наглые глаза, стараясь не покраснеть, и с трудом выговорила английское «Спасибо, я останусь с братом». Его лицо оставалось вплотную к её, и Сусанна была уверена, что наглец не уйдёт без поцелуя, и даже расстроилась, когда Реза просто улыбнулся и кивнул, не выказав никакого расстройства из-за отказа. Ещё и по-свойски похлопал её по коленке, желая хорошего отдыха в Каире.

После ухода соседа, Сусанна еле сдержала слёзы. В самолёте люди, с которыми ей предстоит провести почти неделю. Что они о ней подумали!

— Чего расселась! — Паша задержался у её кресла. — Вставай!

Она не расселась, она пряталась от любопытных взглядов. Каждый так и норовил рассмотреть ее поближе. Ты теперь, Суслик, знаменитость!

Она схватила рюкзак и прошла вперёд Паши. Пусть его спина защитит её хотя бы до выхода из самолёта, а потом она услышит и от него самого пару ласковых! И Паша действительно не выдержал, когда Сусанна, чтобы хоть немного сгладить неловкость, рассказала о предложении каирца.

— Он не козёл. Он мудака!

Жена сжала его локоть, но Паша не успокаивался.

— Он ублюдок, Марина. И я начистил бы ему рожу, будь мы в другом месте.

Сусанна смотрела на свои кроссовки и потому чуть не споткнулась о чужой чемодан.

— Почему они считают, что наши бабы только за этим к ним едут?! — Марина устроилась в кресле и обняла свой рюкзак.

Сусанна последовала её примеру.

— Да потому что большинство за этим и едут, — Паша хмуро глянул на Сусанну. — Эта зелёнка смывается?

Сусанна кивнула и собрала волосы в небольшой хвост. Решив отыскать резинку, она нашла в кармашке визитку египтянина, которой место в ближайшей урне! Так она и сделала, а когда вернулась, нашла Марину уже одну.

— Пашка пошёл за тирамису.

Сусанна полезла за своими евро, но Марина махнула рукой.

— Мы гуляем. Мама впервые согласилась остаться с дочкой. У нас свобода, первая за почти что пять лет.

— А почему вы не на море поехали?

— На море можно и с ребёнком, а вот по музеям нет. Я в детстве любила читать про Египет, а тут горящая путёвка попалась.

В детстве! Марина не выглядела старше её сестры, да и Паша тоже. А этот египтянин был явно старше тридцати. Да и чёрт с ним! Козёл... Ему повезло, что он её не поцеловал. Она бы ему хорошо влепила за это!

Торт и кофе были великолепны. Сусанна даже забыла про злополучного соседа, но потом у неё вдруг зачесалась спина. Реза, должно быть, уже в зале, потому что объявили посадку, и он должен был пойти одним из первых. Только бы не видеть его отвратительных глаз. И Сусанна решила не оборачиваться, пока не объявят общую посадку. Однако же, когда она поднялась следом за Мариной, чтобы встать в очередь, она увидела Резу у стойки. Неужели ждёт, что она передумает! Действительно козёл! Но Реза, едва шевельнув губами в улыбке, прижал к груди сумку, слишком большую для деловой, и скрылся в посадочном коридоре. Сусанна выдохнула, надеясь больше с ним не пересекаться.

В самолёте Паша попросил стюардессу посадить Сусанну рядом с ними, и араб, сидевший подле них, с радостью согласился поменяться местами. Теперь взлетать было не страшно. И стюардессы казались милыми. Даже та, что принесла еду, хотя и была с покрытой головой. А вот соседи сзади оказались довольно нахальными. Они непрестанно колотили в кресло Сусанны. Но, может, и за дело, ведь из-за нервов и выпитого на прошлом рейсе, она слишком громко зачитывала Марине начало своего романа. Ей нравилась её

похвала. Жена Паши сказала, что поражена еёзнаниями. Ощущение, что писал настоящий египтолог.

«Родительские отношения между Пентауром и Нен-Нуфер дали трещину. Девушка отдалилась от воспитателя и больше времени стала проводить в пристройке с рабынями. А он продолжал жаждать встреч, день за днём с ужасом примечая, что её тело из подростково-угловатого превратилось в округлое и притягательное. Нен-Нуфер, как и следовало обладательнице такого имени, стала стройной и прекрасной, как лотос.

Пентаур видел довольно прекрасных женщин среди танцовщиц и прихожанок, закутанных в тончайший царский лен, но свято верил, что сердце его навсегда закрыто для них, потому что он отдался учению и не имел права на плотские утехы. Теперь же толстая корка безразличия пала с его сердца, и оно трепетало и обливалось кровью при одном лишь взгляде на Нен-Нуфер, которая, преодолев девичью стеснительность, вновь потянулась к учителю. Красавица глядела на него чистыми изумрудными глазами, не понимая причин отчуждённости, и жрецу требовалось много сил, чтобы солгать воспитаннице, сославшись на многочисленные храмовые дела.

Тело жестоко требовало близости, но Пентаур знал, что время брака ещё не пришло. Сейчас его мысли должны быть заняты лишь священными папирусами, во власть которых он сознательно отдал себя. Но рисунки не желали складываться в слова. Перед мысленным взором днём и ночью стояло её лицо. Девушка была настолько осязаема, что, казалось, один шаг и коснёшься её губ, но образ таял, лишь он пытался обнять его, и Пентаур со стоном падал на ледяной пол...»

И вот, к счастью соседей сзади, объявили посадку. Малюсенькие квадратики домов то появлялись, то вновь исчезали в тумане. Казалось, им не будет конца и края. Даже окна стали различимы, а аэропорт всё не появлялся и не появлялся. Дети плакали. Соседи кашляли, а Сусанна глядела с замирающим сердцем на песочные полосы. Посадка вновь оказалась мягкой, и она мысленно поздравила себя: «Добро пожаловать в страну пирамид, Суслик!»

Глава 3

Сусанна опустила телефон. Толку в сумеречной съёмке не было никакого, да и батарейка почти разрядилась, а хотелось сделать хоть один хороший снимок, чтобы послать родителям. Да и обыкновенные деревья, сменившие на трассе пальмы, не особо прельщали глаз. Только парочка минаретов заставила Сусанну оторваться от созерцания спинки переднего кресла. В отокаре к ней никто не подсел, и пришлось гнать от себя неприятные мысли относительно сложившегося о ней мнения. К отелю они подъехали уже в темноте, и после прохождения металлоискателя Сусанна действительно была рада получить ключ и закончить наконец этот дурацкий день. Они втроём зашли в лифт, и Сусанна навалилась на ручку своего чемодана.

— Ты действительно не хочешь поужинать? — Забота Паши стала действовать на нервы ещё больше. — Внизу есть нормальный паб. Я пить тебе, конечно, не предлагаю...

Он хихикнул, а Сусанна сжала кулаки. Марина выглядела скорее раздражённой, нежели уставшей. Ещё бы, она ехала сюда, чтобы вспомнить с мужем счастливые денёчки, а не для того, чтобы тот пас малолетку, которой первый встреченный араб предложил деньги.

— Наши номера совсем рядом, — заключил Паша в коридоре, когда жена уже взяла его

под руку. — Мы утром зайдём за тобой. У нас первая половина дня свободная. Можно в музей через дорогу сходить. На мумии посмотреть.

Сусанна кивнула и поспешила вставить ключ. Конечно, шансы столкнуться с Резой почти равны нулю, но думая о музее, она произвольно подумала и о нём. В первую очередь надо привести волосы в божеский вид и приготовить на завтра длинную юбку, чтобы никто не думал больше подходить к ней с непристойными предложениями.

В номер никого не подселили, и она швырнула рюкзак на сдвинутые вместе полуторки. Если бы сестра была рядом, ничего подобного бы не случилось, а теперь надо попытаться поднять себе настроение, испорченное арабской выходкой. Она подключила планшет к гостиничной сети и послала родителям сообщение. С ней действительно, к счастью, всё в порядке. И завтра тоже будет всё хорошо. Она пойдёт в музей, о чём и написала родителям.

Незакрытый файл романа заставил Сусанну присесть в кресло у окна.

«Нен-Нуфер продолжала жить в пристройке вместе с прислужниками и храмовыми невольниками. Она помогала собирать целебные травы, иногда убирала пыльные помещения и даже стирала. Девушка не брезговала никакой работой, но ей почти ничего и не поручали, потому кожа её не огрубела, как у молчаливых невольниц, и не страдала от палящего солнца. Нен-Нуфер редко появлялась в самом храме. Только на великие праздники можно было заметить её в толпе прихожан. Но случалось такое, что она тайком пробиралась к Пентауру, когда тот спасался от тревожных мыслей в высокой башне храма. Она садилась у ног молодого жреца и подбирала оброненные свитки.

— Ты научил меня читать, Пентаур. Но я не понимаю значения написанного. Я, наверное, глупая?

— Нет, — отвечал тот, едва совладав с трепетом тела. — Ты умнее многих девушек Кемета. Просто есть тайны, открытые только жрецам.

Он брал из её рук папирусы и нёс в хранилище, но Нен-Нуфер продолжала сидеть на каменном полу, не желая уходить.

— Ты такой умный, Пентаур. Ты знаешь столько неведомых мне вещей. Это прекрасно обладать знаниями.

— Да, знания — это дар богов. Мудрость — это божественный свет, дарованный избранным. Я не знаю многих тайн, которыми владеют верховные жрецы и наш досточтимый Амени. Но и они не знают всего. Всё могут знать только великие боги. И земной бог, фараон.

Нен-Нуфер задумчиво смотрела в пол. Пентаур отодвинулся на циновке как можно дальше, чтобы даже краем одеяния не коснуться босых ног девушки.

— Наверное, он общается с Амоном лично.

— Ты о ком?

— О его святейшестве — да живёт он вечно.

— Земные связи фараона нам известны, о небесных же знают только боги да он сам.

В небе уже таяли звезды. Пентаур часто встречал рассвет, склонившись над столом. Только вот Нен-Нуфер давно должна была вернуться в пристройку. Мучительные и сладостные минуты её присутствия казались одновременно вечностью и мгновением. Он уже сполз с циновки и оказался в самом углу башни. Ранним утром Амени иногда поднимался к нему, и застань он его наедине с Нен-Нуфер, не достаточно будет слов, чтобы защитить её честь и свою собственную. Даже любовь не могла затмить его желания добиться высокого сана. Слишком долго он стремился к своей цели, чтобы одним махом разрушить

многолетние труды, хотя порой её близость становилась настолько мучительна, что он готов был отдать всё за минуту счастья, которое можно найти только в её объятиях.

— Ступай, Нен-Нуфер.

Когда Пентаур не вышел из темноты проёма, девушка поднялась с пола и направилась к нему, чтобы поцеловать руку, как всегда делала при прощании, но жрец отмахнулся от неё и зло повторил просьбу оставить его одного. В полумраке её едва скрытые одеждой формы были соблазнительны, как никогда прежде, и Пентаур впервые действительно испугался не справиться с желанием, но боль в любимых изумрудных глазах была сильнее огня, сжигавшего тело.

— Ты сердисься на меня, Пентаур?

Он не мог слышать грустные нотки в обожаемом голосе и почти простонал:

— Нет, Нен-Нуфер. Ступай. Сейчас сюда придёт Амени.

Девушка вздохнула и стала медленно спускаться по огромным ступеням. Она знала их, как свои пять пальцев, поэтому и в темноте безошибочно находила опору для своих маленьких ног. Она не боялась тёмных тайн храма. Её не пугали высокие изваяния богов. Она с детства скользила между ними, подобно лёгкой тени. Когда Нен-Нуфер дошла до пристроек, тусклая луна ушла за тучи. Для сна оставалось всего пару часов, но мысли путались и мешали заснуть. Девушку пугала внезапная холодность молодого жреца. Она пыталась, как прежде, веселить его, но от её шуток он становился только мрачнее и уходил. Теперь чтобы увидеться с ним, приходилось долго искать его и ждать, когда он наконец останется один. Она понимала, что наставник загружен работой, но ведь даже верховный жрец находит время для отдыха и общения с детьми, которые вместе с матерью живут в прекрасном городском доме...»

Сусанна взяла со столика бутылку с водой и отёрнула плотную, цвета нильской воды, портьеру. Нил, чёрный в ночи, почти подбирался к окнам гостиницы, а подсвеченный мост уносился на другой берег, где мерцали загадочные огни. Она вернулась за телефоном и загрузила «Вконтакт» пару снимков, оставив их без подписи. Потом попыталась разобраться с кондиционером, но безуспешно, потому вернулась на крохотный балкон и уселась с планшетом на приступок.

«Нен-Нуфер любила смотреть с храмовой башни на город. Днём отсюда можно наблюдать за ремесленниками, мастеращими посуду на порогах своих глиняных домов, и крикливыми продавцами фиников и сладостей, снующими между прохожими. Когда маленькая Нен-Нуфер впервые увидела, как вооружённый человек избивает безоружного, она кинулась к Пентауру, чтобы тот остановил безобразие, но жрец лишь улыбнулся:

— Городская стража следит за порядком. Эти люди — воры. Тебе не следует их жалеть.

И Нен-Нуфер перестала их жалеть и даже не отворачивалась, когда стража жестоко расправлялась с ворами. Лишь переводила взгляд на более интересное. Например, красивые носилки, которые несли темнокожие рабы в ту часть города, где рядом с царским дворцом высились дома знати. Она видела богатых людей в храме и любовалась украшениями и тончайшим льном их одеяний, но никогда не просила жреца о подобных. Ей хватало простых белых одеяний и сандалий из тонкой кожи.

Вечерами, когда тьма опускалась на город, вокруг царского дворца зажигались сотни факелов, и до слуха девушки доносились смех и музыка. В эти минуты Нен-Нуфер мечтала побывать среди людей, которым дарована честь взирать на фараона, а может и того больше — прикоснуться к его руке, руке Бога. Она бы никогда не посмела этого сделать. Одно

дело прикасаться к изваянию, а другое — к тёплой руке... И тут же ругала себя за глупые мысли, ведь никто не смеет прикасаться к Божественному, это карается смертью. Только царицы и царские наложницы удостоены этой великой чести. Она пыталась разглядеть фараона во время великих праздников, но тот был окружен пышной толпой придворных и стеной телохранителей, чьи копья сверкали на солнце так, что приходилось щуриться.

Несколько раз Нен-Нуфер видела в храме царицу, приносившую богатые дары. Она не сомневалась, что Пта оставался доволен красивыми украшениями, тончайшими тканями, дорогими благовониями... О, да, эта женщина была достойна фараона. Её розовое тело светилось под тончайшими одеяниями, а прямые чёрные волосы струились вдоль плеч, ниспадая вперёд тоненькими косичками. Прекрасная диадема с дорогими камнями украшала высокий лоб. Она затмевала окружавших её красавиц, и даже рабыни выбегали поглазеть на неё, но Нен-Нуфер пряталась за колонной, считая себя недостойной взгляда супруги его святейшества. Прошло уже более двух лет с того дня, как она разбила с фараоном горшок, но так и не дала стране наследника. Может быть, поэтому она приносит такие богатые дары храмам.

Мучимая подобными мыслями, Нен-Нуфер взглянула в небольшое медное зеркало с ручкой в форме лотоса, которое недавно подарила ей жена верховного жреца. Оно лежало в небольшом деревянном ящичке вместе с гребнем и сосудами с краской — красной, зелёной и серой, которыми она до сих пор не воспользовалась, хотя прекрасно знала, что не безопасно появляться на солнце с неподведенными глазами. Не тронутыми оставались и бритва с щипцами. После холодной царственной красоты, Нен-Нуфер выглядела, как цветок сорняка рядом с прекрасным лотосом. С тяжёлым вздохом девушка спрятала зеркало обратно в ларчик. Божественный повелитель никогда бы не задержал на ней своего лучезарного взгляда, не коснулся бы рукой округлости её груди... Да как она смеет думать о вещах, которые должны вгонять в краску любую порядочную девушку Кемета. Да и как она вообще смеет помышлять о фараоне!»

Сусанна вздрогнула от ночного воздуха и решила закрыть балкон. Она зачиталась, а с душем тянуть было нельзя. Она не нашла в ванной фена, и надо было успеть просушить волосы до сна, а то завтра она проснётся с соплями и окончательно испортит себе каникулы. Краска с концов сходила достаточно легко, и настроение почти вернулось к Сусанне, когда она, наплевав на почищенные зубы, съела захваченную в самолёте шоколадку. Планшет остался открытым. Забравшись под одеяло, она стала читать дальше:

«Мысли Нен-Нуфер часто возвращались к царственной чете. Весь Кемет бы ликовал, принеси царица наследника. Нен-Нуфер тайком молилась богам ниспослать фараону сына. Как печально должно быть царице. А каково Божественному! Но разве услышат боги её тонкий голосок, когда они не откликаются на молитвы божественной супруги.

О, как она смеет говорить, что боги глухи?! Если бы Пентаур слышал, он бы велел наказать её палками, как провинившихся мальчишек в школе. Жрец ни разу не поднял на неё руки, даже не повысил голос, и оттого нынешнее холодное молчание было больнее побоев городской стражи. Она бы всё отдала, лишь бы только он никогда не сердился. Наверное, она не очень хорошо ведёт себя, но ведь верховный жрец не делает ей замечаний. Он даже сказал, что она сможет участвовать в таинствах, когда станет хорошей танцовщицей. С тем же рвением она учила шажки, пируэты, позиции, что и сложнейшие иероглифы. Ещё она научилась играть на флейте. Сначала она выучилась от других девушек нескольким мелодиям, а потом стала сочинять свои собственные. Когда Пентаур злился за неведомый ей

проступок, мелодии были грустными, но в другое время сладостные напевы искрились весельем. И вот наступил день, когда ей впервые предстояло участвовать в церемонии. С утра невольницы побрили все её тело, не оставив и единого волоска...»

Сусанна выскользнула из-под одеяла и вернулась в ванную. Как она забыла про бритву — по жаре ей не поможет никакой дезодорант! Заодно и зубы повторно почистит, дочитает главу и наконец уснёт.

«Нен-Нуфер стойко вынесла всю процедуру и смолчала, даже когда невольницы пустили в ход щипцы. Единственное, что они побоялись тронуть, были длинные светлые волосы. О, скольких трудов стоило несчастным закрепить на них чёрный парик с косичками! Они попросили её исполнить танец. Голова казалась невероятно тяжёлой, и при каждом прыжке Нен-Нуфер боялась потерять новые волосы, но невольницы постарались на славу, и парик остался на голове в первозданном виде. Затем они принялись за её лицо, подведя серым светлые брови и глаза, положили на веки слой зелёной краски и покрыли красным губы и щёки. Нен-Нуфер не могла узнать себя. Конечно, она не сравнится красотой с супругой Божественного, но будет выглядеть не хуже других танцовщиц, на которых она так часто заглядывалась, вздыхая над своей блеклой внешностью.

Танцовщицы успокаивали её, говоря, что на церемонии будут присутствовать лишь жрецы храма, и те простят ей малые огрехи, если вообще заметят их в таинственном свете факелов. Однако с самого полудня Нен-Нуфер не находила себе места, не веря больше в свои силы. Она повторяла и повторяла все позиции, боялась что-нибудь забыть и перепутать. И вот наступил вечер, но церемония задерживалась, и у Нен-Нуфер затекли от напряжения ноги. Она вглядывалась в сосредоточенные лица танцовщиц, сбившихся в стайку, ожидая, когда же наконец появится жрец и позовёт их, и ей становилось страшно, что она испортит им танец. И вдруг заиграли трубы... По толпе девушек пробежал ропот, а Нен-Нуфер от страха даже привалилась к колонне. Трубы возвещали о прибытии Божественного.

Началась служба, но Нен-Нуфер не слышала ни музыки, ни слов молитвы, ни пения — в голове вертелся лишь счёт, на который она должна была шагнуть либо туда, либо сюда. И вот танцовщицы рванулись вперёд, увлекая её на площадку, образованную высокими колоннами. Нен-Нуфер молила Хатор и Исиду помочь ей. Танец начался и закружил юную танцовщицу в божественном вихре, не оставляя более мгновения на размышления. Она ослепла, оказавшись в центре огненного кольца: не было больше ни танцовщиц, ни толпы прихожан, ни фараона, ни царицы, ни верховного жреца, ни даже Пентаура, который удостоился высокой чести вести службу...»

Сусанна отложила планшет и потёрла глаза. Светильник у кровати слепил не хуже факела, и она потушила его. Впереди была короткая ночь и длинный день. День, которого она так долго ждала. Первый день в Каире.

Глава 4

С утра воды Нила почему-то не сравнялись по цвету с портьерами, что несказанно огорчило Сусанну. Теперь сравнение зелени глаз Нен-Нуфер с цветом нильской воды звучало глупо. Если не предположить, конечно, что за последние три тысячи лет река изрядно посинела. В желудке было тяжело, как и на сердце, только не от горечи писательства, а от чисто английского завтрака. Сейчас она предпочла бы выпить чай с сухарями, которые продолжала есть в сером Питере сестра. Кто же знал, что в солнечном

Каире её поджидают блины в компании бекона и яичницы, после которых даже Паша решил голодать до самого ужина. И всё же Сусанна попыталась придать лицу серьёзное выражение.

После разговора по «Скайпу» улыбка будто приклеилась к губам клеем «Моментом». Сестра даже в полуживом состоянии не могла не сострить. Она попросила сестрёнку не заводить романа с арабским принцем. Сусанна едва успела проглотить готовую вырваться изо рта тираду про наглеца из самолёта. Для общего блага эту информацию следует придержать до возвращения, а уж тогда она не поспеет на живописные эпитеты, а сейчас дома никто не должен переживать за неразумную девочку. Да и ей самой нервничать возбраняется — иначе карандаш будет выделять в пальцах такие кренделя, что она не сумеет зарисовать ни одного выставленного в витринах музея украшения, которые фотографировать по какой-то дурацкой причине запрещено.

Сусанна подняла со столика блокнот. Едва продрал глаза, она зарисовала нечто, отдалённо напоминающее кобру. Или урей, символ силы жизни и смерти, украшение короны, которая снилась ей всю ночь. Только, к счастью, змея украшала фараона, а не ползала по кровати, иначе бы она криком поставила на уши весь отель, как сестра родителей. Суслик, ты слишком впечатлительна... И тебе точно не надо сегодня ни на мумий смотреть, ни в гробницу спускаться...

— Сусанна, ты там скоро?

Паша не ограничился стуком. Он дёрнул ручку, и дверь открылась. Суслик, пора научиться запирается. Ты всё-таки в арабской стране находишься!

— Салямалейкум, — изрёк Паша, а Сусанна поспешила исправить его:

— Ас-салам...

— Хватит ля-ля! Мы же договорились пойти к открытию.

Они действительно решили воспользоваться расположением отеля и заявиться в музей раньше толпы. Только перейти дорогу быстро не получилось. Они бы, наверное, пропускали всех до позднего вечера, если бы их не перенесли через улицу, словно на гребне волны, опытные туристы. У величественных сфинксов, украшавших подступы к музею, они чуть не споткнулись о рыжую кошку, которая, не обращая на восхищённые вопли Марины никакого внимания, устроилась погреться у львиных лап.

— Восток, дело тонкое, Петруха... — пропел Паша уже у белых ступеней, ведущих в величественное красноватое здание, где под высоким воздушным куполом скрыты сокровища, за которыми обе его спутницы зачем-то прилетели в Каир.

Они вместе решили исследовать западную галерею с саркофагами Древнего царства. Правда, Марина взяла аудио-тур, а Паша решил просто почитать таблички, но от взгляда Сусанны не укрылось скучающее выражение на лице спутника. Её саму не привлекали предметы погребения, она охотнее прилипла к витринам со статуэтками из камня и дерева.

Столкнувшись с Пашей у фигурки пивовара Нефера, она попыталась завести разговор о художественной ценности подобных объектов, но он тут же ретировался, сказав, что Марина убежала в следующий зал. И в этот момент он жутко напомнил ей сестру. С таким спутником она не посмотрит Каир. В мозгу Сусанны созрел отличный план — показать свою безумную заинтересованность экспонатами и желание провести в музее весь день, и наконец остаться без надзирателя. Отель через дорогу. С ней ничего не случится.

В следующем зале среди прекрасных барельефов выделялась огромная голова льва. Сусанна достала блокнот и скоро обнаружила подле себя Марину.

— Ты, выходит, не только писательница, но и художница, — сказала та то ли из

вежливости, то ли с ноткой сарказма, но уж точно не с восхищением. Сусанна не обиделась. Все взрослые одинаковы, подумала она с какой-то детской беспечностью, но за это на них, как считал Экзюпери, обижаться нельзя. Их следует пожалеть в их глупой взрослости.

— Раз фотографировать запрещено, я хотела зарисовать кое-что для... — Сусанна набрала в лёгкие побольше воздуха, но не для храбрости, чтобы произнести слово «роман», и не для пафоса, а потому что вдруг увидела в конце зала Резу, — романа...

Выдохнула и отвернулась, чуть не сломав грифель. Но через секунду поняла, что обозналась. Мужчина оказался более крупной комплекции и с поистине арабской тёмной кожей, хотя подле него шла девушка с непокрытой головой и яркими а-ля цыганскими серьгами.

— Давай тогда условимся о встрече у... — Марина опустила глаза в путеводитель. — Как раз у могилы Огюста Мариэтта.

Сусанна кивнула и уткнулась в блокнот, но лишь Марина покинула зал, тут же свернула к огромным плитам, некогда образовавшим вход в храм. Сердце предательски билось, поднимая в груди обиду из-за несостоявшейся встречи. Суслик, зачем он тебе? Ты-то понятно зачем ему нужна. Он сказал это прямо. И ты ответила — нет.

Миновав храмовые колонны и статую фараона Джосера, Сусанна влилась в толпу туристов, чтобы подняться по широкой лестнице на второй этаж, где сумела затесаться в группу американцев. Большинство экспонатов, со слов экскурсовода, находилось в Саккаре в гробнице канцлера Хемана. Сусанна никогда не любила групповые экскурсии, потому что, как и большинство завсегдатаев музеев, считала, что экскурсоводы всегда проводят мимо самых интересных экспонатов, но сейчас ей хотелось убедиться, что она понимает английскую речь. Арабский она точно не понимает! Да и витиеватые намёки на английском тоже может пропустить мимо ушей, если напорется на подобного Резе чудака.

Главное, как их предупредил групповод ещё в «Пулково», не улыбаться арабским мужчинам, потому что улыбка для них — зелёный свет для не очень чистых намёков, а она похоже слишком глупо улыбалась в самолёте, пытаясь понять, о чём её спрашивают. Теперь надо скрывать своё профанство в английском за каменной миной, а не улыбкой идиотки. А экскурсовода она понимает! И всё же у статуэток фараонов она замешкалась и потеряла американскую группу, а к русскоязычной решила не присоединяться.

Выйдя на лестничную площадку, Сусанна поняла, что толпа несёт её к саркофагу Рамсеса Великого, но билет в зал с мумиями она специально не купила. Сусанна развернулась и, окинув беглым взглядом украшения из слоновой кости, глиняную посуду и оружие, поспешила в залы, превращённые в настоящий древнеегипетский дом с меблированными комнатами. И сразу пожалела, что не надела, как все нормальные туристы, джинсы. Но делать наброски на весу оказалось невозможным и, подобрав под коленки юбку, она, как заправский студент-художник, стала усаживаться прямо на пол у понравившегося экспоната. Рисовала коряво, невнятно, но с душой — и даже подписывала описательные фразы.

Сусанна держала наготове арабское извинение «Эсфа!» на случай, если об неё кто-то споткнётся, ведь под конец она в прямом смысле переползала от кровати к табурету, от табурета к столу и так далее, и вскоре стала испытывать непреодолимое желание преклонить голову на валик и взять со стола кубок и выпить... Она тут же подскочила, чуть не наступив на собственную юбку. В самолёте она выпила предостаточно. С этой минуты она будет питьводу, как порядочная арабская девушка. Хотя порядочная арабская девушка

вряд ли пойдёт в галерею Тутанхамона.

Если бы она пришла сюда в девять утра, то уберегла бы спину и рёбра от толчков. Сусанна едва успевала вертеть головой, чтобы разглядеть всевозможные экспонаты: украшения, гробы, посуду, утварь — одним словом, всё, что нашли в гробнице юного фараона. Только у витрины с многочисленными статуэтками, изображающими Тутанхамона ребёнком, Сусанне удалось плавно вылиться из потока. Волна туристов устремлялась вглубь галереи, а она свернула в первый же зал и не ошиблась.

Она оказалась в комнате с замечательными свитками папируса, исписанными таинственными иероглифами, содержащими сведения о доходах фараоновой казны, о судебных делах в различных номах и даже любовные послания. И безусловно толстые свитки папируса с жизнеописаниями, на которые, якобы, ссылаются многочисленные литературные гении. Например, можно выбрать свиток с романом о Синухе. И свиток с её романом, а почему бы и нет...

Сусанна с трудом оторвала взгляд от каллиграфического почерка писца, от прекрасных виньеток, и после сотой попытки повторить иероглиф, она вырвала из блокнота лист, скомкала и сунула в рюкзачок. Теперь надо было прорваться в тот зал, куда она в действительности шла — зал драгоценностей.

Пришлось вновь пару раз обознаться и чтобы больше не глядеть по сторонам в поисках Резы, Сусанна уткнулась в чистый лист блокнота. Все толпились перед витринами с золотыми масками фараонов, среди которых была и знаменитая маска Тутанхамона. Она же, пройдя мимо золотой головы сокола, богато украшенного оружия из Фив и золотых подвесок, остановилась перед украшениями египетских цариц. Среди разнообразных серёжек, бус и браслетов Сусанна заметила кольца тонкой ювелирной работы, которые, конечно же, предназначались не для платежей, а только для украшения царственных ручек. Карандаш заскользил по бумаге, и вскоре Сусанна нарисовала целый поднос украшений, которые могла принести в храм Пта несчастная царица.

Она так увлеклась рисованием, что, должно быть, что-то ляпнула по-русски, потому что её вдруг достаточно грубо на родном языке попросили не мешать людям смотреть. Извинившись по-арабски и немного сконфузив недовольную даму, Сусанна глянула на телефон и поняла, что уже бессмысленно бежать в сад — Марина с Пашей явно ушли, наградив её неприятными эпитетами. Как она не подумала взять у них номер телефона!

Ни у саркофага египтолога, ни в кафе их, конечно же, не оказалось. Сусанна почувствовала нестерпимую жажду и решила разориться на бутылку воды. Устроившись на открытой террасе, она вытащила планшет, выкинула лист с жалкими попытками имитации письма писцов и принялась вбивать в файл фразы, которые сделала под рисунками, пока ещё не утратила способность понимать собственные каракули. Возвращаться в отель не хотелось — до ужина ещё было далеко, а здесь царил прохлад, потому она открыла продолжение главы.

«Слова слетали с уст жреца машинально — Пентаур не понимал смысла заученных фраз. Чад факелов окутал его, и среди общего гула он отчётливо видел лишь тело Нен-Нуфер, светящееся сквозь тонкое одеяние... Чем быстрее становились её движения, тем сильнее билось его сердце, и тем тише и прерывистей звучал его голос, и под конец праздника он превратился в шёпот, вызвав в толпе волну ропота.

Когда процессия жрецов сделала последний круг, Амени подал Пентауру знак следовать за ним. Когда молодой жрец вошёл за верховным жрецом в келью с толстыми стенами и

всего двумя скамьями по обе стороны от двери, сердце его забилось с удвоенной силой. Здесь обсуждают дела государства, сюда приходит сам фараон. Только нынче колесница Божественного покинула храм одной из первых.

Амени взглядом указал на скамью. Пентаур сел. Взгляд учителя недобро сиял в темноте. Впервые Амени пригласил его к себе после ночной церемонии. Объяснение тому было одно — Пентаур допустил оплошность и расстроил фараона, который оставил позади всю свиту. Быть может, в этот самый момент Его Святейшество ведёт возмущённую беседу со своим братом Сети, бессменным возницей фараона, и в другой свой приход в эту самую келью, вспомнит в беседе с Амени о нерадивости его жрецов.

Пентаур принялся перебирать в памяти слова молитв, которые читал. Он надеялся на память, потому что владевшие им мысли были далеки от благочестивых молитв к мудрому Пта.

— Я видел, как ты смотрел на неё, — нарушил тишину шёпот Амени.

Пентаур побледнел. Глупо отрицать очевидное, когда даже мимолётной улыбки не утаить от всевидящего ока наставника. Верховный жрец неспроста не зажжёт ни одного светильника. Ему достаточно было видеть глаза ученика.

— Если бы ты не был мне так дорог, Пентаур, я бы не завёл этот разговор. И взамен моей заботы я требую откровенности.

Не поднимая глаз на учителя, молодой жрец прошептал:

— Ты ведь всё видел, святой отец.

— Я видел в твоих глазах только похоть.

— Нет! Это не правда!

Пентаур утратил последнее спокойствие и, вскочив со скамьи, зашагал по скромной келье взад-вперед. Шаги гулко отзывались в тишине, но верховный жрец уселся на скамью и не спешил с продолжением, и когда наконец произнёс „Я знаю“, на глазах Пентаура уже блестели слёзы.

— Я знаю, знаю... Иначе б не беспокоился, ведь ты молодой мужчина, и ни один вельможа не поверит, что такой красавец к тридцати годам остался девственен. Подойди ко мне.

Пентаур сделал шаг к скамье, и Амени чуть ли не силой усадил ученика подле себя.

— К сожалению, в рядах наших жрецов не так уж и много благочестия, и ты всегда был оплотом моих надежд. Ты, как я, исто служишь богам. Твоё чело с ранних лет отмечено печатью мудрости, и ты сможешь многократно приумножить свои знания, если не променяешь дар богов на женщину. Я прекрасно знаю, как тяжело смирить плоть в юности и как напрасно пытаемся мы разбудить её в зрелые годы, когда нам дозволено жениться. Я познал боль и скорбь. Я, как и ты, обливался потом при виде тел танцовщиц, но Пта и Хатор укрепили мой дух, смирили плоть, и я достиг тех высот, на которых желаю видеть тебя.

— Дело не только в моей плоти, святой отец, — Пентаур вдруг почувствовал непреодолимое желание припасть к груди учителя, но не смел протянуть даже руки в стенах храма, где не прощают служителям слабости. Однако Амени сам притянул голову ученика к покрывающей плечо шкуре. — Я не чувствую физического влечения к другим женщинам, — шептал Пентаур, — хотя каких только красавиц не встретишь в нашем храме. Меня манит лишь она одна. Но я и люблю её, люблю так чисто, как любят нас боги, — добавил он быстро.

— Я в этом и не сомневаюсь, сын мой. Нен-Нуфер выросла на твоих руках, и ты

полюбил её, как любят дочь, но ты ей не отец, и твоё тело знает это. Но не мани даже тебя её тело, как любому отцу, тебе тяжело будет отдать её, но боги не оставляют нам выбора. Пришло её время.

Пентаур вздрогнул и взглянул с испугом на верховного жреца.

— Я не понимаю тебя, святой отец?

— Она переедет в мой дом, и там, возможно, к ней кто-нибудь посватается. Я понимаю, что шансы не велики. И всё же моя жена уверена, что ради её красоты кто-то забудет, что она найдена в реке.

Пентаур отодвинулся на самый край скамьи и уставился в пустой пол.

Амени поднялся, но успел опустить на плечо ученика руку, чтобы Пентаур не последовал его примеру.

— Ей уже пятнадцать, и моя жена второй год настоятельно рекомендует выдать её замуж, — он ещё сильнее надавил на плечо ученика. — Пентаур, ты не можешь сохранить Нен-Нуфер для себя. Не можешь. Ей пора становиться матерью, как того желает великая Хатор. А ты, коли пожелаешь, когда придёт время, получишь в жёны мою младшую дочь. Это будет честь для меня иметь такого зятя.

Не добавив больше и слова, Амени покинул келью, и лишь гул его шагов стих, Пентаур упал ничком на ледяной пол, как часто делал в башне после ухода Нен-Нуфер. Отдать её другому мужчине и учить их сына тайным знаниям писца — такова его судьба. Он знал это с первых дней своего странного отцовства, но дни казались тогда слишком длинными, чтобы позволять тревогам омрачать радость общения с девочкой, а теперь они летели вихрем и обжигали лицо, как горячее дыхание злого Сета...»

Глава 5

«Минул месяц с тайного разговора, и Амени будто забыл о нём. Ни словом, ни жестом не намекал больше верховный жрец на отъезд Нен-Нуфер и до сих пор не сказал самой девушке про возможное сватовство, но молодой жрец знал, что это лишь краткая отсрочка неизбежного конца его трепетного счастья. Он должен позабыть Нен-Нуфер, постараться забыть — как желают того боги, но ноги сами несли жреца к танцовщицам, и Нен-Нуфер не всегда догадывалась об его присутствии. Он прятался за колоннами и, убедившись, что она всё ещё в храме, и Амени не исполнил задуманное у него за спиной, спешил укрыться в своей башне.

Нен-Нуфер не занималась теперь сбором и приготовлением лечебных трав. Всё свободное время отдавала она музыке и танцам, заслуженно принимая от наставниц похвалу.

Девушка не нарушала больше запрета воспитателя и не тревожила его покой в башне, но однажды поздним вечером, едва лишь он разложил по краям папируса камушки, Нен-Нуфер появилась перед ним в прежнем простом льняном платье, которое уже едва прикрывало колени. Без золотых браслетов и ставшей уже привычной краски вокруг глаз, с растрёпанными волосами и прежней робкой улыбкой на приоткрытых губах.

— Не прогоняй меня! — чуть ли не выкрикнула она, когда Пентаур от неожиданности вскочил из-за стола.

Жрец рухнул на табурет и уставился в папирус, не видя больше иероглифов. Они закружились в неистовом танце, таком, каким на грядущем празднике вновь порадуют взор Божественного храмовые танцовщицы, и Нен-Нуфер в их числе.

— Зачем ты пришла?! — голос молодого жреца походил на приглушённый рык дикого зверя.

Девушка не шелохнулась, светлым облаком закрыв от него звёздное небо. Десять лун назад Амени вызвал его в келью и передал желание фараона знать благосклонность богов. И вот уже которую ночь Пентаур напрасно вглядывается в небо, не в силах по движению светил предсказать будущее своего народа. Пред глазами, затмевая звёзды, стояло лицо Божественного, и молодой жрец всякий раз закрывал глаза, чтобы не видеть больше пустой взгляд, которым наградил его фараон, когда в последний раз возложил дары к ногам статуи Пта. Следом шла царица, и сердце Пентаура сжалось, когда он увидел её бескровное лицо. Амени подтвердил самые страшные опасения — фараон решил получить у богов разрешение на поиск новой царицы.

— Во дворце ни для кого не секрет, что Сети прочит на место Никотрисы свою старшую дочь, но Асенат ещё так юна. Пройдёт по меньшей мере два года, прежде чем могущественная Таверет ниспошлёт девочке желанное дитя. И всё же фараон ждёт ответ от бога, и этот ответ принесёшь ему ты. Никому другому я не могу доверить судьбу Кемета, только тебе, Пентаур.

И вот Пентаур вновь лежал у ног Пта, обессиленный от молитв и страха своего невежества. Глаза болели от бесчисленных папирусов, которые он прочитывал, чтобы разгадать движения светил. И последнее, что сейчас нужно было ему — это борьба с собственной плотью, итак истощённой постом и ночными бдениями.

— Зачем ты пришла? — повторил он твёрже. — Я велел не тревожить меня в часы работы.

— Ты не спишь, ты не ешь.

— Откуда ты знаешь? — голос его дрогнул. — Или танцовщицам разрешено подглядывать за жрецами?!

Он так ударил кулаком по столу, что один камушек скатился с края папируса. Пентаур опомнился и вернул его на место.

— Почему ты так зол на меня? В чём я провинилась? Даже жена Амени больше не посылает за мной, когда приходит в храм...

Сердце Пентаура сжалось. То ли думы о фараоне не оставляют Амени времени на устройство судьбы девушки, то ли он давно всё решил и просто не желает отвлекать Пентаура лишними тревогами от выполнения приказа Божественного.

— Я уже который день прихожу к тебе, — голос Нен-Нуфер звенел от сдерживаемых слёз. — Но ты так занят, что не видишь меня, когда я стою у тебя за спиной.

Сердце Пентаура забилося сильнее. Неужели она следит за ним так же, как он следит за ней...

Нен-Нуфер отошла от лестницы и облокотилась на парапет, устремив взор на освещённый царский дворец. Пентаур остался за столом, хотя и понимал, что она ждёт, когда он, как прежде, встанет рядом. Минуты тянулись самым тягучим мёдом. Нен-Нуфер молчала и ждала. Ждала его. Сердце Пентаура сжалось, а потом заколотилось с такой силой, что подпрыгнуло к самому горлу, и будто неведомая сила подняла жреца на ноги и отнесла к парапету, где он забился в самый угол, чтобы даже вытянутой рукой, даже указательным пальцем не дотронуться до светящегося в темноте плеча. Но, увы, и на таком расстоянии ноздри щекотал приторный аромат притираний. От Нен-Нуфер пахло женщиной. Она выросла, и эти стены теперь не оберегают её, а прячут от жизни.

— Пентаур, — Нен-Нуфер придвигалась к нему, а жрецу некуда было отступать. — Ты такой умный, что можешь составлять гороскопы, — начала девушка. — Царица уже столько раз приносила дары, но чрево её остаётся пусто. Ты бы мог по звёздам предсказать, будет ли в этом году праздник в честь рождения наследника?

Он вжался горячей спиной в ледяную стену. Даже она ждёт от него ответа! Только он недостаточно умён, чтобы оправдать доверие Амени.

— Будь ты пятью годами младше, я бы просто улыбнулся на подобную просьбу, но сейчас я пойду против богов, если отпущу тебя без наказания за богохульство, — Пентаур поднял руку, и Нен-Нуфер зажмурилась, будто он и вправду способен был ударить её. Жрец опустил руку и сам зажмурился, не в силах видеть, как напрасный страх исказил любимые черты. — Супруга Божественного недосягаема для смертных! — Шёпот жреца раскатами цимбал отскакивал от пустых стен. — И ты не смеешь спрашивать Богов о подобном. У нас будет наследник, когда на то будет их воля. А сейчас ступай, а я стану молить, чтобы великий Пта не покарал тебя за своеволие. Ступай! Ступай! — уже чуть ли не выкрикнул он, когда Нен-Нуфер благодарно потянулась к его руке, чтобы поцеловать. И она, уже не сдерживая слёзы, бросилась к лестнице, а Пентаур уткнулся лбом в стену, моля Пта простить неразумность его Лотоса, а ему самому даровать силы выполнить поручение фараона.

Амени, поднявшись утром в башню, нашёл Пентаура спящим в том самом углу прямо на голых камнях. Верховный жрец присел подле него и накрыл рукой влажный лоб любимого ученика.

— Бедный мой мальчик, — прошептал Амени и склонился, чтобы поцеловать волоски, проступившие на уже давно не бритом затылке, но Пентаур проснулся раньше и затравленной кошкой отпрыгнул в скопившуюся в углу тьму. — Ты измучился. И это против воли богов изводить себя так, чтобы утро заставало тебя скорчившимся, подобно червяку.

Пентаур вскочил на ноги и склонился к покрытым белым полотном коленям наставника:

— Я больше не доверяю своим глазам, святой отец.

— Что ты видишь?

— Я вижу смерть.

Амени сжал ладонями щеки ученика, чтобы заглянуть в глубину тёмных глаз.

— Я не понимаю, чья она, — пролепетал Пентаур. — Позволь поделиться с тобой наблюдениями.

— Погоди, дай мне закончить с тем, зачем я поднялся к тебе, чтобы мысли о земном не омрачали наших божественных дел.

Пентаур склонился к руке жреца и отошёл в сторону, чтобы Амени смог подняться на ноги.

— Я долго размышлял над тем, что будет лучше для Нен-Нуфер.

Сердце Пентаура остановилось.

— Я наблюдал за нею весь месяц. Она не похожа на остальных девушек не только внешне, но и своим усердием. Ей уже открыты те знания, которые даны не всем дочерям царского дома, и наш Лотос не должен завянуть в нерадивых руках, — верховный жрец выдержал паузу. — Боги отдали её в храм, и здесь она должна остаться, но уже не в качестве сироты или прислужницы, но жрицы. Она достойна стать одной из служительниц Великой Хатор.

Пентаур отступил от учителя и простёр к нему руки, не веря услышанному.

— Я наблюдал за ней, — продолжал Амени. — Её дух сильнее плоти, и это божественный знак, который мы с тобой проглядели. И пришло время исправить ошибку. Я отыщу её после завтрака и скажу, что после грядущего праздника представлю её Тирии, верховной жрице Хатор...»

Сусанна вскинула голову, почувствовав чей-то пронзительный взгляд, но это просто солнце заглянуло на террасу. За всё время к её столику никто не подсел, ни из европейского, ни восточного мира. Похоже, у неё действительно было на лице зверское выражение. Сестра всегда говорила об этом, когда Сусанна при ней вчитывалась в написанный текст. Нет, три тысячи лет назад здесь было намного интереснее, и никакие платки не скрывали женских волос...

«Только Амени не нашёл Нен-Нуфер в пристройках, и одна из прислужниц указала ему на место, где следует искать девушку. Свернувшись, как кошка, та спала у ног статуи Исиды. Лицо хранило след недавних слёз, а измождённое тело вовсе не чувствовало холода. Амени долго стоял над скрючившейся девушкой, не решаясь потревожить ниспосланный богиней сон, но потом, испросив у Исиды позволения, присел подле спящей и осторожно коснулся щеки, укрытой светлыми волосами. Нен-Нуфер зашевелилась, но, увидев старого жреца, не отпрянула, как Пентаур, а тут же припала к его руке, будто у ледяных ног богини искала человеческого тепла.

— Я не помышляла ни о чём плохом, святой отец. Я только хотела ей помочь...

Амени сжал дрожащие плечи девушки и попытался поймать помутневший зелёный взгляд.

— Кому ты хотела помочь?

— Нашей царице...

И, зарыдав, Нен-Нуфер уткнулась в укрытые льном колени жреца. Амени опустил широкую ладонь ей на затылок и, дав время успокоиться, попросил рассказать всё по порядку.

— Я не знала о приезде царицы...

Вчера Никотриса одна с малочисленной свитой посетила храм, оставив скромное приношение, всего несколько украшений, но среди них Амени узнал ожерелье, которое всегда было на царице, когда та приезжала в храм на золотой колеснице фараона. На прошлом празднике Божественный повелел, чтобы царицу несли в носилках, и сейчас она отдала Пта последнее, что осталось у неё из личных подарков царственного супруга. Амени понял, что Никотрисе известно о просьбе фараона, и понимал, как и она, что только чудо беременности сохранит ей милость Его Святейшества.

— Я уже не могла уйти, — лепетала Нен-Нуфер. — Но я не вышла к ней, святой отец! Я спряталась за колонной и молилась, чтобы Хатор смилостивилась над нашей царицей и всеми нами. Я знаю, святой отец, что не смею поднимать глаза на жену Его Святейшества, и клянусь, что глядела только на статуи богов...

— Не плачь, милое дитя, хоть твои слёзы и чисты, а молитвы приятны уху богов. Мы все молимся о нашей царице. И твои молитвы будут куда сильнее, когда Хатор примет тебя в число своих жриц. После празднеств я отведу тебя к мудрой и прекрасной Тирии.

Нен-Нуфер поцеловала руку жреца, но лишь тот скрылся за поворотом, она с прежними рыданиями бросилась к ногам Исиды. Самые великие страхи свершились — её отдают Богине, обрекая на безбрачие, а ведь жена Амени обещала забрать её в город и отыскать жениха. Второй год в её теле расцветает красный цветок, и второй год её преследуют

странные видения, в которых её обнимают крепкие мужские руки. И, если раньше она считала себя плохой и, сжимая в руках крохотную фигурку Исиды, которую носила на простом шнурке, молила богиню простить ей мысли, которые не посещают порядочную девушку Кемета, то теперь, когда её, вместо молчаливых невольниц, окружали болтливые танцовщицы, поняла, что давно пришло её время подарить тело мужчине и стать матерью, ведь Никотриса всего двумя годами старше, а уже четвёртый год Великая царица.

Собрав последние силы, Нен-Нуфер поднялась с ледяных плит и направилась к пристройкам, только вместо того, чтобы позавтракать, собрала в корзинку лепёшки, сладкие финики и немного пальмового вина, к которому сама никогда не притрагивалась, но которого вдоволь было у невольников. Незамеченная она покинула храм и направилась в Долину Царей, моля фараона простить такое скромное приношение его отцу. Обычно она оставляла с ужина самое лучшее, но вчера она не ела, да и нынче не собиралась в гробницу, но плакать в храме Нен-Нуфер боялась. Амени мог увидеть её и осудить за проявление печали, когда сердце должно было возликовать от оказанной милости.

Когда её в числе прочих танцовщиц, наставницы первый раз отпустили в город, она не пошла с шумными девушками на рыночную площадь, боясь получить от Пентаура нагоняй за легкомыслие. Она последовала за плакальщицами и, отстав на половине пути от похоронной процессии, оказалась среди гробниц царского дома. Усыпальница фараона Менеса оставалась открытой, и Нен-Нуфер вошла под своды молельни и возложила на жертвенник горсть фиников, которые захватила в дорогу. Такого скромного подношения эти стены ещё не видел, и Нен-Нуфер склонилась перед дверью, за которой находилась статуя фараона, объясняя, что это всё, что у неё есть. И через мгновение поймала себя на том, что рассказывает фараону всю свою жизнь. И так, всякий раз, когда их отпускали из храма, она стала приходить к фараону, как другие приходят к родителям. И лишь перед духом Менеса она не скрывала своих страхов, тайных желаний и порой слёз, хоть всегда просила прощения за слабость.

С каждым днём путь в Долину Царей становился всё легче и легче. Путь, который даже ранним утром был под силу немногим. Она шла вдоль канала, по которому пять лет назад спустили погребальную лодку, и вода делилась с девушкой прохладой. Однако сейчас Нен-Нуфер не могла позволить себе отдых, потому что вышла слишком поздно и боялась, что на обратном пути тонкие подошвы сандалий не защитят ступни от раскалённого песка, да и в храме её могут хватиться, ведь она ушла без спроса, но фараон Менес поймёт и простит такой краткий визит.

Нен-Нуфер не знала, о чём станет говорить с ним. Она, должно быть, утомила его рассказами про Пентаура и необъяснимую холодность жреца. О царице и счастье его сына, царствующего фараона Тети, она просила всегда, но нынче в её глазах слишком много слёз, чтобы просить за царственную чету. Однако фараон Менес не простит ей жалоб на то, что ей выпала честь стать жрицей Хатор. И она не посмеет жаловаться. Ей, сироте и дочери чужестранцев, оказана великая честь. Или милость, которую она должна безропотно принять.

Нен-Нуфер прикоснулась к раскалённому песчанику, чтобы сглотнуть последние слёзы, крепче прижала к груди корзинку и вдруг услышала конское ржание. Прежде ничего не нарушало тишины раннего утра. Сердце сжал страх — что если её прогонят, приняв за рабыню? Или того хуже — обвинят в воровстве? Впервые Нен-Нуфер пожалела об украшениях, принесённых женой Амени. Надень она пусть самое простое ожерелье, ей

могли бы поверить, что она будущая жрица. А сейчас на ней старое платье, которое настолько мало, что пришлось по дороге надорвать подол, чтобы было удобнее шагать. Она влезла в него ради Пентаура, во взгляде которого читала неодобрение тонким одеяниям танцовщицы, и сейчас именно из-за его гнева она здесь, в Долине Царей, одна. Но боги и фараон защитят её от людской несправедливости, и Нен-Нуфер смело шагнула за угол гробницы. И тут же крик застрял в пересохшем от долгого пути горле. Всклоченная конская грива, визг колесницы, ужас в глазах возницы... От сильного удара её отбросило к стене гробницы. Стало нечем дышать, и после яркой солнечной вспышки наступила крошечная тьма...»

Сусанна зажмурилась. Ноги и спина ныли от долгого сидения, да и глаза требовали отдыха, но главной причиной ухода из музея стал всё же низкий заряд батарейки. Сусанна молилась, чтобы вновь отыскать волну туристов для пробежки между машинами, а там уж она как-нибудь самостоятельно добредёт до отеля. И ей повезло, кто-то даже нарочно затормозил, и она поспешила улыбнуться любезному водителю, прежде чем проскочить перед следующим автомобилем. Ближе к отелю толпа поредела, но Сусанну всё равно оттеснили к машинам, и тут ногу пронзила жуткая боль, и через секунду Сусанна обнаружила себя лежащей на земле. Над ней склонялись чужие люди. Фразы с различным только «файн» и «окей» смешались в неразборчивый шум. Она безрезультатно пыталась разлепить губы, чтобы произнести что-то членораздельное, но мысли разбежались, и она глупо смотрела в тёмные глаза. Молодой араб что-то говорил, но она не могла понять, на каком языке он к ней обращается. И вдруг услышала чёткую английскую фразу:

— I'll take care of her.

Сусанна сначала не могла поверить в её реальность, но спустя мгновение узнала и голос, и его носителя. Без костюма, но в аккуратной белой рубашке Реза, не глядя на неё, что-то быстро сказал парню по-арабски. Тот схватил валявшийся подле неё велосипед и умчался прочь. За спиной Сусанны послышался английский мат, из которого она поняла, что причиной её падения стал именно этот велосипед. Руки Резы легли ей на плечи и скользнули по рукам, и Сусанна как-то оказалась на ногах, но вскрикнула, едва ступив на ногу. Он, не долго думая, подхватил её на руки, и она едва сдержала новый стон, получив по плечу увесистой сумкой.

Сумка была всё та же, из самолёта. Сусанна не успела спросить, куда он собрался её нести. Реза шагнул к входу в отель и после очередного пререкания, на этот раз уже со служащим, передал ему сумку, но не отпустил Сусанну, а та и не противилась, потому что замерла, глядя на побелевшее тёмное лицо служащего, открывшего сумку. Реза снова заговорил, и служащий, рассыпая извинения направо и налево, протянул сумку хозяину, но тот явно потребовал, чтобы её донесли до кресла, куда он наконец усадил Сусанну.

Не спрашивая разрешения, Реза опустил перед ней на колени и задрал длинную юбку. Так же твёрдо, как он сжимал ей в самолёте руку, сейчас он сжал лодыжку, только вместо прежнего спокойствия Сусанна почувствовала боль. Он не мог не заметить прикушенной губы, но не произнёс и слова, просто стащил балетку и прижал пятку к своей ладони. Сквозь его короткие, но густые волосы вовсе не просматривалась кожа, и Сусанна молилась, чтобы Реза продолжал молчать и не думал поднимать головы, потому что её уши горели и уже явно подожгли щёки.

— *C'est pas grave*, — бросил он скорее себе, нежели ей, хотя она и поняла французскую фразу верно, потому что уже через секунду Реза сообщил по-английски, что с ногой у неё всё в порядке, и сейчас она должна попытаться наступить на неё.

На ладони, точно на лодочке, он опустил её ногу на пол и протянул руку. Могла бы заранее догадаться вытереть ладонь о юбку, а не сушить её теперь о жар его кожи. Каирец глядел ей прямо в глаза, и она поняла, что до сих пор он ни разу не улыбнулся. Взгляд тёмных глаз оказался настолько пронзительным, что она поспешила отвернуться к стойке регистрации, но пальцами свободной руки Реза сжал ей подбородок.

— Ты потеряла сознание, и я хочу убедиться, что ты в порядке.

Рука с подбородка скользнула под волосы и застыла на затылке. Сусанна не чувствовала там боли, и ей казалось, что ударилась она виском, хотя, может, это просто сейчас кровь ударила в голову, перекрывая всякие сенсоры, кроме одного, сжавшего пустой желудок.

— Как понимаю, ты одна, — его руки уже висели вдоль тела, и он даже отступил от Сусанны на один шаг. — Надо чтобы кто-то понаблюдал за тобой сейчас и отвёз к врачу, если ты почувствуешь себя плохо. Как понимаю, — он выдержал театральную паузу. — Это могу сделать только я.

Сусанна проглотила заполнившие рот слюни, но так ничего и не сказала в ответ, но, похоже, Резу молчание девушки более чем устраивало. Он уже говорил с портье, протягивая визитку.

— Если тебя вдруг станут искать, будут знать где... Или... — Реза вновь театрально замолчал. — Вернее будет сказать — с кем. Потому что я и сам ещё не знаю, где мы будем ужинать.

Сусанна уже сунула мокрую ногу в балетку, пытаюсь составить фразу, которая будет

звучать отказом, но не обидит каирца в случае, если он проявляет всего лишь заботу.

— Только для начала мы пойдём в музей, — продолжил он за секунду до того, как она попыталась открыть рот. — Как понимаю, именно оттуда ты и шла, когда я увидел тебя. Надо было окликнуть и помочь перейти улицу, но я, к сожалению, забыл твоё имя, а кричать Нен-Нуфер было бы слишком глупо...

— Эми Сусанна, — она попыталась робким арабским словом стереть гнусную улыбку с чисто выбритого лица, но Реза только шире улыбнулся и, успев по достоинству оценить её английский, решил не проверять верность заученных арабских фраз.

Сусанна на секунду прикрыла глаза, чтобы избавиться от белизны его зубов. Да, она действительно выглядит глупо, и он явно слышит бешеный стук её сердца и смеётся ещё больше. Суслик, если ты сейчас не скажешь ему твёрдо «нет», пожалеешь... Или лучше скажи «Фокек», чтобы он точно отвалил от тебя.

— Даже не надейся, что я оставлю тебя тут одну, — улыбка на мгновение пропала с лица, но тут же вернулась. — Идём, и расскажу тебе, почему наша сегодняшняя встреча неслучайна.

Реза не протянул руки и, подхватив напугавшую охранника сумку, шагнул к выходу, явно не сомневаясь, что она послушно последует за ним, как и надлежит делать в его мире женщине, но она не пойдёт. Она не из его мира. Она сейчас развернётся к лифту.

— Тебе больно? — Реза вернулся и взял её за локоть. — Мне показалось, что нога цела.

На лице больше не было улыбки, и в голосе действительно звучала тревога.

— Не больно.

— Тогда идём. И не пугай меня больше. Я и так ужасно напуган твоим падением. Давай же выйдем из отеля, и я расскажу тебе о своём страхе.

И Сусанна действительно шагнула за ним, хотя он убрал руку и вновь отдалился на подобающее здесь для незнакомых расстояние. Она пошла за ним из интереса. А что, Суслик, каждый день арабский принц делится с тобой своими страхами? Никто ведь не заставит тебя пойти с ним на ужин.

Глава 6

Реза не отпустил руки Сусанны, даже когда они благополучно добрались до решетчатых ворот, и даже усилил рукопожатие, будто она надумала пройти мимо музея. В этот момент он показался Сусанне слишком хмурым, и когда они подошли ко входу, между бровей его вовсе не осталось промежутка. Она полезла в рюкзак за билетом, который решила сохранить, как реликт — уж больно красивый был изображён на нём фараон, но Реза махнул рукой. Довольно грубо распахивая толпу, он протащил её мимо охранника и тут же оставил одну со словами:

— Я сейчас вернусь.

Сусанна отошла к стене, приготовившись к долгому ожиданию. Она не мечтала попасть в служебные помещения, но и не ожидала, что её бросят вот так без лишних слов. Не слишком-то вежливо, хотя поведение каирца ещё с самолёта не отличалось особой воспитанностью. С другой стороны, куда она пытается влезть со своим уставом! Удивительно, как он ещё не щёлкнул пальцами перед её носом, хотя она уже и так по струнке перед ним вытянулась, слушая по пути к музею изощрённейший бред. Он решил взять на себя вину за её встречу с велосипедистом. Вернее — на своё пожелание ей хорошего

отдыха в Каире. Он сглазил её, но провидение привело его на место преступления, давая шанс искупить вину. Может, каирец использовал иные выражения, но именно в такой бред преобразовал услышанное мозг Сусанны.

Она заглянула в витрину, стараясь увидеть в стекле своё отражение, а потом вспомнила про телефон. Да и вообще она не проверила, как он и его верный друг, планшет, перенесли падение. Оба, к счастью, оказались целы, и камера на телефоне показала суженные зрачки. С ней всё нормально! Можно уйти от этого сумасшедшего. Благо до отеля рукой подать. И падать она больше не собирается. И тем более в его объятья!

— Put your phone away!

От холодного приказа Сусанна чуть не выронила телефон и с трудом сумела запихнуть его в рюкзак. Пришлось даже на пол присесть. Вот, она уже верной кошкой у ног его сидит. Скорее выпрямиться и сказать, что она чувствует себя достаточно хорошо, и он больше может о ней не тревожиться. И Сусанна так увлеклась составлением фразы, что даже не отпрянула, когда пальцы каирца скользнули ей под волосы.

— Это туристическая дешёвка, но глаз Гора остаётся глазом Гора.

Сусанна вжала подбородок в шею, чтобы рассмотреть очутившийся на груди кулон. Аляповатая кругляшка с раскрашенным в яркие египетские цвета иероглифом, изображающий глаз. Очень мило и очень глупо.

— Здесь подобное носят от сглаза, — Реза произнёс это с таким каменным лицом, что Сусанне пришлось ещё раз напомнить себе, что сумасшедшим принято кивать. Она поблагодарила и уже открыла рот для заготовленной фразы, как Реза вновь сжал ей запястье.

— Завтра я принесу для тебя действительно стоящую вещь, а это выкинешь или подружке подаришь, как сувенир из Египта.

— Вы не должны мне ничего дарить, — сухо выдала Сусанна, пугаясь жуткого слова «tomorrow». Она не собирается встречаться с ним ни завтра, ни послезавтра, и тем более брать дорогие подарки. Он, кажется, не понял, что она отказала ему в самолёте. Или согласие пойти в музей он расценил, как нечто большее?

— Я сам решу, что должен, а что не должен.

Теперь его пальцы причиняли боль, но вырвать руку не представлялось возможным. Она могла только сделать шаг к нему или туда, куда он её тащил.

— Мы должны победить твои страхи. Пошли к мумиям.

— Нет! — вот тут она довольно чётко сказала своё «нет», но он опять не услышал его, хотя несколько человек обернулось, но никто не решил отстаивать права неизвестной женщины. Пришлось бежать за каирцем покорной собачкой, чтобы сберечь руку, которую он считал уже своей собственностью. И вот они у цели. Здесь либо притушили свет, либо у неё уже помутилось в глазах от наглости новоявленного знакомого. Зал казался потусторонним миром, где туристы превращались в медлительные тени, а ей хотелось спринтером пробежать до выхода.

Раскланявшись со служителем, Реза медленно повёл Сусанну между стеклянных витрин. Сердце бешено колотилось, но мумии не имели к этому никакого отношения. В толпе она вновь оказалась совершенно беззащитной перед этим ненормальным, как было и в самолёте. Страшно представить, что такое остаться с ним тет-а-тет. Он явно не дружит с головой!

— Ну, всё хорошо? Мумии не оживают и не хватают тебя, так ведь? Ну сама подумай, как глупы эти голливудские истории про оживших жрецов. У них мозг удалили тысячи лет назад. На что они способны без мозга, даже оживи их?

Сусанна не могла отвести взгляда от его каменного лица. Он умудрился сохранить ту же серьёзность, с которой надевал ей на шею амулет.

— Истории про зомби-мумий годны лишь для американских комиксов. Чего ты боишься?

— Я... — Сусанна выдохнула, когда Реза наконец отпустил её руку. — Я не боюсь мумий. Они мне просто неприятны.

— Неприятны? Да, погляди, какой милый фараон...

Рука Резы легла ей на плечо, и кожа под его пальцами обуглилась, как у лежащей в витрине мумии. Абсолютно тёмное вытянутое лицо с высохшими тонкими губами и таким же носом, ну и глаза с аккуратно подведёнными ресницами. Красавец...

— Если бы он открыл сейчас глаза, был бы как живой, — мурлыкал ей на ухо Реза, прижимаясь щекой к её щеке. Его кожа горела, а её покрылась коркой льда. — Посмотри ему в глаза, — не унимался каирец. — Быть может, твой взгляд сумеет оживить фараона, и он ответит тебе таким же пронзительным взглядом.

Рука Резы вновь скользнула ей под волосы, и Сусанне на мгновение показалось, что он сейчас разобьёт её лбом стекло витрины. Она зажмурилась, а когда открыла глаза, завизжала — вместо тёмных век на лице мумии горели два чёрных глаза. Но через секунду перед ней оказалась белая ткань. Она ткнулась в грудь Резы и едва не прыгнула ему на руки.

— Everything's fine, — шептал он ей в макушку. — Sorry for playing tricks on you. I'm really sorry.

Сусанна сползла по его брюкам на пол. Над ней тут же склонились несколько туристов, но она за клацаньем собственных зубов слышала лишь голос Резы, на повышенных тонах объяснявшегося с охранником. Потом он, как на улице, подтянул её за руки и приподнял пальцем подбородок. Она впиалась взглядом в его спокойное лицо.

— Я думал, тебе понравится шутка. Я ошибся. Ты слишком впечатлительна. Как можно было поверить, что мумия открыла глаза... — И он расхохотался в голос, наплевав на туристов, которые все до единого, не до конца понимая, что случилось, переключились с мумий на визжащую девушку.

— Что это было? — Сусанна не понимала, как вообще сумела задать вопрос по-английски.

— Ничего, — голос Резы вновь стал сухим. — Я просто развернул тебя к соседней витрине. Гляди, как они похожи... Только у одного глаза закрыты, а у другого открыты.

— Это не смешно, — Сусанна пыталась не смотреть в сторону глазастой мумии.

— А я уже признал свою глупость. И попросил прощения. Я, честное слово, не планировал пугать тебя. Я, поверь, не тащил тебя сюда за этим. Это как-то в момент пришло. Я обещаю искупить свою вину. С этой минуты ты больше ни в чём не сможешь меня упрекнуть, Нен-Нуфер.

Он протянул к ней руку, но она успела спрятать руки за спину.

— Меня зовут Сусанна.

Реза ничего не сказал и направился к выходу. Сусанна поспешила за ним, только сейчас заметив, что сумка как была при нём, так и осталась. На лестнице он перехватил её взгляд.

— Я опоздал. Они ушли. Придётся вернуться завтра. И я помню про подарок. Я всё помню.

— Со мной всё хорошо, — Сусанна опередила каирца на две ступеньки. — Я возвращаюсь в отель.

Но он перехватил её руку:

— Только после ужина.

— Я никуда не иду с вами, сэр.

Сусанна пыталась ускорить шаг, но ступеньки оказались нескончаемыми, или её просто продолжило трясти от пережитого ужаса, и потому она топталась на каждой из них по минуте!

— Я ведь попросил прощения, — Реза схватил её за руку. — Здесь недалеко на набережной есть ресторанчик с аутентичной кухней и танцовщицами. Я уже заказал столик. Ты голодная. Я голоден. Это ненормально, когда двое едят в одиночестве, когда могут поужинать вместе.

Сусанна вновь оказалась прижатой к его рубашке, радуясь, что даже по жаре этот ненормальный носит длинный рукав.

— А потом я уйду, — сказала она и, не получив за всю дорогу ответа, повторила фразу у ворот, надеясь, что каирец просто сделал вид, что не расслышал её.

Среди толпы он будет вести себя по-человечески, если вообще умеет это делать. На улице с ним не страшно. Вон он как заботливо прикрывает её от машин и пропускает вперёд, где не пройти вдвоём. Может, он действительно хотел пошутить? Это она, дура, не заметила, как он развернул её, и начала орать, как резанная. Ему на работе подобные проблемы не нужны. Это ты, Суслик, как обычно, откаблучила! Теперь бы в ресторане не опозориться!

«Недалеко» Резы оказалось величиной весьма относительной, и подвёрнутая нога, о которой Сусанна успела позабыть, начала ныть. Заметив хромоту спутницы, Реза сбавил скорость. Хорошо, на руки не взял! Такой может! К счастью, совсем скоро Сусанна смогла опуститься в плетёное кресло.

— Теперь я ещё больше чувствую себя виноватым, — Реза поймал под столом её ногу и положил себе на колено. — Не дёргайся.

Сусанна прикрыла глаза, чувствуя возвращение краски к побелевшему в музее лицу. В ушах монотонно жужжала разнообразная иностранная речь, и тут она разбавилась арабской. Сусанна распахнула глаза и едва не вскрикнула, вновь наткнувшись на блестящий тёмный взгляд, не сразу сообразив, что принадлежит тот уже не мумии, а живому официанту, который тайком поглядывать то на Сусанну, то под стол на её ногу. И Реза, поняв, что она сейчас попытается принять надлежащий для ресторана вид, только сильнее стиснул её лодыжку. Ну и шайтан с ним, Суслик! За сутки, что вы знакомы, он, кажется, уже всю тебя облапал, так что оставь ему ногу! Да и ты сама успела повалиться у него в ноги. Теперь бы добраться до отеля и снять этот дурацкий кулон. Завтра экскурсия в Гизу, и ты больше не увидишь этого сумасшедшего, а из отеля будешь выходить лишь под охраной Паши, и пусть Марина думает, что хочет!

Реза оттолкнул протянутые официантом меню и затараторил по-арабски, да так быстро, что официант бросил всякую попытку записывать и просто кивал.

— Я заказал единственное съедобное здесь блюдо, — улыбнулся Реза, когда парень отошёл от их столика. — В следующий раз выберем французскую кухню.

Сусанна поспешила спрятать глаза в мерцающий на столе фонарик. «Next time» прозвучало настолько многообещающе, что она непроизвольно прикоснулась к «глазу Гора», и тут же поняла, что только зря привлекла взгляд каирца к своей груди. Ничего, Суслик, пусть этот идиот думает, что ты в его руках. Или хотя бы твоя нога!

— Чай мы выпьем в другом месте, и ты увидишь настоящую жемчужину Каира, которой

местные девицы в подмётки не годятся.

Сусанна боялась глядеть ему в лицо, потому смотрела на пальцы, катающие по столу вилку, но и они нагоняли жуткие мысли, и даже нога на его коленях начала подёргиваться. Наверное, если бы он покупал её, то дал бы взглянуть хотя бы на цену в меню, чтобы она знала, сколько стоит в его глазах. Или он посчитал, что достаточно оценить качество публики. Ничего, Суслик, ты утрёшь ему нос. Нога отдохнёт, пусть и у него на коленях, и ты добежишь до отеля, как спринтер. Главное, не пить. И ничего, Суслик, что на тебя все пялятся. Уж лучше из-за ноги, чем из-за придурочного крика в музее!

Сусанна уставилась на пустую сцену в центре террасы, надеясь, что на ней так и не появятся танцовщицы. Не хотелось, чтобы он стал сравнивать её с ними, и тут уж, право, без разницы, в чью пользу будет сравнение. Она одевалась в музей, а не на свидание. И, кажется, даже толком не расчесала волосы! Но для него это не имело значения.

Вода в реке начала темнеть. Терраса наполнялась народом, и из-за голосов посетителей ещё недавно громкая музыка стала совсем тихой, или под пристальным взглядом каирца Сусанна просто перестала различать звуки. Мысли о «другом месте» будоражили не только мозг, но именно мозг пытался сообразить, как поставить крест на этом небезопасном знакомстве. Пока отель находится в пешей доступности, надо извиниться и уйти. Если он затащит её в машину, всё пропало.

На тарелке, которую официант с улыбкой придвинул Сусанне, в оранжевой смеси выделялись бугорки зелёного горошка и вздутости белка. О, боже! Почему она раньше ничего не читала о кухне Магриба! Как это можно съесть?! Подняв глаза на Резу, вилка которого уже погрузилась в содержимое тарелки, она поняла, что всё же можно, вооружившись столовыми приборами.

— Это оджа с зелёным горошком, — сообщил он.

Сусанна благодарно улыбнулась — будто его объяснения что-то дали! Однако блюдо оказалось довольно вкусным, если не считать остроты. Сусанна вдруг поняла, что ненавидит перец. Но на сегодня это её единственная еда, и если запить всё водой, то она не воспаленится изнутри. Суслик, что ты несёшь...

— Возьми мою воду!

Сусанна подняла голову от тарелки и поняла, что на дне её стакана осталось всего две капли, а его стакан был едва тронут. Нет, в ней не разыгралась брезгливость. Ей не понравился взгляд — будто каирец испытывал её — прикоснётся ли она губами к стеклу, которого касались его губы... Она прикоснётся! Ей плевать! Обратный отсчёт последних минут уже пошёл! И тут фоновая музыка изменилась, если её вообще можно было слышать за аплодисментами. Зато разговоры сразу смолкли. Знойная восточная красавица, сошедшая со страниц «Тысячи и одной ночи», под ровный звон бубнов начала делать невероятные телодвижения. Сусанна непроизвольно передёрнула плечами — и возможно не только ими. Музыка и два стакана воды заставляли ёрзать в кресле. Она принялась шарить взглядом по ресторанчику в поисках заветного знака, но заметила лишь яркую итальянку, появившуюся из дальнего тёмного угла. Скорее всего туалет следует искать именно там. Сусанна дёрнула ногу и только тогда обнаружила, что одна за столиком. Неужто она так увлеклась танцем, что Реза смог не только незаметно исчезнуть, но и аккуратно переложить её ногу на

соседний стул, где лежала дурацкая сумка.

— Становится холодно.

Голос раздался за спиной, и тут же на плечи Сусанны лёг тёплый плед. Она подскочила, чуть не опрокинув пустой стакан. Реза поймал падающий плед.

— Я не хотел тебя напугать.

— Извините, сэр, — Сусанна выдохнула и решила, что садиться за стол уже не стоит. — Мне надо в туалет.

Реза указал на тот самый тёмный угол и сложил в руках плед, будто собирался дожидаться её возвращения стоя. Она не ограничилась мытьём рук, поняв, что дезодорант не выдержал мумий. Хорошо ещё она выбрала кофту без рукавов. Теперь пригладить волосы и чётко сказать заготовленную фразу. За дверью туалета гремели аплодисменты, и в проходе она столкнулась со звенящей монетами танцовщицей. На смену ей шла другая. Конвейер!

— Можем идти, — Реза продолжал стоять у столика, словно хищник, боящийся упустить жертву. Плед снова укрыл плечи Сусанны. Откуда он его взял? — Я заплатил за него. Теперь он твой, — ответил каирец на прочитанный в её глазах вопрос.

Сусанна глянула на лежащие на столе деньги, но по количеству купюр не смогла оценить цену ужина. Быть может, он в иные места просто не ходит...

— Я хотела бы теперь вернуться в отель, — под его взглядом язык переставал слушаться, и она, как зайка, набирала воздух после каждого слова.

— Выпьем чая, и я отвезу тебя в отель. Это не возьмёт много времени. Моя машина за углом.

И он крепко сжал её руку. Суслик, вырывайся сейчас, когда вокруг европейцы! Только язык прилип к гортани, но глаза, они говорили на понятном всем языке.

— Послушай, девочка, — Реза почти нагнулся к её лицу, чтобы их никто не слышал. — Я не давал тебе повода не доверять мне. Я не знаю, о чём думали твои родители, отправляя в Египет одну. Я не знаю, где был твой так называемый брат, когда тебе понадобилась помощь, и как ты вообще оказалась на улице одна. Я могу купить любую из этих девиц. Мне не нужна для этого ты. Я всего-навсего пытаюсь проявить заботу. Если тебе настолько противно моё общество, то я провожу тебя в отель, и ты можешь уткнуться в долбаный планшет, — Сусанна чуть не присвистнула, услышав из его уст «f-word». — Но если ты способна выдержать меня ещё два часа, я предлагаю посетить место, которого нет в туристических проспектах. Так ты идёшь?

Сусанна лихорадочно закивала.

— Это не то, что вы подумали, — голос звенел от злости на себя и на него. — Вы до смерти напугали меня в музее, сэр.

— Я уже извинился. Могу извиниться ещё раз, если это потушит в твоих глазах страх. Я не маньяк и не ожившая мумия. Я пытаюсь скрасить твоё одиночество. Попытайся сделать то же с моим. Не порть мне вечер.

Сусанна закивала. Реза схватил сумку и направился к выходу. Официант сказал что-то по-арабски, и Сусанна, почувствовав спиной долгие взгляды посетителей, крепче сжала на груди края пледа. С реки веяло прохладой. Реза сбавил шаг, вспомнив про ногу, которую продержал на коленях весь ужин.

— Почему вы постоянно держите меня за руку?

— Это показатель доверия у египтян, — улыбнулся Реза, ослабив хватку.

— Мне кажется, здесь не принято прикасаться к незнакомым женщинам.

Реза улыбнулся, и огонь его улыбки поджёг Сусанне уши. Зачем только она сказала это!

— Постараюсь перефразировать свой ответ. Это было принято в Кемете. А то, как арабы относятся к женщинам, меня раздражает не меньше твоего.

И что она должна сказать на это арабу? Но Реза не ждал ответа.

— Я не араб. Если забыть подаренные матерью глаза, во мне мало что есть от Востока. Впрочем, от европейца тоже — столько всего намешано — английская, французская... Сам шайтан не разберёт, какая кровь. Но я не мусульманин, ни на йоту я не признаю их религию, как, впрочем, и религию христиан... Отец как-то не удосужился взрастить в моей душе бога, потому как сам в него не верил. Но в мою порядочность можешь верить. Я сын джентльмена и никогда не воспользуюсь неопытностью девочки. На этом разговор закончим.

Впрочем, говорить уже было некогда. Они подошли к открытому блестящему «бумеру». Сусанна подняла глаза на добротный многоквартирный дом с огромными окнами и балкончиками, выходящими к реке.

— Вы здесь живёте, сэр?

— Нет, я живу на другом берегу. Здесь просто удобно парковаться, когда надо попасть в музей. И я люблю пешие прогулки. Когда, впрочем, нет этой дурацкой сумки. Хотя, если бы не она, я бы приехал на мотоцикле, и ты уж точно не села бы на него... Но это провидение, я уже сказал. И... — Реза невинно приложил палец к губам Сусанны. — Ничего не говори про мою машину, даже если она тебе нравится. Иначе ещё в аварию попадём.

Сусанна проводила взглядом удаляющийся палец, поймав себя на мысли, что Реза всё делает левой рукой — левша, что ли... Вот потому и в голове у него всё перевернуто! Ведь он серьёзно верит в сглаз.

Реза распахнул дверцу и, когда Сусанна села в кресло, попросил поставить в ноги сумку.

— Ехать не далеко, — добавил он, когда она поджала ноги. — И я не хочу поднимать верх. Мне нравится прохлада, которую дарит Нил. Но ты укройся пледом.

Только машина достаточно быстро свернула с набережной и затерялась в дебрях города, всё дальше и дальше удаляясь от отеля. Сусанна пыталась гнать от себя злые мысли, пока Реза задавал абсолютно ненужные вопросы про её семью, школу, Петербург... И в итоге вновь спросил, что она делает в Каире одна? Тогда Сусанна рассказала про неожиданную болезнь сестры.

— Я должен по-джентльменски сказать, что мне очень жаль твою сестру, но тогда я солгу, — губы сложились в ту же противную улыбку. — Я воспользовался пустым местом в самолёте и познакомился с тобой. Разве болезнь твоей сестры очень большая плата за это?

Сусанна решила промолчать. Любая фраза сейчас будет истолкована превратно. Суслик, кажется, ты обидела его, и очень сильно. А он действительно отложил дела, если они у него были, чтобы позаботиться о совершенно незнакомой ему девице. Пусть это ему ничего не стоит в плане денег, но он мог бы этого не делать, жалея своё время. Настоящий джентльмен, шайтан его возьми...

Сусанна украдкой скосила на него глаза. Реза действительно похож если не на англичанина, уж слишком смугл, то на француза уж точно. А глаза, если подвести краской, сойдут за глаза Гора. Восточная развязность только сбивает с толку, но, когда живёшь в египетском обществе, любая европейская кровь закипит. И английский у него идеальный — теперь понятно, отчего. Он его родной. Возможно, Суслик, это самый интересный день твоей поездки. Всяко лучше, чем сидеть за одним столом с Мариной!

Глава 7

Здание, в котором расположилось кафе, выглядело старым и обшарпанным, и всё же было на голову выше тех домов, в окружении которых они бросили машину. Именно бросили, потому что Реза даже не потрудился выровнять колёса. В подобном месте не то что сумку, плед оставлять страшно, но Сусанна промолчала, решив, как было велено, довериться каирскому джентльмену. Согревшись под пледом, она теперь с радостью ловила кожей отголоски бриза. Город то ли засыпал, то ли просыпался. Или вернее начинал жить иной жизнью. В домах гасли окна, потому что те, кто весело проводит вечер, давно переместились в иные четыре стены.

Ковры и добротные плетёные кресла прикрывали ветхость стен странного заведения. Ему действительно не нашлось места в туристических гидах, и потому среди посетителей не затесалось ни одного европейца и, конечно же, ни одной женщины. Мужчины сидели в креслах у стен, держа у ног кальяны. Глаза полузакрыты, арабская речь течёт тихо, размеренно, и их фразы так же длинные, как и их кафтаны.

Лишь бубен бьётся здесь пойманной птицей, и бризом с Великой Реки стонет флейта. Движения танцовщицы быстры и непринуждённые. На лице, чуть прикрытом тонкой вуалькой, совершенно отрешённое выражение. Веки опущены, и только огромные золотые круги в ушах отражают пламя светильников, заменяя девице искрящийся взгляд.

Реза не смотрит на сцену. Сусанна чувствует его взгляд на своих губах. Она не раскрыла рот от восхищения, ей просто нечем дышать. Над головами висит тяжёлое дурманное облако. И взгляды... Нынче как бы ни колыхнулся живот девицы, как бы упруго ни взметнулись шелка юбки, внимание мужчин всецело отдано Сусанне.

Шаркающей походкой подошёл старый официант, в длинной одежде трудно отличимый от посетителей. На круглом подносе, болтавшемся на трёх цепочках, чудом не расплескались две чашки. Он опустил обе перед Резой, и тот уже сам придвинул одну Сусанне, воспалённые ноздри которой уловили мятный аромат. Дым ровной струйкой поднимался к дурманному облаку, и Сусанна не рискнула сделать обжигающий глоток, хотя и мечтала избавиться от противной сухости во рту.

Красноречивость Резы пропала, лишь они заняли один из трёх пустующих столиков, почти прижатый к возвышению, на котором крутилась танцовщица, и только чудом её шарф не опускался каирцу на лоб. Реза будто глотнул дурману, хотя и не притрагивался к кальяну. Сусанна с радостью бы приняла такую же вальяжную позу, но не в праве была и на минуту потерять контроль над ситуацией. Зачем только он приволок её сюда. Она не мужчина, чтобы любоваться чужими женскими формами. Они могут вызвать лишь зависть, и, похоже, она уже начала её испытывать. А вот что ищет на её лице Реза, оставалось загадкой. Нынешний туманный взгляд ставил под сомнение сказанное им на террасе цивилизованного ресторана. Или там он был порядочным европейцем, а здесь в нём разыгралась материнская кровь? Разгадка этой метаморфозы может дорого ей обойтись. Надо быть начеку!

— Салам.

Бубны не смолкли, но на сцене уже кружилась другая девица, едва старше Сусанны, и ей хлопали и улюлюкивали гораздо охотнее, чем той, что под села сейчас к их столику на самый край кресла, в котором покоилась сумка.

Взгляд Резы не просветлел и не оторвался от лица Сусанны. В знак приветствия он лишь едва пошевелил пальцами левой руки, которой медленно крутил в центре крохотного

столика светильник.

— Сельма. Сусанна.

Она даже вздрогнула от чёткости произнесения своего имени. Сусанна была на все сто уверена, что Реза так и не запомнил его, раз ни разу не обратился к ней по имени.

Сельма качнула серьгами и едва заметно улыбнулась Сусанне. От этой улыбки мурашки побежали по спине. Девушка, по виду едва ли старше сестры, изучала её формы, как недавно сама Сусанна разглядывала её тело. Танцовщица явно осталась довольна своим превосходством. А Реза продолжал безучастно гонять между чашками светильник. Голос его звучал размеренно. Откуда-то даже появился едва приметный акцент, добавив речи восточного колорита.

— Сусанна — моя гостя из Санкт-Петербурга. Я рассказывал тебе про планируемую поездку. А это моя... — Реза намеренно сделал паузу, и Сусанна отметила, что твёрдым стал не только рот, но и взгляд. Он испытывает её. Но к чему? Какое ей, право, дело до его любовниц... — Ученица, — закончил Реза с лёгкой улыбкой.

— Он учил меня читать и писать, — добавила Сельма так зло, что её акцент стал невыносимо гортанным. — На арабском и на английском, — зачем-то уточнила она.

Реза смерил её злым взглядом, и танцовщица тут же опустила подведённые глаза в чашку Сусанны, и та в свой черёд поспешила сделать глоток, пока арабка не добавила к мяте яда восточной ревности.

— Он хороший учитель, — пробубнила Сельма, и в тот же миг словно восклицательным знаком на стол упал приподнятый Резой светильник.

— Я не нуждаюсь в твоих рекомендациях, женщина. И я не разрешал тебе садиться на этот стул. Разве не видишь, что он занят?

Сельма подскочила, как ошпаренная, и Сусанна от души пожалела танцовщицу. Куда подевалось пресловутое европейское уважение к женщине? Пусть и той, что торгует своим телом.

— Это оно?! — Сельма ахнула так громко, что у соседней стены даже опустили кальяны.

— Спокойно, женщина! — голос Резы остался тих, но стал стальным. — Это оно, и потому не стоит так кричать.

Сельма наклонилась к Резе и почти присела ему на колени, как раз туда, где ещё час назад лежала больная нога Сусанны. Суслик, с какой стати ты ревнуешь? И как можно ревновать к подобной особе? Она садится на колени ко всем. За это ей и платят.

— Отыщи свободный стул, женщина, пока твой брат не пристрелил меня.

Голос Резы продолжал звучать размеренно и тихо, но действовал на девушку подобно плётке. Сильно накрашенные ресницы дёрнулись, и Сусанна удивилась, как с них на румяные щёки не посыпалась тушь. Сельма осталась стоять, и Реза придвинул к себе кресло с сумкой.

— Сусанна, подойди тоже.

Первым порывом было подскочить на манер Сельмы, и Сусанна с трудом заставила себя подняться медленно и проплыть к креслу, отгеснив танцовщицу. Вернее та сама подвинулась, потому что пока Сусанна изображала из себя паву, Реза с опозданием добавил «please».

— Lucky girl, — процедила сквозь зубы Сельма.

— Shut up you woman! — теперь уже закричал Реза. — Watch your language!

Бедная танцовщица зажмурилась, но Реза бросил поднятый светильник на стол. Однако по реакции Сельмы Сусанна поняла, что он бывало и запускал им в неё, когда та не выполняла приказы с первого раза. Сумасшедший! Какой к шайтану англичанин!

— There is no such a thing like an evil eye in English... — пролепетала несчастная на ставшим почти арабским английском, приседая у ног Резы то ли от страха, то ли для того, чтобы лучше рассмотреть сумку, молния которой скрылась под его растопыренными пальцами. Реза смерил Сусанну таким же противным взглядом, но в обращённом к танцовщице голосе уже не осталось и следа гнева:

— Ты слишком много говорила, женщина. Твоё время танцевать. — Сельма с тоской взглянула на сумку. — Мы дождёмся тебя.

Сусанна решила вернуться к своему креслу, но Реза поймал её за запястье. Не твёрдо, как прежде, а даже немного нежно.

— Сядь, пожалуйста, подле меня, — Реза перегнулся через стол, чтобы переложить сумку на прежнее место Сусанны. — Пожалуйста, — повторил он, действительно вкладывая в слова просьбу, — Сусанне ничего не оставалось, как занять место сумки, раз та заняла её. Завладев её ледяными пальцами, Реза склонился к спрятанному за волосами уху: — Я никогда не спал с Сельмой и не потому, что боюсь её брата. Хотя я действительно его боюсь, — добавил он со смешком. — А потому что она мне не нравится. Я не люблю арабских женщин. Своей пассивностью они заставляют европейца чувствовать себя животным, если ты понимаешь, о чём я говорю? — Сусанна кивнула, чтобы только он прекратил подобный разговор и перестал наглаживать ей пальцы. — Эта девочка слишком много пережила, и я просто пожалел её, не требуя ничего в замен и не обещая ничего большего. Только Сельме не хватает ума понять этого. Так что не обращай внимания на её ревность, — Реза поднял их сцепленные пальцы к музейной подвеске, и та скользнула между ладонями. — Однако Сельма прекрасно танцует, ведь так? И ты не жалеешь, что променяла на меня свой долбаный планшет?

Сусанна кивнула, и в этот раз «f-word» в его устах прозвучало шутливо. Что правда, то правда, тело Сельмы создано для танцев и, наверное, для чего-то ещё... Сусанна с тревогой следила за пальцами Резы. Они отпустили «глаз Гора» и теперь тянули её руку к его губам.

— Почему у тебя такие ледяные пальцы?

Слова каирца были едва различимы, потому что губами он продолжал касаться костяшек её пальцев. Ледяные? Потому что мурашкам не хватает места на спине! Если он передышал дурмана, то она пока остаётся в трезвом уме. Пока, в трезвом... Сусанна потянула руку, но Реза не отпустил её пальцев, даже когда за его спиной выросла Сельма. Ему, видимо, доставляло удовольствие злить её, но танцовщица молчала, памятуя, небось, светильник.

— Допивай чай, — Реза наконец вернул пальцам Сусанны свободу. — И пойдём, иначе мне придётся завалить машину пледами, чтобы согреть тебя.

Сусанна вцепилась в чашку, чувствуя, что от её лица идёт не меньший пар. Страшно представить, что он может позволить себе в машине после заявления, что отдаёт предпочтения девочкам из Европы. Но куда ей здесь деться? Сельма спалит взглядом, и никакой Гор не поможет! Мята защипала прикушенный язык, как добротная щепотка перца.

— Отведи нас к себе.

Реза уже закинул на одно плечо сумку и за локоть подтянул Сусанну к другому плечу. К себе? Туда, куда уводят её те, кому слишком приглянулся танец... Затаившаяся боль из

лодыжки поднялась к коленке, и только рука Резы удерживала её в вертикальном положении. Сельма махнула рукой, указывая дорогу, закрыв шарфом и так затуманившийся взгляд Сусанны. Лилипутские шажки превратились в гигантские, с такой быстротой Реза проволок её по ставшему крохотным залу.

Сельма прикрыла дверь и даже опустила засов. Они оказались запертыми в камерке в три шага туда, в три шага обратно. С утыканых крючками стен свисали яркие наряды. Открытым оставалось лишь зеркало в резной подставке и диван, укрытый несколькими пледами, растревоженными, будто кто-то недавно из-под них вылез. Реза опустил сумку на диван и остался к ним спиной. Сельма тяжело дышала ей в ухо, и Сусанна считала секунды до того, как девица поднимет засов и выйдет, оставив её наедине с этим чудовищем.

— Come close to me, girls. I won't take it out.

Сельма толкнула её в спину, вложив в удар скопившуюся ревность, и Сусанна осталась на ногах лишь благодаря подставленной Резой руке, но рука тут же переместилась с локтя на шею, чтобы прикрыть несчастной рот.

— Я знаю силу твоего голоса. Сейчас не время орать, девочка.

О, боже, что он намерен с ней сделать?! Что в сумке? Реза уже открыл молнию и теперь свободной рукой вытащил тёмную полосатую ткань, и Сусанна прикусила ему палец, чтобы сдержать крик то ли испуга, то ли удивления. В неровном электрическом свете единственной лампы ей подмигнула зелёным глазом кобра. Пальцы Резы ещё немного расправили платок, явив на свет больше золота. В сумке лежала корона фараонов.

— Маш-ала! — ахнула Сельма, но тут же прикрыла ладонью рот, но в этот раз Реза улыбнулся по-доброму.

— Я не стану её доставать, ты уж прости, Сельма. И радуйся, что вообще увидела её. Надеюсь, завтра я всё же верну её в хранилище, — улыбка перекатывалась с одной стороны рта к другой, будто Реза прикусывал губы, чтобы не рассмеяться.

— В хранилище? Реза... Я думала, она не настоящая... Ты...

— Ты только что назвала меня вором, женщина! — перебил её каирец и быстро закрыл сумку. — Это реплика, но мои работы ничем не отличаются от оригиналов. А для кого-то это просто слиток золота. Ничего больше. Я устал таскать это с собой и объясняться с каждым встречным.

Сельма бедром отпихнула Сусанну, и та чуть не сорвала со стены наряд, пытаясь удержаться на ногах. Тонкие руки, унизанные браслетами, скользнули по белой рубашке вверх, и Сусанна была уверена, что девица сейчас вопьётся Резе в губы, но Сельма только подтянула к себе его голову и зашептала на ухо что-то очень быстро. К чему подобные предосторожности? Неужели подумала, что русская гостя понимает арабский?

Реза кивнул и мягко снял с плеч руки девицы.

— У тебя красивое имя, Санура, — глаза Сельмы продолжали сверкать, и их победный огонь опалил Сусанне щёки, но она не стала поправлять девицу. — Так зовут его кошку. Доброй ночи.

Сельма откинула задвижку за секунду до того, как в дверь постучали. Напарница явно была недовольна её задержкой, но, увидев, что в камерке та не одна, промолчала. Реза аккуратно повесил на плечо сумку и, как прежде сильно, стиснул руку Сусанны.

За порогом кафе растеклась тягучая южная ночь. Свет редких фонарей не рассеивал тьму. Теперь Сусанна без страха, вернее из-за невероятного страха, сама крепко сжала пальцы Резы, когда они свернули за угол, оставив позади шум кафе. Стало совсем темно,

будто фонари нарочно сговорились попутать гостью Каира. Однако Реза шёл бодро, не оборачивался, только спокойствие через его горячие пальцы не спешило передаваться Сусанне. Впереди улица сужалась в чёрную точку, а Сусанна сколько б не глядела, не видела нужного им поворота. Ни души вокруг. Песок и тьма, казалось, поглотили даже несмолкаемый городской шум, который не так давно заполнял эти улочки.

Сюрреалистический городской пейзаж с едва подсвеченными тенями домов заставлял дрожать. Или страх вызывало молчание Резы и лежащая в сумке золотая корона. Вдали ухнула сова, заставив Сусанну и вздрогнуть, и улыбнуться. Сова в городе? Однако уханье повторилось, ещё и ещё, совсем близко. Кажется, за поворотом, который всё не желал никак открываться взору. Реза вдруг сбавил шаг, прислушался и силой потащил Сусанну в сторону в появившийся из неоткуда проулок, настолько узкий, что не хватило бы места отворить дверь, если та всё же имелась в абсолютно ровной стене.

— Shut up! — прорычал Реза шёпотом, хотя Сусанна и не думала открывать рот. Она едва поспевала за ним. Пыль из-под его ботинок поднялась до её носа, заставив закашляться.
— Я же приказал молчать!

Он остановился так резко, что она влетела в сумку, упавшую с плеча ему на грудь. Реза тут же толкнул девушку себе за спину, и тогда только Сусанна увидела в узком проходе тёмную фигуру. Шаги были тяжёлыми и вымеренными.

— Не открывай рта, — прорычал Реза и даже стал выше ростом, полностью заслонив её собой. Сусанна ухватилась за вылезший из-под ремня край рубашки и обернулась — её встретила непроглядная тьма, а впереди раздалось противное, явно специально исковерканное, «Хуллоу». Сердце Сусанны забило сильнее. Отчего незнакомец не заговорил по-арабски... Корона. Как он узнал про неё? Сельма! Дрянь...

Реза ответил арабским приветствием, но ему продолжали отвечать по-английски, нарочно растягивая слова. Явно для неё, но почему... Какое отношение она имеет к содержимому сумки? Или эта встреча в тёмном переулке случайна? Но и тогда она не несёт ничего хорошего.

Рубашка промокла под пальцами Сусанны, но Реза будто превратился в каменную глыбу — похоже, и дышать перестал. Оно и понятно. Непонятно на сколько тысяч в его сумке золота... Незнакомец подошёл к ним почти вплотную, и Сусанна поняла, что он немногим старше её — просто засученные рукава тёмной куртки и небритость издали придавали ему зрелости. Облокотившись о стену, он даже вытянул шею, чтобы смерить её оценивающим взглядом, от которого у Сусанны затряслись коленки. Быть может, Реза бежал от него, охраняя совсем не корону...

— Do you know Umm Quwaiq, mademoiselle?

Араб пронзил взглядом один её глаз, потому как вторым она уткнулась в складку рубашки. Реза молчал, и она хотела молчать, как было велено, но рот открылся против её воли:

— What?

— Kind of owl, — губы парня растянулись в ужасной улыбке.

Вновь ухнула сова. Вдалеке или совсем близко, Сусанна от страха не поняла, и следовавшие затем слова мозг тоже отказывался понимать.

— Когда я был маленьким, бабушка рассказывала мне про эту сову, — парень закурил и продолжил говорить, зажав сигарету в уголке рта. — Она прилетает к жилищу людей лишь за одним, — он пожевал сигарету и сплюнул почти под ноги окаменевшему Резе. — Чтобы

увидеть кровь. Она может часами ждать и не улетать. Вы верите в вещие сны, мадемуазель?

Сусанна молчала, хотя парень выжидающе гонял сигарету из одного угла рта в другой.

— А мне бабушка говорила, что в них надо верить. Представляете, мадемуазель, вчера мне приснилась эта сова. Она сидела за окном и глядела прямо на меня. Я догадался, что она хочет увидеть мою кровь, а я боюсь даже самого маленького пореза, потому так редко бреюсь, — он провёл рукой по щеке, и Сусанна почувствовала, как от страха задёргалось веко. — А сегодня я услышал её уханье и до смерти испугался. Но тут же увидел вас и сразу догадался, чью кровь она желает видеть. Но, уверен, вы, мадемуазель, как и я, смертельно боитесь крови. Потому я испугался за вас и побежал следом, чтобы предупредить. Слышите её, слышите?

Сова ухала совсем рядом. Сусанна не сводила глаз со рта парня, но рот не двигался. Если это не настоящая сова, то бандит явно не один. Она почувствовала между лопатками боль, будто к спине приставили дуло пистолета, но обернуться не посмела. Почему же Реза молчит и ничего не делает? Она сильнее сжала его рубашку, теперь полностью вытащив её из-под ремня.

— Но вы-то, сэр, слышали от бабушки про сову, так чего бежали?

— Моя бабушка умерла до моего рождения, — выдал Реза ровным голосом. — Потому мне не довелось слышать арабских сказок, да и, по правде сказать, моя бабушка не была арабкой. Мне ничего не известно про сову, как и тебе, милейший, думаю, про него.

Реза разжал пальцы, но из-за спины Сусанна не видела, что оказалось на его ладони — быть может, он пытается откупиться от бандита. Парень отвалил от стены. И тут Сусанна догадалась о намерении Резы. Сейчас он подпустит его к себе, сожмёт пальцы в кулак и засветит арабу между глаз. Суслик, как ты могла в нём усомниться!

Только ничего этого не произошло. Араб сначала протянул руку, а потом брезгливо отдернул пальцы.

— В мире существуют легенды куда более древние, чем сказки твоей бабушки. Для всемогущего Ра кровь фараона и кровь Капри была одинакова хороша. Гляди!

Тут Реза резко проехался рукой с сумкой по стене и, когда поднял её к глазам араба, Сусанна заметила на запястье кровь.

— Твоя сова останется довольна, увидев мою кровь или вот эту, — Реза потряс сумкой. — Она в нынешнем мире, увы, стоит намного дороже этой девушки. Бери!

Он ударил сумкой в грудь араба, и парень осел под её тяжестью.

— Что там? — наверное, именно об этом он спросил по-арабски, и Реза ответил ему что-то коротко и сразу взял окровавленной рукой руку Сусанны. Парень отступил в сторону, позволяя им пройти.

Теперь Реза не бежал, но шёл довольно быстро. Только в этот раз Сусанна задыхалась ещё сильнее, глядя, как с запястья Резы кровь перетекает на её руку. Он отдал за неё корону, глазом не моргнув. Кто мог подумать! За вторым поворотом их дожидался «бумер», от которого тут же скользнула тень и растворилась между домами. Реза распахнул дверцу и стал ждать, когда Сусанна наконец подберёт пыльную юбку — как она не наступила-то на неё!

— А теперь, — Реза повернулся к ней спиной, — дорви уже до конца мою рубашку.

Сусанна вспыхнула и обрадовалась, что он отвернулся. Она так перепугалась, представив, что этот подонок может сотворить с ней, что и на секунду не подумала, что вытаскивать из брюк чужую рубашку не очень красиво.

— Я не шучу, — голос Резы был глух, но твёрд. — Мне надо перевязать руку, а в машине нет аптечки. Рви уже!

Сусанна чуть ли не ткнулась лбом ему в спину, пытаясь справиться с добротными швами. И после нескольких безуспешных попыток наконец протянула ему белую полоску.

— Перевяжи.

Руки тряслись, но кое-как она всё же сумела забинтовать запястье и нагнулась, чтобы зубами надорвать конец импровизированного бинта.

— Решила выпить мою кровь? Потому что мозги тебя, похоже, не интересуют.

Сусанна подняла глаза на его злое лицо. В уголках опущенных губ не затерялось даже малюсенькой улыбки.

— Спасибо, — прошептала Сусанна, кляня себя за попытку говорить с бандитом. Кто знает, может, не раскрой она рта, сумка осталась бы с ними.

— За что ты благодаришь меня? — теперь Реза усмехался, как прежде, то ли добро, то ли издеваясь. — Мы были в одной лодке. Они бы и тебя взяли, и сумку, а мне могли оставить на сдачу нож или пулю. Ни того, ни другого я не хотел. Ты же видела, что паренёк обкуренный. Как и вся компашка, небось. Сельма указала на них ещё в кафе. Сказала, что они не сводили с тебя глаз. Я принял это за ревность и не поверил, что они способны пойти за нами. В этих краях чужих людей обычно не бывает.

Реза продолжал стоять на улице, рассматривая ладонь, ни одним движением не показывая, что собирается сесть за руль.

— Никто не верит, что крохотный скарабей способен сохранить человеку жизнь. Измельчали людишки, а что людская кровь, что кровь жуков, для Ра одинакова. Может, скарабей даже счастливее человека. Что ему собственно надо — немного солнышка с утра, да тень в жару. Человек мог бы довольствоваться тем же, если бы не любил золото...

Сусанна почувствовала, как последние капельки чая испарились с языка, но всё же сумела выдать удобоваримую просьбу:

— Could we go to the safe place, please? And report them to the police...

Обкуренные бандиты в любой момент могли вынырнуть из темноты. У них оружие, а у этого дурака только Ра и скарабей. Золота у него больше нет.

— За что? Они нам ничего не сделали.

Сусанна кивнула. Да, ничего... Неужто эта сумка для него простительная мелочь? И почему он продолжает стоять на улице? И ещё привалился к машине так, что оголённый торс оказался прямо на уровне её глаз.

— Ра просто так не сводит людей в одном месте, — продолжал Реза медленно, словно тянул кальян. — Во всем есть смысл. Если бы не этот парень, ты бы никогда не обняла меня сама...

И каирец перекатился по машине так, чтобы видеть её лицо. Сусанна почувствовала, как у неё вновь зачесалось между лопатками. Чем Реза лучше того парня? Столько домов вокруг, но ни души, чтобы помочь, если он вдруг применит силу.

— Could we, please, go? — пролепетала она, следя, как ироническая улыбка Резы превращается в подобие той, с которой глядел на неё арабский парень. Суслик, ты обещала не ходить с ним дальше музея. Почему ты такая дура...

— They could return, — почти неслышно разомкнула губы Сусанна, видя его лицо совсем близко. Он только что заплатил за неё очень дорогую цену и теперь явно потребует взамен её тело, и она не сможет противостоять его силе...

— I'm waiting for them to return my belonging.

Сусанна вздрогнула. Реза едва слышно рассмеялся и уставился в пустоту улицы. В темноте вновь заухала сова, и Сусанна сжалась, пытаясь прикрыть грудь голыми руками, не в силах вытащить из-под себя плед. Приближающиеся шаги были быстрыми и лёгкими. Этот парень отличался от приятеля. Футболка и джинсы, чисто выбрит. Он сунул сумку в протянутые руки и рассыпался в извинениях, медленно отступая в темноту. Реза протянул ему на ладони жука и, наверное, предложил взять взамен короны, но парень в ответ дал дёру.

— You see? — Реза опустил сумку Сусанне на колени и укрыл выдернутым из-под неё пледом.

— Почему они вернули корону? — голос дрожал, слова прыгали, как караси на сковородке.

— Потому что она принадлежит мне, — ответил Реза только, когда сел за руль.

— Вам, сэр? А как же музей?

— Она сделана мной из моего золота с одного музейного экспоната. Так я зарабатываю на жизнь. Делаю идеальные реплики и продаю их в музеи или частные коллекции. И они всё равно лежат под стеклом, в отличие от муляжей саркофагов, потому что стоят очень дорого. А эти парнишки приняли меня за вора, только большего калибра. Теперь жалкие арабы не в силах сбыть сокровища гробниц, как было во времена моего прадеда. Собственно, он был такой же вор, только защищённый английским законом... И, думаю, он мучается на том свете, если тот свет вообще существует, — расхохотался Реза, включив зажигание.

Забинтованная рука дрожала на руле, но он продолжал вести машину очень плавно, и корона почти не подпрыгивала на коленях Сусанны.

— Знаешь, пусть они не верят в сов, но в проклятие фараонов теперь, благодаря Голливуду, верят все.

Он замолчал, и вновь его губы исказила хамская усмешка. Сусанна уставилась на дорогу.

— И вы верите, сэр?

— Больше, чем кто-либо из ныне живущих. В моей семье это проклятье вот уже век. Но скоро всё закончится, я верю в это. А ты... — Реза вновь усмехнулся. — Ты не пристегнулась.

Потянувшись за ремнём, Реза мягко прошёлся ладонью по груди Сусанны. Вжавшись в кресло, она почувствовала, насколько тверда спинка. Теперь, когда корона вернулась, она ему ничего не должна. Если только свечку в церкви.

— Куда мы едем? — срывающимся голосом спросила Сусанна.

— К тебе в отель, — паузу сдобрила абсолютно наглая улыбка. — Или ты желаешь отметить шампанским наше чудное спасение? Для этого я могу выбрать более цивилизованное место...

Многообещающая пауза. Зачем только она рот открыла. Он прав — ей за отсутствием мозгов следует молчать.

— Нет... В отель.

Сусанна прикрыла глаза. Он не посмеет зайти с ней в номер. В гостинице много людей, да и он уже засветился у портье визиткой. Не станет же он и там открыто домогаться её! Пальцы продолжали гореть от его поцелуя. Она не напрашивалась на ужин, и уж тем более не могла представить себе этот жуткий притон. Она дала ему понять, что отношения с ним её не интересуют. Она сказала это ещё в самолёте... Сказала. А почему тогда, Суслик, почти

в полночь ты сидишь в его машине, мокрая, как мышь, и держишь на коленях огромный слиток золота с драгоценными камнями. Пальцы через кожу сумки нащупали змею.

— А этой совы действительно не существует?

Реза усмехнулся.

— Существует лишь то, во что ты веришь. Ты разве это не поняла в музее?

По телу Сусанны прокатилась волна дрожи, когда она вспомнила светящиеся, словно два чёрных бриллианта, глаза мумии, так похожие на глаза самого Резы. Такими глазами он сканировал её в окруженье спящих домов. Хорошо он с ней поиграл, а может и до сих пор играет...

— Я верю в сны, — сказала Сусанна, только чтобы Реза не добавил ещё что-нибудь более ужасное или в который раз намекнул на желание переспать с ней. — Мне всю ночь снился урей. И вот, он...

— Спас тебя от посягательств подонков, — рассмеялся Реза. — Верь, если хочешь, в силу этой короны. Она стояла подле моей постели, и мне всю ночь снилась ты, и что? Ничего.

Сусанна ещё сильнее вжалась в кресло, боясь что рука Резы с коробки передач соскользнёт ей на колени, которые просверлили в юбке две тёмные дырки. Но Реза устоял на дороге и молчал. Улицы уже опустели, а если и попадалась машина, то Реза, не жалея скорости, обгонял помеху, и Сусанна радовалась, что он поднял крышу.

У отеля он бросил машину так же небрежно, как и в дебрях города, подхватил злосчастную сумку и предложил ей руку.

— Я провожу тебя до номера.

— Но ваша рубашка... — Сусанна ухватила за последнюю соломинку.

— Плевать!

Сердце колотилось от страха, но не дать руки она не могла и не могла просить помощи у охранника, который теперь даже не глянул на сумку и кивнул её хозяину, как старому знакомцу. Оставалось надеяться на английскую кровь Резы. В этой гостинице море туристов, рядом номера русских, того же Паши, англичанин в нём не позволит себе никаких вольностей... Во всяком случае можно будет закричать, если он, правда, не заткнёт ей рот раньше...

Она присела подле двери, не в силах справиться с замком на рюкзаке. Если бы только открылась дверь соседнего номера. Надо было случайно ошибиться и постучаться к Паше... Почему она не подумала об этом раньше.

— Тебе помочь?

— Вы можете уже идти, сэр, — пролепетала она, смотря на него снизу вверх.

— Я хотел бы оставить у тебя сумку. Я не хочу больше с ней ходить, — Сусанна медленно поднялась под музыку его слов. — Завтра с утра заберу. В восемь я уже могу попасть в музей.

Она открыла дверь, и Реза, не переступая порога, поставил сумку в стороне от двери. Сусанна не сводила глаз с забинтованного запястья. Зачем он это сделал? Зачем играл с бандитом? И вот эта рука приблизилась к её лицу и скользнула под волосы.

— Лайля-саида, — губы его едва коснулись её щеки, и рука исчезла.

Сусанна хлопала ресницами, не сводя взгляда с его губ. Сейчас он ещё что-нибудь скажет...

— Мистер Ат... Ат... — послышался в стороне чужой знакомый голос.

— Atherton. Reza Atherton. With sound «th». Good night! — с каменной улыбкой он обернулся к Сусанне. — See you in the morning, my queen. Take care of my crown.

Он подмигнул Сусанне и зашагал к лифту.

— Что у него с рубашкой? — Паша продолжал держать в руках визитку, и Сусанна вытянула её двумя пальцами со словами:

— Я порвала её.

Руки Паши скользнули в карманы джинсов.

— Я должен что-то понять или как?

— Восток — дело тонкое, Паша.

— Угу, ты, похоже, хорошо разобралась в нём вдали от родителей, — и тут же добавил: — Don't play with his crown, — вкладывая во фразу иной смысл.

— I'll play it safe, — улыбнулась Сусанна и, пожелав Паше доброй ночи по-арабски, захлопнула дверь.

Затем повернула замок. Если вдруг проспит, она не желает, чтобы Реза открыл ногой её дверь. Мог бы и не хамить Паше, а Паша мог и не мешать прощанию.

Глава 8

Сусанна судорожно набирала сообщение сестре. Порой она не говорила ей всей правды, но открыто лгала впервые, и ложь, к её собственному ужасу, выходила слишком правдоподобной — весь день бедный Суслик провела в музее и потом бродила от мечети к мечети, пока ноги не отказались её слушаться. Телефон разрядился, оставив несчастную без единой фотографии. Сил тоже не осталось, потому она завалилась спать и даже проспала ужин... Что она будет делать теперь, коль выпалась? Ещё сомневаешься? Роман писать... Или попытается заснуть снова, чтобы не клевать носом у Пирамид. Решилась ли она в итоге в них залезть? Конечно же, нет! А то, сестрёнка, ты меня не знаешь...

Нет, сестрёнка, ты меня не знаешь! Захлопнув планшет, Сусанна повалилась на кровать. Провод выскочил, так и не зарядив батарейку... Она не откроет сегодня текст, она даже в душ не в состоянии залезть. Хотя какой душ? Надо пожалеть соседей! Прошло ещё минут пять прежде, чем Сусанна смогла сгрести себя с покрывала и доковылять до столика, на котором заряжался телефон. Реза собрался в восемь уже быть в музее. Значит, может заявиться сюда в семь. Для сна остаётся шесть часов, или того меньше... Ей необходим душ, много-много геля и ледяной воды для встречи с ним, а сейчас лучше не откидывать покрывало — ноги её чернее, чем у бедуинки...

Она скинула юбку и решила укрыться покрывалом с соседней кровати. Сумка продолжала стоять у двери. Никто, кроме охранника, не знает про хранящийся в номере золотой слиток, а тот, конечно, не посмеет украсть корону, да и задвижку снаружи не открыть. Только спокойнее от трезвых мыслей не становилось, хотя она даже дверь на балкон закрыла, согласившись на духоту, ведь кондиционер так и не заработал. В конце концов Сусанна решила переложить сумку на пустую кровать. Она показалась ещё тяжелее, чем когда лежала на коленях в машине — каркас коробки, похоже, выковали из чугуна, или она настолько ослабла за вечер с Резой, что не способна поднять и килограмм. Больше никогда, никогда и никуда она с ним не пойдёт...

«Глаз Гора» кирпичом лежал на груди, но Сусанна решила не снимать подвеску. Сестра написала на прощание — весёлых пирамид тебе! Сусанна и тогда и сейчас сжала кулон.

Сейчас даже сильнее, будто ладонь Резы продолжала давить на её пальцы. Если он завтра принесёт в подарок украшение, она не возьмёт. Она должна сказать ему «прощайте, сэр» и убежать в автобус. Ещё надо извиниться перед Пашей и сказать, что он всё не так понял... Хотя что вообще можно было понять! Чёртова корона! Почему она не сказала Резе просто — я не хочу стеречь ваши вещи? Почему она делает всё, что он требует? Так же покорно, как дура Сельма! Не спит он с ней... Ага! Так она и поверила... Английскому её учит... Впрочем, Суслик, кажется, с тобой он делает то же самое... Реза, конечно, опустился до школьного уровня, потому что она и понимает его речь, но ведь пусть коряво, но отвечает... Хоть какой-то толк был от вечера! Но больше никаких уроков, мистер Атертон!

Сусанна попыталась зажать язык между зубами, но в итоге только зашипела, как кобра... Кобра на чёртовой короне! Сусанна показала сумке язык и подтянула покрывало к самому носу. Оно пахло гостиничной затхлостью, но нос особо не возражал, потому что усталость брала своё. Ещё хотелось побыстрее избавиться от тишины, которая вовсе не была покойно-молчаливой. Она скрипела, шипела, визжала и даже ухала... Именно ухала, как сова, заставляя Сусанну сильнее скрючиваться под старым покрывалом. Однако, лишь она закрывала глаза, звуки тут же усиливались. Тогда она пыталась смотреть в темноту, но на неё тут же надвигались пугающие тени.

Никогда прежде не думала Сусанна, что боится находиться в тёмной комнате одна. Она сжала подвеску с такой силой, что только чудом стекло не треснуло. Однако сон не приходил. Хотелось встать и засунуть в уши наушники, чтобы биты забили невыносимое ухање, но для этого следовало вылезти из-под одеяла, а это было выше её сил. Вот он, липкий страх одиночества, незащитности перед огромным миром, который не знает тебя и знать не хочет. Она сжимала глаза до слёз, и с сотой попытки сумела забыться кратким сном, но в нём было много теней, пыли и ещё больше сов. Сусанна вновь уставилась в темноту, проклиная задёрнутые портьеры. Ночные огни пустили бы в гостиничную каморку немного чужой, но реальной жизни.

Сусанна поджала ноги ещё сильнее, почти коснулась коленками подбородка. Тело требовало сна, а мозг страшился грядущих видений. Она обняла подушку и уткнулась в неё носом. Теперь собственное сопение стало походить на шорох. Тишина стреляла в ушах гулче скрипа старого пола. Сусанна поняла, что лежит уже без подушки и отбросила её в сторону, но тут же поняла, что перекатилась на соседнюю кровать и уткнулась носом в сумку. Та пахла не кожей, а каким-то знакомым ароматом, стойким и горьковатым, от которого Сусанна чуть не чихнула. Схватив подушку, она переползла на свою кровать и наткнулась на что-то ледяное. Темнота расступилась, и она увидела кобру — на её кровати лежала корона. Сусанна отпрянула и смяла рукой пустую сумку. Когда она достала её и зачем? Заспать такое невозможно!

Сусанна решила убрать корону в сумку, но лишь дотронулась до ободка, как золотая кобра издала злобное шипение. Венца не стало — кольца змеи раскрутились, и живая золотая тварь поползла прочь. Сусанна свесилась с кровати, будто и впрямь могла ухватить ускользящий змеиный хвост, но уткнулась вовсе не в ковёр, а в босые ноги. Не в силах выдохнуть, она скользнула взглядом вверх и, миновав прикрывавшую колени ткань, откинула голову, чтобы встретятся со сверкающими тёмными глазами.

Закричать не получилось — палец опустился ей на губы и скользнул по шее вниз к подвеске, застрявшей между грудями. Куда девалась одежда?.. Не крикнуть, палец запечатал губы, а глаза... Они вновь оказались против её лица, а потом скользнули к вытянутым ногам.

Как она оказалась на спине, если мгновение назад трогала ворсинки ковра?... Глаза, глаза вновь были рядом, и кроме них она не видела ничего. Но вот чернота, служившая лицом, качнулась, и Сусанна увидела кобру — вновь неподвижную, золотую. Вокруг горящих глаз проступило лицо, отлитое из того же золота, что и корона — чёрные ладьи глаз, неподвижные губы. Сусанна вдавила затылок в деревянное изголовье с такой силой, что слышала треск дерева. Золотых пальцев она не увидела, но почувствовала, как те заскользили по плечам вниз. Сусанна хотела подтянуть ноги, чтобы остановить скольжение ужасных рук, но ноги превратились в камень, намертво вдавив её в кровать.

О, нет, пусть их не поднять, но можно сдвинуть к краю, и вот уже первые каменные осколки — должно быть, пальцы — покатались по ковру, и следом пала каменная голова. Чудом глаза остались целы, она даже сумела их открыть, но остальные части тела продолжали падать с невероятным грохотом. Сусанна потянулась за ногой и поймала пальцы.

— Открой уже наконец!

Сусанна повела шей, с волос посыпалась каменная стружка. Темнота полностью рассеялась, и она вскочила с пола. Абсолютно голая. В дверь продолжали стучать.

— Сейчас!

Сусанна схватила с пола покрывала и, завернувшись в него, допрыгала до дверей.

— У тебя ровно час позавтракать и сесть в автобус!

Паша даже дотронулся до края её покрывала, будто проверял на реальность открывшее ему дверь чудо. Или просто заглядывал через плечо в номер. Она тоже обернулась: сумка продолжала спокойно лежать на кровати, а вот обе подушки валялись на полу. Сусанна откинула с лица волосы и промолчала. Главное, что в номере она была одна.

— Откуда у тебя кровь?

Сусанна уставилась на запястье.

— Это не моя. Реза порезался, и я запачкалась, бинтуя ему руку.

По лицу Паши скользнула едва уловимая усмешка.

— Который час? — вдруг дошли до неё предыдущие слова Паши.

— Пять минут десятого.

Сусанна не сдержалась, но к счастью с языка слетело английское ругательство.

— Именно так ты и выглядишь, бейби, — Паша продолжал разглядывать её с нескрываемым интересом, и Сусанна даже опустила глаза, чтобы убедиться, что не уронила с груди покрывало. — Через сколько за тобой зайти? Ты в кафетерии всех напугаешь.

— А...

Сусанна всё ещё пыталась скинуть остатки сна — вернее кошмара.

— Сколько тебе надо времени для душа? — повторил Паша, растягивая слова. — У тебя на одеться и поесть минут сорок максимум.

— Паша, — Сусанна подтянула покрывало к подбородку. — А ты давно стучишь?

— Давно, — усмехнулся он.

— И ты случайно никого не видел в коридоре?

— Случайно — никого. А что? — Паша опять усмехнулся. — Он свалил, даже не попрощавшись?

— Придурок! — Сусанна едва удержала покрывало, решив ответить на издёвку кулаком в грудь. — Он оставил вчера музейную сумку и должен был забрать её в восемь. Блин, — Сусанна отступила к кровати и уселась рядом с короной. — Я даже будильник не слышала, а он так орёт. А если Реза стучал... Блин...

— Что ты вчера пила? — Паша уже стоял в номере, засунув руки в карманы джинсов.

— Ничего я не пила. Я просто не могла полночи уснуть. Блин...

— У тебя же визитка есть. Позвони и узнай.

— У меня денег, небось, на звонок не хватит.

— Пополнишь баланс!

Сусанна проковыляла к столику. Визитка лежала под телефоном. Она набрала номер, но сработал автоответчик, на который от неожиданности она сумела наговорить только «Hi, this is Susanna...»

— Иди в душ! Я покараулю этого мистера «ТиЭйч-саунд». Фамилия-то у него какая-то не совсем арабская.

— Так он и не араб, — фыркнула Сусанна.

— Иди уже в душ!

Сусанна ногой подпихнула под кровать майку с трусами — должно быть, между забытьём и кошмаром ей стало невыносимо душно, но встать открыть окно она побоялась и потому просто скинула с себя всю одежду! Сейчас бы, ползая подле чемодана, не потерять покрывало...

— Сусанна, ты можешь поторопиться?!

— Ага...

Она никогда ещё так быстро не мылась и с таким ожесточением не драла волосы. По сарафану растеклись мокрые пятна, но на них было плевать. По голосам она поняла, что в номере её уже ждала Марина, а Реза так и не объявился.

— Я не могу оставить сумку в номере, — заявила Сусанна. — Там музейная ценность.

— Что ты теперь на Пирамиды не поедешь? — на Марине были короткие бриджи. Она стояла в позе Паши, только руки в карманы не влезали, и она держала их двумя пальцами. — Ты чокнутая, что ли? Из-за какого-то идиота не увидать то, зачем ехала в Египет...

— Мариш, не называй его при ней идиотом. Не понимаешь, что ли, — Паша сделал шаг к двери — Пусть сама решает, что ей важнее. Мужик или пирамиды.

— Что важнее?! Мы обещали её родителям присмотреть за ней. А она в первый же день бросила нас в музей ради этого козла!

— Марина! Хватит! Не твоё это дело.

— Не моё. Да она мне весь вечер испортила, — и она повернулась к Сусанне. — Знаешь что, девочка, если ты решила по мужикам здесь бегать, ты уж прямо скажи...

Сусанна сжала кулаки.

— Мы с ним по Каиру гуляли, он мне экскурсию провёл! — ложь была такая вязкая, что хотелось размазать её по физиономии Марины! Небось обзавидовалась вся, дура!

— До полуночи да? Интересно, что и где он тебе показывал...

— Марина! — Паша подтолкнул жену к двери. — Она решит всё сама. Ей уже шестнадцать!

Сусанна сжала складки сарафана.

— Я не спала с ним! — закричала Сусанна, наплевав на соседей.

Паша обернулся к ней и тряхнул за плечи:

— Сусанна, всё, проехали... Нам до этого, честно, нет дела. Давай сейчас ты поедешь со всеми, а вечером опять ему позвонишь. Или отдадим сумку портье. Хочешь?

— Это я проспала его приход! Это моя вина! И я его дождусь

— Мы тебя предупредили, — чуть ли не кричала Марина. — А ты делай, что хочешь! Только потом сама с родителями объясняться будешь!

Сусанна хлопнула дверью и уселась на кровать. Идиотка! Дура! Это было самое лестное, что она придумала для Марины, а потом принялась прибираться в номере, с ужасом вспоминая прикосновения золотых рук, и то и дело поглядывала на дверь, но та не открывалась.

Сусанна не знала, сколько просидела на кровати подле сумки, периодически ощупывая ту на предмет наличия короны. С волос уже не капало, время завтрака закончилось, отокар уехал после того, как она выслушала от групповода всё, что тот о ней думает и напоследок про снятие с себя всякой за неё ответственности, а Резы всё не было и не было... Теперь он сможет прийти сюда, наверное, только в обеденный перерыв и, возможно, даже пригласит присоединиться к нему, если не прибуёт за безалаберность! Будильник не прозвенел, она поставила его на завтрашние шесть утра, идиотка! «Глаз Горы» болтался на груди, напоминая про пожелание сестрёнки. Весёлая поездка к Пирамидам уж точно состоялась! Прямо как у Нен-Нуфер!

Сусанна схватила планшет, чтобы заглушить обиду и голод и подседа к распахнутой двери. Хотя бы на Нил посмотрит, а к Пирамидам придётся выбираться самостоятельно в свободный день. Всё равно она не собиралась по ним лазить... Брр...

Глава 9

Беззаботный шум Каира не заглушал звонкого постукивания клавиш:

«Нен-Нуфер с трудом приподняла веки и вместо палящего солнца встретила со тьмой. Тьма поглотила лик Бога и не желала возвращать. Теперь, среди прочих, будет дожидаться она дня, когда лёгкое перо Маат оценит вес накопленных за пятнадцать лет грехов. Теперь она уже ничего не в силах изменить — ни слова, ни действия — и решение Осириса будет твердо, как камень, на котором покоится её безжизненное тело. Она будет покорно ожидать своей участи во тьме и холоде и станет молиться, и тогда дни пробегут незаметно, и твердь камня станет мягкой и тёплой, как человеческое плечо.

— Открой глаза, девочка. Посмотри на меня, — гремело цимбалами в ушах, но, вместо

глаз, она открыла рот, чтобы выпустить на свободу стон. Это вновь был его голос, голос Гора... Но она ничего, ничего не могла ответить. Видно даже милость богов не властна над мёртвыми. И он ушёл, вновь оставив безжизненное тело на ледяном камне. Зачем только он возвращается к ней? Чем заслужила она божественную милость? Звон цимбал сменил лёгкий шелест. То, видно, змеи скользят по песку к её распростёртому телу...

— Я ведь знаю, что ты слышишь меня!

Она слышала, но не имела права разговаривать с Богом.

— Здесь больно? Ответь!

Тьма закачалась, и на смену ей пришёл свет, но Нен-Нуфер не зажмурилась. Она глядела прямо на огонь, за которым проступили очертания гробницы, последнего пристанища фараона Менеса.

— Пей!

Голове вновь стало мягко, и у губ задрожала чаша. Она жива, жива... И с ней вовсе не Бог... Тело его мягко и горячо, а её — холодно и неподвижно.

— Пей!

И то ли чашу наклонили слишком сильно, то ли она просто не сумела разлепить губ, только вино потекло по подбородку.

— Поднимись! — её подтянули выше, и в ноздри сильнее ударила терпкая смесь масел и разгорячённого тела. — Попытайся сделать хоть один глоток.

Она проглотила три капли, и тяжёлая голова откинулась обратно на мягкое плечо.

— Позволь мне вынести тебя на солнце.

Нен-Нуфер уткнулась носом во влажную шею, уколовшись ворсинками парика. Не открывая глаз, она считала ступеньки, и на последней её безвольное тело вновь почувствовало камень, но уже не ледяной, а обжигающе горячий. Шаги удалились, она вновь считала их, пока не сбилась, заслышав за спиной конское ржание. Скрежет колесницы, искажённое ужасом лицо возницы... Нет, сейчас оно абсолютно спокойно. Лишь краткий миг тёмный взгляд задержался на её лице, и мужчина вновь склонился к её ногам, и в этот раз с губ её сорвался не стон, а крик.

— Кость цела, — донёсся до неё далёкий шёпот. Она лежала с закрытыми глазами, не в силах противостоять боли. — Царапины глубокие, но крови почти не осталось. Терпи. Или кричи. Как тебе легче. Кроме меня и лошадей тебя никто не услышит. А я никому не скажу о твоей слабости.

По губам мужчины скользнула улыбка, и по щеке скатилась ещё одна тёмная капля. Он плакал.

— А ты, девочка, никому не скажешь, что видела мои слёзы.

Теперь он повернулся к ней полностью, и она в смущении отвела взгляд, ведь неприлично разглядывать людей — тем более любоваться их слабостью. Колени его прикрывал драный край юбки, от которой он оторвал приличный кусок, чтобы протереть вином её раны.

— Я почти поверил, что убил тебя, девочка, — свободной рукой он попытался вытянуть у парика волос, чтобы смазать со щеки поплывшую краску. — Ты так долго оставалась в беспамятстве, что я каждую секунду прикладывал к твоей груди ухо, — Нен-Нуфер потупилась, заметив на ярких губах улыбку, — А когда ты наконец открыла глаза, то назвала меня Гором, и вновь я потерял тебя так надолго, что у меня успели закончиться все молитвы.

Он подсел ближе и подложил ей под голову руку, и теперь Нен-Нуфер могла смотреть

лишь ему в лицо — даже с потёкшей краской он оставался красив, и Гор не станет сердиться на неё за то, что она обозналась.

— И ты никому не скажешь, что я сбил тебя. Это будет наш с тобой маленький секрет. Твой и мой. Никому, слышишь, девочка?

Она глядела на запачканную кровью ткань, которую возница продолжал держать на весу, не решаясь вновь опустить на рану.

— Я умею управлять колесницей. Я просто не ожидал никого на своём пути.

Она прикрыла глаза, готовясь к новой волне боли, и та не заставила себя ждать. Зачем он продолжает оправдываться? Она сама виновата, что высочила к нему под колёса. Даже в городе народ разбегается, заслышав конское ржание. Она не посмеет обвинить его. О, Великий Гор, забери от него эту боль. Он вынес достаточно, думая, что убил её.

Нен-Нуфер открыла глаза. Возница продолжал склоняться над её ранами, хотя боль в ногах стихла, переместившись в сердце.

— В последний момент я сумел развернуть колесницу, и тебя задело лошадью, а не колесом, — он замолчал на мгновение и, отбросив мокрую от вина и крови тряпку, уселся на ступени, чтобы смахнуть с колен крупные песчинки.

— Я узнал корзину, которую ты несла. Скажи, кто твои хозяева? Они не в первый раз посылают дары фараону.

— Это моя корзина, мой господин, — Нен-Нуфер попыталась приподняться, чтобы подтянуть ноги и хоть немного прикрыть разодранные колени остатками надорванного подола. — Тебя, должно быть, смутил мой жалкий наряд, но я не рабыня. Я — жрица Великой Хатор.

Нен-Нуфер ухватила за фигурку Исиды, прося Богиню простить невинную ложь, да и ложь ли это? Она танцует в честь Хатор, и в храме уже окончательно решена её судьба, иначе бы Амени лично не пришёл к ней. Полноватая верхняя губа возницы дрогнула в доброй усмешке.

— Если господин не верит, он может спросить о Нен-Нуфер в храме Великого Пта.

Улыбка мгновенно исчезла с его лица. Он поднялся и чуть заметно поклонился ей.

— Прости мне моё недоверие, Нен-Нуфер, и я непременно отблагодарю и Пта, и Хатор за то, что они уберегли меня от смертоубийства. Я ведь мог лишить храм и народ Кемета такого прекрасного цветка. Давно ли ты там? Отчего я никогда не видел тебя на праздниках?

— Разве можно заметить меня среди других танцовщиц? Перед Великой Богиней мы все равны, не так ли?

— Тебя невозможно не заметить, оттого, прости, я и принял тебя за рабыню. Прости меня ещё раз, но подобную красу мы, египтяне, добываем лишь силой в чужой земле, — прикосновение к волосам было кратким, но успело опалить огнём щёку будущей жрицы. — Кто были твои родители? Мы не ведём нынче войн, и ты должна была родиться в нашей земле.

— Я не знала их, — Нен-Нуфер вновь глядела вместо лица на колени возницы. — Быть может, их и добыли силой, а я выросла при храме Великого Пта.

— Я бы запомнил тебя, прекрасная танцовщица, — возница присел подле неё и приподнял за подбородок, заставив глядеть ему прямо в глаза. — Но я отчего-то верю тебе и понимаю, что у моей слепоты была иная причина.

— Светлые волосы укрыли париком. Вот и вся причина, мой господин.

— Тогда я возьму с тебя ещё одно обещание, — теперь в обеих руках возницы оказалось

по светлому локону. — Ты не позволишь сбрызнуть их.

Он убрал руки, и пряди мягко упали вдоль пунцовых щёк.

— Я не могу давать обещаний, которых не в силах сдержать, — голос Нен-Нуфер дрогнул. — Я буду делать то, что мне повелят.

— Так кто же велел тебе приносить дары моему отцу?

Нен-Нуфер, позабыв про боль, вскочила на ноги, но сильные руки остановили её, не дав опуститься на разодранные колени.

— Прекрати, жрица! Это я должен стоять перед тобой на коленях за то, что ты сумела отскочить от моей колесницы.

— Кто будешь ты, мой господин?! Сам Сети?

Она глядела ему в лицо, позабыв все запреты, и вновь его губы дрогнули в улыбке.

— Сети старше меня на три года, а выглядит так, будто и на все пять, — он даже рассмеялся. — И ты не встретишь Сети не в золотой колеснице. Меня зовут Райя, о жрица, о мой прекрасный лотос. Кто дал тебе это имя был очень мудр.

— Имя мне дал Пентаур.

При имени жреца улыбка исчезла с губ царевича.

— Это тот, кто не в силах прочесть молитвы?

Нен-Нуфер стиснула губы. Она сама слышала недовольный ропот в толпе вельмож, да и все в храме, вплоть до рабов, с неделю обсуждали неудачу Пентаура. Но неужто во дворце не забыли до сих пор!

— Он самый, — кивнула она.

— Амени не прав дважды, что допускает до таинств неумех и что прячет от нас такую красоту, — царевич потянулся, чтобы вновь коснуться волос Нен-Нуфер, но тут же отдернул руку. — Я сказал лишнего. Забудь мои слова, жрица. А сейчас нам следует вернуться к отцу. Я собрал все твои дары.

Нен-Нуфер опустила глаза:

— Да простит меня царевич Райя, что я приношу дары фараону.

— Отчего ты просишь прощения? Кто может запретить тебе?! Ты имеешь такое же право приходить к нему, как и я. И ты делаешь это всяко больше моего, не давая ему заскучать. Ему повезло больше сына, он видит тебя без парика.

Царевич сжал её плечи, и Нен-Нуфер опустила глаза, не в силах вынести его улыбки. Ладони Райи медленно скользнули по рукам и замерли на дрожащих от волнения пальцах.

— Сделай ко мне шаг, о мой прекрасный лотос. Я хочу увериться, что ты в состоянии идти без поддержки.

Под пронзительным и тревожным взглядом она не могла вытряхнуть сандалии, да и боль в рассечённых ногах затмевала боль в стопах, но Нен-Нуфер шла вперёд, а Райя всё отступал и отступал, не желая давать свободу её пальцам. Она глядела на толстые золотые браслеты, сжимающие запястья холёных рук, и от их блеска или боли на глазах наворачивались слёзы. Волосы упали на лицо, и, чтобы избавиться от них, Нен-Нуфер вскинула голову. Никогда ещё она не кричала с такой силой. От неожиданности Райя замер, и лишь это спасло его от неминуемой смерти. Ещё шаг, и он полетел бы со отупений в темноту отцовской гробницы. Нен-Нуфер рванула руки, зная, что царевич не отпустит её пальцы. Он сделал шаг от губельной ступени. И ещё один. Теперь Нен-Нуфер отступала, ведя за собой царственного возницу, и тот покорно шёл. Священную тишину нарушало лишь их сбившееся дыхание и недовольное фырканье застоявшихся коней. Нен-Нуфер уперлась в

колесо колесницы. Райя разжал пальцы, и руки его плетью повисли вдоль тела, а её так и остались висеть в раскалившемся воздухе.

— Ты дважды спасла меня, Нен-Нуфер. За твоей спиной стоит Великая Богиня. Уверен, Пентаур знал об этом. Никогда прежде мне не было так страшно, как нынче перед тобой.

Райя отвернулся, и Нен-Нуфер догадалась, что он борется с подступившими слезами.

— Я должен вернуть тебя в храм, покуда не причинил ещё больше вреда. Я и так вызвал довольно гнева Великих Богов.

Райя протянул руку. Нен-Нуфер недоуменно проследила за его взглядом и в страхе затрясла головой.

— Жрица, ты вольна не доверять поводам в этих руках, — царевич опустил глаза. — И если ты отказываешься всходить на мою колесницу, я пойду подле тебя той дорогой, что ты пришла сюда.

Нен-Нуфер вновь затрясла головой, не в силах разлепить сомкнутые страхом губы.

— Доверься мне, — рукопожатие стало сильнее и вторая рука легла на её отогретое солнцем плечо. — Зной становится невыносимым. Долгая дорога пойдёт тебе лишь во вред, и ты намного дольше не сможешь радовать Богиню танцами. Доверься мне, мой прекрасный лотос.

Она сделала шаг к лошади, и Райя опустил её руку на гриву — такую же колкую, что и его парик. Царевич улыбнулся, и Нен-Нуфер улыбнулась в ответ, а потом дотронулась до его щеки и смазала краску со словами:

— Я напугаю своим видом весь храм, а от тебя придёт в ужас весь дворец, мой господин.

Он накрыл её руку тёплой ладонью и только сильнее прижал к своей щеке.

— Пусть пугаются. Я не стану умываться, дабы сохранить твоё прикосновение.

Нен-Нуфер чувствовала, как дрожит на груди крохотная фигурка Исиды, и всё равно не в силах была отдернуть руки, но Райя сам вдруг отпустил её, чтобы в следующее мгновение сомкнуть руки вокруг талии. Скованный голодом желудок сжался в комок, дыхание замерло. Царевич оторвал её от земли, их глаза вновь встретились, но Райя не разомкнул губ и поставил её на колесницу так быстро, словно тело её обожгло его. Нен-Нуфер судорожно вцепилась в бортик, но тут же вновь почувствовала на спине руку царевича. Когда он успел вскочить в колесницу и откуда в его руках окровавленная материя... Райя швырнул ткань под ноги и обернулся на миг к отцовской гробнице, чтобы удостовериться, что не оставил никаких следов.

— А теперь держись крепко.

Он натянул вожжи и хлестнул лошадей. Нен-Нуфер покачнулась, но рука с хлыстом успела остановить падение. Наверное, царевич правил умело, не хуже старшего брата, которому Божественный доверяет свою жизнь и жизнь Великой Царицы, но она весь путь держала глаза закрытыми, не смея шелохнуться. Сухой ветер царапал щёки. Пальцы болели от напряжения, хотя лошади бежали ровно, и колесница почти не подпрыгивала. И вдруг всё замерло. Они, казалось, только оставили позади великие пирамиды, а перед ними уже выросли белые стены Мемфиса. Райя спрыгнул с колесницы.

— Ты помнишь, что должна хранить нашу встречу в тайне? — прошептал царевич, не позволяя Нен-Нуфер коснуться ногами пыльной дороги.

— Ты предлагаешь мне лгать, мой господин? — горящие глаза были мучительно близки, и она даже видела лучики морщинок, подчёркнутые расползшейся краской.

— Нет, я бы никогда не посмел просить такое от жрицы Хатор, — царевич будто опомнился и опустил Нен-Нуфер на землю. — Богам известно о моём проступке, но людям об этом знать необязательно. Неужто никто из вас никогда не оступается, ведь танцуете вы так, что у меня замирает сердце. Скажи, что ты просто упала. Ведь ты просто упала, ведь так, мой прекрасный лотос?

Нен-Нуфер с поклоном отступила от колесницы:

— Будь покоен, мой господин. Никто не узнает о нашей встрече. Оставайся с миром.

— Оставайся с миром, — как эхо повторил возница, возвращаясь в колесницу и, уже занеся хлыст, крикнул: — Да хранит тебя Великая Хатор!

Толпа расступилась, пропуская вельможу, а Нен-Нуфер поспешно отвернулась, чтобы поднятая копытами пыль не попала в глаза, но знакомой дорогой так и не пошла. Её давно хватились в храме, и теперь точно придётся лгать, чтобы выгородить царевича, но она не могла предать его веры. Ну что ей могут сделать за самовольный уход — оставить без ужина, но она, кажется, способна не есть до следующего утра, вот только бы воды испить, так невыносимо душно.

Ноги болели, горло саднило от жажды. Но сил идти вперёд не было. Она уселась под пальмой и стала смотреть в сторону пирамид, надеясь, что Великая Богиня поможет ей, как спасла от смерти царевича, но его отец фараон Менес теперь Бог и не мог оставить сына, а кто она... Лишь назойливая девчонка, тревожащая его покой своими глупыми страхами.

Проглотив подступившие слёзы, Нен-Нуфер поднялась на ноги, но не успела и шагу ступить из спасительной тени, как почувствовала на руке железную хватку.

— Нен-Нуфер, что ты делаешь здесь? За городскими воротами?

Богиня послала к ней одного из храмовых стражников. Его старшего сына недавно взяли в школу, и она помогала мальчику с первыми иероглифами. Должно быть, сейчас его отец возвращается в храм от своей семьи.

— Я ходила за похоронной процессией.

Нен-Нуфер не боялась лгать, ведь не могло быть, чтобы в таком большом городе никого не хоронили.

— Я упала, — тут она не лгала, и стражник даже присел у её ног осмотреть ссадины. — Мне помогли, — Нен-Нуфер чувствовала, что заливается краской, будто у её ног продолжал сидеть царевич Райя.

— Я донесу тебя до храма.

И, не спрашивая согласия, стражник подхватил её на руки. Его пальцы впились в кожу, но лёгкое прикосновение царевича было намного крепче.

— Сколько раз говорила тебе, чтобы ты не смела одна отлучаться из храма, — напустилась на Нен-Нуфер наставница, когда та лежала на жёсткой циновке, отдав тело на растерзание невольницам. Целительная мазь жгла сильнее вина. — Теперь ты не сможешь танцевать, и если даже к Великому празднику кожа затянется, то время будет упущено. Как, как ты предстанешь перед великой Тирией?

Нен-Нуфер молчала, понимая, что ей в глазах наставницы нет оправдания. Она огорчит и Амени, и, конечно же, Пентаура. Только этой ночью она не спала не из-за страха предстоящей встречи со жрецами, ей снился Райя, и сколько бы не хваталась она за фигурку Исиды, царевич не желал покидать её сны. Она окончательно проснулась задолго до зари и с открытыми глазами стала ждать, когда чернота под потолком станет серой и наступит новый день. Никем незамеченная, Нен-Нуфер выскользнула на улицу и поднялась на крышу

пристройки. Где-то там, далеко, фараон сейчас внимает гимну Осириса и отпускает в небо светило, пережившее ещё одну ночь хаоса. И, быть может, царевич Райя преклонил сейчас колени подле Божественного брата. Нен-Нуфер простёрла руки навстречу восходящему солнцу и зашептала гимн Осирису, который не имела права читать, но который знала наизусть, потому что писала его для фараона Тети пять лет назад.

После лёгкого завтрака из хлеба и фиников, Нен-Нуфер осталась одна — наставница в наказание не позволила ей даже смотреть, как танцуют остальные девушки. Нен-Нуфер дождалась, когда невольницы примутся за работу, и отправилась к входу в храм. Быть может, именно сегодня царевич принесёт Пта обещанные дары. Она готова была стоять у пилонов без еды и отдыха, только бы увидеть его ещё раз. Она вздрагивала, завидя вдали каждое облако пыли. Богатые прихожане сменяли друг друга, но царевича Райи среди них не было.

— Нен-Нуфер, ты забыла обо мне?

Она обернулась — сын стражника тянул её за подол. Она достала лучшее своё платье и надела подаренное женой Амени ожерелье, чтобы её больше не принимали за рабыню. Даже мальчик не мог не заметить её необычный вид.

— Ты кого-то ждёшь?

— Нет, нет, — замахала рукой Нен-Нуфер и поняла, что покраснела.

Он прижимал к голой груди табличку, и даже чубчик на бритой голове недоверчиво колыхался в поднявшемся к вечеру ветерке. Нен-Нуфер опустилась прямо на дорогу, позабыв про наряд. Мальчик сел рядом и положил табличку на колени. Нен-Нуфер то и дело скидывала голову и чуть ли не вскакивала, заслышав конское ржание.

— В другой раз отыщи иное место для занятий.

Нен-Нуфер вскочила и встретила с осуждающим взглядом Амени. Верховный жрец Пта отправлялся домой. Не в носилках, пешком, в сопровождение лишь двух невольников. Нен-Нуфер попыталась отряхнуться, но пыль прочно засела в платье. Скорее бы стражник забрал сына — в таком виде стыдно повстречать даже Пентаура, не то что царевича, но даже когда мальчик ушёл, она ещё полчаса не могла заставить себя вернуться в храм.

— Мы закрываем ворота, — подошёл к ней один из младших жрецов. В его взгляде не было осуждение — в нём было иное, то, что таилось на губах Райи, и Нен-Нуфер постаралась опередить жреца на несколько шагов, чтобы тот не вздумал протянуть к ней руки, как часто делал с проходившими мимо рабынями. Она — жрица Хатор, и никто не смеет касаться даже её руки.

Сейчас засов скрипнет, и растает последняя надежда увидеть царевича. Однако засов не скрипнул. Наоборот створка с шумом распахнулась.

— Фараон! — услышала она крик стражника. — Фараон! — закричал он уже в лицо жреца, хватая того за руку.

Нен-Нуфер побежала следом, и её никто не остановил. Колесницы и носилки растянулись на половину храмовой аллеей — в великие праздники свита растягивалась на всю улицу, но и сейчас их было слишком много для простого жертвоприношения, да и фараон никогда не посещал храм в ночи и в отсутствие верховного жреца.

Нен-Нуфер прижалась к пилону, где простояла весь день. Так много колесниц! Среди них должна быть и та, на которой она вчера стояла, и, быть может, она сумеет разглядеть Райю! Сердце подскочило к горлу, но зазевавшийся вначале стражник опомнился и схватил её за руку:

— Ждѣшь, когда тебя растопчут!

Она бросилась к стене. Факелы осветили небо, как днѣм, но плотная стена стражников скрывала от взгляда Нен-Нуфер не только Божественную чету, но и всех остальных, но как же хотелось увидеть Райю, и как хотелось, чтобы он улыбнулся в ответ! И тут Нен-Нуфер вспомнила о втором входе. Там ворота закрывали последними, чтобы те, кто жил вне храма, могли уйти домой. Стражник дремал, привалившись к пилону. До него явно не дошла ещё вѣсть о приезде фараона, но только Нен-Нуфер прошмыгнула мимо, как затрубили фанфары и её едва не сшиб несущийся сломя голову молодой жрец, но признав, он обернулся и схватил Нен-Нуфер за плечи. Она закрыла глаза, готовая разрешиться от досады — сейчас её погонят прочь к пристройкам, а ей нужно во внутренний дворик, чтобы увидеть процессию.

— Где Пентаур?

Она затрясла головой. Жрец оттолкнул её и побежал дальше, а Нен-Нуфер метнулась во дворик и замерла в тѣмном углу, где её никто не должен был заметить, зато ей было видно всех. Мимо в панике пробежали ещё двое жрецов — оба искали Пентаура. Только он в отсутствие Амени мог встретить Божественного. Где же он? Вѣдь явно первым делом жрецы проверили башню, да и не слышать фанфары Пентаур не мог. Только мысли о наставнике покинули её, лишь она увидела, как распахнулись двери, чтобы пропустить Божественную чету, а за ними. За ними должен был идти Райя!

— Что ты тут делаешь? — громом обрушился на неё голос Пентаура.

Он развернул её к себе — дыхание сбилось, накинутая наспех шкура соскользнула с плеча.

— Искала тебя, — ложь сама слетела с губ, да и разве она лгала — её вѣдь спросили о нём. — Все искали тебя...

Пентаур сжал ей запястье и потащил в сторону с такой силой, что она застонала.

— Шевелись. Вот, здесь... — Пентаур толкнул дверь. — Ты будешь сидеть здесь и молчать, пока я не приду за тобой. Молчи, слышишь, чтобы ни случилось, кто бы ни позвал тебя. Если жрецы найдут тебя здесь, ты погибла.

Пентаур толкнул её в темноту и затворил дверь. В тишине злобно ухнул засов, и когда стихли торопливые шаги разгневанного жреца, наступила пугающая тишина. Глаза долго отказывались привыкать к темноте. Нен-Нуфер шарила по пустым стенам, пока не нащупала скамейку. Холодную. Но сейчас она села бы и на голый пол. Ноги ныли от долгого стояния, а раны саднили. Забытая в предвкушении встречи боль вернулась с удвоенной силой. Она не наложила с утра мазь, и теперь в раны набился песок — какой же неосмотрительной она была, и отчего мысли о Райе не отпускают её даже сейчас, наполняя усталое тело огнѣм?

Нен-Нуфер прижалась к стене, представляя, что это не камень, а сильная ладонь царевича. Он здесь, совсем рядом и, может, вспоминает её имя в благодарственной молитве Пта. Тогда и ей следует молиться. И она молилась. Долго и жарко, перебирая все молитвы одну за другой, даже те, что ей не были дозволены, слова из Книги Мѣртвых, которую фараон Тети держал перед собой всякий день.

Тишина становилась мучительной. Отчего до неё больше не долетают песнопения? Где Пентаур? Отчего он оставил её в ледяном мраке так надолго? И почему вообще запер её? И пугал карой? Что такого она сделала, чтобы напугать его так сильно?

И вот тишину пронзили шаги, тяжѣлые. Явно принадлежащие не жрецу. Нен-Нуфер вжалась к стене, затаив дыхание. Если кто-то откроет дверь, её не увидят. Шаги

приближались. Шло несколько человек. И голоса их не были стройными. Они спорили, и среди них слышался прерывистый голос Пентаура и другой... Она узнала его — Райя, царевич Райя стоял за стеной. И кто-то ещё, который сейчас говорил громко, перебивая шёпот Пентаура. Нен-Нуфер прижалась ухом к стене, но слов разобрать не могла. Неужто Райя решил разыскать её, но отчего Пентаур не открывает дверь? Из-за чего они спорят? Новые шаги, тяжёлые и спешные, новые голоса. Потом грохот и короткий приказ. Шаги удалились. Наступила тишина. Тревожнее прежней. Нен-Нуфер вжалась в скамью. Кто был за дверью? Кто?

И вот засов скрипнул. Нен-Нуфер прижалась к стене, чтобы вошедший не увидел её. Темноту полоснуло тусклое пламя лампы.

— Это я. Выходи.

Нен-Нуфер сползла со скамьи. Колени дрожали. Боль прожигала тело. Но она не ждала, что Пентаур протянет руку.

— Выходи, — повторил жрец чуть громче.

Нен-Нуфер поравнялась с лампой.

— Ступай за мной как можно тише.

Сам он был босиком, и ей пришлось взять в руки сандалии, и теперь она шла на цыпочках, будто по острым иголкам. Жрец пару раз нетерпеливо оборачивался и наконец опустил лампу к разодранным коленям.

— Это ужаснее, чем мне сказали. Как могла ты снять повязки так рано?

— Не было никаких повязок, — выдохнула несчастная, хватаясь рукой за стену. — Мне наложили лишь мазь.

— Почему же ты не пришла ко мне?

— Ты для меня занят, — выдохнула свою сердечную боль Нен-Нуфер, хотя не думала с утра просить помощи ни у одного врача. Если бы она не простояла целый день в пыли у храмовых пилонов, помощь бы ей не понадобилась.

Пентаур поднял лампу к бледному лицу воспитанницы и лишь сейчас заметил ожерелье, закрывавшее фигурку Исиды. Нен-Нуфер закусил губу, не в силах выдумать ничего в своё оправдание, но Пентаур не спросил про наряд, он отвернулся и продолжил свой путь под звёзды. Во дворе он перестал шептать.

— Идём в больницу, иначе раны твои к утру загноятся.

Поняв, что каждый шаг даётся Нен-Нуфер с трудом, жрец замер на мгновение и вдруг подхватил её на руки. Он оставался в церемониальной одежде, и Нен-Нуфер уткнулась носом в шкуру, но даже сквозь неё слышала, как заходится сердце воспитателя. У дверей горел одинокий факел, но привратник заметил их, и Пентаур внёс драгоценную ношу в придерживаемую стариком дверь.

Молодой врач, присматривавший в ночи за больными, бросился к ним, но Пентаур сам уложил больную на узкую кровать и велел принести чистой материи, вина и мёда. Нен-Нуфер не знала, куда деть сандалии, и те продолжали болтаться в воздухе, зажатые дрожащими пальцами. Пентаур уже склонился над её ногами, как врач легонько тронул его за плечо, прося снять шкуру. Нен-Нуфер лежала неподвижно, не издавая ни звука, хотя Пентаур всякий раз с открытой тревогой склонялся к её лицу, то и дело опуская на лоб ледяную, пахнущую мёдом, руку.

— Теперь ты должна поспать, — сказал Пентаур, убирая от губ обессиленной девушки чашу. — Утром я загляну к тебе и решу, можно ли тебе вставать. — Он наклонился совсем

низко, и Нен-Нуфер ожидала, что жрец запечатлит на её лбу поцелуй, как давно в детстве, но он лишь прошептал: — Забудь, что было нынче вечером. Ты пошла напрямиком ко мне в башню и дождалась моего возвращения от фараона. Ты ничего не знаешь, чтобы ни стал спрашивать тебя Амени. Тебя не должны были видеть, но коли я не доглядел кого подле кельи, ты всё отрицай. Я приду утром, а сейчас спи.

Пентаур отступил от скамьи, и тогда над Нен-Нуфер склонилась невольница, чтобы прикрыть простыней.

— Спи, — повторила она за жрецом единственные услышанные слова.

Нен-Нуфер закрыла глаза. Пентаур просит её лгать, но что же такого она совершила, что расстроит Амени? Что же... Неужели Райя что-то сказал Пентауру, но даже скажи он всю правду, которую просил таить, ей не в чем упрекнуть себя. Не мог же он оговорить её и зачем ему могло понадобиться это... Нет, она не понимает злобы Пентаура. Но он обещал прийти утром, и тогда она спросит его, в чём провинилась. Не может же он вечность злиться на неё молча. До утра не так долго ждать, а утром он придёт и заберёт от неё все сомнения.

— Нен-Нуфер...»

В голове звенела тишина, но неземной голос раздался совсем рядом. Сусанна оторвала взгляд от экран и чуть не опрокинула планшет на пол, уткнувшись взглядом в зелёные глаза кобры.

— Thank you, my queen, for taking good care of my crown.

На смену змее пришли пронзительные глаза. Сусанна не могла шевельнуться.

— Я буду очень благодарен, если ты наконец закроешь свой долбаный планшет и обратишь на меня хоть какое-то внимание.

Сусанна вскочила из кресла, но Реза поднялся с колен вместе с ней и наклонил голову так, чтобы кобра продолжала буравить её взглядом.

— Родители не учили тебя закрывать дверь? А если бы это оказался не я? И взял бы вовсе не корону...

Сусанна пыталась выдавить из себя хоть какое-нибудь приветствие, но даже короткий «хай» умер в её горле под натиском кома пережитого ночью страха. Реза наконец снял с головы и корону, и полосатый платок, в который та была завёрнута, и улыбнулся, только от его улыбки Сусанну бросило в дрожь.

— Ты можешь сделать то, что не в состоянии сказать словами, — промурлыкал он и раскрыл объятия. Заключив в них окаменевшую девушку, Реза оставил на её щеке поцелуй, короче вечернего. — Прости, я проспал, — он отступил к кровати, на которой лежало теперь две сумки. — Надеюсь, я не заставил тебя подняться чуть свет?

— Я тоже проспала, — наконец разлепила губы Сусанна, не сводя взгляда со второй сумки. — Вы идёте сейчас в музей?

Реза покачал головой и вновь накинул на себя платок и водрузил поверх корону.

— Её никто не хочет. Придётся носить самому. Мне идёт?

Сусанна кивнула.

— Согласна ли ты позавтракать с фараоном?

Сусанна вновь зажмурилась, всем телом ощутив ночные прикосновения золотых пальцев.

— Эй, ты в порядке?

Реза в мгновение оказался рядом и коснулся её лица. Чуть не вскрикнув, Сусанна отпрыгнула. Реза смачно выругался, и даже кобра на голове закивала.

— Что ты дёргаешься, как Сельма? — теперь он сжал её плечи, и Сусанна запрокинула голову, чтобы не уткнуться в кобру. — Тебя били? Отвечай!

Она затрясла головой.

— Это просто сон. Глупый сон. Мне снилась эта корона.

Реза убрал руки, но не отступил от Сусанны.

— Мне она тоже снится. Постоянно. Она моё проклятье и решила остаться со мной навсегда. Мне и здесь отказали. Вообще мне претит говорить с девушкой о бизнесе, но я за сущие гроши предлагал её вашему музею, чтобы только избавиться, но мне заявили, что согласились бы купить позолоту, но никому не нужна золотая, которую действительно носил фараон.

— Действительно носил фараон? — переспросила Сусанна.

— И это спрашивает девушка, интересующаяся Египтом? Ни один пшент не найден, но если бы нашли — он был бы таким, какой сейчас на мне. Так ты присоединишься к фараону за завтраком?

— А вы пойдёте вниз в короне?

— Нен-Нуфер, мой лосьон не в силах перебить запах малоувах, — Реза взял её двумя пальцами за нос. — Неужто не чувствуешь? — и прямо за нос дотащил её до кровати и чуть ли не ткнул этим самым носом во вторую сумку. — Ну?

И тут Сусанна, как лошадь, раздула ноздри. Живот смущённо заурчал. Реза победно улыбнулся. Кобра сверкнула глазом.

Глава 10

— Malawah, malawah, — повторяла Сусанна уже в сотый раз. — Malawah... No, I cannot say it right!

— Keep going... — меланхолично отмахнулся Реза, продолжая просматривать музейные зарисовки.

Он переложил на кровать планшет и телефон, а блокнот без спроса раскрыл на середине. Сусанна почувствовала, как между лопаток побежала тонкая ледяная струйка — только бы ничего не сказал про качество рисунков! Чтобы отвлечь каирца от художеств, она и попросила повторить название принесённых им лепёшек. Но не тут-то было!

Столик уже застилала скатерть, на ней стояли две тарелки, но лепёшки оставались завёрнутыми в бумагу. Сусанна одуревала от запаха и от отсутствие вердикта — кобра, конечно, кивала, но как-то не слишком одобрительно, а потом Реза вообще замер над одним листом и принялся водить по нему пальцем. Суслик, предложи товарищу карандаш, что ли? Пусть поправит. Пригодится для романа, и к уроку арабского языка добавится мастер-класс по рисованию. И она действительно протянула гостю карандаш.

— Я и так могу прочесть, что здесь написано.

По-русски? Чуть не выдохнула Сусанна, страхась за выдранные из романа строчки. Но Реза не оставил паузы для вопроса.

— Теперь я понимаю, почему он пришёл к тебе ночью.

— Кто?

Сусанна похолодела. Что он вообще несёт?! Мягкое кресло стало вдруг жёстким и даже колким, но взгляд кобры пригвоздил Сусанну к месту, и она вцепилась в край скатерти.

— Фараон. Кто ещё способен прочесть твои иероглифы?

— Какие?

Понять шутки мистера Атертона невозможно, а произнесённые с каменным лицом они любого способны вогнать в ступор.

Реза протянул через стол блокнот. Сусанна выбросила листок с каракулями, но так старательно выводила иероглифы, что те отпечатались на соседней странице.

— Сначала нагло пялишься на него в музее, потом оставляешь любовные записки, — на губах каирца играла добрая улыбка, и кобра, если бы могла, раздула б от смеха воротник. — Где ты спрятала для него послание, а?

Палец Резы погладил корешок вырванного листа.

— В урну выбросила, — Сусанна пыталась говорить серьёзно, но улыбка гостя передалась и ей. — Что там написано?

— Приходи ко мне ночью. Я тебя жду.

Реза закрыл блокнот и положил на край стола.

— Вы смеётесь надо мной, так ведь? — Сусанна пыталась разозлиться, но не могла. — Что там действительно написано?

— То и написано. А что ты писала на самом деле?

— Откуда я знаю! — Сусанна больше не смущалась под искрящимся смехом взглядом каирца, а открыто улыбалась в ответ. — Я просто скопировала понравившиеся рисунки с папируса.

— Так не надо ни говорить, ни писать на языке, которого не знаешь. Это может плохо закончиться.

Теперь серьёзность его лица передалась и ей.

— Хорошо, больше не буду. Я вообще могу молчать.

Уж кто и говорит здесь, так это вы сами, мистер Атертон! И любая в этой ситуации порадовалась бы вашему молчанию!

— Меня твой английский нисколько не смущает, — Реза потянулся к лепёшкам. — Надеюсь, и ты понимаешь, что я тебе говорю.

Сусанна кивнула. Ага, но не до конца. Понять, что вы имеете в виду, сэр, практически невозможно!

— А вы сколько языков знаете? — спросила Сусанна, проигнорировав внутренний голос. — Кроме английского и арабского, конечно!

— Французский и египетский. Последний лучше всех, потому что это мой первый язык.

— Как первый? — она опять запуталась в его речах! И, наверное, в глазах отразился испуг.

— Сусанна, не смотри на меня так, словно я ожившая мумия, — Реза снял корону с платком и отошёл к кровати, чтобы вернуть их в сумку. — Ешь уже! Оттого, что ты не можешь произнести название, вкус не меняется. Сверни лепёшку, обмакни в сметану и ешь. А я разолью каркаде, — Реза достал из второй сумки термос со стаканами и вернулся к столу. — С огня лепёшки бесспорно вкуснее, но мать постаралась упаковать их как можно лучше. А чай, — Реза сделал глоток, — опять пересластила... Эта женщина неисправима!

— Это готовила ваша мать? — Сусанна даже не поняла, к чему задала вопрос. Наверное, к мысли о жене. Она глядела на три кольца на различных пальцах и не могла решить, которое обручальное.

— А ты думала, я сам? — Реза свернул для себя лепёшку и обмакнул в сметану. — Я в это время выслушивал, что она думает о моём вчерашнем поведении.

Сусанна чуть не подавилась лепёшкой. Он рассказал матери про неё!

— Меня ждали к ужину. Я не позвонил. Притащился домой в первом часу ночи в порванной рубашке и утром заявил, что не собираюсь оставаться на завтрак. И да, самое ужасное, я отказался взять на завтрак то, что осталось с ужина, и заставил разогревать покупные замороженные лепёшки. Будь я женщиной, наверное, тоже бы злился. Но я мужчина и, признаюсь, не жалею, что провёл вечер с тобой, а не с матерью.

Сусанна всё ещё не могла пошевелить челюстями, хотя и понимала, что толстый кусок лепёшки оттопыривает щёку. Где в это время была его жена? — У меня осталось с тобой пять вечеров. Всего пять вечеров. Надеюсь, до следующего утра мать переварит эту информацию и приготовит нам с тобой завтрак без лишних комментариев.

Кресло под Сусанной вновь превратилось в камень: это что он ей только что сказал? Какое утро с ним? Что он надумал? Ведь даже подарок не принёс — почему же такой уверенный, что она прыгнет к нему в постель, да ещё под носом у матери? Это уже сюрр какой-то с чистым арабским акцентом...

И она попыталась заесть тревогу. Пока они в гостинице, его бояться нечего. И сейчас, прожевав, она выпроводит нахала из номера и вернётся к роману. Да, так и будет! Только бы дожевать лепёшку, проглотить и не подавиться. А Реза уже справился со своей и промокнул жирные пальцы о салфетку.

— Мне очень понравились русские блины, но арабские не хуже, так ведь? — он протянул Сусанне стакан. — Хоть и полуфабрикат. Запей. Какими только словами не называла меня эта женщина. Но я уверен, что вчерашний ужин ты бы есть отказалась, пусть он и домашний. Арабские женщины думают, что для мужчины главное — еда, но это не совсем так. Впрочем, я не арабский мужчина.

Лепёшка из слоёного теста, утонувшая в масле, мягкая внутри и с хрустящими верхними слоями не покупала больше её улыбки. Нет, русские блины лучше. Как и русские мужчины. Их хоть понимаешь с полуслова. Да и с арабскими английского происхождения всё ясно. Я прекрасно поняла ваше желание, мистер Атертон, но не собираюсь его выполнять. Только как достучаться до вас, чтобы вы не тратили на меня время и все эти пять вечеров провели в обществе Сельмы?!

— А вот это точно тебе понравится, — Реза развернул новую салфетку, явив аккуратные кусочки желе с орешками, непонятно чем обсыпанные. — Я больше люблю с лепестками роз, а брат предпочитает шафран. Я у него из-под носа стащил оба на случай, если у нас с тобой не совпадают вкусы.

Мать, брат, кошка, о которой говорила Сельма, а жена? Где жена и дети, которые по арабским меркам давно должны у вас быть, мистер Атертон?! Но как задать подобный вопрос с полным ртом? Он молча отправил в него кусок с розами. От сладости она должна растаять? Не выйдет! О жене вы сейчас явно не думаете...

— Лукум из сока граната я люблю больше всего. Пожалуй, это единственная стряпня матери, когда я не отказываюсь от добавки.

И он заткнул её новым куском, с которого на губы посыпались цветные иголки — неужто шафран так выглядит?! Да плевать, что это! Главное, его пальцы встряхивают крошки с её губ. Какое счастье, что между ними стол! Но и он для него не помеха — завладел её руками и принялся втирать в кожу масло от лепёшек. Суслик, ну скажи ему что-нибудь! Ты уже прожевала свой лукум! Почему ты молчишь? А потому что на пальце, как в сказке, появилось кольцо. Никакого «глаза Гора». Простой золотой обруч со вставками

лазурного цвета...

— У тебя очень тонкие пальцы, — Реза продолжал наглаживать их, и Сусанна уставилась на ногти, чтобы удостовериться, что сквозь светлый лак не просвечивает грязь. И чтобы не поднимать глаз. На дарителя! — Другого кольца в твоём размере у меня не оказалось.

«Глаз Гора», который она не сняла даже в душе, камнем оттягивал шею, и она уже изучала своё ни к месту глубокое декольте, а дома сарафан казался таким скромным...

— Подобные кольца использовались как обручальные, — пришлось вскинуть голову и наткнуться на слишком откровенный взгляд. — На внутреннем ободке писалось имя мужа и жены, — он улыбнулся. — Это кольцо пустое. Так что в будущем сможешь использовать его по назначению, а сейчас...

Кровь прилила к щекам и ушам. А сейчас он потребует авансом чужую брачную ночь. Да пошёл он!

— А сейчас нам пора к пирамидам. Ведь туда ты, кажется, должна была поехать, если бы я не опоздал?

Сусанна кивнула и спрятала освободившиеся руки под стол.

— Только переоденься. Глупо разбивать колени о песчаник. Нормальные туристы надевают длинные штаны. Ну? — Повторил он уже громче, когда Сусанна так и не поднялась с каменного трона.

— Я не собираюсь лазить по гробницам.

— Так, постой... Какого хрена мы тогда тащимся в Гизу? Сфотографироваться на фоне сфинкса?

Сусанна кивнула, хотя хотела сказать, что она никуда не едет. Тем более в такой час — они ничего не успеют посмотреть! Или что, она только что молча согласилась на вечер с ним?

Реза ловко собрал в сумку остатки завтрака, не оставив в номере и следа своего присутствия. Умело... Видно, что не в первый раз. А ты что, Суслик, сомневалась? Он же вчера чётко сказал, что спит с девушками европейской наружности.

— А фотошоп со сфинксом тебя не устроит? Так хочется в песке поваляться?

Ну уж точно не в вашей постели, мистер Атертон!

— Я не люблю ни мумии, ни гробницы. Я хотела увидеть развалины Мемфиса.

По лицу Резы проскользнул довольная улыбка, и Сусанна прикрыла ладонью кольцо.

— Так это ещё лучше. Это намного ближе к моему дому.

Сусанне стало жарко и в сарафане.

— Я хочу бросить сумки, чтобы они не мешали прогулке. Это совсем небольшой круг, и с учётом, что мы не будем отдыхать в тени гробниц, слишком долгая прогулка в песках нас всё равно утомит, мы быстро всё посмотрим. Предлагаю следующую программу: мой дом, одной минуты мне хватит, Мемфис, фотосессия у сфинкса и... Там есть неплохой ресторанчик с прекрасным видом на пирамиды. Мне кажется, мы должны всё успеть. И даже можем дожидаться светового шоу.

— Оно у нас завтра в программе, — отчеканила Сусанна, стараясь скрутить кольцо, намертво засевшее на пальце.

— Зачем тебе это нужно? У тебя частный экскурсовод на все пять дней, от которого, впрочем, — добавил он после краткой паузы, — ты в любой момент вольна отказаться.

Значит, он всё же оставляет за ней право выбора и не ставит свой дом последним

пунктом вечерней программы? Славно. Тогда можно выиграть день и в свободный не тащиться в Гизу. Он настырный, но в нём всё же есть что-то от джентльмена. Кажется, есть...

Реза повесил на плечи обе сумки, и Сусанна принялась судорожно запихивать в рюкзачок планшет.

— А ты обязательно должна таскать эту хрень с собой?

— Я не хочу оставлять его в номере.

Ему, таскающему по ночному Каиру слиток золота, трудно понять, что её родители не побегут покупать новый планшет, потеряй она свой. И всё же он понимающе кивнул или решил не спорить с бабой. Какая разница! Главное, что портье нагло подмигнул ему. Дядька явно сходил с Мариной в мнении об их отношениях. Проглоти эту хамскую усмешку, Суслик, и лучше следи, чтобы эти идиоты не оказались правы!

Рука с кольцом лежала в сухой ладони каирца, а вторую Сусанна вытирала о сарафан. Их то и дело толкали прохожие, но Реза не позволил рукам разъединиться. Пыльная духота щипала нос, но, к счастью, Реза нынче припарковал «бумер» недалеко от гостиницы. Хотелось быстрее сесть в машину и начать говорить. В разговоре он хоть чуть-чуть раскрывает свои планы относительно их знакомства, а ей необходимо вооружиться знаниями, чтобы в нужный момент дать отпор.

Только в машине было так же шумно, как и на улице, особенно на мосту, и Реза молчал, а она боялась просить поднять крышу. На кресле лежал вчерашний плед. Реза явно планировал укрыть им её вечером. Только бы не вздумал нигде его стелить! Ты чудом вырвалась от него вчера. Что ты вновь делаешь в его машине... И кольцо уже свободно спадает с пальца, тебе просто жалко его возвращать, а за всё, что мы берём, мы платим. Тебе, похоже, просто хочется приключений. И ты, Суслик, такими темпами их получишь. Подобные мужчины не тратят много времени и денег на строптивых девчонок. Надо попросить ехать прямо к Пирамидам — ещё есть шанс перехватить свою группу!

— Так и знал, что застрянем. Может, в зоопарк пойдём?

Она глянула в сторону и наткнулась на белые египетские барельефы с животными, потом перевела взгляд на преграждающие путь три отокара. А, может, и в правду в зоопарк, чтобы притвориться неразумным ребёнком, не понимающим взрослых намёков?

— А другой дороги нет? — спросила она вместо этого.

— Мне уже не выехать отсюда. Если только на того осла пересядем...

Да, животное телегой пронырнуло между машинами.

— Не забудь потом у него папирус купить, — Реза махнул рукой по направлению исчезнувшего араба. — Чтобы новую записку написать. Я скажу тебе, как пишется моё имя.

Сусанна вцепилась в ручку, словно собиралась открыть дверцу и выскочить из машины посреди дороги. А что, здесь так принято! Только ты не сумеешь. Наглая улыбка каирца оставила на щеке красный след, как от хлыста.

Реза протянул руку, и Сусанна вжалась в кресло, но он только перегнулся назад за двумя белыми бейсболками. Одну водрузил ей на голову, вторую — себе, тут же перестав походить на фараона. На лбу вместо змеи оказалось изображение анха — символа единого бога Атона.

— Это я привёз из американского музея. Для себя и брата, — добавил он, будто она его всё же спросила про жену.

Поток машин пусть медленно, но двигался, а её мысли застряли на одном вопросе — как уйти от этого идиота?

— Сейчас все съедут к Пирамидам. Станет легче.

Вот он шанс! Она запомнила отокар, на котором уехала её группа, она сумеет его найти. За домами среди пальм уже маячили верхушки пирамид. — Вот, я же сказал! — и Реза прибавил газу раньше, чем Сусанна сформулировала в голове просьбу высадить её на стоянке.

Теперь уж лучше смотреть по сторонам, не замечая грязь и нищету, чем — в это отполированное деньгами лицо. Она только сейчас заметила в мочках Резы дырки. Он, похоже, носит серьги и снял их, чтобы меньше её шокировать, если он вообще способен задумываться о том, что думают про него окружающие. Зачем? Он самодостаточный самовлюблённый самец, и больше ничего. Больше в нём нет ничего. Можешь, Суслик, не искать. Пустота!

— Вы сказали, что ваш первый язык египетский? — выпалила она, когда ей показалось, что рука с руля сейчас соскользнёт ей на коленку. Но нет, он просто нажал кнопку, чтобы поднять крышу.

— Так будет лучше разговаривать, верно?

Она кивнула.

— История банальна. Я к трём годам не говорил ни слова. Отец сначала пенял на два языка, которые я слышал в доме, а потом согласился с врачами, что сын у него дурачок, но решил ничего не делать — просто смирился. Собачек держат в доме, хоть они и не говорят, верно? — Реза слишком добро улыбнулся. — Няньке было поручено следить за тем, чтобы я был сухим и накормленным и ничего не разбил в доме — ну там статуэтки всякие, вазы... Она решила, что для её спокойствия лучше запереть меня в комнате и выводили гулять лишь на террасу. Всё. Тут любой ребёнок будет молчать, ты так не думаешь? — Реза резко дал по тормозам, чтобы объехать занявших половину дороги людей, а затем и повозку с ослом.

— А мать? Как на это реагировала ваша мать?

— Мать умерла при родах, а ту женщину, что я сейчас называю матерью, отец привёл в дом в качестве прислуги, когда мне было шесть лет. Собственно другой женщины в моей жизни не было.

Реза резко нагнулся к Сусанне, но теперь чтобы достать из бардачка солнцезащитные очки.

— Где твои? — он продолжал нависать над ней.

— В чемодане...

Как она о них не подумала!

— Молодец! Ни шляпы, ни очков. Хорошо, что за тобой есть кому присмотреть, — и Реза протянул ей вторые очки. — Чего ты их рассматриваешь? Это очки брата. Других нет.

Сусанна нацепила очки на нос и уставилась на плетущегося рядом осла. Чего она рассматривала? Ведь сам догадался — пыталась понять, женские они или нет.

— В моей жизни нет женщины, кроме матери. И никогда не будет.

Реза сказал это, устремив взгляд в номер идущей впереди машины. Зачем выдавать ей эту информацию? Она не спрашивала. И не думала, что такой тип способен предложить что-то серьёзное... На пять дней. Наличие или отсутствие жены ничего не меняет. Ровным счётом ничего. И в особенности её желания отделаться от него.

— Но я нашёл себе друзей даже на террасе, — продолжал Реза как ни в чем не бывало. — Скарабеев. Закапывал их в песок и раскапывал, но я был ребёнком, и потому в один прекрасный день засунул их в рот и чуть не задохнулся. Нянька вместо того, чтобы помочь

или бежать за отцом, просто визжала. К счастью, отец был в кабинете, а не в саду, потому прибежал на её крик и сумел вытряхнуть из меня жуков. После этого он не отпускал меня от себя ни на минуту. Я не расстроился и не обрадовался. Я сидел у него за столом и раскладывал деревянные фигурки скарабеев — намного больше настоящих, чтобы я не мог запихнуть их в рот. В то время у отца было музейное задание — попытаться восстановить повреждённые папирусы. Он переписывал иероглифы на чистые листы и произносил их название. Я впервые слышал, как мне, наверное, тогда думалось, живую речь — я начал повторять их и калякать рисунки. В итоге я заговорил по-египетски, ну или так, как мы думаем, египтяне говорили. Практиковаться мне было, как понимаешь, не с кем...

Они покинули грязные улицы и ехали мимо песков.

— Отец испугался, что я замолчу, если вдруг услышу из его уст английский, и начал говорить со мной по-египетски. А потом, когда в доме появилась Латифа, я начал повторять за ней арабский, потом дошёл черёд и до английского, а французский я уже учил по книгам в библиотеке, моя бабка была француженкой и привезла с собой в Египет богатую библиотеку. Теперь никто не просит меня говорить, чаще меня просят заткнуться.

— Я не прошу.

И как хорошо, что глаза у обоих были спрятаны за чёрными стёклами. Машина въехала в небольшой оазис с двухэтажными домиками — однотипными квадратами непонятного персикового цвета. Пальмы и прудики, а дальше высокий забор. Подле него Реза и затормозил.

— Одна минута, ты помнишь.

Он оставил дверь водителя открытой — наверное, не хотел, чтобы его услышали — и просочился в калитку с двумя сумками.

— Полторы минуты. Прости, — бросил он, возвращаясь за руль. — Теперь в Мемфис, моя царица.

Глава 11

Мемфис! Её Мемфис! Безжалостные к истории чужой страны арабы по камешкам растащили величественные храмы и пышные дворцы на строительства мечетей, а остальное докончила стихия — из-за разрушенных дамб вода веками вымывала камень слой за слоем, но не память людей... И сейчас от этого места веет былым величием. Не обманывай себя, Суслик! Величием веет от шагающего рядом мужчины!

Сусанна старалась не глядеть на него, пряча взгляд в просвете пальм или в вырезе собственного сарафана — на коже остались белые разводы от солнцезащитного крема, который она сама торопливо растирала везде, куда могла дотянуться, боясь, что Реза не ограничится её спиной. Почему она не додумалась опрыскать себя в гостинице! Солнцезащитные очки, кепка, крем... Что ещё он отыщет для неё в таинственной машине? Нет, она не чувствовала себя подле него женщиной. Она чувствовала себя беспомощным ребёнком! Они минут пять стояли подле огромной статуи Рамзеса, но Сусанна напрочь перестала понимать английскую речь, пока Реза не ткнул её в огромные впадины в каменных мочках, заявив, что фараоны скорее всего тоже носили серьги. Тоже? Он успел что-то сказать про собственные уши, а она пропустила всё мимо своих ушей? Выходит, вы, мистер Атертон, подражаете египетским властителям? Только вслух Сусанна ничего не сказала. Вслух она могла сейчас только кивать. Жара, похоже, успешно принялась за плавку

МОЗГОВ.

— Садись, — Реза силой усадил её под пальму и развернул на подоле сарафана кулёк с финиками, которые купил, чтобы отбиться от назойливых торговцев, ссыпав в протянутую ладонь горстку монет, извлечённых из кармана.

Сусанна схватила финик первой, чтобы его не постигла участь лукума, и вздрагивала всякий раз, как рука каирца опускалась к её ногам за новым фиником. К счастью, он купил их не так много...

— Можно положить бумагу тебе в рюкзак и забрать его?

Вау, джентльмен! Ведь под лямками голая кожа стала красной, а он как-никак в рубашке! Реза колоссом Рамзеса возвышался над ней, и Сусанна радовалась солнцезащитным очкам, которые успешно прятали все её потаённые мысли. Каирец протянул руку. Сусанна поднялась с земли и одёрнула свободной рукой прилипший к ногам сарафан, а потом, чтобы вернуть прогулке экскурсионный настрой, спросила:

— А где предположительно находились храм Пта, царский дворец и рыночная площадь? Навязались в гиды, мистер Атертон, отработывайте!

— Ты ведь не просто так спрашиваешь?

Сусанна не стала скрывать правды, а он даже не улыбнулся, услышав про написание романа, и с непроницаемым лицом задал самый дурацкий из всех возможных вопросов:

— А ты сумеешь написать роман за пять дней? — И только, когда она замолчала на минуту, растянувшуюся на все пять, с улыбкой добавил: — Пока я рядом, чтобы ответить на все вопросы.

А потом он просто опустил руку на её горящее плечо и притянул к себе как-то совсем криво, чтобы она уткнулась в него козырьком кепки, как делают с детьми.

— Я шучу, не будь такой серьёзной, писательница! У тебя есть мой имэйл. Отвечу на любой правильно сформулированный вопрос.

А вот тут он явно смеялся. Нынче вопросы у неё не клеились. Она совсем запуталась в глаголах, пытаясь вставлять умные слова, более уместные в музее, чем среди пустыни и непонятных камней.

— Сколько времени идти от городских ворот до ближайшей царской мастабы? — на этот раз она составила вопрос правильно, и Реза решил дать правильный ответ, потому взял её за руку и сказал:

— Засеки время на телефоне, и пойдём.

Сусанна рассмеялась, не веря в серьёзность предложения, но спутник не шутил и действительно тащил её из-под пальм в пески. На телефоне уже довольно фотографий с её физиономией, чтобы отправить сестре, придумав заранее объяснение чужим очкам и кепке. Ей не нужна фотка безжизненного тела в песках. Только кто её слушал!

— Писателю необходимо накапливать жизненный опыт.

Он улыбался, забавляясь её смущением, а ей на ум приходил лишь Достоевский — но сколько же всего надо выстрадать за этот дурацкий роман!

Они останавливались каждые пять минут, чтобы вытряхнуть из обуви песок. Кепка не спасала от жары, под тёмным ободком очком скопились крупные капельки пота, но Сусанна не утирала их, боялась показать слабость. Реза молчал, хотя рубашка под рюкзаком промокла. Зачем он пошёл с ней к гробницам? Почему просто не высмеял её жалкую попытку написать роман о том, о чём она не имеет никакого понятия!

— Они были намного выносливее нас, — улыбнулся Реза, протерев ладонью шею.

— Потому что не знали про кондиционеры и машины. Вальтер Скотт где-то писал, что люди в старое время не страдали от отсутствия комфорта, потому что не знали о его существовании.

Каирец явно успел пожалеть о своём глупом предложении, но сейчас что возвращаться к машине, что двигаться вперёд неизвестно куда было одинаково невыносимо. Сусанна спрятала все волосы под кепку, но шея и грудь всё равно покрылись предательской испариной. Хорошо ещё на ней нет косметики! Она вместе с очками покоится в чемодане.

— Но краска с глаз текла и у них. Тут уж против природы не попрёшь, — усмехнулся Реза и промокнул ей шею рукавом рубахи.

Почему он по жаре носит длинные рукава? Вчерашний порез он спрятал под толстый золотой браслет, а что там спрятано под рубашкой? А? От подобной мысли сразу потемнело в глазах...

— Пей воду.

Он видел, что она на последнем издыхании, но сворачивать с пути было некуда, и воды в купленной бутылке оставалось на два глотка.

— А вы?

— Я здесь вырос. Мне не жарко.

Врёт, но врёт по-джентльменски. Молодец! Или боится признать ошибку. Не в его стиле, видимо, ошибаться.

— И на мне нет костюма-тройки, в котором ходил прадед, а ты радуйся отсутствию десяти юбок. Хотя соломенные шляпки всё же лучше кепок.

Он улыбался, но в этот раз его улыбка не была заразной.

— Далеко ещё?

Она уже, кажется, все ноги стёрла или же поджарила на сковороде — в любом случае каждый шаг отдаёт болью.

— А я не знаю, куда ты идёшь, Нен-Нуфер. Я тебя просто сопровождаю. Что ты там написала в романе?

Сусанна остановилась и всё же вытерла глаза. Их щипало от пота и теперь без очков ещё и от яркого солнца. Хотелось кричать от боли и усталости. И наглой усмешки! Ведь понимала же, что нельзя ему рассказывать про Нен-Нуфер, нельзя! Он и так глядит с высоты положения и своих лет на неё, как на глупую куклу! И кто за язык тянул! — Ты что, обиделась? Я тоже в детстве писал роман.

«В детстве» — как же смачно он это произнёс, и если бы она уже не дошла от жары до цвета помидора, то непременно покраснела бы от его гадких слов.

— Вернее не роман, а семейную хронику. У отца был комплекс маленького человека, потому после стаканчика виски он начинал в сто тысячный раз рассказывать о великом деде, Раймонде Атертоне. Ну и я, мальчишкой, тоже им гордился. Друг самого Картера! Хотя не было у них друзей, каждый рыл песок для собственной славы или скорее из собственного фанатизма. Отыскать нетронутую гробницу, самим взломать печать... Они похоронили свои жизни в этих песках — вот в чём истинное проклятье фараонов, а не в их мифических смертях. Они истощили себя, превратились в живых мумий с пожелтевшими от табака пальцами, не ели, не спали, всё рыли и рыли, закапывая деньги своих патронов, выделенных на оплату копальщиков-арабов.

— А чью гробницу нашёл ваш прадед?

Реза теперь говорил быстро, и Сусанна едва успевала за потоком английской речи.

— Гробницу своей жены, — расхохотался каирец, но быстро улыбнулся, заметив, как сжались от обиды губы спутницы. — У них с Эвелин был в Англии бурный роман. Она — дочь лорда, а он — жалкий студент, умеющий только калякать портреты. Да, его пригласили написать семейный портрет, а Раймонд одним мазком разрушил семью. Они тайно обвенчались и, страшась праведного гнева папаши-лорда, бежали в Египет. Он нашёл себе место художника, где надо было зарисовывать рисунки со стен гробниц, пока те не потускнели и не стёрлись. Из-за жары Эвелин потеряла ребёнка и больше не могла забеременеть, зато радовалась возможности помогать мужу. Она тоже немного рисовала, но главная её задача была встречать английских туристов, особенно дам, и учить их, как правильно спускаться в гробницы. Я ведь не просто так просил тебя не надевать сарафан...

Реза опять улыбнулся, и Сусанна под его взглядом отряхнула подол. Да, там на стоянке она пожалела, что не влезла в водолазку, или вообще в костюме аквалангиста, не оставив ни одной открытой части тела.

— Они оба уже смертельно болели Египтом, — голос Резы звучал ровно, и не понять было, для чего собственно он напомнил про сарафан. — И Эвелин писала отцу длинные письма с просьбой приехать и выкупить землю для раскопок. Через год лорд сдался, но прислал только деньги, так и не пожелав увидеться с блудной дочерью. Чета Атертонов принялась рыть песок в компании таких же сумасшедших, но натыкались они лишь на разграбленные захоронения — пара черепков ритуальных чаш не покрывали папиных денег. Но зато платили за приключения. Эвелин стремилась вместе с Раймондом спуститься в подземные камеры. Знаешь, как это было?

Откуда она знает! Реза остановился и замахал руками перед её носом.

— Полная темнота и глубокая нора, в которую тебя опускают на верёвке, и тебе нужны обе руки, чтобы держаться... Фонари не взять, потому свечу приделывали к дощечке, а дощечку брали в зубы. — Реза оскалился так правдоподобно, что Сусанна даже почувствовала во рту привкус дерева. — Эвелин быстро приноровилась к этому. Даже перестала бояться летучих мышей, которые ночевали в открытых гробницах. Но тут одна явно на неё разозлилась. Эвелин попыталась отмахнуться. Верёвка раскачалась, и она ударилась головой о камень, потом ещё и ещё, пытаясь сбить с платья огонь. Только врач, кроме ссадин, ничего не обнаружил и потому не выказал опасения за её жизнь. Однако на следующее утро Эвелин не проснулась. Раймонд велел сжечь тело и прах отправить на родину, чтобы положить в фамильный склеп. В посылке. Он не мог остановить работы — деньги тестя-лорда ещё не закончились. Раймонд с головой ушёл в работу, но боль не отпускала. К пожелтевшим от табака ногтям добавились красные от виски глаза. Он пил по ночам, а утром всё равно собирал себя и шёл к копальщикам. И однажды на стол ему легко письмо. Ему предписывалось встретить в Александрии Маргарет, младшую дочь лорда, пожелавшую посетить место кончины сестры. Они ехали на поезде. Маргарет смотрела в окно на долину Нила, а Раймонд, не отрываясь, на такие знакомые черты. Притупившаяся боль поразила его с прежней силой, и даже присутствие в доме юной леди не мешало опустошению бутылок с виски, а дальше... Дальше случилось совсем не то, о чём ты только что подумала, — вдруг рассмеялся Реза, глядя в непроницаемое лицо Сусанны.

Да ни о чём таком она не подумала!

— Раймонд всё откладывал посещение роковой гробницы, но Маргарет настаивала, и однажды с тяжёлого похмелья он согласился. И дальше, как в романе... Ну, ты догадалась...

Нет, она не собирается строить гипотезы. Он проверяет её писательскую фантазию. Или

юношескую извращённость мысли. Не выйдет, мистер Атертон!

— Я не знаю, — ответила она просто.

— Раймонд свалился в гробнице, только ударился не головой, а ногой. Двойной перелом. Левая нога, когда срослась, стала короче, и до конца дней прадед хромал и ходил с тростью, как настоящий английский лорд.

Реза вновь смеялся, а Сусанна молчала. Она не слышала такую фамилию. Картера все знают, а Атертона... Наверное, он так ничего и не откопал. И деньги Резы, наверное, просто пришли из Англии... От, ну конечно, Маргарет! Иначе чего он про неё начал?!

— Однако в этот раз падение обернулось не трагедией, а удачей. Маргарет решила ухаживать за ним и не вернулась в Англию. Ещё она, конечно, в память о сестре решила излечить вдовца от пагубного пристрастия к виски. Это у неё не получилось, а остальное... Впрочем, я пропустил второй пункт. Началась война, но из-за ноги прадеда не мобилизовали. Раскопки заморозили. Он остался один на один в пустом доме с Маргарет, возвращение в Англию которой откладывалось теперь на неопределённый срок. Она приняла это как знак свыше и сама сделала предложение Раймонду — наверное, её тоже поразило проклятье фараонов, безумная любовь к Египту.

Реза вновь смеялся, но продолжал рассказ:

— Раймонд согласился жениться на ней, но пить не бросил, потому что без виски не мог лечь в постель с женщиной, до безумия похожей на мёртвую жену, которую он не мог перестать любить. Военной почтой они решили не пользоваться и потому не сообщили о свадьбе несчастному папаше-лорду, а потом думали сообщить сразу две новости: о замужестве дочери и о том, что лорд стал дедушкой. Только и это они не смогли сделать. Маргарет прожила после рождения сына всего три дня, и лорд вместо письма получил из Египта вторую урну. Раймонд вновь не приехал, а лорд не выказал желания увидеть внука. Ну, чем тебе не сюжет для романа? Дарю.

— Вы же сами его написали.

— Это были детские попытки. Я уничтожил рукопись сразу, как умер отец. Мне тогда было как раз шестнадцать. И тогда же я решил покончить с фамильным проклятьем. И, надеюсь, у меня это получится.

— Каким проклятьем? — Сусанна уже вместо жары чувствовала ледяную дрожь злости. И за шестнадцать лет, и за уничтоженную рукопись!

— Ещё одну минуту твоего внимания, моя прекрасная леди. Дед Арчибальд вырос и влюбился в недавно приехавшую из Франции Амелию. Ей не понравился дом мужа, и я её могу понять, — усмехнулся Реза. — Постоянная пыль на полу, пустыня... В общем, они решили построить новый дом и построили — а в саду у них росли прекрасные кусты жасмина. Амелия ждала ребёнка, и всё бы хорошо, да только снова началась война, и арабское общество накалилось — все ждали прихода Гитлера, чтобы тот освободил их от ненавистных англичан. И Гитлер внял просьбе и прислал авиацию. Солдаты вытащили всех из домов и погнали в пустыню, велев всеми подручными средствами, в общем-то просто руками, рыть в песке ямы и зарываться в них. До самолётов можно было рукой дотянуться. Дед прикрыл жену своим телом. Ему оторвало два пальца, но он выжил и окровавленной рукой закрывал Амелию глаза, когда они по пескам возвращались в город, если это можно было теперь назвать городом. На месте дома они нашли воронку, но один куст жасмина уцелел, и в его ветвях запуталась курица. Представляешь, живая... С этой курицей они вернулись в Каир, в их старый дом. Она сохранила ребёнка, но ребёнок не сохранил её. Моя

французская бабка тоже умерла при родах. Как тебе такой сюжет для романа?

— Вы сейчас выдумываете на ходу, да?

— Нет. Когда умерла прабабка, я подумал, что это случайность. Когда умерла бабка, я решил, что это совпадение. Когда умерла моя мать, я понял, что это семейная традиция. Вот поэтому я не приведу в свой дом женщину. Я не хочу ребёнка от нелюбимой, а ту, которую люблю, я не готов отдать ради сына на закланье. В общем, мораль романа такова, — подытожил Реза скороговоркой: — Надо слушаться родителей и не западать на первого встречного, даже если тот хорошо рисует.

Чего он её по носу-то не щёлкнул? Это она на него запала? Ага, размечтался! Идиот! Но фантазия у него всяко лучше её собственной.

— Нам ещё далеко?

Вопрос полетел в лицо каирца, как плевков верблюда. Она заметила впереди их стоянку.

— Вон, до тех самых верблюдов, — Реза махнул рукой. — Если я знаю их хозяев, то нам повезло... Я без денег, а если нет... — Сусанна вновь забыла про жару и похолодела под взглядом каирца. — Я понесу тебя на руках. Такое в романе есть?

— В чьём? В вашем? Потому что в моём — нет! — отрезала Сусанна, пытаясь вырвать руку. — В моём есть колесница.

— До колесницы я тебя не донесу, но донести до места, откуда можно вызвать такси, надеюсь, у меня хватит сил.

— У меня есть деньги.

Реза покачал головой. Понятное дело, что не возьмёт, но она же не за него платит, а за себя — пусть его принципы горят белым пламенем! Её сейчас занесёт злым дыханием Сета!

— Сомневаюсь, что у тебя есть столько наличных.

В этом он может оказаться прав. Родители велели пользоваться картой.

— Ты можешь передвигать ноги быстрее?

Затащил её в пески и ещё недоволен! Но, наверное, боится, что разлётшийся в песках верблюд встанет и уйдёт вслед за маячащей вдаль троицей собратьев. Но верблюд продолжал мерно покачиваться в раскалённом мареве.

— Гашиша накурился, — пошутил Реза, но ей и её ногам уже было не до шуток. Однако радостное приветствие внушило надежду, что Резу тут знают. Только слишком долго они говорили, и бедуин всё махал руками, явно набивая цену, а Реза всё оборачивался и глядел вдаль мимо неё. Наконец бедуин поднёс мобильник к спрятанному под платком уху, и Реза шагнул к ней с улыбкой:

— Они приведут лошадей. На верблюде я тебя в другой раз покатаю, когда будешь менее горячей.

Это что он опять сказал? И про следующий раз, и... Да ладно, Суслик, к словам придирайтесь! Пусть сначала вытащит тебя из пустыни, а уж потом будете отношения выяснять.

— Устала?

И Сусанна даже не поняла, какое сальто он сделал, чтобы в миг оказаться на песке с ней на коленях. Сил сопротивляться не было, и она покорно опустила голову ему на плечо, наплевав на жёсткую лямку рюкзака, врезающуюся в щёку. Но лишь она тяжело вздохнула, рядом сразу скрипнул песок, но она не смогла уже поднять головы, потому что на волосах лежала тяжёлая ладонь каирца. Реза заговорил по-арабски, но она сумела разобрать слово «спасибо», а потом на голове оказалась куфия — и Сусанна в страхе обернулась на бедуина.

Ух, это платок не с его головы! И снова прилегла на плечо Резы. Станный какой-то... И зачем всё это устроил? Может, ему просто скучно живётся с мамочкой. И с этой мыслью она, кажется, уснула, потому что когда открыла глаза, сразу увидела перед собой копыта. Реза заставил её выпить откуда-то взявшейся воды и попытался водрузить на коня. Но уж тут она его оттолкнула — это она сумеет сделать без его помощи!

Он распрощался с бедуинами и обошёл её лошадь со всех сторон, подтягивая подпруги и регулируя стремяна.

— Держи повод, как трубочку от мороженого, — и увидев её злую мину, тут же улыбнулся: — Часа не пройдёт, я накормлю тебя мороженым, обещаю!

Он уже конкретно достал — она ничего не просит у него! Только бы добраться до гостиницы. А уж завтра она на порог его не пустит, чтобы его мать там ни приготовила! Имя-то у неё какое... Фиг запомнишь!

— Ты меня слышишь? Сожми повод в одной руке, не натягивай. Лошадь пойдёт следом за моей, они так приучены. Главное — держи её на небольшом расстоянии и не давай обходить мою лошадь, потому что она кусается.

Сусанна кивнула. Поехали уже, а то и платок станет таким же мокрым, как и кепка, пригвоздившая его к голове. На лошади почти не качало, и Сусанна поразовалась, что Реза не взял верблюда — иначе из неё бы все кишки вытрясло. Однако каирец постоянно оборачивался, словно боялся, что она грохнется в обморок, но после краткого сна и пол литра воды она вновь почувствовала себя человеком, хотя была бы рада, если бы вся вода всё же испарилась через кожу и не мешала ехать.

— Ещё чуть-чуть!

Хорошее ободрение с учётом, что она уже потеряла счёт времени, только солнце явно подумывало занырнуть в хаос. И вдруг Реза поворотил назад своего коня и поравнялся с ней.

— Доставай из рюкзака телефон. Отсюда хороший вид на Сфинкса. Мы ближе подойти не будем. Да, и куфию не снимай. Тебе очень идёт. Лучше зелёных волос.

Какое счастье, что на ней солнцезащитные очки! В них ни глаз, ни лица не видно. Жаль, конечно, что фото без верблюда, но лошадь тоже хороша с такой узорчатой попоной...

— Всё, разрядился, но я успел сфотографировать, — и Реза вновь подставил ей спину с рюкзаком. — Пять минут, и мы избавимся от лошадей. А вообще подумай, такая продвинутая цивилизация, а ни плавать не научились, ни лошадей не оседлали.

— Кто?

— Египтяне, конечно!

— Я тоже плавать не умею.

— Зато на лошади теперь умеешь. И иероглифы писать, я точно знаю...

Мокрый весь, а не ерничать не может, нахал! Только бы не затоптать теперь туристов копытами. Но два бедуина сами к ним подбежали, и Сусанна с ужасом увидела, как Реза протянул старшему золотой браслет! Она его так по миру пустит. Бедуин не подумает возвращать золото. А, может, браслет и не золотой вовсе...

— Ещё сто шагов, моя царица, и будет тебе терраса с видом на пирамиды.

Да ей сейчас никакой вид не нужен! Ей бы умыться да сесть на то, что не качается. Она решила не глядеть в зеркало, потому что у встретивших их вышколенных официантов в красной униформе был достаточно красноречивый взгляд. Но, наверное, богатые люди, даже после пешей прогулки по Сахаре, выглядят платёжеспособными.

Обтеревшись водой, Сусанна доковыляла до плетёного шезлонга в углу террасы и

вытянула ноги, наплевав на их серость. Заходящее солнце всю жарило небо, но в воздухе ещё не разлилась вечерняя прохлада, если в песках она вообще существует. Однако на столике её поджидали мороженое и стакан с лимонадом — оставалось надеяться, что это не махито. Даже капля алкоголя сейчас убьёт её.

— Я взял только мороженое, надеясь на домашний ужин, — на столе подле Резы лежал его телефон, — но мой тоже разрядился, а заявляться к матери без звонка я не хочу. Взглянешь на меню?

Сусанна покачала головой. Из-за усталости она абсолютно не чувствовала голода. Реза протянул ей вазочку с мороженым и задержал горячие пальцы на её руках, а потом скользнул на запястье.

— У меня есть для тебя браслет. Чуть подогнуть, и будет точно твой размер.

Суслик, говори — нет. И быстро! Но язык распух от жары и не шевелился.

— Только не уверен, что его будет достаточно, чтобы искупить нынешнюю прогулку. Прости меня. Я дурак, что потащил тебя в пески.

И когда Реза наконец убрал руку, Сусанна тут же схватила ложечку. На этот раз он, похоже, не издевался, потому что действительно выглядел расстроенным.

— Неужели я ошибся, и кольцо тебе велико?

— Что? — Сусанна нервно уронила руку на колени.

— Я заметил, что ты постоянно крутишь его.

— Я... — Сусанна совсем потерялась в чужом языке. — Я... Я просто не привыкла к кольцам. — Ну же, Суслик, скажи это наконец! — И я... Я хочу его вам вернуть. Мои родители не поймут...

— Верно, не поймут, — перебил Реза довольно зло, но тут же улыбнулся. — Скажешь, что купила у торговцев. У них куча похожих побрякушек. Никто ценности кольца не узнает. И ценность не золотом измеряется и даже не часами работы ювелира, а чувствами дарителя. Это кольцо ничего не стоит, поверь.

От его улыбки дрожь побежала по спине. Или же наконец-то на террасу прокралась долгожданная вечерняя прохлада.

— Дай сюда руку...

И Сусанна подчинилась — пальцы оказались на его ладони даже раньше, чем он сказал «пожалуйста», она хорошая ученица Сельмы.

— Хорошо сидит. Мои губы редко ошибаются в выборе пальцев.

Сусанна не могла сформулировать вопрос, да и не знала, который озвучить и сонма роящихся в голове. Реза поцеловал палец с кольцом и отпустил руку, и падая та чуть не выбила ложечку из вазочки с мороженым.

— Ешь уже, а то растает, — Реза откинулся в кресло и коснулся губами края своего стакана, но не сделал и глотка.

— Как вы определили размер кольца? — задала Сусанна вопрос, показавшийся ей самым безобидным, чтобы каирец только убрал ото рта стакан.

— Я же объяснил — губами. Или ты думаешь, я вчера целовал твои пальцы для чего-то другого?

Суслик, когда ты научишься молчать?! Будешь говорить на уроках английского в школе: London is a capital of Great Britain... А здесь тебе надо молчать. И она схватила свой бокал — только бы в нём оказался лимонад, но распробовать она не успела, потому что плавающая на поверхности веточка мяты сразу прилипла к губам. Пришлось выплюнуть и покраснеть! Или

же лицо горело от ожога. Завтра она будет сеньорой Помидорой. Но он её такой не увидит...

— Тебя, как маленькую, с ложки кормить, что ли?

Одной рукой Реза убрал от её лица стакан, а в другой уже держал наготове ложку с мороженым.

— Белый шарик — сразу ясно, что ванильное. Зелёный — фисташковое, а вот с жёлтым не могу определиться: манго или персик?

— Хотите попробовать? — вопрос сам прорвался через стиснутые зубы.

— Я доверяю твоему вкусу.

И Сусанне пришлось проглотить мороженое.

— Персик, — выдала она тут же.

— Ничего-то ты не понимаешь в мороженом, — Реза бросил ложку в вазочку. — В меню было написано — манго. Но ничего, у тебя вся жизнь впереди...

И к чему такая ухмылка! Если б только она могла перевести на английский Козьму Прутков! Да, она прекрасно видит, что перед ней слон, а не буйвол! Только бы добраться до гостиницы, и он станет лишь кошмарным воспоминанием.

— Пока ты ешь мороженое, может, дашь мне почитать свой роман?

Он улыбается или издевается? За стеклом стакана его улыбка больше походила на оскал.

— Он на русском.

— Я положусь на гугл-транслейт.

Сусанна полезла в рюкзачок. Пусть читает. Там пока нет ничего, из-за чего она могла бы покраснеть сильнее, чем от его нахальных взглядов.

Глава 12

«Нен-Нуфер прождала Пентаура до полудня, и когда тот так и не объявился, покинула больницу. Ноги почти не болели, а вот на душе было беспокойно — не бывало такого, чтобы Пентаур не сдерживал обещаний, да и проводивший её до порога жрец выглядел обеспокоенно, как и все обитатели храма. Невольники и прислужники суетились, как обычно, только в воздухе разлилось подозрительное молчание. Её накормили с остальными больными, и Нен-Нуфер напрямик отправилась в башню — только бы узнать, что Пентаур просто занят, и тогда можно поискать себе занятие — её ещё долго не допустят до танцев.

Однако у входа в башню она столкнулась со стражником. При виде её юноша расставил ноги и сжал в руке хлыст, будто охранял вход в храмовое хранилище.

— Велено никого не пускать, — отрезал он, когда Нен-Нуфер ещё даже не задала вопроса.

Он опустил руку, и плётка задрожала в нагретом воздухе. Нен-Нуфер непроизвольно попятилась.

— Скажи Пентауру, что Нен-Нуфер желает видеть его.

— Мне велено никого не пускать, — повторил стражник с непроницаемым лицом.

Кнут распрямился ещё больше, и Нен-Нуфер не посмела продолжить беседу. Она поспешила во дворик, где в этот час в тени колонн Амени обычно беседовал с учениками. У него она узнает, отчего к башне приставлена стража.

— Кого ты ищешь здесь, Нен-Нуфер?

То был вчерашний нахальный жрец, с которым она бежала навстречу фараону. Не дожидаясь его приближения, Нен-Нуфер развернулась и побежала прочь с такой быстротой,

что чуть не опрокинула корзину с финиками, которую несла на плече рабыня.

— Прости меня, — отступила от неё девушка и поспешила к себе в пристройку. Теперь она знала, почему Пентаур не навестил её. Они заперлись в башне с Амени. Нечто серьёзное свело их вместе в неурочный час, потому как Амени никогда не отменял бесед со жрецами. А что может быть серьёзнее вчерашнего жертвоприношения фараона?

Нен-Нуфер уселась на служившую ей постелью циновку и взяла флейту.

Ей запретили танцевать, но не играть. И как только Нен-Нуфер заиграла, в пристройку тут же со смехом впорхнула стайка танцовщиц, но заметив её, девушки замолчали и переглянулись. Нен-Нуфер опустила флейту. Они видели, как она вчера наряжалась, а потом не явилась ночевать... Должно быть, об этом успели доложить и наставнице. Ей скорее надо бежать к ней, чтобы рассказать, что Пентаур отправил её залечивать раны в больницу — жаль, она не спросила имя врача, но коль потребуется свидетель, она сумеет узнать его среди остальных жрецов. Бежать, пока сплетни не достигли ушей Амени... Он видел её у храмовых пилонов и, зная её прежний скромный вид, тоже мог заподозрить неладное. Как же могла она так неосмотрительно открыто искать встречи с царевичем! А он, искал ли он после службы встречи с ней?

Пурпурный румянец, окрасивший бледные щёки Нен-Нуфер, только сильнее подогрел интерес смешливых товарок. Нен-Нуфер хотела ухватиться за фигурку Исида, но ей помешало ожерелье. Девушки опустили перед ней на циновки — да только зря глядят в глаза, ведь ей нечем утолить их срамной интерес. И отчего каждая держит в руке цветок лотоса?

— Ты знаешь, что теперь будет с Пентауром? — начала старшая из троицы совсем шёпотом, а остальные в страхе обернулись к откинутому пологу, за которым в дневном мареве двигались невольники.

Нен-Нуфер сжала флейту. О чём её спрашивали, она не понимала.

— Ты видела его после службы. Мы знаем, что он отвёл тебя в больницу.

Они знают! О, Великая Хатор! О Всемогущая Исида! В её чистоте никто не усомнился,

— Зачем он сделал это? Зачем? — уже спрашивали наперебой все трое.

— Что сделал? Когда? Вы говорите про Пентаура?

Краткая радость сменилась тревогой. Нен-Нуфер вспомнила взволнованное лицо врача и хлыст стражника.

— Она ничего не знает! — вскочила младшая из девушек. — Её лишь собственные ноги интересуют! А если бы не Пентаур, тобой бы крокодил позавтракал!

Нен-Нуфер вскочила следом и замахнулась на обидчицу, и если бы старшая не схватила флейту, та непременно опустилась бы на голову несчастной девушки.

— Полоумная!

Нен-Нуфер закрыла лицо руками, когда в неё полетели лотосы, и отступила в угол. И как бы звонко не стучало в ушах сердце, она всё равно услышала звук брошенной на пол флейты. Только не посмела нагнуться за ней, пока в пристройке не стало тихо. Флейта треснула и больше не могла петь. Нен-Нуфер уткнулась в неё носом и разревелась.

— Не плачь, девочка.

Это старая невольница, с которой они когда-то сушили для больницы целебные травы, услышав её стоны, прибежала в пристройку и теперь шершавой рукой гладила её по волосам. Нен-Нуфер уткнулась в её сморщенную грудь и только пуще разрыдалась.

— Я видела, как Амени покинул храм, — скрипела старуха у неё над ухом. — И

слышала, как жрецы шептались промеж собой, будто он отправился к самому фараону.

Нен-Нуфер вскинула на невольницу заплаканные глаза.

— Не плачь, девочка, — шершавая рука прошла по мокрым щекам Нен-Нуфер. — Его Святейшество подчиняется великой Маат и не может долго злиться.

— На что он злится? — Нен-Нуфер шмыгнула носом и утёрла губы. — На кого?

Старуха отшатнулась от неё, словно от прокажённой.

— Над чем же ты плачешь тогда?

Нен-Нуфер подняла с коленей треснувшую флейту. Губы старухи сжались. Сейчас она тоже пожелает ей быть сожранной крокодилом!

— Ах... — старуха покачала головой. — Ты разве не знаешь, что Пентаур выгнал фараона из храма? Не видела, как его колесница чуть не врезалась в пилоны храма, когда он, оттолкнув возницу, сам схватился за вожжи? Где же ты была в это время?

Где она была? Она была заперта! Она была ближе всех к Его Святейшеству и Пентауру и знала меньше всех. А теперь, когда знала, не могла поверить... Амени...

— Где Амени?

— Я же сказала тебе, что он вымаливает у фараона прощение! — проскрипела старуха и даже выплюнула последнее слово. — Не мог Великий Пта говорить устами Пентаура, не мог прогневаться на Божественного... Наш Пентаур ополоумел... Все говорят об этом! Он уже столько не ест и не моется, разве разумный станет так поступать...

Нен-Нуфер вскочила на ноги и, бросив флейту, побежала к воротам.

— Амени ещё не вернулся? — кинулась она к стражнику, которым, к счастью, оказался отец её славного ученика.

— Вернулся, — ответил тот тоже без приветствия. — Но не советую тебе, Нен-Нуфер, подходить к нему. Но ты не тревожься, — стражник стёр с её щеки слезу и достал из-за пояса цветок лотоса — и у него цветок! — Почему ты не украсила себе волосы? Уж кому как не тебе носить в волосах лотос! — и он засунул стебель ей за ухо.

— Отчего у всех лотосы?

Да что же происходит? Не мог, не мог Пентаур выгнать из храма Божественную чету!

— Ты не видела корзины, полные цветов, которые принёс вчера в храм фараон? Все только про них и судачат. Говорят, из-за них Пентаур и выгнал фараона, заявив, что тот оскорбил таким жалким жертвоприношением Великого Пта.

— Мир тебе...

Нен-Нуфер закусила губу и бросилась прочь. Пентаур не мог так сказать! Кому, как ни фараону, знать, чего желает Великий Пта. Она бежала к башне, позабыв про стражника, но тот не забыл приказ.

— Велено никого не впускать!

Он упёр рукоять хлыста ей в грудь, и пришлось отступить.

— Ответь лишь, Амени там?

Стражник кивнул. Нен-Нуфер присела в сторонке. Она дожждётся верховного жреца, и тот не станет скрывать от неё правды. Не мог, не мог Пентаур выгнать фараона за лотосы, не мог... И тут послышались тяжёлые шаги. Стражник с почтением отошёл в сторону, пропуская верховного жреца. Амени сгорбился, и живот собрался складками под дряблыми сосками. Отчего прежде не замечала она, насколько жрец стар? Амени что-то тихо сказал стражнику и поплёлся в противоположную от затаившейся девушки сторону. Нен-Нуфер кинулась за ним и, позабыв про почтительность, ухватила за руку. Амени остановился.

— К нему нельзя, — отрезал старик, не дожидаясь вопроса. — Его никто не должен тревожить.

Нен-Нуфер и хотела бы отпустить руку жреца, но пальцы отказывались её слушаться.

— Если Пта будет к нему благосклонен, ты увидишь его через три луны. Если же нет, то я не знаю, что делать.

Тяжёлый стариковский вздох магически подействовал на девушку, и она сумела отступить от жреца на надлежащее расстояние.

— Разве мог Пентаур выгнать Божественного из храма? — прошептала она, кусая язык за такие жуткие слова.

— И ты туда же! — в глазах старика вспыхнул злой огонь. — Какая же из тебя жрица, коль ты не в силах стоять в стороне от сплетен! Неужто наш Пентаур способен совершить подобное богохульство?!

Нен-Нуфер в страхе сложила на груди руки.

— Так говорят...

— Люди много, что говорят, но на то мы и наделены знаниями, чтобы видеть собственными глазами и слышать собственными ушами.

Но она в темноте не видела и не слышала. Однако же никто, кроме царской свиты и самого Пентаура не мог знать, что произошло в глухом коридоре храма. Однако Амени мог знать — он видел и Пентаура, и фараона.

— Пустое волноваться за Пентаура. Он сделал то, что должен был сделать, только не сумел найти нужные слова, и нужное место. Я дал ему знания, но я не научил дворцовому этикету. Он обязан был отвести Его Святейшество в келью и там, без лишних ушей, а не перед царскими братьями, говорить с ним. И за то я плачу сейчас страшную цену. Великий Пта неспроста увёл меня из храма, чтобы открыть глаза на мои упущения. Теперь я молюсь, чтобы он открыл глаза Его Святейшеству. Фараон наш ещё молод, и людское в нём слишком часто берёт верх над божественным. А ты, Нен-Нуфер, не слушай чужих речей и свой рот не раскрывай. А теперь ступай и делай то, что подготовит тебя к встрече с Тирией.

— Мне запретили участвовать в танцах, покуда ноги не заживут.

Амени тряхнул головой и опустил взгляд на закрытые лёгкой тканью колени девушки.

— Тогда играй.

— Я разбила флейту.

Амени помрачнел.

— Только этого мне не хватало! Не говори, что и с тобой я сделал неверный выбор, и Великая Хатор не желает принимать тебя в свои жрицы!

Голос Амени взвился, и если бы они не отошли от башни, запертый в ней Пентаур точно бы услышал горькие слова верховного жреца. У Нен-Нуфер затряслись колени и защипало глаза. Она пошатнулась, и Амени ухватил её за руку, испугавшись, что девушка сейчас упадёт. А второй рукой он коснулся цветка лотоса, спрятанного в светлых волосах.

— Но не это ли знак, ведь ты переписала для фараона книгу — возможно, ты станешь той, кто принесёт ему весть, которой он с таким нетерпением ждёт. Но прежде, чем я открою тебе великую тайну фараона, я должен получить от нашего Бога позволение. А теперь ступай и не тревожь своего воспитателя. Я позову тебя, когда он будет готов написать фараону послание. И оно будет написано твоей рукой, если на то будет воля Великих Богов. А сейчас эти руки могут помочь справиться с таким невиданным количеством лотоса. Фараон дал нам понять, что неразумные жрецы не в праве покушаться на священное мясо

быков и должны довольствоваться тем, что в достатке даёт река. И вот тут я вижу в Тети мудрость, достойную фараона. Нен-Нуфер, не мешай Пентауру, иначе никто из нас никогда больше не вкусит мяса. Я отдал такой приказ, повинуюсь воли Его Святейшества.

Нен-Нуфер еле сдержалась, чтобы не пасть ниц перед старым жрецом. Только сейчас она догадалась, где запер её воспитатель, и отчего фараон с братьями разбушевался за дверью. Амени сейчас гладил её по голове, не зная, что это её неразумное желание увидеть царевича навлекло на всех немилость фараона, и кого должны покарать — так это её. Но тут же в ушах зазвенел голос Пентаура, запрещающий открывать тайну даже Амени. Он оберегал её от чего-то более страшного, чем собственное падение. Отчего?

Она бежала к невольникам, кусая до крови губы, чтобы сдержать слёзы и до позднего вечера отделяла луковицы и семена от цветов. Варёные луковицы подадут на обед, а семена смелют в муку для лепёшек, а из цветков приготовят дурманящий напиток для богослужений. Она устала и выбилась из сил, волосы даже в тени прилипли ко лбу и шеи, но она и думать не могла отпроситься в купальню. Она должна была одна разобрать все корзины, чтобы искупить перед Великими Богами свою вину, ибо они знали то, что не ведали люди. А ночью Нен-Нуфер сжимала фигурку Исиды, моля Богиню забрать от неё тревожные мысли, а с утра вновь была на кухне, где с ужасом слышала новый шёпот: Амени с утра вновь отправился во дворец, потому что вчера фараон не пожелал его видеть.

Покончив с работой, Нен-Нуфер вновь побежала к воротам, но верховный жрец ещё не вернулся. Она ждала его с ещё большим нетерпением, чем в роковой день колесницу царевича Райи. Только предугадать приход Амени было намного труднее — ни клубов пыли из-под копыт лошадей, ни колыхающихся в мареве носилок. Верховный жрец вновь шёл пешком.

— Я же велел тебе не тревожиться, — Амени взял её за руку и ввёл в ворота. — Я рад был увидеть на тебе ожерелье. Надень его вновь — как будущая жрица, ты должна научиться внушать людям почтение. Возьми ещё это, — старик стянул с мизинца тонкое кольцо и надел девушке на указательный палец. — Больно видеть твои воспалённые руки. Не смей больше ходить к невольницам — твоё тело отдано Богине, а она требует от своих жриц ещё большей заботы о своей красоте, чем делают иные женщины для своих мужей. Я хочу, чтобы Тирия восхитилась тобой. И даже если она не увидит тебя на празднике, я попрошу Пентаура сопроводить тебя к ней в Фивы. Судя по всему, ему лучше уехать. Фараон не в силах переступить через людскую обиду. Его Святейшество вновь не пожелал увидеться со мной. И потому я не могу допустить Пентаура до храмовых церемоний. Ступай, ступай... Я сказал тебе слишком много, но лишь потому, что ты читала „Книгу Мёртвых“. Ступай к себе, я пришлю к тебе невольницу, когда отправлюсь домой. Я слишком плохо заботился о тебе все эти годы. Мне давно следовало забрать тебя в город.

— О, нет! — взмолилась Нен-Нуфер, хватая жреца за обе руки. — Позволь, Святой Отец, остаться пока в храме. Я хочу быть рядом с Пентауром, если вдруг он позовёт меня.

Рука Амени легла на влажный лоб девушки.

— Ты очень любишь его, но любовь твоя чиста. Однако не показывай её другим. Оставайся пока здесь. Быть может, Великий Пта скоро откроет Пентауру глаза. Ступай!

Нен-Нуфер ушла, но ночью не сумела уснуть. Она выбрала лучший лотос и опустила его в полный воды горшок. Великий Пта и Великая Хатор открыли глаза ей. Не дожидаясь, когда полностью расцветёт, она покинула храм через вторые ворота, неся фараону Менесу на этот раз один только лотос. Он призовет к себе сына, и царевич Райя догадается, от кого это

послание, и найдёт способ увидаться с ней, и ему она откроет правду, которую ей велено скрывать даже от доброго Амени. Фараон должен гневаться на неё, а не на Пентаура.

И после до самого вечера она стояла у храмовых пилонов, дожидаясь клубов пыли, но, должно быть, царевич не получил её послания. Наверное, он редко посещает гробницу отца, ведь она так долго не встречала никого в Долине царей. Зато она дождалась Амени. Верховный жрец вновь вернулся из дворца ни с чем, а на следующее утро она обнаружила горшок с лотосом на прежнем месте. Никогда ещё она так жарко не взывала к фараону Менесу. Только у храма пылили всё чужие колесницы, и Амени вновь возвратился запылённым и грустным. Минуло три дня, но Пентаур так и не спустился из башни. Жара в эти дни стояла невыносимая, и Нен-Нуфер еле добиралась от гробницы обратно к храму, потому нынче решила выйти в полной темноте, но на беду храмовые ворота ещё не открыли. Стражник покачал головой на её просьбу, и тогда Нен-Нуфер решилась на ложь — она показала подаренное Амени кольцо с печатью храма, и ей безропотно открыли ворота.

Она почти бежала к гробнице, и о чудо — камень перед статуей фараона оказался пустым. Она поспешила обратно в город, но лишь зря прождала до вечера. Какая же я глупая, — думала Нен-Нуфер, лёжа на жёсткой циновке. Царевич не может прийти к ней в храм. Нужно было ждать его в гробнице. Только не следует идти туда слишком рано. Она дождалась лотосовых лепёшек и, спрятав их в корзинку, отправилась в путь. Никогда дорога не казалась такой лёгкой, и даже тяжёлое дыхание пустыни походило на лёгкое дуновение с Великой Реки. В Долине царей разлилась тишина, но лишь она завернула за гробницу, спокойствие песков нарушилось конским ржанием. Нен-Нуфер признала и лошадей, и колесницу и, без страха погладив гриву одному из коней, обернулась ко входу в гробницу — однако царственный возница не появлялся. Тогда она осторожно подошла к ступеням и, заглянув в темноту, в неровном свете факела увидела царевича, распластанного у ног статуи отца. Нен-Нуфер прижалась к стене, стараясь не дышать, но сердце её колотилось так сильно, что Райя услышал его стук и вскочил с пола.

— Мир тебе, Прекрасный Лотос. Я сказал отцу, что дождусь тебя, пусть мне придётся дожидаться здесь следующего рассвета. Прости, что я не дождался тебя вчера.

— Я ждала тебя в храме, — выдохнула Нен-Нуфер, не смея спуститься даже на ступеньку. Царевич протягивал к ней обе руки, желая явно обнять, а не помочь спуститься.

— Разве я мог прийти к тебе в храм? Разве ты рассказал кому-то про нашу встречу?

Он опустил руки, и в голосе его появились злые нотки, именно таким эхом звучали его слова в храме, пусть она и не разобрала их смысл.

— Я никому не рассказала. Я не нарушаю обещаний. Хотя да простят меня Великая Хатор, Великий Пта и Великая Маат, я пришла сюда именно затем, чтобы нарушить данную Пентауру клятву.

— Я не желаю слышать это имя! — голос царевича эхом отскочил от стен гробницы.

— Я знаю, что и Его Святейшество не желает слышать имя моего воспитателя! — Нен-Нуфер сложила на груди руки, и пальцы её дрожали, касаясь похолодевших плеч. — Но чьё имя он в действительности не должен желать слышать, так это моё! Потому что во всём виновата я, а не Пентаур и не добрый Амени! Это из-за меня всё случилось! Пентаур охранял меня от кары жрецов.

— Я не понимаю тебя, жрица! — царевич поднялся на три ступеньки и протянул к её щеке руку. — Мы красим глаза, чтобы не дать слезам волю.

Она пришла к нему в прекрасном платье и ожерелье, с подведёнными глазами — как и

надлежит жрице Великой Богини, но Хатор не дала ей нужной силы, чтобы высказать просьбу, и сейчас, опалённая огнём тёмных глаз, она вовсе лишилась дара речи. Царевич взял её за руку и осторожно повёл по ступенькам вниз, где усадил на прикрытые сорванным с головы платком холодные плиты.

— Я ждал тебя не для того, чтобы утирать твои слёзы.

— Я плачу уже не один день и пришла просить тебя о милости.

— Я сделаю всё, чтобы ты больше не плакала. Если только это в моей власти.

— Поговори с фараоном, пусть он не отправляет больше Амени.

Царевич отвернулся и сомкнул на коленях руки.

— Вот, значит, как. А я, найдя здесь лотос, подумал, что ты хочешь видеть меня. Какой же я наивный... Прекрасная жрица Хатор решила, что может впутать меня в храмовые интриги! — царевич вскочил на ноги. — Не будет этого! Можешь передать Амени, что только зря стирает сандалии — фараон не желает слышать никаких оправданий.

— Если ты, мой господин, не станешь говорить с ним, я сама пойду к фараону. И приду я к нему, как простая просительница, и он не отошлёт меня.

— Он отошлёт тебя, как только узнает, за кого ты просишь, — Райя продолжал стоять к ней спиной, и Нен-Нуфер, видя его гнев, осталась сидеть на платке.

— Нет, фараон не отошлёт меня, когда услышит, что я ему скажу. После этого я уверена, он простит Пентаура, но тогда покарают меня, потому что мне придётся говорить при всех, а все не могут хранить тайну, которую я хотела доверить тебе.

Райя вернулся к ней и сел рядом на голые плиты.

— Какая у тебя тайна, жрица Хатор? Чтобы ты ни сказала, это услышим лишь я и мой отец.

— И фараон, — твёрдо добавила Нен-Нуфер. — Скажи ему, что Пентаур не отвёл его в келью, потому что там была я.

— Там была ты? — царевич так сильно стиснул ей плечи, что Нен-Нуфер чуть не закричала. — Что ты слышала?

— Ничего, — затрясла она головой. — Ничего я не слышала. А если б и услышала, то заткнула бы уши, ибо никто не смеет подслушивать фараона.

— Почему он не сказал нам правды?

— Он нашёл меня во двореке до службы...

— Что ты там делала? Ты разве не знаешь, что никто, кроме жрецов Пта и тех, кого допустил сам фараон, не смеет присутствовать на церемонии жертвоприношения?

Нен-Нуфер опустила глаза.

— Я знаю, но я не присутствовала... Я только...

Нен-Нуфер сжала ресницы, пытаясь сдержать слёзы. Слеплённая желанием увидеть царевича, она позабыла, что внутренний дворик во время приезда Божественной четы закрыт для всех, кроме старших жрецов. Потому Пентаур был так удивлён и напуган, найдя её там.

— Хатор покарает меня за мои слова, но ведь она и так знает правду... Я хотела увидеть тебя, царевич Райя. Я не думала, что нарушаю что-то...

Царевич спрятал за спиной руки.

— А я думал, что нарушаю, ожидая здесь твоего прихода. Ведь всё, что мне позволено — это видеть твой танец на храмовых праздниках. Я сделал признание. Скажи теперь и ты, пришла бы ты сюда, если бы не желала защитить Пентаура? Ответь мне, ибо кроме меня и отца никто не услышит это.

Нен-Нуфер опустила глаза.

— Я больше не приду. Я увидела тебя, и мне довольно. Пусть Великая Хатор простит мне моё желание.

— И да простит она его мне. Я должен поучиться у Пентаура силе. Он должен очень любить тебя, коль поставил на кон труды всей своей жизни.

— Пусть фараон простит ему его ложь, потому что, я знаю, Пентаур примет любую кару, но не скажет про меня Амени. Пусть Его Святейшество не карает Пентаура за меня.

— Будь покойна, завтра фараон примет Амени и ни слова не скажет про спрятанный в келье лотос. Я укажу ему на тебя во время танца. Сколько бы париков они не надели на тебя, я узнаю тебя, мой Прекрасный Лотос. Я хочу, чтобы и он знал, какие прекрасные жрицы служат Великой Хатор.

— Я не буду танцевать на празднике. Из-за ссадин меня отстранили от танцев.

Царевич на мгновение прикрыл глаза.

— Прости меня. Я не знаю теперь, как искупить свою вину.

— Не кори себя, мой господин. Это пустое. Передай лучше фараону вот эти лепёшки из лотоса да скажи, что в храме не будет мяса, покуда его просьбу не исполнят.

Улыбка сошла с лица царевича.

— Откуда тебе известно про задание фараона?

— Мне ничего неизвестно, мой господин, — поспешно ответила Нен-Нуфер. — Просто Пентаур который день не спускается из башни и никого не пускает к себе, кроме Амени. Я не знаю, что ждёт от него Его Святейшество, но скажи фараону, что его лотосы не успеют закончиться, когда Пентаур пришлёт ему послание. А лепёшки действительно вкусны и достойны стола самого фараона.

— Лотосы? — по лицу царевича вновь скользнула улыбка. — Какое отношение фараон имеет к лотосам? Эти лотосы от меня. Только цветы со всей Великой Реки не сравнятся с тем единственным, который вырос в стенах храма.

Его руки вновь лежали на её плечах, и она не сумела отвести глаз.

— Если бы только я увидел этот лотос раньше... Идём, жрица!

Царевич вскочил и протянул руку. Нен-Нуфер поднялась и вернула Райе платок.

— Оставайся с миром, мой господин.

— Нет, ты скажешь мне это у городских ворот, — он крепко сжал запястье Нен-Нуфер. — Великая Хатор не покарает нас, потому как мои помыслы нынче чисты. И если когда-нибудь тебе ещё раз потребуется моя помощь, оставь в гробнице Лотос. Отец укажет мне верный час встречи. Я верю, что он полюбил тебя как дочь.

Они осторожно поднялись по ступеням и встали на колесницу под палящее солнце. В этот раз на Райе не было парика, и всё равно он укрыл платком светлые волосы спутницы. Царевич правил лошадьми двумя руками, а Нен-Нуфер так хотелось, чтобы рука с кнутом вновь лежала у неё за спиной, и чтобы царевич опять долго не отпускал её у городских ворот. Но царственный возница быстро распрощался с ней и умчался прочь, а она забыла отвернуться, и явилась в храм с размазанной от песка и слёз краской. Никогда прежде циновка не казалась такой мягкой — её смягчили слова царевича — если бы он встретил её раньше... Она не скажет ему, что это раньше всё ещё существует, потому что Пентаур и Амени, фараон и Великая Хатор осудят её, если она предпочтёт служению жизнь наложницы. Только сердце не слушало разум, оно всё сильнее и сильнее сжималось от неизвестной прежде боли и потому утром, когда Нен-Нуфер, проходя мимо башни, услышала

знакомый окрик, оно не забилося радостно, а лишь остановилось на миг.

— Я вновь искал тебя и вновь не мог найти.

Пентаур осунувшийся, но чисто выбритый, умащённый маслами и с прежней, давно забытой улыбкой, шёл к ней. Стражника больше не было, и никто не преградил им путь в башню. Стол Пентаура был по-прежнему завален папирусами, а на расстеленной в углу циновке лежало аккуратно свёрнутое одеяло.

— Как твои ноги? — не прося позволения, молодой жрец присел подле неё и приподнял подол платья. — Они прекрасно позаботились о тебе и путешествие по Великой Реке не причинит тебе большего вреда.

— Какое путешествие? — Нен-Нуфер недоумённо глядела на сжимающие её запястье пальцы. Как давно воспитатель не держал её подле себя так близко.

— Амени должен был сказать тебе про Фивы. Он отправляет меня туда, чтобы не мозолить глаза фараону...

Нен-Нуфер едва сдержалась, чтобы не сказать воспитателю, что фараон обязательно сменит гнев на милость.

—...А тебя я должен представить Тирии...

И тут Пентаур замолчал и взял Нен-Нуфер за второе запястье.

— Если только ты хочешь служить Великой Хатор.

Неужели это был вопрос? И он звучал не только в воздухе, но и светился в глазах жреца.

— Амени сказал мне...

— Оставь, Амени! — Пентаур уткнулся губами в её светлую макушку. — Я вдруг понял, что это знак. Я слеп не потому, что мне не достаёт знаний, а потому что эти знания не для меня... И неспроста Пта привёл тебя туда, куда бы ты не пришла сама... И никогда прежде фараон не приезжал без предупреждения... И его немилость для меня самая великая милость... Нен-Нуфер, — жрец отстранился, чтобы видеть её глаза. — Моих знаний довольно, чтобы стать в Фивах хорошим врачом, и у тебя будет вдоволь и нарядов, и украшений. Ответь мне, Нен-Нуфер, примешь ли ты меня как мужа?

Она окаменела и больше не слышала тяжёлого дыхания жреца, в ушах эхом гремели слова царевича: „он должен тебя очень сильно любить...“ Пентаур кладёт к её ногам свой сан и все полученные от Амени знания. А её сердце не бьётся, и только колени трясутся от страха.

— Пентаур!

Жрец отскочил от Нен-Нуфер за мгновение до того, как перед ними предстал запыхавшийся Амени.

— Великий Пта услышал наши молитвы... И Нен-Нуфер здесь, чтобы записать твои слова. Его Святейшество принял меня нынче и без слова упрёка попросил дать ему ответ не позже, чем через три луны. У тебя ведь есть ответ, Пентаур!

Молодой жрец отступил к парапету и потому, видно, не услышал, как радостно забилося сердце Нен-Нуфер — царевич Райя сдержал слово — поговорил с Божественным братом. И, значит, сдержит и ещё одно — никогда больше её не увидит...»

Реза поднял глаза от планшета, и Сусанна поспешила сделать вид, что глядит на пирамиды.

— Хочешь ещё мороженого?

Она не ждала подобного вопроса и покраснела. Нет, она не хочет больше мороженого. Она ждёт от него хоть слова о прочитанном, но каирец молча протянул ей планшет.

— Я думаю, что они были во всём намного выносливее нас.

Сусанна схватила планшет и сунула в рюкзак. Она прекрасно его поняла. Никто не будет носиться с девицей, как с писаной торбой! Реза хлопнул в ладоши и, протянув вынутую из телефонного чехла кредитку подлетевшей официантке, начал что-то быстро говорить той по-арабски.

— Я попросил вызвать такси. Хочешь ещё лимонада?

Сусанна покачала головой. Реза спустил с шезлонга ноги и протянул ей руку.

— Мы можем, конечно, пойти обратно пешком.

Сусанна опустила глаза. Зачем она дала ему роман! Теперь он будет издеваться и над

автором, и над героями, и над ситуацией. И всё это, вырванное из контекста, он переведёт на её дурацкое поведение. К счастью, такси не заставило себя ждать, избавив от возможного обсуждения отношений мужчины и женщины, и Сусанна надеялась, что Реза сядет вперёд, но он выбрал заднее сиденье. Даже когда он держал её за руку, она не была так близко от него, а тут он ещё закинул ей за спину руку, чтобы её не качало от постоянных торможений.

Сусанна пыталась не дышать. Вот уже и пальмы, а за ними и дом Резы. Значит, до Мемфиса рукой подать... Только таксист затормозил, и каирец, распрощавшись, открыл дверцу. Бесполезно было оставаться внутри машины.

— Я уже сказал, что писателю нужен опыт? — рука Резы вновь лежала на её плече, но теперь поверх рюкзака. — Ты не хочешь спускаться в гробницы, потому я покажу тебе винный погреб моего прадеда. Как все сумасшедшие египтологи, он не мог построить нормальный лондонский погребок, и оформил его в виде мастабы. Правда, лотосы там рисованные...

Сусанна закусила губу.

— А почему мы не подъехали к дому?

От высокого забора их отделяли пять одинаковых персиковых домика... Или они были цвета манго?

— Я не хочу, чтобы нас увидела мать. Мы, как воры, проникнем, ладно? Так романтичнее, не правда ли?

Сусанна кивнула и сжалась — у нас с вами уже была романтическая прогулка по пустыне, мистер Атертон, если не вспоминать ночной Каир. У нас с вами явно разные определения романтики, но куда Суслик может деться? И вновь ни души, а ведь ещё далеко не ночь.

Глава 13

Реза отворил в глухом каменном заборе калитку, и Сусанна уткнулась носом в куст жасмина.

— Мимо тех кустов налево.

Она прекрасно поняла заданное хозяином направление, но решила всё же дождаться, когда Реза прикроет калитку и пройдёт вперёд. Густые заросли кустарника мешали верно оценить размеры сада, а вот в доме было три этажа. Последний, впрочем, состоял из крыши второго с навесом, сделанным на манер древнеегипетских домов — по виду из соломы. Во всяком случае внешне он выглядел именно так, как изображали дома в учебниках истории древнего мира.

Реза повторил маршрут, зачем-то настаивая на том, чтобы гостя шла впереди. Заблудиться в саду оказалось невозможным — дорожка упёрлась в ступеньки, обсаженные пахучими цветами. От стены дома их отделяли не более десяти шагов.

— В лондонских домах хранилище вина находилось в двух шагах от кухни, — Реза словно прочитал её мысли. — Но пески диктовали иные условия. Или же Раймонд сделал это нарочно, чтобы пьяным труднее было вернуться в дом. Так что Маргарет не так часто видела мужа в совсем непотребном виде, а пил, как ты помнишь, он каждый вечер. Для большего комфорта прадед расширил погреб до размеров кабинета. Теперь здесь моя мастерская.

Когда Реза наконец ступил на первую ступеньку, Сусанна глянула вниз и не увидела конца лестницы.

— Дед во всем стремился к древнеегипетской аутентичности. Что встала, как вкопанная! Нен-Нуфер не боялась спускаться в настоящую гробницу, и её создательница не должна бояться, — он улыбнулся по-садистки мило. — Обещаю держать тебя за руку и отпущу только за дверью.

Нога не умещалась поперёк ступеньки, и Сусанна решила спускаться боком, уперев свободную руку в шершавый песчаник. Хотя Реза опережал её всего на пару ступеней, она уже смутно различала его лицо. И вот они уперлись в дверь. Судя по звуку, железную.

— Я поставил её от воров. В Гизе их слишком много. Потому я и забрал у тебя рюкзак, а то ты так погружаешься в древность, что не замечаешь ничего вокруг.

Да, да. Вернее сказать — никого, кроме него. Только он тоже вор. Он уже украл у неё два вечера и теперь строит какие-то планы на оставшиеся четыре. Потому и она может повторить выплюнутое им ругательство!

— Какого... ставить дверь, когда её не закрывают! Проходи! — Реза почти втокнул её в кромешную тьму. — Вот именно такая темень встречала осквернителей гробниц, — усмехнулся он под щелчок закрывающейся двери, а потом выругался ещё сильнее. — Открой дверь. Что-то с выключателем. Я не могу включить свет.

Сусанна протянула руку, но не нащупала двери. Пришлось отступить на шаг. Вот и ручка, только сколько бы она ни нажимала на неё, дверь не поддавалась.

— I cannot open it!

Пальцы Резы легли поверх её руки, но ручка всё равно не опустилась. И когда он налёг на дверь плечом, Сусанна в дополнение к английским узнала и арабские ругательства, если, конечно, те не принадлежали к древнеегипетскому наследию — хотя подобное вряд ли писали на папирусах.

— You cannot open it too?

Сусанна не знала, зачем спрашивала очевидное. Впрочем, двери она не видела, как и стоящего подле неё хозяина — глаза отказывались привыкать к темноте. Реза вместо ответа ударил по двери ногой, хотя оба прекрасно понимали, что пострадает скорее ботинок, чем железо. Или туфли, или сандалии. Сусанна поняла, что не помнит, во что обут Реза. Она смотрела либо ему в рот, либо на свои занесённые песком ноги. Темнота была ледяной и обволакивающе-густой.

— Я жду от тебя следующего вопроса: что мы будем теперь делать? — в тишине шёпот Резы прозвучал зловеще. — Ничего. Мы не будем делать ничего. До самого утра, когда сюда, может быть, решит заглянуть мой брат.

На мгновение Сусанна обрадовалась темноте — она скроет перекошенное страхом лицо, но через секунду здесь, по мановению волшебной палочки, зажжётся свет, и что тогда? Ничего... Сусанна отказывалась понимать, что на самом деле означает запертая дверь. Может, всё же Реза действительно не может, а не не хочет её открывать? И как ответ, разрушающий последнюю надежду, послышался его тихий смешок. В кого, Суслик, ты уродилась такой душой? В мать, которая отправила меня сюда одну!

— Замёрзла? — его тёплые ладони растирали её ледяные плечи. — Я не уверен, что отыщу здесь, чем тебя согреть. И с себя снять мне нечего...

Она хотела крикнуть, чтобы он не думал ничего с себя снимать, но страх вытеснил из головы чужой язык. Да и что её слова против его силы... В тишине слишком громко щёлкнули пуговицы и зашуршала ткань. Разыграно, как по нотам... Вот какая у него тёмная романтика... Первая слезинка скатилась по щеке молча и упала на прикрывшую плечи

рубашку. От неё пахло дикой смесью хвойного одеколона и крепкого мужского пота. Они оба две мокрые мыши. Только он вспотел явно не от страха.

Сусанна закрыла глаза, хотя в обступившей их крошечной тьме этого можно было и не делать.

— Простоим до утра? — в его голос окончательно вернулся смех. — Или присядем? Прилечь здесь, увы, негде...

Увы... Вы, мистер Атертон, вряд ли когда-нибудь пользуетесь этим междометием... Увы... Он вёл её сквозь тьму слишком уверенно. Один шаг, второй... Чему удивляешься, Суслик?! Если это действительно его мастерская, он должен знать здесь каждый дюйм! Для этого ему свет не нужен, как и для другого...

— Чёрт! Где кресло?

Сейчас в голосе Резы прозвучало неподдельное удивление, которое заставило сердце Сусанны выбить барабанную дробь, а когда он отпустил её руку со словами «Shut up!» и скользнул в сторону, оно вовсе перестало биться, помня, что прошлым вечером последовало за таким же приказом. В темноте что-то грохнулось, звякнуло, покатилося, но через мгновение все звуки перекрылись отборной бранью, и грязные слова вылетали из чужого рта.

— You fucking idiot! Look what you've done! Damn it!

В ответ послышалась возня и скрежет пластика.

— Ты ещё не знаешь, что я сделал, — голос Резы звучал глухо, будто из-за стены.

— Мне не пять лет. Меня подробности твоих романов не интересуют, оставь их при себе, идиот...

— Да заткнись ты! Девчонка здесь.

— Другого места не нашёл, придурок?

— Заткнись и дослушай. Я дверь захлопнул.

— Мать твою!

— Без тебя знаю! Матери позвони. Пусть спустится с ключом. А то у меня телефон разряжен.

Дальше вновь пришлось затыкать уши!

— Следи за языком! Мы здесь не одни! Придурок...

— Я сюда с проводами, а не мобильником пришёл. Один раз в жизни решил сделать что-то по-человечески в твоё отсутствие, припёрся ведь... Как мёдом тебе здесь намазано!

— Как ты мог нас не слышать...

— Что услышишь за этими стенами! И я с электричеством возился! Да и ты всё равно дверь давно захлопнул. А, судя по тому, что ты уже без рубашки, ты мне бы не обрадовался. Я и сейчас могу не выходить

— Заткнись, придурок! Давай сюда куртку!

Вновь зашуршала ткань, и через секунду на плечи Сусанны легко что-то мягкое и тёплое.

— Хоть какая-то польза от брата. Иди уже сюда, идиот! Я вас познакомлю. И захвати для дамы кресло. Можешь не отряхиваться, здесь всё равно выколи глаз!

— Кто просил фонарь разбивать! И мне чуть шею не свернул... Последний вор, который был в этой гробнице, твой прадед!

— Аббас, заткнись, пожалуйста, — протянул Реза по слогам. — Я тебе потом всё объясню. Его Аббас зовут, а это Сусанна... Подай голос, чтобы знать, куда кресло ставить.

Сусанна вцепилась в куртку и выдавила из себя: «Nice to meet you». Через секунду деревянное кресло опустилось за ней и чужие руки усадили её в него.

— Ничего, что я до неё дотронулся? — вопрос был задан совершенно серьёзным тоном.

— Первый и последний раз, понял? Хотя уверен, что когда ты увидишь её при свете, подобного желания у тебя больше не появится.

Сусанна даже ноги подтянула к груди. Подобный ответ не походил на комплимент. Она не считала себя неотразимой красавицей и понимала, что привлекла Резу лишь своей видимой доступностью, но чтобы вот так — до того, как его брат увидел её собственными глазами, назвать уродиной... Тогда чего он вообще тратит на неё время? Или ему без разницы, с кем спать? Главное, чтобы платка на голове не было!

— Что мать готовит на ужин? — спросил Аббас где-то совсем рядом.

— Понятия не имею. Она не знает, что мы здесь...

Аббас вновь выругался, но тут же извинился.

— Я думал здесь час просидеть, а теперь она спустится за мной, когда потеряет всякую надежду дожидаться тебя... Чёрт! Какого хрена ты притащил свою подружку сюда?

— Росписи на стенах показать, для чего ещё, дурак! Сусанна, я сам всё восстанавливал. И лотосы тоже...

— Да, особенно лотосы... — голос Аббаса шёл из дальнего угла. — И надо было припереться именно сейчас. Мне полчаса оставалось, чтобы закончить проводку. Чёрт!

— У тебя шоколадка есть?

— Сладкое на ночь вредно.

— Кроме лепёшек мы сегодня ничего не ели, а когда нас отопрут неизвестно. У меня ребёнок с голода помрёт.

Сусанна подтянула ноги уже к подбородку — второй комплимент за пять минут. Благодарствую, мистер Атертон!

— Есть пиво. Будете? Тот же хлеб, только мокрый.

— Аббас, ей шестнадцать!

— Я уж испугался, что десять, когда ты её ребёнком назвал... Ничего другого нет. Ну так что с пивом? Не думаю, что оно шибко крепкое. Только через трубочки придётся пить, я не процедил ещё...

— Пиво оставь себе! Она с утра ничего не ела! А, впрочем, тащи! — Реза опустился у кресла и получше запахнул на груди гостыи куртку брата — Это пиво должны пить твои герои. Давай, Аббас, расскажи, как ты его делаешь. И с подробностями, моя гостыя пишет роман о Древнем Египте. Я знаю, что ты там в темноте улыбаешься, но у неё всё очень серьёзно там...

Сусанна сжалась ещё сильнее. Дура ты, Суслик! Дура! Как говорится, родные стены раскрывают человека. Вот мистер Атертон и скинул маску джентльмена и теперь нахально издевается над ней, а брат вообще без обиняков подтвердил все её опасения. Не она первая, понятное дело... Сейчас они тебя напоят, Суслик, чтобы ты не особо плакала...

— Хорошее место для лекции! Романтик чёртов...

— Заткнись, я сам расскажу, — ладонь Резы нащупала её колено и отвело ногу от лица.

— Начнём с того, что на египетском этот напиток называется «та-хэнкет», что означает «хлебное пиво».

— Сделай глоток. Осторожней, чтобы я трубочкой не выколол тебе глаз. — Сусанна почувствовала на коленях тяжёлый глиняный сосуд. Аббас тоже сидел у её ног. Только бы

эти двое не поделили её между собой. — Когда здесь будет свет, ты увидишь рисунок группы людей, сидящих на корточках: один человек перемалывает муку, второй просеивает, третий замешивает тесто, четвёртый выпекает хлеба, а пятый тянет через соломинку пивную кашу, — Сусанна стиснула зубы, чтобы только сделать вид, что пьёт. — Так работают что пекари, что пивовары, потому что пиво тот же хлеб, только жидкий. В шумерской клинописи, кстати, глагол «есть» обозначается тандемом открытого рта и куска хлеба. Ну как? Богиня Нинкаси, довольна?

Сусанна молчала, чувствуя на бедре руку Резы.

— Нинкаси — это египетская богиня пива, — его чарующий голос звучал у самого уха. — До нас дошёл папирус с гимном в её честь, потому мы и знаем, как египтяне варили пиво. Ты только много не пей. Здесь живые бактерии. Пару глотков и достаточно, а то с непривычки может стать плохо.

И Реза действительно потянул сосуд прочь так быстро, Сусанна еле успела сделать единственный глоток — то ли кисло, то ли сладко, то ли пиво, то ли квас...

— Раньше дрожжей как таковых не существовало. Они просто смешивали муку с водой и оставляли на улице ловить дикие бактерии, — усталый голос Аббаса звучал всё тише и тише. — Дрожжи — это, можно сказать, работа мух, а мух привлекает сладость, которая бралась от фиников. Так что без мух не было бы у нас пива. Это хорошо, что ты уже забрал горшок, а то бы она перевернула его на меня.

— Зря переживаешь! Она понимает, что историю и природу не перепишешь, так ведь, моя девочка?

Сусанна сжалась ещё сильнее, хотя рука Резы давно исчезла с её колен.

— Не называйте меня так, пожалуйста, мистер Атертон. У меня есть имя.

Да, имя есть, но какое ему дело до имени! Они все у него девочки...

— Чёрт, Сусанна! Я разговариваю с кошкой! Оказывается, мы заперты здесь вчетвером! Санура, познакомься с нашей гостьей.

И он действительно опустил ей на колени кошку, только Сусанна не успела даже дотронуться до шерсти — Санура оттолкнулась от неё, казалось, всеми четырьмя лапами одновременно и взмыла в воздух.

— Ревнует, — расхохотался Аббас и видно пополз прочь.

— Давай, давай, ищи чёрную кошку в чёрной комнате, — подтрунил над братом Реза.

— Она бронзовая, не чёрная. И я вижу её глаза.

— Сейчас мы все здесь чёрные, как мумии. И глаза светятся...

Сусанна непроизвольно вздрогнула от ледяного голоса Резы.

— Надеюсь, нас не заперли здесь на целую вечность, — послышался уже издали голос Аббаса.

— Ну, у нас есть пиво и руки не спелёнуты, и три тысячи лет не надо дожидаться прихода Раймонда Атертона, чтобы выпить хотя бы пинту, когда строителям гробницы давали аж десять, а тут фараон... Слышишь, приятель? Но тебе я не дам сейчас и одной! — Реза слишком сильно повысил голос, хотя Аббас не мог уползти далеко. — Ты и так, кажется, голову потерял, если она вообще у тебя когда-то была...

— Реза, прекрати! — огрызнулся Аббас из тёмного угла. — Тебя что, так от одного глотка развезло?

— Я абсолютно трезв, болван, и имею полное право на него злиться, — Реза выстукивал дробь на подлокотнике кресла, и Сусанна попыталась отодвинуться к другому краю.

— Сначала он залезает к ней в постель, потом запирает в своей гробнице! Я должен пасть перед ним ниц и благодарно биться головой о сгнившие сандалии?

— Реза, прекрати... У него давно нет никаких сандалий... Он прах... Прекрати разговаривать с ним! Реза, не смей! — Аббас повысил голос, услышав, что брат отошёл от кресла.

— А я не могу успокоиться! Я ненавижу его! Ты слышишь, фараон?! Я тебя ненавижу!

— Реза, угомонись! Что подумает твоя гостья? Что она попала в гости к сумасшедшему, который разговаривает со статуями?

— К двум сумасшедшим! Ты забыл про себя. Эта дубина не понимает английский. Когда он помер этого языка ещё не существовало. Он понимает только свой египетский. А я с ним по-египетски больше говорить не стану, потому что он поступил, как последняя свинья, а не фараон, и тем более не как друг. Я привёл сюда Сусанну, чтобы показать, как выглядит мастаба, потому что она побоялась лезть в настоящую. Ты что, не понимаешь абсурдности всей ситуации?

— Понимаю, девочка фильмов пересмотрела... А ты её в чёрной комнате запер, но ведь не одну и с пивом. Вон, пусть кошку обнимет, теплее станет. А утром будет свет. Сказал же, что там на полчаса работы. Всё покажешь и расскажешь, профессор! Чего ты злишься, как маленький?

Сусанна не видела лиц. Ей хватало слов. Утром... Она поджала под себя ноги.

— Я впервые не могу дождаться ужина... — Реза вернулся к креслу. — Никаких соображений, что мать приготовила?

— Слушай, я есть хочу и без разговоров. Мне не надо подогревать аппетит... Какая разница, что мать готовит?

— Я хочу понять, сможет ли моя гостья это есть?

— Уверен, сейчас она съест всё! — расхохотался Аббас. — Раз ты её голодом моришь. Найди кошку, чтобы ей стало теплее, или сам обними. Я смотреть не буду.

Сусанна вскинула руку, чтобы оттолкнуть Резу, но только скинула с головы кепку. А тот, злившись, с такой силой дёрнул её за волосы, что голова откинулась назад. Только вместо чёрных глаз, она увидела горящие зелёные. Она не знала, кричала ли вообще — вокруг горла от боли сжималось кольцо, забирая последний воздух.

— Я не могу отцепить её от волос. Да прекрати визжать! Аббас, отыщи нож или ножницы... Не знаю где! — ответил он на заданный по-арабски вопрос.

Сусанна мотала головой, чувствуя, как кошачьи когти всё сильнее и сильнее врезаются в кожу.

— Я отрежу прядь, пока это чудовище не исцарапало тебя в кровь.

Сусанна уткнулась в его голую грудь, и через секунду тишину пронзил дикий кошачий вопль.

— Выбрось эту кошку!

— Мы заперты, дурак!

— Тогда держи идиотку за шкуру, пока мать не придёт!

Сусанна продолжала прижиматься к голой груди. Боль в волосах не стихала.

— Только не плачь! — Реза кожей, видать, почувствовал её слёзы. — Волосы отрастут. А пока сделаем модную причёску. Намного лучше твоих зелёных волос будет!

— Мы их под хиджаб спрячем! Никто ничего не увидит, — с прежним смехом продолжал Аббас. — Верно, Реза? Ты даже мне не желаешь её показывать...

— Заткнись и крепче держи эту дрянь!

— Это твоя кошка, братик! — Аббас зашевелился в своём углу. — Кажется, мать идёт. Что ж ты сразу не попросил свою подружку завизжать! Ты бы это, оделся, а? А то объясняться придётся.

— Я не в том возрасте, чтобы отчитываться перед матерью.

Реза шагнул к двери и заговорил по-арабски. Женский голос что-то ответил ему, и шаги удалились.

— Она вернётся с ключом.

Реза поднял Сусанну из кресла и, приобнимая за плечи, подвёл к двери, за которой уже раздавались торопливые шаги. Сусанна не знала, что принесёт ей скорое освобождение. Ну хотя бы женщина будет рядом... Хотя какой в ней прок, ведь мать точно не станет отбирать у сына игрушку...

Ночная тьма показалась слишком светлой, и Сусанна зажмурилась, продолжая слышать бурный поток арабской речи, в которой несколько раз проскальзывало её имя. Наверное, он объясняет матери, кто она такая... Она бы и сама хотела знать, кто она! Есть ли у неё ещё какая-то сущность — или она до мозга костей дура!

Длинный подол подмёл им лестницу.

— Мать позаботится о тебе, пока мы с Аббасом заберём машину. Латифа очень плохо говорит по-английски, но понимает. Всё будет хорошо, слышишь?

Сусанна кивнула и, вцепившись в протянутую руку, принялась старательно нащупывать ступеньки. Почти на самом верху она обернулась на грохот — мимо пронеслась кошка.

— Я и за тобой сейчас спущусь!

Слава Резы перекрыл протестующий возглас брата:

— Я уже встал. Мог бы предупредить...

— А я тебя предупредил.

— Как такое возможно!

— Вылезай уже из гробницы, ты мне живой нужен, — и обернулся к Сусанне: — Горячая ванна и тёплый чай с корицей. Без этого никакого ужина. Мать уже воду набирает. Моя спальня через кухню вторая комната налево. Поняла?

Она кивнула и пошла в указанном направлении, оставив братьев вдвоём. Аббас так и не вышел на свет фонаря, и она не увидела его лица. Ей достаточно было довольного лица Резы, когда он произнёс слово «спальня».

Глава 14

На кухне нос закладывало от густых восточных ароматов и щипало глаза от поднимающегося над плитой чада. Сусанна приподняла крышку и отшатнулась от обжигающего пара. Лучше не лезть! Хозяйке видней, что можно, а что нельзя оставлять на огне без присмотра, а ей только ожога для полного счастья не хватало! Нет, ей не хватало хотя бы малюсенького кусочка хлеба, и можно без масла. На языке оставался кисловатый привкус бурды, именуемой пивом. Сусанна безошибочно нашла источник хлебного аромата: на кухонном столике под яркой салфеткой пряталась гора лепёшек. Если отломить кусочек, никто ж не заметит... Или вообще взять целую — их тут так много!

Обернувшись на обе двери, словно воришка, Сусанна схватила верхнюю лепёшку, ещё тёплую, и проглотила, пожалуй, вовсе не жуя. Теперь главное — не начать икать, потому что

хоть на столе и стоял кувшин с водой, в котором из шкафчиков искать стакан, она не знала. Все они были одинаковыми, цвета корицы, с увесистыми ручками, но без стеклянных вставок. На кухне можно было не только есть, но даже танцевать. Однако обеденный стол выглядывал из соседней комнаты, вернее его угол, накрытый бордовой скатертью с золотыми кистями. Набрав полные лёгкие дурмящих ароматов, Сусанна задержала дыхание, чтобы справиться с подступающей икотой, и шагнула к двери.

Вторая комната налево... Надо успеть выскочить оттуда до возвращения братьев. Пожалуй, прошла уже целая вечность с того момента, как стих звук отъезжающего мотоцикла. Рубашка и куртка остались на ней. В чём же Реза уехал?

Сандалии звонко шлёпали по напольным плиткам — надо было разуться на пороге, чтобы не пылить. Но и сейчас не поздно. Сусанна взяла сандалии в руку, прежде чем ступила на мягкий ковёр, застилающий пол в спальне Резы. Вернее ковров здесь было аж три — два других лежали по обе стороны от кровати, низкой и слишком просторной для одного человека. Только времени разглядеть резное с золотой инкрустацией изголовье не хватило — на пороге ванны стояла хозяйка. Сусанна тихо выдала злосчастное «хэллоу», не в силах вспомнить арабское имя. Чёрное на улице, при электрическом свете платье оказалось тёмно-бордовым, а вот платок на голове остался чёрным. Женщина не улыбалась, но и осуждения в её тёмном взгляде при виде куртки одного и рубашки другого сына, не читалось — даже лишённое эмоций, лицо оставалось добрым. Доброта залегла в прорезавших лоб и уголки глаз глубоких морщинах — ей точно нет шестидесяти. В общем, какое это имеет значение...

Хозяйка жестом пригласила гостью пройти в ванную, и Сусанна с ужасом обнаружила, что дверью служила лишь плотная занавеска. Сколько у неё осталось минут до возвращения братьев? Одна? Две? А хозяйка всё не уходила, хотя Сусанна и без неё отыскала бы и полотенце, и... С ней поделились платьем. Оно было абсолютно чёрным. Наверное, хозяйка боялась предложить госте нелюбимый цвет... Да она сейчас серо-буро-малиновый наденет, только уйдите уже наконец! И женщина ушла, продолжая подметать пол невероятно длинным подолом. Чтобы лишний раз не пылесосить. Реза же сказал, что в дом постоянно наматывает песок!

Только прежде чем залезть в огромную угловую ванну, Сусанна на мгновение выглянула в спальню в поисках зарядки для телефона. И, о счастье, нашла её на прикроватной тумбочке. Она уже глянула на время в планшете — сестра прибьёт её за очередное послание в час ночи! И за волосы... Сусанна решила повременить с зеркалом — вода остывала, и минуты одиночества таяли слишком быстро. От одного взгляда на колышущуюся от кондиционера занавеску она согрелась, оставалось лишь ополоснуть тело от песка и страха. Только погрузившись по нос в пену, Сусанна поняла, что ванна не отпустит её так быстро. Хотелось не думать ни о предстоящей встрече с братьями, ни об ужине, ни о том, что может последовать за ним. Но мысли дрожью бежали по скрюченному позвоночнику вниз. Не думай, не думай, не думай... Думать уже поздно. Сусанна откинула голову на подушку и поняла, что если только закроет глаза, сразу же уснёт...

Ага, уснёшь тут под звуки мотора и хлопающих дверей. Сусанна хотела выскочить из ванны и вытереть пену полотенцем, но в спешке поскользнулась, рухнула обратно в воду и намочила волосы, которые до того придерживала рукой. Наплевав на боль, Сусанна схватила с полочки шампунь и за тридцать секунд вымыла голову, ополоснув под краном ледяной водой — не время разбираться с горячей, и вообще перед школой бы такие рекорды ставить!

Прислушиваясь к шуму в доме, она с остервенением стирала с себя остатки пены и глядела на занавеску. Нет, он обязан быть джентльменом, когда мать на кухне в трёх шагах отсюда!

Платье мешком висело на ней и отлично скрывало отсутствие нижнего белья, и благодаря небольшому росту хозяйки, Сусанна почти не наступала на подол. Она вытерла волосы и опустилась на корточки перед ванной — проще вымыть весь пол, чем протереть набрызганную ей лужу. Кое-как она расправила подле ванны полотенце и потопталась на нём, приподняв подол. Как они в этом ходят! Свою одежду она скомкала и сунула в рюкзак, придавив планшетом. Теперь чуть подтянуть рукава, чтобы отыскать пальцы, и откинуть занавеску. Но лучше бы она этого не делала!

Реза сидел на кровати, держа в руках её телефон. Он успел ополоснуться, но, наверное, забыл вытереться — по свободной футболке с длинными рукавами расплзлись влажные пятна.

— Я подключил тебя к сети на случай, если ты хочешь написать родителям, что с тобой всё в порядке.

Из телефона торчал провод, и ей предлагалось присесть рядом с хозяином — только куда — на подушку, до другого края кровати провод не дотянётся. Реза, наверное, тоже оценил его длину и подвинулся. Теперь подушка была в безопасности, но не она. Так близко к нему она не сидела даже в такси — платье пришлось лечь на его тонкие слаксы. Какое счастье, что ткань плотная!

— Санура натворила делов, — пальцы Резы гребнем прошлись по мокрым спутанным волосам. — Но если бы ты иногда расчёсывала волосы, она бы в них не запуталась.

Сусанна решила промолчать. Она взяла платье его матери, но чужую расчёску брать не собирается!

— Может, хочешь позвонить родителям? Я принесу телефон.

— Нет, они не поймут звонка. Я обычно пишу...

Обычно... Обычно она сидит дома в это время, а сейчас если сестра решит вызвать видео-чат, что ей делать? Встать у плотной портьеры — она не могла запомнить цвет занавесок в номере. Сестра, конечно же, оказалась онлайн, и Сусанна быстро набрала три слова: «Я хочу спать», и это были слова правды, и сестра тут же ответила: «Не снашивай ноги. Другие не купишь. И пришли фотки». «Окай», набила Сусанна и, прикрепив одну фотку из Мемфиса, другую на лошади, вопрошающе взглянула на фотографа.

— Не буду мешать.

Правда, что ли? Вы, мистер Атертон, думаете, что способны не мешать?

Реза подошёл к столику под зеркалом — там оказался поднос с жестяным чайником, и через секунду в её руках была стеклянная чашечка — обещанный чай с корицей. Сусанна проводила Резу взглядом до самой двери, которую тот предусмотрительно оставил открытой. К счастью! За закрытой дверью она уже с ним сидела. С неё довольно! Только и с сестрой общаться не хотелось. Сусанна вернула телефон на тумбочку и принялась малюсенькими плоточками тянуть чай, а потом подошла к окну, из которого по всему должны быть видны пирамиды. Но, увы, за тяжёлыми коричневыми портьерами чернели только кусты.

— Пирамиды видны с крыши, — Недолго же он сумел не мешать. — Хочешь подняться?

Она кивнула. Куда угодно, только вон из вашей спальни, мистер Атертон!

— Вот. Последствия кошачьей работы.

Он протянул ей блокнот с её портретом, сделанным ручкой. Когда успел! Только теперь

у неё была плотная чёлка, а волосы едва доставали до плеч.

— Вылитая Нен-Нуфер, верно?

На его губах играла прежняя наглая усмешка.

— Да, причёска египетская. Но с чего вы взяли, что Нен-Нуфер похожа на меня?

— А то нет? — Реза улыбался в открытую. — Все девочки в нежном возрасте пишут романы про себя. Не думай, что мальчишки чем-то отличаются в этом от девочек. Только девочки чаще оставляют все свои фантазии бумаге, а мальчишки могут пожертвовать и телом, — и он коснулся дырки в моче. — Так и не заросли. Правда, порой девочки делают ещё большие глупости ради правдоподобного описания, верно?

Сусанна не могла понять, что струится у неё по спине: вода с волос или же ледяной страх.

— Идём посмотреть на пирамиды?

Реза вновь улыбался и приглашающе протягивал руку. Желает проверить, насколько мокрая у неё ладонь? А то не знает! И всё же она пошла с ним в коридор и вверх по лестнице. На втором этаже он, извинившись, шагнул в комнату за углом, и до Сусанны тотчас донёлся его повышенный голос — кто же собеседник: брат или мать. Мать... Она вышла за ним, опустив голову, и начала молча спускаться по лестнице, а Реза толкнул дверь в другую почти что с криком.

— Я тебе сказал не лезть! — с братом он отчего-то перешёл на английский — такая привычка у них или же фраза предназначалась и ей.

Реза вновь взял её за руку и поднял ещё на пролёт до очередной двери, которая вывела их на крышу. На улице оставалось душно, но мокрые волосы и присутствие Резы охладили лучше всякого бриза. Они находились выше крыш остальных домов, но громады пирамид всё равно едва проступали из темноты.

— По правде сказать, их лазерное шоу пустая трата времени...

Это намёк про завтрашний вечер? Нет, мистер Атертон, если есть хоть какая-то возможность сбежать от вас, грех ей не воспользоваться.

— Я не могу пропустить все экскурсии, — Сусанна побоялась добавить «из-за вас», но Реза явно понял и облокотился на перила в двух шагах от неё. И что дальше? Может, прямо в лоб спросить, когда он отвезёт её обратно в Каир?

— Этот дурак велел матери приготовить тебе комнату, но я думаю, ты предпочитаешь, чтобы я отвёз тебя в отель, так ведь?

Пауза слишком многозначительная, но и её не довольно, чтобы восстановить дыхание, потерянное за время произнесения им фразы.

— Я хочу в отель, потому что мы общаемся с сестрой по Скайпу.

— Боюсь, к тому времени она будет уже спать. Пока ты всё не съешь, мать тебя не отпустит.

Так дайте уже съесть, и я помчусь прочь из вашего проклятого дома! Можно ведь не говорить словами, можно ведь в моих глазах прочитать это. А, мистер Атертон? Каким иероглифом мне надо написать на лбу, что вы меня конкретно достали?!

— Сестра не ляжет спать, пока не удостоверится, что со мной всё в порядке.

Пока со мной всё в порядке, мне нужно от вас избавиться.

— Прежде чем ей показываться, всё же приведи в порядок волосы. То, что я нарисовал,

это оптимальный вариант, и завтра мы этим займёмся с самого утра, чтобы успеть до светового шоу.

Это вопрос или утверждение? Сусанна попыталась пригладить волосы — в мокром виде выстриженная прядь не торчала.

— Сусанна, волосы отрастут. Это не то, что нельзя изменить. Не следует так расстраиваться. Обещаю, завтра ты с удовольствием будешь смотреть на себя в зеркало. У меня есть хороший парикмахер. А, пришла, посмотреть на дела лап своих?

Кошка медленно двигалась по перилам. В тусклом свете фонаря оценить её красоты не получилось, да и она сиганула вниз, как только Реза протянул к ней руку.

— Кошки меня с детства не любят, — усмехнулся он, глядя вниз в темноту сада. — И я их, впрочем, тоже. Одна преследовала меня всё детство. Всякое утро, как я открывал дверь в сад, она сидела на дорожке и глядела на меня. Я закрывал дверь, считал до десяти, открывал дверь снова, и дорожка оказывалась пустой. Я смертельно боялся этой кошки. Так продолжалось несколько лет, и я решил, что поборю свой страх, если подружусь с ней. И однажды я открыл дверь с твёрдым намерением не закрывать, но дорожка оказалась пустой. Кошки не было. Зато по дорожке от ворот шёл отец, а за ним незнакомая женщина с мальчиком. Это были Латифа и Аббас. Решив, что это они спугнули мою кошку, я убежал и не вышел к ним. Но, поняв, что кошка больше не вернётся, я начал играть с Аббасом.

— Почему она не вернулась?

— Потому что её никогда не существовало, — рассмеялся Реза. — Мне было скучно, я выдумал её. Я хотел, чтобы меня кто-то ждал по утрам.

— А почему вы тогда боялись её?

— Потому что был маленьким и одиноким. Мне было страшно, что и она не будет со мной говорить. У меня уже был друг, который только слушал, но никогда не отвечал.

— Кто?

— Когда Аббас починит свет, ты его увидишь, — Реза вновь смеялся. — Статуя фараона в мастерской. Он покрыт золотом и расписан очень красиво. Он всегда стоял за спиной отца и смотрел, что тот пишет. Я думал, что это его знакомый.

— Статуя?

— Я был маленьким. Я не понимал, что он всего лишь статуя. Я... В общем, я же сказал, что в детстве у меня никого не было и потому я научился играть сам с собой и придумывать себе друзей. Я до сих пор с ним иногда разговариваю. Знаешь, почему? Потому что он никогда не говорит мне — заткнись! И лучше я буду выливать всю злость на этого золотого истукана, чем колотить ботинком мать, как делают многие. Не смотри на меня так. Не веришь, спроси Сельму. Её отец бил её мать, но та никогда не плакала, и Сельма не понимала, как это больно, когда бьют. Когда её отец умер, брата, мать и её забрал к себе дядя. Он был торговым представителем, разъезжал по Европе и сумел сбросить с себя арабскую дикость. Или тут дело было в деньгах жены, и жена знала себе цену, а это у нас редкость, когда женщина гордо несёт голову. В общем, их взяли в качестве прислуги, ты не думай, что там были родственные чувства. Ну, в общем были, конечно, на улице они не остались, но брат, как только подрос немного, сбежал в Каир и сейчас шатается по пустыне между Израилем и Египтом, таская разного рода товар. Мать случайно под машину угодила, и Сельма осталась одна. Красивая, молодая... Такую нельзя держать под боком не очень молодой и не очень красивой женщине. Её выдали замуж. Правда, бесприданницу поначалу никто не брал, но потом один вдовец согласился. Ей ещё не исполнилось шестнадцати, а ему

перевалило за шестьдесят. Но дядя уверял племянницу, что она должна радоваться, что кто-то вообще берёт её в жёны, потому что у неё злой глаз, как и у любой красивой женщины, — Реза вновь засмеялся и уставился в темноту сада, будто высматривал сбежавшую кошку. — Он не сразу начал её бить, через год, когда у него вовсе перестало с ней что-то получаться. Он лупил её за не так поставленную тарелку и за то, что она взяла лишнюю лепёшку. Только никогда не бил по лицу, ведь это единственное, что видно в женщине. Сельма терпела, потому что сколько бы она ни прибегала к дяде, её с бранью отправляли обратно к мужу — бьёт, значит, заслужила. Брат весь год таскался с товаром и вдруг неожиданно объявился на её пороге. Муж был с общиной в мечети, а она плакала над своими синяками. Не знаю, как она сумела удержать брата, и тот не пристрелил старика. В общем она взяла с собой одно платье и бежала в Каир. Ну, а дальше всё понятно. К счастью, она только танцует, потому что у неё есть брат, а другим не так везёт. Санура! — Реза совсем перевесился через перила. — Я всё жду, когда она вновь уйдёт.

— Вновь? — Сусанна тоже привалилась к перилам, потому что ноги напомнили о прогулке в песках.

— Не поверишь, она копия той самой кошки, а чистокровные мау обычно по улицам не разгуливают. В прошлом году я утром открыл дверь — сидит. Я сначала подумал, что у меня галлюцинации. Такое невозможно, и ради шутки распахнул дверь. Она зашла в дом и с тех пор живёт с нами. Я долго не мог поверить, что она из плоти и крови. Мать испугалась за мой рассудок, когда я постоянно спрашивал её, видит ли она кошку. Кстати, Санура — это и есть кошка, я долго не мог в неё поверить, а потом так и пошло — кошка и кошка. Слышала, как брат мой испугался, когда я заговорил со статуей? Он же первый, кто меня застукал с фараоном. Отец тогда недавно умер, и он испугался, что у меня крыша съехала. Я попытался ему объяснить, что это мой вымышленный друг детства, но в шестнадцать подобного не понимают, верно? Или у тебя тоже есть вымышленный друг?

Сусанна выдохнула. А, может, он действительно немного того... Что ответить тогда?

— Конечно, есть, и много, — ответил за неё Реза и принялся загибать пальцы: — Амени, Пентаур, Райя... Это те, о ком я уже знаю. Кого ещё там Нен-Нуфер сводит с ума?

Сусанна вцепилась в парапет пальцами, а хотелось зубами, чтобы не зарычать от злости. Когда ему надоест издеваться над ней?! Какие ещё истории он повесит ей на уши? В них хоть на грамм есть правды? Угу, лишь то, что Аббас ему не брат.

— Слушайте, голубки! Совесть иметь надо! — Аббас шагнул на крышу. — Меня без вас не кормят! Идите в столовую, а потом хоть гимн Осирису пойте на рассвете, — и он перегнулся через перила вниз: — Слышишь, фараон! Они за тебя будут солнце из хаоса возвращать!

И довольный взглянул на Сусанну, а она на него. Высокий и щуплый. Чёрные глаза и чёрные тонкие брови, которыми он так забавно поигрывает. И не скажешь, что они с Резой ровесники. Он даже на тридцать не выглядит. Кожа лоснится молодостью, да и футболка не футболка, а балахон какой-то, и штаны в клеточку.

— Зря стараешься. Я уже рассказал ей про статую фараона.

— О, — брови поползли вверх. — Ты первая женщина, с которой он так откровенен. Бойся данайцев, дары приносящих.

Да, да, именно это Аббас и сказал. Она не могла ошибиться в переводе.

— Ты в пижаме за стол собрался?

— Я в пижаме спать собрался. Я не рассчитывал на душ до ужина. Если вообще этот

ужин будет. Спускайтесь уже! И чего, в доме фена нет? Ты заморозишь её здесь!

Заморозишь? Ну да, много этот египтянин знает про мороз!

— Слушайте, мадемуазель, а вам идёт кафтан. Вот сказал же, только хиджаба не хватает. Пойду у матери возьму...

— Не смей!

— Реза, угомонись. Мать там из-за своей жарки кондиционер на всю мощность включила. Твоя подружка завтра с соплями будет.

И он запрыгал по лестницу вниз и встретил их у её подножия с улыбкой и протянутым платком. Реза схватил чёрную материю и накинул Сусанне на волосы.

— Только не завязывай. Терпеть не могу замотанных женщин.

Господи! Да я вся, как мумия, заматаюсь, если это избавит меня от вас, мистер Атертон! Но всё же Сусанна не посмела послушаться и оставила концы свободно спускаться на плечи, но потом всё же пришлось закинуть их назад и завязать, чтобы они не угодили в тарелку. Есть пришлось руками, и она чувствовала себя настоящей свиньёй, когда сок с мяса затекал из лепёшки в рукава. Ни о какой добавки не могло идти речи — и к счастью к рису подали вилки. Реза не произнёс и слова, а вот улыбки Аббаса были слишком многозначительными, и Сусанна удивлялась, как ещё не подавилась. Он давно покончил с едой и сейчас раскачивался на стуле, держа у рта полупустой стакан с водой. Пусть они и не родные, но повадки у них одинаковы. Впрочем, у этого поведение школьника — наверное, некоторые не взрослеют... Больше она подумать ничего не успела, потому что Реза с такой силой шарахнул кулаком по столу, что даже Аббас опустил стакан.

— Мадам Газия, если вы сейчас же не сядете за стол, я встану и уйду!

Хозяйка действительно уже третий или пятый или даже седьмой раз бегала зачем-то на кухню и что-то говорила то одному, то другому брату. Теперь она, как подкошенная, рухнула на стул и схватила лепёшку. Только тут Сусанна заметила, что она ещё ни к чему не притронулась. Аббас снова вцепился зубами в стакан и закачался на стуле. Хозяйка вновь что-то сказала, и Сусанна затаила дыхание.

— Я собираюсь прямо сейчас лечь спать, — ответил Аббас по-английски. — А мистеру Атертону можешь сварить кофе, чтобы он за рулём не уснул.

Сусанна исподтишка взглянула на Резу. Он выглядел бледнее обычного. На фоне арабского брата его смуглость вовсе потерялась. Часы показывали одиннадцатый час. Время детское, если бы не такой насыщенный день. Он доберётся до подушки не раньше часа ночи, если, конечно, его «бумер» не умеет превращаться в ковёр-самолёт. Она подняла глаза — Аббас буравил её взглядом. С лица его давно сползла улыбка. Он, похоже, видел, насколько устал брат, и потому решил оставить её у них дома, но она взбрыкнула. Только как теперь согласиться? У них и спальни-то на разных этажах.

— Кофе только для меня, — сказал Реза жёстко, когда хозяйка бросилась на кухню. — Сусанна, хочешь ещё чаю?

Она отрицательно мотнула головой. Вот он шанс.

— Уже так поздно, я могу остаться у вас.

Она это сказала! Только его лицо не изменилось, и выдал он буднично-спокойно:

— Мы уже договорились. Я отвезу тебя. Ещё даже нет полуночи.

Аббас резко отодвинул стул и, бросив короткое «g'night», оставил их за столом одних. Вернее вместе с тишиной. Реза молчал. Ей тоже было нечего сказать. Из кухни потянуло тяжёлым кофейным духом, и, когда хозяйка поставила перед Резой чашку, он придвинул её к

Сусанне.

— Один глоток, но он того стоит.

Теперь на её губах остался след кофейной пенки с крупинками кофе. Она схватила салфетку. К счастью, Реза уткнулся в чашку и не глядел на неё. Хозяйка удалилась в кухню и больше не показывалась, хотя тарелка её оставалась полной. Реза наконец поднялся.

— Не забудь телефон.

Она чуть не наступила на подол, когда рванула в спальню. Вторая комната налево. Подноса с чайником уже не было, зато под телефоном лежал вырванный из блокнота лист с её портретом. Нен-Нуфер... Сусанна потрянула головой — снять хиджаб или всё же оставить? Потом верну, вместе с платьем. Потом... Верну... Значит, с ним нельзя будет попрощаться.

В машине Реза протянул ей плед и поднял крышу.

— Дай мне на секунду планшет.

Она даже не спросила, зачем? Просто протянула — это не арабские женщины такие послушные, это мужчины у них такие, что даже мысли сопротивляться не возникает.

— Пока он на сети, загрузи в гугл-транслейт продолжение своего романа. Будешь читать мне по дороге.

Но вот тут она спросила: зачем?

— Чтение вслух улучшает произношение. Тебе учителя это не говорили?

— Можно мне почитать что-нибудь другое?

— Нет. Я же сказал, что мне интересно услышать продолжение. Но главное, я не хочу, чтобы ты заснула по дороге. Тогда мне придётся просидеть с тобой в машине до рассвета.

И он нажал кнопку, чтобы открыть ворота.

Глава 15

«В этот раз Нен-Нуфер не пришлось брать в руки тростниковую палочку. Пентаур попросил её удалиться. Только далеко от башни она не ушла, хотя и не ждала, что её призовут обратно. Просто в храме не осталось уголка, где бы на неё не смотрели с осуждением. Она презрела заветы Маат и впустила в сердце злобу — обиженные танцовщицы разнесли по всему храму весть о сломанной флейте, и разбилась в их устах она вовсе не о камни и вовсе не от руки старшей из девушек. Они не оговаривали её, они уже свято уверовали в свою правду. Нен-Нуфер уселась на то же место, откуда прежде караулила Амени, оставаясь для стражника незамеченной. Уходя от Пентаура, старик не увидит её. Сейчас она не желала говорить с верховным жрецом — она боялась, оправдываясь, выдать царевича. И возможное продолжение разговора с Пентауром страшило её даже сильнее новой лжи.

Ожерелье вновь лежало в ларце вместе с кольцом Амени, и потому Нен-Нуфер легко спрятала в ладонь фигурку Исида — царевич Райя впустил в её жизнь ложь, и та пустила глубокие корни, которые сумели раскачать даже крепкие стены храма — теперь все, все вокруг лгут и требуют от неё хранить в тайне чужие секреты, даже секреты самого фараона!

Нен-Нуфер жалась в тень, желая превратиться в крохотного скарабея. Люди проходили мимо и действительно не замечали её или не желали видеть. Но маленький ученик отыскал её и здесь. Ей подумалось, что он остался единственным, кто продолжает видеть в ней доброго друга. Все остальные рассмотрели в ней нечто новое, тайное, скрытое от её понимания.

Мальчик с поклоном протянул ей дощечку и цветок лотоса. Глаза Нен-Нуфер наполнились слезами — сердце сжала тоска по царевичу, о котором станет напоминать теперь каждый цветок. Однако она сумела сдержать слёзы, и когда Пентаур остановился над ними, то увидел лишь обычный урок. Их глаза встретились, и каждый вспомнил, как когда-то они так же старательно делили друг с другом глиняную табличку. Когда? Слишком давно. Сейчас он предложил разделить с ним жизнь. Мальчик вскочил, поклонился жрецу и убежал.

— Я хочу говорить с тобой, Нен-Нуфер.

Он не протянул руки. Вокруг слишком много глаз и ушей и, как она успела убедиться, злых языков. Она поднимется за ним в башню. Никто не посмеет поставить ей в укор желание видеть воспитателя. Хотя желания не было. Ей владел трепет ожидания и страх вновь услышать из его уст признание.

— Амени прервал наш разговор, и ты не успела ответить мне.

Его руки вновь лежали на её запястьях, а она, как и с царевичем, не в силах была отвести взгляд от золотых браслетов.

— Его Святейшество простил тебя, Пентаур, — сказала она с опущенными глазами. — Тебе не стоит тревожиться о своём будущем.

— Моё будущее — это ты. Я так решил, — Его пальцы впились ей в кожу. Пентаур желал видеть её глаза. — Великая Река подарила мне тебя, и она же унесёт нас отсюда, чтобы дать новую жизнь. Я стану лучшим врачом в Фивах, и не будет и дня, чтобы ты пожалела, что стала мне женой. Почему ты молчишь?

Нен-Нуфер глядела в глаза воспитателя, едва тронутые краской, а видела на их месте глаза царевича, где толстые чёрные линии дали путь слезе.

— Ты отдал себя Пта, а я отдала себя Хатор — другого пути нет!

Она вырвала руки, но он поймал её плечи, не позволив убежать.

— Ты никому себя не отдала. Тирия не знает даже твоего имени. Великая Река отдала тебя мне, и только это правда и ничего больше! Только это...

Его голос становился тише, глаза ближе, но Нен-Нуфер сумела вывернуться, когда почти почувствовала его губы на своих. Ступеньки мелькали под ногами, и только Великие Боги не позволили ей упасть. Она бежала к воротам, за ворота, в городскую пыль, не разбирая дороги. Если бы сейчас на неё понеслась колесница, она бы не заметила её. Но она заметила пальму и прижалась к стволу. Сердце разрывало грудь, слёзы смывали краску, но сдерживать себя больше не было сил. Но рыдала она тихо, чтобы никто не вздумал подойти и утешить. Утешение она отыщет лишь в храме Хатор. Великая Богиня ужаснулась бы, отдай она себя царевичу, но гневу её не будет предела, уведи она на своё ложе жреца Пта. Возможно, старая рабыня права, и Пентаур обезумел... Она должна говорить с Амени и просить себе в провожатые того, кто не презрит волю Богов.

Нен-Нуфер обернулась к храму, страхась увидеть Пентаура, но жрец не побежал за ней. Возможно, Великий Пта уже вразумил его.

— Что ты делаешь за воротами, Нен-Нуфер?

Это вновь был отец мальчика, и она вцепилась ему в руки, словно хотела, чтобы тот вытащил её из бурной Реки.

— Возьми меня к себе сегодня. Я не могу вернуться в храм. Все судачат обо мне.

Стражник замолчал, и Нен-Нуфер затаила дыхание, дожидаясь ответа.

— Что скажет на это Амени?

— Я сама поговорю с ним после. Позволь мне идти с тобой!

— Это долгий путь.

— Я не боюсь дороги.

И они пошли. Рядом. Молча. Лишь когда вдали замаячили соломенные крыши рыбацкого посёлка, Нен-Нуфер заговорила про его сына и про то, что мальчик теперь не только сравнялся с другими, но и опережает их... Когда-то так говорили про Пентаура. Когда-то он считал жреческий сан и знания превыше всего.

В доме стражника её приняли ласково, предложили лепёшек и рыбы. И пусть над едой кружили мухи, рыба была пересолёна, а хлеб хрустел на зубах, Нен-Нуфер была рада, что ушла из храма. Её не станут искать — подумают, что она уснула в потайном уголке, чтобы избежать косых взглядов. Завтра, лишь рассветёт, она отправится к фараону Менесу, чтобы выказать ему благодарность за помощь царевича.

Мухи и ночью кружились под тростниковой крышей и мешали спать. Или же слёзы и тоска душили её, не давая телу желанного отдыха. С утра Нен-Нуфер помогла старшей дочери стражника принести воды и осталась на завтрак, но не посмела взять ничего с собой. Фараон не станет сердиться на то, что она пришла с пустыми руками. В другой раз она принесёт ему лепёшки из лотоса. В другой раз она дойдёт до гробницы, но не сегодня.

Величественные пирамиды застилало облако пыли, но Нен-Нуфер не посторонилась колесницы — она знала, что возница видит её и потому хлещет лошадей. Она не посторонилась даже, когда царевич, бросив кнут и вожжи, спрыгнул с колесницы и помчался к ней, раскинув руки. Она и слова не сказала, когда эти сильные руки подняли её в воздух. И она позволила их губам встретиться. На мгновение или на целую вечность, ответ знали лишь горячие пески. Они глядели друг другу в глаза, не в силах произнести и слова. Наконец молчание нарушилось тяжёлым вздохом. Или двумя...

— Я украл поцелуй у жрицы Хатор и за это буду отвечать на суде Осириса. Но это единственное, что я когда-то крал и, возможно, меня не покарают слишком сильно, потому что я не мыслил его красть ещё минуту назад. Я не знаю, как это вышло... Не думаешь ли ты, что это Великая Богиня сама дала мне его?

Царевич отступил на шаг и стиснул кулаки. Глаза его блестели, и из-под платка на лоб скатилась крупная капля пота. Воздух со свистом вылетал из груди Нен-Нуфер, будто это она, а не царевич бежала навстречу. Губы горели. Глаза щипало от поднятого колесницей песка.

— Нет, — покачал головой царевич. — Ты так не думаешь.

Он отвернулся и пошёл обратно к колеснице. Нен-Нуфер вскинула руку, но голос не вернулся к ней. Он сейчас уедет. Растворится в облаке пыли. Теперь уже точно навсегда. И с тем же неистовством, с каким она бежала прочь от Пентаура, она бросилась к царевичу. Он обернулся, и она уткнулась ему в грудь. Губы её дрожали в бешеный такт его сердца. Он вновь стоял, раскинув руки, но побоялся сомкнуть их у неё за спиной.

— Хатор сводит нас вместе, чтобы тут же развести, — царевич уткнулся в горячую светлую макушку. — Неужели то, чего ей не хватает, это наши слёзы? Ответь мне, жрица Хатор? Что нужно твоей Богине от меня? Для чего я загоняю лошадей? Для того ли, чтобы увидеть на глазах её жрицы слёзы?

Нен-Нуфер продолжала лежать на лоснящейся кедровым маслом груди, не в силах разорвать единение.

— Я шла благодарить твоего отца за то, что ты выполнил мою просьбу, и Хатор привела

тебя ко мне, чтобы я поблагодарила тебя лично. Ты первый и последний, кто коснулся моих губ — прими мой поцелуй за поцелуй Богини и ступай с миром.

Она сделала шаг назад, и царевич не остановил её, лишь молча указал на колесницу, но Нен-Нуфер покачала головой.

— Оставайся с миром, царевич Райя. Быть может, мы не свидимся больше. Я уезжаю в Фивы.

Она успела сделать ещё шаг, и руки царевича поймали лишь воздух.

— Пусть мои руки не достойны тебя, но отчего наказывать глаза?

— Меня призывает к себе Тирия.

— Она будет на празднике. Я попрошу её оставить тебя в Мемфисе.

— Не смей! — Нен-Нуфер осеклась и добавила, спрятав глаза в песок: — Прошу тебя, не открывай нашего знакомства, не навлекай на меня её гнев...

В ушах стояли слова Пентаура — Тирия даже имени твоего не знает. Вот же удивится царевич, когда верховная жрица Хатор скажет ему, что Нен-Нуфер никакая не жрица...

— Прости, я позабыл об этом... Я буду молчать. И стану молить Богиню, чтобы когда-нибудь Река донесла мою лодку до храма в Фивах. Оставайся с миром, мой Прекрасный Лотос.

Колесница умчалась прочь так же стремительно, как и неслась ей навстречу. Вокруг глаз не было нынче охранительной краски, чтобы сдержать слёзы, и те безжалостно смыли с губ сладость единственного поцелуя.

Нен-Нуфер шла из города мёртвых в город живых, похоронив в песках росток первой и единственной любви. Солнце нещадно слепило глаза, раскалённый песок, засыпаясь в сандалии, обжигал кончики пальцев. Льняное одеяние липло к вспотевшей спине. Нен-Нуфер опустилась на песок под небольшой пальмой, но вскоре и та перестала дарить спасительную тень. Жажда стала нестерпимой — надо быстрее добраться до рыбацкого посёлка и в доме стражника дожидаться вечерней прохлады. Это недалеко, сразу за ячменными полями.

Нен-Нуфер поднялась на ноги, но тут же ухватилась за шершавый ствол. Всё закачалось на кровавых волнах. Людской шум громыхал вдали телегой, гружёной каменными глыбами. Нен-Нуфер зажмурилась, и ярко-жёлтые круги закружились в безумном танце. Колени задрожали. На лбу проступил холодный пот. По ногам потекла горячая струйка. Нен-Нуфер схватила пересохшими губами раскалённый воздух и отдала себя во власть вязкой тьмы...

— Выпей, — длинный поток слов явно предназначался ей, но она поняла лишь последнюю фразу. — Сделай хотя бы один глоток.

Что-то твёрдое коснулось её губ. Нен-Нуфер сделала усилие, чтобы приподнять голову, и плотнула кисловатого пива. Рядом вприсядку сидел молодой стражник, коих много на рыночной площади. За поясом кнут, которым он разгоняет народ. Чёрные волосы коротко подстрижены. Глаза аккуратно подведены. Короткая чистая юбка не прикрывает колен. Она насмотрелась на них с башни Пентаура. Только что он делает здесь, ведь до города ещё так далеко, а в полях невозможно оставаться таким чистым? Только задала вопрос не она, а он:

— Ты здесь одна или с родителями? Или... — стражник окинул её оценивающим взглядом, стараясь, верно, определить возраст. — С мужем?

Она мотнула головой и с трудом разлепила пересохшие губы:

— Одна.

Он помог ей подняться, до боли сжав запястье. Взгляд его на миг задержался на

растёкшемся по светлому льну кровавом пятне, и вторая рука тут же опустила её на плечо.

— Ты не сможешь продолжить сегодня работу. Я провожу тебя до навеса, а в конце дня те, с кем ты пришла, отведут тебя домой.

Нен-Нуфер промолчала, понимая, что ей необходим отдых, а вечером, если не будет сил вернуться в храм, она останется ночевать в посёлке. Стражник вёл её через поле по узкой тропинке, которую то и дело перебегали голые дети, на ходу подбирая с земли оброненные взрослыми ячменные колоски. Пару раз они останавливались, чтобы пропустить группу женщин, плетёные корзины которых наполнились свежесрезанными снопами. На солнце сверкали смуглые спины мужчин. Серпы в их руках двигались выверено и чётко.

Как же она могла позабыть, что воды Великой Реки неумолимо приближаются к отметкам на мерных столбах, и нынче все — рабы, крестьяне, горожане и даже стражники брошены на сбор урожая, который дал народу Кемета плодородный чёрный ил. Только танцовщиц не отпускают к Реке, чтобы царапины не осквернили их прекрасные тела, предназначенные для танцев перед ликами Богов и потому Нен-Нуфер впервые видела, как собирают ячмень.

Если она оступалась, хватка на плече становилась сильнее. Наконец они вступили под спасительную тень навеса.

— Садись.

Нен-Нуфер тут же согнула колени, даже не взглянув, есть ли на земле циновка, и хотела поблагодарить стражника за помощь, но тот уже повернулся к ней спиной и шагнул под палящее солнце, в гущу золотых колосьев, чтобы наравне с остальными продолжить битву за урожай. Видимо, он только что пришёл из города.

— Испей воды, девочка.

Нен-Нуфер вздрогнула и отпустила взглядом спину безымянного стражника, чтобы с благодарностью принять высокую глиняную кружку, впитавшую в себя запах пива, и с наслаждением выпила целебной воды из Великой Реки. Теперь, когда голова перестала кружиться, а жажда отступила, Нен-Нуфер почувствовала, как скрутило живот.

— Кто твои хозяева, девочка? — принялась за расспросы старуха.

Нен-Нуфер вспыхнула. Только царевич Райя в силах восхищаться её волосами, а женщины Кемета никогда не посмотрят на неё как на ровню.

— У меня нет хозяев. Я живу при храме Великого Пта и пришла сюда, чтобы помочь со сбором урожая.

Она не посмела назвать себя жрицей Хатор — жрицы не истекают кровью на руках неизвестных стражников. Была бы она жрицей — не сбил бы её царевич подле гробницы своего отца.

— Тебе так больно?

Едва ли тело её сейчас страдало так, как трепетала душа, оплакивая первый и единственный поцелуй. Она не могла больше сдерживать слёз, плечи опустились и задрожали, руки нервно схватили фигурку Исида, а губы беззвучно зашептали молитву — только не отвернётся ли теперь от неё Хатор, именем которой она прикрывалась перед царевичем. Она не ждала нынче кровей. Не гнев ли то Великой Богини? Рука старой женщины легла ей на голову и прошлась по волосам до самых плеч, а потом Нен-Нуфер позволила себе уткнуться в старое костлявое плечо.

— Воды Великой Реки омоют тебя и дадут успокоение страдающему телу. Ступай, пока не подан сигнал к отдыху, и мальчишки не побежали купаться.

Нен-Нуфер поднялась и сделала пару шагов по циновке, чтобы оценить свои силы. Поняв, что короткий отдых и живящая вода Великой Реки вернули её к жизни, она смело вышла из-под спасительной тени под палящее солнце, резво дошла до зарослей тростника и, разведя стебли руками, шагнула в воду. Потом опомнилась и отдёрунула ногу, чтобы оставить сандалии на берегу. Вода мягко коснулась разгорячённых ног, заманивая в свои объятия. Нен-Нуфер оторвала взгляд от своего дрожащего отражения и взглянула в сверкающую даль, где белели паруса лодок. Царевич обещал приплыть к ней в Фивы, но она никогда не узнает его парус среди сотни похожих и постарается не ждать его приезда. Её единственным возлюбленным останется Кемет. За его благополучие она будет молить богиню.

Вода уже доходила до колен — подол намок и прилип к ногам. Нен-Нуфер смочила кровавое пятно и принялась, что есть мочи, тереть ткань. Платье успеет просохнуть — ладья Амона ещё очень высоко. И Нен-Нуфер с мольбой простёрла к солнцу руки, прося Бога не ускорять свой бег на Запад, чтобы она дольше могла не возвращаться в храм.

Нен-Нуфер с трудом сделала ещё шаг. Ноги увязали в мягком иле, но вода мягко ударялась о живот, унося с собой боль и тревоги. Нен-Нуфер стояла с поднятыми к небу руками, как тогда на крыше, когда осмелилась вместе с Божественным приветствовать Осириса, вновь родившегося на свет из хаоса ночи. Она молилась за Пентаура, чтобы Боги направили его на верный путь. Она молилась за фараона и царицу, чтобы в этом году они родили Кемету наследника. Она молилась за царевича, чтобы тот не корил себя за оскорбление Великой Хатор. Она молилась и за себя, чтобы Богиня дала ей силы начать новую жизнь в Фивах и позабыть пески вокруг гробницы фараона Менеса. И вдруг кто-то поднял её над водой и, дотаскив до тростника, бросил лицом в ил.

— Я постараюсь спасти сандалии.

Она узнала голос. Он принадлежал стражнику. А вот и сам он по пояс в воде и через миг опять рядом. Нен-Нуфер вытерла ладонью грязное лицо. Он виновато улыбался.

— Прости, воды Реки унесли твои сандалии, но я не знал, чем ещё швырнуть в крокодила после того, как промахнулся кнутом. Разве не знаешь, как опасно купаться одной. А если бы меня не оказалось рядом...

— Но ты оказался рядом.

Стражник отвёл глаза.

— Я молилась, и Великая Хатор послала тебя ко мне, чтобы ты спас меня во второй раз, — она благодарным жестом коснулась его плеча. — Я никогда не забуду этого.

— Никто не посылал меня. Я следил за тобой. Вместо того, чтобы работать.

Стражник отвернулся к спокойным теперь водам.

— Не говори так. Нас всех посылают друг другу Великие Боги. Однажды Великий Пта послал к реке своего жреца, чтобы вытащить из реки младенца. Сейчас меня спас ты, и я хочу знать для кого просить милости у Великого Пта.

— Проси её для Кекемура, хотя он и так уже наградил меня встречей с тобой. Как зовут тебя?

— Нен-Нуфер.

— Я не видел тебя раньше на работах, иначе бы запомнил твои волосы.

Нен-Нуфер опустила глаза, вновь пожалев, что Великие Боги не одарили её чёрными волосами и миндалевидными глазами, а заключили её кеметскую душу в чужеродную плоть.

— Я здесь впервые. И если мы будем продолжать вот так сидеть, то я не успею собрать и колоска, и Великий Пта подумает, что зря позволил тебе сохранить мне жизнь.

Слова и улыбка давались с трудом — Великая Богиня явно прогневалась на неё за царевича и нежелание возвращаться в храм.

Кекемур поднялся и, взглянув поверх тростника на поле, сообщил:

— Мы точно рискуем остаться без хлеба и пива, если не поторопимся.

Нен-Нуфер потянулась к воде, и стражник нагнулся вместе с ней, чтобы омыть налипшую на её чёлку и нос грязь, затем подал руку, чтобы вывести на берег.

— Из-за меня ты осталась босой, — он глядел на её почерневшие от мокрого ила пальцы. — Но я не смею предложить...

— Я дойду, — уверенно перебила его Нен-Нуфер.

Поначалу раскалённая земля не жгла мокрые стопы в полную силу, а потом Кекемур, который шёл поодаль, догнал её и без спроса подхватил на руки.

— Я не мыслю ничего дурного, Нен-Нуфер, — сказал он быстро, стараясь не прижимать её к груди. — Иначе ты сожжёшь ноги, и Боги меня точно покарают.

От быстрой ходьбы у него сбилось дыхание или же от окриков, которыми он прогонял прочь детей, которые, жуя хлеб, носились друг за другом, грозя длинными тростинками. Взрослые тоже расступались перед городским стражником. Немногим хватило места в спасительной тени навеса, но и счастливики поспешили освободить ему путь, и Кекемур бережно опустил свою ношу на циновку. К Нен-Нуфер подскочила давешняя старуха, испугавшись, что девушке вновь сделалось плохо.

— Река поглотила мои сандалии, — Нен-Нуфер подобрала под себя мокрый подол. — И если бы не Кекемур...

Она оглянулась, но стражника уже не было рядом. Старуха с улыбкой протянула ей ломоть хлеба и узкую чашу с пивом.

— Быть может, — рассмеялась она добрым старушечьим смехом, — великая Хатор не зря послала его к тебе. Я знаю его семью. Он будет хорошим мужем, а тебе давно пора становиться матерью.

Нен-Нуфер опустила глаза. Хатор послала его к ней по другой причине, только старухе это знать не следует. Пусть себе подсмеивается, глядя, как она вгрызается в скрипящий на зубах хлеб. Здесь никто не просеивает муку от песка, как делают в храме, и пиво здесь лишено привычной сладости, как и в доме храмового стражника. Здесь нет места для будущей жрицы, но это народ, ради благополучия которого она танцует.

Люди, сытые и довольные кратким отдыхом, поднимались с земли, чтобы вернуться к работе. Проводив последнего стражника, старуха спросила Нен-Нуфер:

— Тебе нужна чистая материя?

Она привыкла к мягким рулончикам папируса и никогда прежде не выпускала кровь наружу, но сейчас Хатор в наказание заставляет повязать себе льняные тряпки, будто рабыне, но она покорно примет наказание, как и вернувшуюся в тело боль. Трудно будет дойти до храма, но она справится, и пусть её кровь станет последней каплей гнева Великой Богини. И пусть она не карает царевича Райю за её ложь.

— Гляди, как смотрит, — старушечья рука легла ей на плечо. — Кекемур явно положил на тебя глаз.

Нен-Нуфер повернула голову, но юноша уже отвернулся. Без кнута он больше не выглядел стражником. С серпом в руках и в перемазанной илом юбке, его не отличить было от остальных мужчин.

— Обувайся, — старуха швырнула на циновку сплетённые из тростника сандалии.

Кекемур велел сидеть под навесом до вечера, но старуха явно решила, что девица способна работать. Если она уйдёт сейчас, её никто не остановит, но, быть может, Великая Хатор неспроста привела её на ячменное поле. Амени велел беречь руки, но пока окончательно заживут ноги, затянутся и ссадины на руках.

Поблагодарив старуху, Нен-Нуфер обулась и присоединилась к женщинам, которые таскали за жнецами корзины, чтобы принять у них колосья. На них были только юбки, и всё равно ручьи пота бежали между грудей. Лён на её груди вскоре сделался совсем прозрачным, и она присела отдохнуть подле своей наполовину наполненной корзины. Только выдохнуть ещё не успела, как перед ней замерли дорогие кожаные сандалии. Она подняла глаза.

— Я сказал тебе оставаться до вечера под навесом, — Кекемур бросил в её корзину охапку колосьев. — Ты ослушалась и чуть не угодила в пасть крокодилу, а сейчас попадёшь под серп.

Он протянул ей руку и поднял с земли, потом подхватил её корзину и скомандовал:

— Следуй за мной.

Он нёс корзину в житницу, размахивая серпом, будто кнутом. Дурная привычка, подумала Нен-Нуфер, стараясь нагнать юношу. Зной и пиво сыграли с ней злую шутку, тростниковые сандалии стали каменными, и она с большим трудом отрывала их от земли. Кекемур оглядывался и подбадривал словами, но у житницы Нен-Нуфер ухватилась за столб и съехала по нему на землю.

— Больше никуда не ходи.

Она кивнула и нащупала столб затылком. Полуобнаженные женские фигуры сменяли одна другую, они мелькали перед ней в солнечной дымке, а потом веки сами опустились. Нен-Нуфер почувствовала щекой землю, но подняться уже не смогла. Когда же вновь открыла глаза, лёгкий ветерок обдал её своим дыханием, и глаза спокойно, не шурясь, взглянули вдаль, где по тёмной глади Великой Реки уже пробегали красноватые блики — ладья Амона почти полностью скрылась на Западе. Скоро закроют храмовые ворота, а на пальце нет кольца Амени, чтобы показать стражникам. Она подскочила и тут же пошатнулась.

— Не бойся!

Она не заметила сидевшего рядом Кекемура, но тот успел подхватить её, и она благодарно прижималась влажным лбом к его высоко-вздымающейся груди, пока перед глазами не перестало рябить.

— Я не позволил тебя разбудить, — произнёс он тихо, когда Нен-Нуфер отступила от него. — Все уже разошлись, но я провожу тебя домой.

Он коснулся её локтя.

— Пойдём, чтобы первый час вечерних сумерек не застиг нас в дороге. Где ты живёшь?

— Нам с тобой по пути, если ты идёшь в город. Я живу при храме Великого Пта, и если он не рассердился на меня, то у ворот будут стоять те, кто знает меня в лицо. Иначе мне некуда торопиться.

Она попыталась улыбнуться, но лицо стражника оставалось непроницаемым.

— Тебе нечего бояться, Нен-Нуфер. Если потребуется, я останусь с тобой до рассвета. Ведь это я не позволил тебя разбудить.

— Благодарю тебя, Кекемур, но я верю в благосклонность Богов. Они не карают тех, кто не заслужил кары, а тебя должна ждать лишь их благодарность за заботу обо мне. Идём.

— Не спеши. Ты всё ещё слаба. И пусть я потерял кнут, я найду слова, чтобы убедить

храмовую стражу впустить тебя.

Нен-Нуфер вновь попыталась улыбнуться, теперь уже горько. Она вспомнила, как ей грозили кнутом перед входом в башню — теперь бы она была только рада, если бы её не пустили к Пентауру. Ноги отказывались идти, но она заставляла себя двигаться вперёд ради Кекемура. Он устал за долгий и тяжёлый день, и кто знает, сколько часов ему отведено на сон. Дорога давно опустела. Даже ослы не тянули с рынка пустые телеги. Она прибавила шагу, и Кекемуру даже пришлось ухватить её за локоть.

— Ты спешишь. А я не хочу так скоро расставаться с тобой.

Она не знала, шутит ли он. На усталом лице не было и следа улыбки, но она пошла медленнее. И когда впереди выросли огромные пилоны городских ворот, их уже освещали факелы. И в их свете она увидела двух храмовых стражников — того, в чьём доме она ночевала, и того, кто охранял от неё Пентаура. Они тоже увидели её и побежали навстречу.

— Где ты отыскал её?! — отец мальчика протянул к Нен-Нуфер руку, но уткнулся в ладонь Кекемура.

— Я сам провожу её до храма. Отойдите оба.

Голос его был ледяным, и храмовые стражники покорно отступили на шаг.

— Твоя работа была найти её, а в храм мы сами можем её отвести, — голос мужчины был таким же ледяным, что и у юноши.

— Меня никто не искал, — Нен-Нуфер выступила вперёд.

— Как не искал? Почему же вы идёте вместе?

— Мы вместе собирали ячмень.

— Ячмень? Ты — танцовщица и не имеешь права собирать ячмень. Ты должна была вернуться в храм. Тебя хватились утром — сам Амени искал тебя, а Пентаур бегал к воротом всякий час, пока я не сообщил, что ты ночевала в моём доме. Я был уверен, что ты пошла в храм. Вот уже третий час тебя ищут вместе с городской стражей.

Нен-Нуфер похолодела.

— Амени даже велел проверить, не забрала ли ты свои драгоценности. Никто в храме до сих пор не лёг спать. Амени стоит у ворот.

— А Пентаур?

— Он вновь под стражей.

— О, Великий Пта! — воскликнула Нен-Нуфер. — За что ты прогневался на меня!

— За то, что ты покинула без спроса храм, за то, что ты провела ночь в чужом доме, за то, что ты собирала ячмень, за то, что ты в темноте идёшь неизвестно с кем, — ответил молодой стражник и протянул девушке руку, но Кекемур оттолкнул её.

— Это моя вина. Это я увёл её на сбор урожая и я не позволил ей вернуться в храм. И если потребуется, я сам стану говорить с Амени.

— Потребуется! — заверил разозлившийся молодой храмовый стражник. — Следуй за мной!

Только Кекемур не прибавил шага и не позволил сделать это Нен-Нуфер, напомнив, что она всё ещё слаба. Лицо его оставалось непроницаемым, пока он не предстал под очи верховного жреца Пта. Тогда Кекемур сжался и вытянулся в струну, но старик даже не глянул на него — Амени схватил Нен-Нуфер за плечи и прижал к груди. Он даже сделал несколько шагов от ворот, когда заметил четвёрку, но стоявший рядом жрец удержал его за подол юбки, но сейчас Амени не смог сдержать проявление радости. Нен-Нуфер от неожиданности лишилась дара речи. Кекемур что-то говорил, но его никто не слушал, и

Нен-Нуфер даже не сумела обернуться к нему, так крепко прижимал её к дряблой груди старый жрец. Она лепетала что-то в своё оправдание, но Амени твердил одно: «Великий Пта вернул тебя мне. Великий Пта вернул тебя мне...»

— Читай дальше.

Они уже давно добрались до отеля, но Реза не выпускал её из машины.

— Это всё. Я скопировала только этот кусок.

Что за дурь! Ему не может быть интересно! Может, на него подействовал кофе, и ему не хочется домой, но у неё-то язык заплетается!

— Жаль. Впрочем, я доволен услышанным. Особенно появлением в романе Кекемура. Я то я уж испугался, что тебе нравятся только мужчины, намного старше тебя.

Сусанна сжалась. Сколько можно издеваться над ней!

— Это не мои предпочтения. Это сюжет романа.

— Конечно, конечно...

Реза вышел из машины и подал ей руку.

— Вы могли просто высадить меня у входа.

— А я думал, что ты написала этот отрывок, чтобы показать читателю, что не стоит никуда ходить одной.

Непроницаемое лицо. Ни намёка на улыбку. Как же хорошо он владеет эмоциями. Только дома за столом ей показалось, что он выглядел естественным: расстроенным и усталым.

— Санура!

Из машины выскочила кошка. Откуда она здесь? Реза рванул за ней, но куда там — только хвост в темноте мелькнул, и всё пропало. Реза махнул рукой.

— Это ты её спугнула!

Сусанна зажмурилась — отчего-то подумалось, что он сейчас вlepит ей пощёчину, но он лишь поправил выбившиеся из-под платка волосы.

— Что теперь делать? — спросила она. — Как её искать?

— Ничего. Сама пришла. Сама ушла. Идём.

Она покорно пошла за ним, подбирая подол чуть ли не к коленкам, чтобы не наступать на чужое платье.

— У кафтана специальный крой. Ты не оступишься, и я тебя держу за локоть.

Сусанна покорно отпустила ткань. К счастью, от входа в отель их отделяли две улицы. В лифте она опустила глаза, чтобы не смотреть на туристов, и подумала, что «глаза в пол» прекрасно подходят к её маскарадному костюму. Реза вновь пожелал ей доброй ночи по-арабски, но вместо поцелуя, совсем по-детски потрепал её за щёку.

— See you tomorrow, — прорычала Сусанна в закрытую дверь и пошла открывать балкон, чтобы избавиться от затхлого воздуха.

В дверь тут же постучали. Ну чего он забыл? Только на пороге стоял Паша.

— Чё за маскарад? — начал он без всякого «здрaсте».

— Это не маскарад. Теперь я так буду ходить всегда!

Только этого идиота ей сейчас не хватало! Не станет она ничего объяснять. Хотя нет, отчего же! Она замахала перед его носом подаренным кольцом.

— Вопросы ещё есть?

— Ты что, сдурела? Ты знаешь его один день!

— Три. Три дня. Это любовь с первого взгляда. И у них женщины вообще только на

свадьбе жениха видят. И живут как-то. И вообще мне с посторонними мужчинами говорить нельзя.

Она захлопнула дверь и прижалась к ней лбом. Что она только что сказала?.. А если у Паши полностью отсутствует чувство юмора?

Глава 16

Сусанна аккуратно расправила чужое платье по спинке кресла и залезла под одеяло. И пусть в номере стало прохладней, она решила оставить окно открытым. На разогретое прошлым кошмаром воображение городской шум действовал успокаивающе. Нынешняя ночь, к счастью, выдалась шумной — по коридору не прекращалось хождение, и потому не так страшно было засыпать. Сусанна закрыла глаза и уже почти уснула, как кто-то снова шархнул дверью. Ни кто-то, а это захлопнулась балконная дверь. Ну и ладно, уже совсем не жарко.

— Открой дверь!

Сусанна подскочила. Она явственно услышала тихий голос. Сама с собой начала говорить — как некоторые. Неужели это заразно! Глаза свыклись с темнотой — кроме неё в номере, конечно же и к счастью, никого не было, как собственно и тишины — с балкона доносился странный шорох, больше даже похожий на скрежет. Дверь прищемила портьеру. Неужто ветер с таким шумом рвёт полотнище?

— Мяу, мяу...

Теперь она точно не ослышалась. По стеклу заскрипели когти.

— Санура!

В ответ вновь раздалось мяуканье.

— Как такое возможно!

Сусанна спрыгнула с кровати и приоткрыла дверь. Кошка с тихим мяуканьем прошмыгнула между ног и запрыгнула на кровать. Собака может найти хозяина по запаху, но не кошка же! А вдруг и кошки могут... Сусанна потянула носом воздух, пытаясь уловить остатки мужского одеколona.

— Я не кошка, — пожалала она плечами и затворила дверь. — Не смей только драться! Швырну с балкона, поняла? А будешь хорошей, с утра отправишься домой.

Она нависла над кошкой, будто и впрямь ждала от неё ответа, но та даже не мяукнула, зараза... Сначала она хотела тут же послать Резе сообщение — поди расстроился, потеряв кошку, хоть и вида не подал. Она схватила телефон, но в последний момент сообразила, что в такой час Реза может уже спать. Картина того, как он шарит рукой по тумбочки в поисках телефона, встала перед глазами так ярко — вплоть до скинутого одеяла —, что Сусанну аж передёрнуло.

— Спи! — сказала она то ли кошке, то ли в пустой телефон воображаемому Резе.

Но кошка не думала спать на отдельной кровати. Лишь Сусанна вернулась под одеяло, кошка тут же прыгнула к ней на подушку.

— Не выйдет, зараза!

Только проверять кошачьи коготки Сусанна не стала. Просто перебралась на другую кровать, но Санура тут же последовала за ней. И так раз пять они ползали друг от друга, пока Сусанна не сдалась. Может, она привыкла с Резой спать...

— Спи уже!

Пришлось уткнуться носом в кошачий бок, и близость кошки подействовала лучше всякого снотворного. Только вскоре кошка недовольно заворочалась. Сусанна с такой же неохотой попыталась перевернуться на другой бок и, не обнаружив на себе одеяла, принялась шарить по кровати в поисках его края, пока случайно не спихнула кошку на пол.

— Санура!

Впрочем, балкон закрыт — так что не удерёт, обидевшись! И всё же Сусанна свесилась с кровати, надеясь отыскать кошку — она не чёрная, да и глаза должны светиться... И не так уж темно. Где же эта мяучащая не по делу дрянь могла спрятаться? Сейчас хоть бы голос подала! Сусанна даже под кровать заглянула — никого. И под второй — пусто. Не могла ведь сбежать... Всё закрыто! Сусанна выпрямилась и отряхнула с колен песок. Когда успела натащить, ведь сандалии, кажется, вытряхнула, а сарафан остался в рюкзаке. С кошки, что ль, насыпалось? Бывает же!

— Эй, ты где? — она позвала кошку тихо, чтобы не разбудить соседей.

— Я здесь, — отозвалась кошка так же тихо, и Сусанна вновь вздрогнула, но всё же присела, чтобы вновь заглянуть под кровать — никого, но зато отыскала источник песка — тот сыпался с кровати. Да не сыпался, а лился!

Сусанна судорожно подоткнула одеяло, чтобы сдержать потоки песка, но тот продолжал сочиться сквозь пальцы, и чем дольше он тёк, тем мягче становились крупинки, пока не превратились в шёлковые нити... И Сусанна поняла, что сжимает прядь светлых волос. Она попыталась разжать пальцы, но их будто мёдом приклеили к волосам. Тогда она отдернула руку, и волосы, потянувшись за пальцами, открыли лицо: бледное с яркими губами и чёрными лодочками вокруг пронзительных кошачьих глаз.

— Нен, нен, нен, нен, нен... — звенело в ушах, но Сусанна была уверена, что звук вылетает из этих неподвижных губ.

Песчинки впивались в кожу, но Сусанна не могла слезть с кровати. Её не отпускали медовые волосы и кошачьи глаза.

— Нен, нен, нен, нен, нен...

Звук усиливался и уже походил вместо колокольчика на звук набата. А глаза на неподвижном лице сверкали уже как два фонаря в ночи. Сусанна рванула волосы, чтобы укрыться ими от пронзительного взгляда, но они оторвались от головы и, зацепившись за кольцо, повисли у Сусанны на пальце.

— Мяу, мяу, мяу... — продолжало звенеть в ушах, и Сусанна зажмурилась до слёз.

В глаза через скомканную портьеру било солнце и заодно отражалось от сидящей на груди кошки, которая из бронзовой превратилась в золотую.

— Голодная, что ли? Чего разоралась?!

Но на этот раз кошка решила с ней не разговаривать человеческим языком и продолжила истошно мяукать. Сусанна потёрла висок, из которого выдрала несколько волосинок, сунув во сне под ухо руку с кольцом. Ноги скользили по песку. Она так спешила вчера утром прибраться, что забыла, зачем улеглась поверх покрывала, и теперь чистая когда-то простынь превратилась в песочницу. Сусанна застонала, и Санура наконец спрыгнула с неё. Телефон лежал на тумбочке. Семи ещё нет, а так шумно. Кто-то настырно сигналит на набережной, кто-то бранится за стенкой. Была ли вообще ночь — или шумный вечер плавно завершился рассветом. Позвонить? Нет, лучше отправить смску, чтобы не разбудить. Только как верно составить предложение? Санура недовольно расхаживала в изножье кровати, пока Сусанна в сотый раз переписывала единственную фразу, оставляя неизменным только «Good

morning!» В итоге она написала коротко и более-менее ясно: «Your cat is with me. Please pick it up» и отправила хозяйину кошки, а потом испугалась, что Реза спросонья не поймёт, от кого послание. Хотя как можно не понять? Только пока она набирала своё имя, чтобы отправить следующим сообщением, у неё высветился ответ: «Don't hurt the poor thing, girl. I'll be @ your place @ 9 AM. Luv».

Сусанна опустила телефон на грудь и уставилась на кошку. Та уставилась в ответ на неё.
— Что такое «luv»?

Но Санура промолчала. Наверное, понимала по-русски только ночью. Придётся спросить у Гугла, он точно знает, что написал многоуважаемый мистер Атертон. Угу, «luv» используют в смсках вместо слово «любовь», чтобы женщины думали, будто партнёр их любит... Этот козёл даже с утра не мог не поддеть её! Да, да...

— Твой хозяин идиот, — произнесла Сусанна по слогам всё так же по-русски, полагаясь на интернациональность слова «идиот»! Собственно судя по вчерашнему его обращению с кошкой, Санура просто обязана с ней в этом согласиться.

У неё в запасе целых два часа, чтобы привести в порядок то, что ещё осталось на голове. Заодно почистить зубы, чего она ночью, конечно же, не сделала. Кошка не отпускала её и на секунду, и пока Сусанна стояла у раковины, крутилась вокруг её ног, жалостливо мяуча.

— Пить хочешь!

Сусанна наконец поняла кошачий язык и, ополоснув мыльницу, налила в неё воды.

— Тот, кто однажды испил воды из Нила, не сможет утолить жажду ничем иным, — вспомнила она почерпнутую где-то поговорку и, прежде чем опустить мыльницу на пол, сделала глоток. Вода как вода, но лучше из-под крана не пить.

Кошка стала резво лакать воду, и Сусанна довольная вернулась к чемодану, чтобы понять, что у неё осталось приличного из одежды. Вернее сказать — приличной длинны. Сестра всё же запихала в чемодан шорты и короткую юбку, но в них она не собирается встречать Резу. Остались джинсы, в которых она была в самолёте, и платье — длинное, но с блёстками — сестра собиралась отправиться куда-то танцевать. Дура, не понимает будто, что здесь танцовщица равна проститутке. Что ж, джинсы так джинсы. Только футболка осталась с логотипом «bebe», точно «беби», а что поделать? Надпись на груди подстать волосам — Сусанна сумела поймать короткую прядь в конский хвост почти на самом лбу. Спасибо, мистер Атертон, что хоть не под самый корень отпилили!

Теперь достать из рюкзака сарафан и запихать подальше в чемодан. Туда бы отправить и рисунок... Только вместо этого Сусанна разгладила его на коленях. Рисование, наверное, у них семейный талант. Если рисунок сфотографировать, выйдет неплохая обложка к роману, когда она наконец допишет его и решится опубликовать в сети. Но только Сусанна навела на рисунок телефон, кошка тут же прыгнула ей на колени.

— Дрянь!

Сусанна отшвырнула Сануру, но в середине лица рисованной Нен-Нуфер уже была дырка.

— Дрянь!

Кошка выгнула спину и зашипела. Понимает по-русски, дрянь... Как тебя только хозяин терпит! Однако ж кошка не пожелала открывать ей свои любовные секреты, но и на колени решила больше не прыгать. Тогда Сусанна раскрыла планшет, но открыть файл не успела — в дверь постучали и позвали её по имени. Паша будильником решил поработать!

— Завтракать идёшь?

Не, здороваться — это не его. Но вот завтракать хочется — вдруг мадам Газия в этот раз ничего ей не пришлёт, ведь Реза не дал им даже попрощаться, хотя может это и не принято на Востоке...

— Что у тебя на голове?

— Волосы. Не нравится?

— Мне-то пофигу, а вот...

— А он не увидит, — перебила Сусанна, пытаясь сообразить, как избавиться от вчерашней лжи.

Паша заглядывал поверх её плеча и явно видел платье. Не увидеть его было бы проблематично — подол болтался по полу.

— Когда он придёт?

— В девять. Я успею переодеться.

Суслик, прекрати! Зароешься и потом не отроешься! Да ладно, ведь прикольно же... Хорошо ещё Санура не вышла встречать гостя. Пришлось бы новую ложь выдумывать. Хотя можно было сказать, что кошка Паше просто привиделась. А чё, галлюцинации в Египте в порядке вещей — мистер Атертон подтвердит. Как и кошмары. Это уж она на собственной шкуре испытала, хотя сегодняшней был так себе, на троечку с минусом. Интересно, что завтра приснится?

За завтраком Марина улыбалась ей как-то разочарованно — мечтала, видно, увидеть в хиджабе. Не дождёшься! Вот кольцом любуйся. Наверное, с тобой не прокатит сказка о сувенире. Только про кольцо Марина не спросила. Она вообще сделала вид, что приключения Сусанны ей неинтересны. Она трындела о жуткой русской группе, к которой их подключили в пирамиде, об экскурсоводе, которая все падежи спутала, но больше о том, как их надрали продавцы сувениров, подсунув на сдачу вместо фунтов пиастры. И попытожилось всё сетованием на грязь и вонючих арабов. Хотя Сусанна уже и прожевала бекон, но решила, что лучше молчать, даже если подумать, что это было выпадом в её сторону. Обижаться на Марину может только полная дура! Хотя именно так она сейчас и выглядит с этим дурацким хвостом! Впрочем, замотайся она в платок, на неё пялилось бы ещё больше народа.

— Мариш... Ты это... Ну, поняла...

Паша всё же не выдержал и даже как-то виновато глянул на Сусанну, но она решила не напоминать ему, что Реза — англичанин. И вообще арабы перед сном ходят в душ и спят в такой пижаме, в которой некоторые русские разгуливают по улицам...

Марина под взглядом мужа вгрызлась в сладкую булку. Подделом, и всё же Сусанна не хотела этой неловкости — им вечером вместе на шоу ехать и ещё домой лететь.

— Хотите я вам настоящую египетскую мау покажу, а? Она у меня в номере сидит.

— Тебе что, кошку подарили? Как ты её повезёшь? Или ты уже никуда не летишь?

Какой же ты, Паша, прагматик? Где романтизм?! Ты вообще цветы жене дарил? Розы там или хотя бы гвоздики. Лучше же букет из кошек... Детский стишок даже такой был, помнится.

— Я её просто с собой взяла, чтобы ночью не страшно было.

— А что не её хозяйина?

Не, Паша, твоя жена молчать не умеет.

— В следующий раз возьму хозяйина.

Суслик, она ж поверит! Да и пусть. На всяких Марин ещё внимание обращать!

— Если хотите кошку посмотреть, кофе допивайте.

— Кофе у них дерьмо.

Вот тут она с Мариной не могла не согласиться. А вот у мадам Газии... Она никогда так и не вспомнит её имя. А фамилию с первого раза запомнила. Приняв дозу кофеина, гости поднялись в пустой номер.

— Санура! — в последний момент Сусанна захотела, чтобы кошка не вышла. Противно будет брать её на руки после Марины. Да и она своими когтями ещё её поцарапает. Марина кошку, не наоборот. Когда б наоборот, Сусанна б даже порадовалась!

Увы, Санура вышла и гордо уселась на подол платья мадам Газии. И знак скарабея чётко просматривался на кошачьем лбу.

— Какая лапа! — захлопала в ладоши Марина.

Да, лапа... Лапы у этой лапы такие, что голову оторвут. Хорошо Санура ещё не исцарапала её утром, когда не смогла добудиться мяуканьем. И царапать Марину не стала, жалко. Хотя, верно, нечего когти марать. Кошка залезала под кровать, вылезала оттуда, прыгала на подушку, но в руки не давалась. Непонятно, как долго они ловили её, но девяти явно ещё не было, когда в дверь постучали. Сусанна бросилась открывать и чуть не вцепилась в мотоциклетный шлем. Что Аббас тут делает?

— You're safe and sound. Is Sanura still alive?

— Sure.

Сусанна отступила от двери, пропуская его в номер. С ней брат Резы явно решил не здороваться — расстались ведь не так давно, но остальным пожелал доброго утра. В чёрных кожаных брюках и облегающей куртке он выглядел ещё выше и тоньше. Вокруг шеи нахально болтался черно-белый полосатый платок — с какого фараона снял, интересно? И что вообще он здесь делает? Только ни одного вопроса так и не сорвалось с её губ, пока Аббас, бросив на идеально застеленную кровать шлем, носился за кошкой. Наверное, та понимала арабский и, обидевшись на приписанные ей эпитеты, решила точно не даваться ему в руки и после ста кругов запрыгнула к Сусанне.

— Such a bitch! — рядом не было Резы, чтобы напомнить брату о хороших манерах. — You both couldn't fit in my backpack!

Аббас действительно скинул с плеч рюкзак и так глянул на Сусанну, что та, не раздумывая, сунула туда кошку, да и саму Сануру будто парализовало — она, видать, не ожидала от Сусанны предательства! Аббас запихнул сверху платье и платок матери и закрыл молнию.

— Now...

Сусанна не успела проговорить вопрос, а Аббас уже ткнул её носом в дырки на дне рюкзака, а потом вытащил из внутреннего кармана деньги и, заметив на столике мятый листок с рисунком брата, положил на него купюры.

— Вознаграждение за кошку, — улыбнулся он, но Сусанна не могла улыбнуться в ответ. Он что, издевается? И Аббас действительно выдал: — Шутка. Это деньги на парикмахера, а вот и адрес, — сверху легла визитка. — Он ждёт тебя в десять, но раз я успел раньше девяти, думаю, чтобы спасти день, ты можешь пойти к нему прямо сейчас. Это в старом городе, рядом с музеем коптов на случай, если ты вдруг решишь туда заглянуть с новой причёской. Хотя если у тебя другие планы... В общем...

Его красноречие наконец иссякло, и Сусанна смогла спросить:

— Где Реза?

— Спит. Во всяком случае спал, когда я уходил. А что, вы договорились о встрече? — гадкая у него всё-таки улыбка. — А... — Аббас улыбнулся ещё шире. — Ты про свою смску! — он игриво взбил на лбу кудряшки. — Так это ж я её получил и я же ответил. И приехал, как видишь, тоже я.

— Это ведь номер Резы...

— И что? Телефон валялся на кухне. Он спал. Это могло быть что-то по бизнесу. И так и вышло...

Аббас закинул за плечи рюкзак с кошкой и молча за локоть вывел озадаченную Сусанну на балкон. Затворил двери — явно для того, чтобы Марина с Пашей не могли их подслушать — и облокотился на перила, чтобы кошке за спиной было свободнее висеть, а Сусанна прижалась к стеклу, чтобы можно было стоять не с ним рядом. Край огромного платка колыхался на ветру. Такого сейчас на обложку снимать. Все девки его будут...

— Твои друзья нас не услышат, — Аббас уставился на реку и принялся жевать губы, будто подбирал верные слова. — В общем, надеюсь, ты просто хотела, чтобы Реза забрал кошку. Так?

Сусанна молчала. Чего он хочет услышать в ответ? И чего она обиделась на Аббаса за то, что он припёрся вместо брата? Ведь сама вчера переживала, что из-за платья придётся снова встретиться с Резой. Ну даже приедь он сейчас, ни на какую экскурсию они бы вместе не пошли, ведь с кошкой Реза бы всё равно поехал домой. Хотела она, что ли, поехать с ним посмотреть мастерскую при свете? Каком свете, Суслик! Аббас ничего ещё не починил. Не потащился же он туда в шесть утра! Наверное, решил лукум на кухне стащить, пока мать спит, а тут она со своей смской!

— Тебе шестнадцать, красотка, — Аббас не глядел на неё. — Нам с Резой уже за тридцать. И, судя по твоему поведению, могу предположить, мужчины у тебя ещё не было, — он на мгновение обернулся на неё и вновь вперил взгляд в Нил. Но беглого взгляда ему хватило, чтобы увидеть красные щёки жертвы. — Не думаю, что стоит начинать с Резы. Правда, не стоит. Он может запудрить мозги любой, я знаю. Но, детка, этого ведь мало для первого раза, так ведь? Да и для второго тоже. Секс для девушки даже у вас в Европе не просто физиология. Тем более в шестнадцать! Надо влюбиться, то да сё. Или я не прав?

Сусанна молчала. Разве надо ему отвечать? У него монолог со сцены! Домашняя заготовка? С семи утра репетировал? Или экспромт выдал, а, мистер Газия?

— Ну или, если предположить что... — Аббас оборвал фразу, отошёл от перил и взялся за ручку двери, но потом обернулся: — Отдай себя тому, кто это хотя бы оценит не жалким кольцом. И это, увы, не мой брат.

Сусанна продолжала молчать. Если он добавит сейчас хоть слово, она разревется. Что этот козёл Атертон ему про неё нарасказывал? Что?!

— Ну, я всё сказал. И ты всё поняла.

Аббас открыл дверь и вышел первым. Из рюкзака донеслось жалостливое мяуканье. Ну хоть Санура её поддерживает! Но кто тут бабу спрашивает?! Аббас поднял с кровати мотоциклетный шлем и, бросив короткое «бай» присевшей на соседнюю кровать паре, быстрым шагом покинул номер.

— Кто это?

Как Марина не сгорела ещё от любопытства!

— Брат Резы.

— Может, правду теперь скажешь про своего арабского принца и его колечко?

Марина, жаль тебя не запихнуть в чемодан и не заткнуть кляпом из платья.

— Какая правда вам нужна? Я с ним не спала! Довольны? Мы с ним лазали по гробницам. Я там на волосах повисла, пришлось отрезать. И платье я там же порвала, пришлось взять наряд у его матери. Да, мы поехали к нему домой ужинать, что такого-то? А кольцо? Его я у торговцев у Пирамид купила, — выдала она подсказанную Резой ложь.

Эти двое молчали, но Сусанна уже молчать не могла.

— С чего вы решили, что я обязана с ним спать! Я вообще не хочу ещё ни с кем спать. И уж точно не с мужиком, которого два дня знаю и от которого через два дня улечу. На кого, вы все решили, я похожа?!

— На чучело! — грубо оборвала её Марина. — Иди стригись, раз позволила себя изуродовать. Куда ты там вообще лазила? Везде цивилизно.

— Мы тебя проводим, — выдал Паша, чтобы остановить жену. — Какой там он музей, сказал, есть? Я не понял.

— Истории коптов!

— Ну вот. Нам только к пяти надо вернуться сюда, чтобы поужинать, и в семь, что ли, автобус выезжает в Гизу на шоу. Ты, надеюсь, с нами едешь в этот раз?

— Еду!

Никого Резы сегодня не будет. Это точно. Где он собирается её искать? Ведь не думает же перехватить в парикмахерской? Конечно, не думает! Суслик, ты вообще чего? Раз Аббас знает про ваш уговор на стрижку, то Реза не спит. Он просто послал к тебе брата. Быть может, славный Аббас мозги ему вправил, чтобы он не совращал малолетних! Суслик, Суслик...

Дверь без стука распахнулась, но на пороге был не Реза. К счастью или несчастью, это снова был славный Аббас.

— Я решил проводить тебя, — выдал он с непроницаемым лицом.

Брат позвонил или сам додумался? Конечно, мистер Атертон у нас джентльмен, он хочет исправить всё, что натворил, и только тогда умыть руки. А Аббас всё же сын прислуги и сам, получается, слуга Резы. Вот и честно отработывает деньги братика. Братика в кавычках.

— Я пойду с ней, — Паша на удивление быстро среагировав на чужеродную речь.

— Отлично, — Аббас улыбался в весь свой белозубый рот. — Я провожу, а вы заберёте. Меня всё устраивает.

И снова вышел, не дожидаясь, когда за ним последуют. Пришлось бежать, на ходу запихивая в рюкзак рисунок и деньги и крича Паше, что они дождутся их на улице. Надо задержать этого придурка. Марина же сумку будет искать полчаса! Однако Аббас и не думал идти на улицу. Он просто не желал стоять в коридоре. В холле он плюхнулся в кресло, чуть не раздавив кошку, и уткнулся в телефон — небось пишет отчёт о проделанной работе. В два слова уложился и уставился на неё. Чего ты, Суслик, не сядешь? Или в обществе арабских мужчин разучилась делать что-то без команды? Этот сесть не предложит — так тебя лучше рассматривать. Таким взглядом, Суслик, только раздевают! Хоть бы слово сказал — хотя пусть уж молчит, а то у неё весь английский вылетел из головы! И тут Аббас по-деловому постучал по подлокотнику соседнего кресла. Какое счастье, что он не выбрал диван!

Сусанна плюхнулась в кресло и небрежно закинула ногу на ногу — пусть не думает, что он её нервирует. И хватит смотреть! Хотя умеет по глазам читать, отвернулся и начал насвистывать что-то шибко уж знакомое. О, нет, он перешёл на слова, и она признала хит Эда Ширана, чтоб его так! Она и без него прекрасно понимает, что им, кроме её тела, ничего не нужно. Только уж будьте уверены, ни одним из вас моя постель пахнуть не будет! Только кошкой. Жаль, что Санура напрудила лужу у кровати. Лучше б потерпела чуть и в рюкзак!

— Сейчас «Убер» подъедет, — сказал Аббас подошедшему Паше и, продолжая смотреть в телефон, поманил всех к выходу.

— Я думал, мы идём пешком, — сказал Паша на улице.

— У меня нет лишнего часа.

Забыл добавить — на вас! Да и хрен с вами, арабский джентльмен, и с вашей кошкой!

Подкатившая колымага вовсе не смутила Аббаса, но Марина не удержалась от комментария — денег на такси нормальное не хватило. К счастью, она не стала выставлять свой английский против английского юмора арабского мотоциклиста — этот бы нашёл, что голубке ответить. Он и так простую просьбу передать ему рисунок брата выразил в предложении из слов так тридцати... Тяжело, видать, ему далось молчание в холле. И песня не помогла. А вот её она окончательно отрезвила. Вы умничка, мистер Газия. Последнее желание видеть мистера Атертона пропало. И Сусанна молча отдала листок.

Аббас уселся с кошкой и шлемом вперёд. Они втиснулись назад. Какое счастье, что на ней джинсы, а эта дура в юбке! Только бы рта не раскрыла, даже по-русски. И Марина молчала, только ойкала на каждое торможение и скрежет железа. Но всё же «уберное» чудо не развалилось.

Хороший парикмахер оказался в таком же хорошем местечке, как и эта машина. Аббас толкнул старую дверь, вся красота которой когда-то заключалась в стекле с золотой вязью. Внутри не лучше. Огромное зеркало в старой деревянной раме перед выдавшими виды креслами. Стены выложены выпуклой желтоватой плиткой с цветным растительным орнаментом — может, это даже лотосы, не разберёшь. По стенам шкафы, как в старых библиотеках, только вместо стеклянных квадратных вставок зеркала. Одного взгляда на всё это достаточно, чтобы развернуться и выйти, но Аббас с порога заговорил с парикмахером. На парне по такой жаре серый джемпер, а к куцей бороде добавлена утренняя щетина. Не говорите только, что вы его из постели для меня выдержали! Но вообще-то в парикмахерской, если ты, Суслик, не заметила, больше никого нет.

Парень жевал сигарету и даже не глядел на Сусанну, потом открыл шкаф за спиной, который оказался дверью во двор и, не глядя, выбросил её, не докурив. И сейчас, этими руками он тронет её волосы... Нет, этими руками он взял рисунок Резы и деньги. А как же те, что Аббас сунул ей в номере? Забыл, наверное. Она открыла рот, чтобы напомнить, но парикмахер затарабанил что-то ей в лицо. Английский его был настолько ужасен, что только здравый смысл подсказывал ей, что от неё хотят. Она села и уставилась на себя в зеркало. Вернее на Аббаса. Может, вспомнил про деньги и потому не уходит? Улыбнувшись её многозначительному взгляду, он нагнулся к её уху и прошептал:

— He'll take good care of your hair. And you, mademoiselle, should take good care of yourself. Understand?

Она кивнула. Поняла ещё на балконе. Аббас нагло чмокнул её в скрытую волосами щёку и в три прыжка оказался у двери, которая захлопнулась так сильно, что задрожали все зеркала. Идиот! Он что, заплатил ей, чтобы избавить от неё своего брата? Придурок...

Другой придурок крутил ей волосы, и заколки врезались в кожу головы острыми спицами — может, впрочем кошка сумела её поцарапать, ведь так не хотелось верить в криворукость парикмахера, а то после экзекуции волосы даже в хвост не уберёшь. Он ещё, дебил, пританцовывает — сейчас она точно получит причёску типа «драная кошка» или лучше сказать — «драная кошкой». Но падающие на пол пряди уже нельзя было приклеить обратно. А когда он принялся за чёлку — Сусанна зажмурилась и решила вообще не открывать глаз — представлять себя с чёлкой она не хотела — сестра терпеть не может девок с чёлками. И не открыла бы глаза вовсе, если б за спиной не ахнула Марина.

Подле зеркала стоял чугунок и из него теперь вырывалось пламя — настоящий огонь. И в нём лежали щипцы, и именно за ними потянулся горе-мастер. Ком стал в горле, и она только проводила щипцы глазами — они перепорхнули через голову и замелькали подле плеч, подкручивая концы. Только бы до лба не дотронулся — чёлку ведь не надо ставить. Но куда там — хорошо ещё поднял волосы расчёской...

Только на улице Сусанна сумела выдохнуть, и чёлка закачалась перед глазами. Суслик, ты теперь выглядишь, как кукла. Как ты её отращивать-то будешь... Зачем ты вообще на стрижку согласилась... Ну и чёрт бы с этой прядью. Ещё бы пару выстригла и в зелёный выкрасила, а теперь...

— Нравится?

Раз Марина выглядит довольной, а Паша по-мужски молчит, то ты, Суслик, похожа на полную идиотку с этой чёлкой. Да и пошли вы все... Волосы отрастут, Реза прав. Вы только оба, главное, больше на мозги не капайте про моё идиотское самолётное знакомство и его последствия. И без вас противно! Разыграли с братиком комедию. Реза мог бы ведь в лоб спросить на крыше: завтра ты со мной переспишь или мне можно не приезжать? Мог бы договорить до конца, когда начал отговаривать от светового шоу! Зачем делать это через брата? Ведь за кошкой не приехал, потому что испугался услышать «нет» во второй раз. Неужели в самолёте думал, что она согласится? И потом... Ведь Аббас, похоже, абсолютно уверен в её желании залезть к его брату в постель — может, и отговаривать начал из-за мужской ревности. Кто поймёт этих восточных буржуинов. Хорошо, что она избавилась от мистера Атертона. Наконец-то!

Глава 17

В старом городе можно было бы ощутить незабываемое очарование Востока, если бы этот «Восток» в обличье двух братьев только что не растоптал в дорожной пыли её душу. Сусанна чудом увернулась от руки араба в тюрбане — тот остановился посреди улицы, чтобы что-то сказать приятелю, и принялся в такт своего дикого хохота жестикулировать руками.

Все десять минут она молчала и старалась не наступать Марине на пятки, но и отдаляться боялась, хотя её жутко раздражали пальцы Марины, которые она всё пыталась подсунуть под ремень Паши, пока тот внимательно сверял по навигатору дорогу. Хоть бы ногти обломил, что ли! Паша то и дело отпихивал жену — похоже, подобное поведение на публике не было у них нормой, это она всё перед ней выкаблучивается. Ну и флаг тебе в руки, дура!

Сусанна решила отойти на такое расстояние, чтобы всё же не потерять спутников из виду. Толпа разрасталась — значит, до туристического центра осталось немного. И всё же

пока вокруг в основном звучал арабский. Молодая французская пара толкнула её, пытаясь пролезть вперёд. После обоюдного извинения Сусанна ещё больше замедлила шаг. Сквозь общий шум прорвалась английская речь, и хоть в ней чувствовался сильный акцент, заточенный за три дня мозг непроизвольно начал переводить слова, от которых мурашки побежали по коже.

— Тебя в отеле ждёт уважаемый джентльмен. Я отвезу тебя к нему. Он заплатит тысячу или даже две. Если понравится ему, сможешь остаться ещё на ночь.

Сусанна не удержалась и обернулась — нифига у них разговорчики по телефону! Мужчина тут же отнял от уха телефон и уставился на неё:

— Или назови свою цену.

Это что, к ней всё относилось? В сандалии будто свинца налили. Араб схватил её выше локтя, а она от шока даже закричать не попыталась, но тут её рванули в сторону.

— Fuck off!

Паша тащил её через толпу, не разбирая дороги. Она задевала людей, но немота мешала извиняться.

— Сказано не отходить от нас! Ты что, совсем дура?! Не поняла до сих пор, что здесь за народ?!

Сусанна продолжала молчать. Футболка от бега задралась выше пупка, и теперь она судорожно тянула её влажными пальцами вниз. Наконец восточная толпа поредела, появились туристы — они добрались до руин римской крепости. Сусанна наконец выдохнула и уставилась на две внушительных размеров башни, которые по идее продолжали напоминать о величии императора Трояна.

— Раньше их омывали воды Нила и к ним причаливали заморские корабли, — читала Марина из путеводителя.

— Сейчас тут тоже недалеко катерная станция — и вторая остановка как раз недалеко от нашей гостиницы.

Паша, видать, всё проверил после заявления Марины, что в метро она не спустится. Если эти уроды беспардонные на открытом воздухе, то на что они способны в тоннеле? Об этом лучше не думать, лучше присоединиться к иностранным туристам и попытаться переключиться с грязного Востока на чистоту коптов — или хотя бы сфоткать себя на фоне очередных развалин.

Сусанна подняла голову и увидела верхушки двух колоколен, виднеющихся поверх стены

— Эти греческие церкви построены одна на другой.

Ага, Марина это выдала, чтобы доказать ей, что прочитала путеводитель от корки до корки? Она тоже его читала, только дома, когда строила планы на неделю пребывания в Каире! Так что лучше быстрее нырнуть в отверстие в стене между двумя башнями и бежать к лестнице в музей, где можно будет не думать ни о братьях, ни об этих навязанных родителями церберах. Греко-римский мир первых христиан не хуже древнеегипетского — ни всё же только для романа должно быть! Посмотри на греческие скульптуры — они хоть на людей похожи, не то что истуканы фараонов... Те только для кошмаров пригодны!

Однако после третьего зала захотелось бежать без оглядки от всех этих древних крестов, фресок и рыб... Для чего всё это разглядывать? Для чего слушать экскурсию? Для галочки! Ну, а что ты тогда хочешь увидеть в Каире, Суслик? Больше ничего! Я больше ничего не хочу видеть! Ни коптов. Ни арабов. Ни римлян. Ни Марину! Ни Пашу! Никого...

То ли противная чёлка лезла в глаза, то ли на солнце без солнцезащитных очков вообще смотреть нельзя, только на ресницах задрожали слёзы, и Сусанна постаралась хлюпнуть носом совсем незаметно. Эти двое теперь конвоировали её везде, и сейчас все трое оказались в садике перед церковью Святой Марии, кажется. Но она же закрыта для посетителей, чего они притащились в сад? А, в кафе... Ну что ж, Суслик, раз новые христианские впечатления не в силах затушевать твои египетско-арабско-английские, то хоть заешь их чем-нибудь вкусным.

— Сусанна, ты, конечно, знаешь, что такое «Амм Али»?

Не, Марина решила издеваться до конца. Ей мало парикмахера, ей мало придурка на улице... Ей надо и о мистере Атертоне напомнить! Нет, все десерты я с ним не перепробовала! Только чего защищаться? Чего доказывать Марине, что ты не верблюд?! Пусть играет в пустые ворота. Тебе-то что! Ты сейчас зайдёшь в какую-нибудь церковь и свечку Спасителю поставишь за своё чудесное спасение!

— А ты не знаешь, что такое «Ам» по-русски? — ответил вместо неё Паша.

Нет, всё же с Пашей ещё не всё потеряно, хотя, похоже, музеи совсем не его — зачем Марина притащила его в Каир? Без ребёнка могли бы развлечения получше найти. В заявление Марины, что она пять лет мечтала походить по музеям больше не верилось. Впрочем, откуда ей знать, что они делали эти два дня...

«Амм-Али» оказался кремовым пудингом с мороженым и миндалём. Довольно приторно, но вкусно. Но лучшая конфета всё же большая шоколадка. Шоколада Сусанне захотелось безумно, но она не стала заказывать себе ещё и торт. Хотя можно было попробовать всё меню — наличных у неё теперь море. Возвращать деньги она не собирается: заплатили, так заплатили. Она купит на них шоколада, а на сдачу — новое платье. Она же девочка!

Узенькая улочка вывела их к церкви Святого Сергия — иконостас даже захотелось сфотографировать: богатая инкрустация и великолепные старинные иконы. Зачем только телефон достала! Ведь пальцы сами полезли проверять ящик — конечно же, пусто. Кто тебе напишет?! Но ты можешь послать селфи со стрижкой. Приложение к отчёту Аббаса! Прекрати, Суслик! Надо просто забыть про него. Вычеркнуть из головы, как кошмар, от которого ты уже, к счастью, проснулась. И постараться не вляпаться в историю с кем-нибудь пострашнее. Не подоспей Паша вовремя, этот кретин и в машину затащить мог... Сусанну от вырисовавшейся перспективы аж в жар бросило. Хоть бы заколка была, стянула бы волосы в крохотный хвост, а то вся шея мокрая. Из церкви страшно выходить. Была бы служба, можно было б постоять здесь подольше...

— Надо было подгадать, когда здесь богослужение. Послушали бы коптский язык, — выдала Марина.

А тебе оно надо? Да, Суслик, у тебя сегодня, похоже, красноречивые взгляды! Сразу отошла к муженьку. К чёрту коптский, который сами копты не понимают, но какое богослужение, когда в церкви обе без платка. И вообще одна в джинсах, другая в короткой юбке... И почему не к Марине араб пристал, а к ней, когда у неё ноги закрыты!

Сусанна поставила свечку к Спасителю. Только не сказала — ни Спасибо, ни Спаси

Бог. На сердце лежал камень. Ведь надо было так испортить себе каникулы! Теперь заворачивайся в саван и ползи на кладбище. Так она и сделала — мирная коптская обитель была обсажена эвкалиптами. Она спряталась в их тени, вдыхая целебный аромат. Может, не только листья. Может, воздух тоже способен затягивать сердечные раны? Суслик, ты что, совсем чокнутая? Ты что реально думала, что Реза просто так будет таскать тебя шесть дней по Каиру? Нет, будешь таскаться сама в обществе Паши. Попрёшься куда-нибудь одна — хана тебе. Тебя уже дважды спасли: один от идиота с совой, другой — от идиота с телефоном! Нет, три... Тебя ещё собственно Аббас спас от собственного брата... Не испытывай терпение Спасителя. В четвёртый раз он сам к тебе с облачка не спустится! И всё же, как классно пахнут эвкалипты...

Паша по-туристски громко позвал её через ограду, не заходя на кладбище. У Марины по списку была самая старая в Каире мечеть и развалины города Фустата. Когда же у неё уже список закончится?! Суслик, завтра ты сидишь в номере и пишешь роман! Пусть шайтан подавится исламским искусством. Ты больше не хочешь ничего смотреть!

— Завтра на базар поедем?

Это что, Марина её спрашивает?

— Я хочу сейчас купить платье. Мне жарко в джинсах.

Жарко — это не то слово. Они настолько приклеились к мокрым ногам, что их теперь как расплавленную резину отдирать придётся. Марина не сопротивлялась. Кто бы сомневался — шоппинг! Да и дальше только метро, а ей катер подавай — надо разворачиваться.

— Блин, зачем только эту сладкую гадость ели!

Она уже выдула всю воду, а у Сусанны воды с собой вообще не оказалось. Весь рюкзак занимал планшет с романом! К счастью, на горизонте замаячили приветливые столики открытого кафе. Спины, пересечённые ремнём с надписью «Canon», послужили зелёным светом, и все трое рухнули на деревянные стулья. Будто из-под земли вырос официант, и Паша заказал три чая.

— «Бин-нана»? — спросил официант.

Паша взглянул на Сусанну. Чего опять я? Воспользуйся гугл-транслейт! И всё же она утвердительно кивнула официанту. К счастью, это был простой чай с мятой. Только на размере чашек явно сэкономили — им ведро чая надо было подать.

Они уже почти поднялись из-за стола, как на пустой стул уселся арабский дедушка. Паша от неожиданности не возмутился. Колпак на голове, кафтан в пол, бородёнка жиденькая, но длинная. Может, сам старик Хоттабыч пожаловал? Можно попросить доставить их прямо в гостиницу. И заодно, чтобы снежок выпал...

Дед ткнул в Пашу пальцем и заговорил на ломанном английском, но с таким пафосом, что невозможно было не слушать.

— Ты почему своих женщин в таком виде по улицам водишь? Ты забыл, куда приехал?

Паша даже не кивнул. Паузы для кивка не было.

— В машине одевай как хочешь, а по улицам не води. Не води, говорю. Ты им плохо делаешь... Самое красивое прятать надо, а не выставлять. А что в женщине самое красивое, а? Волосы, вот то-то и оно. Длинные волосы. Вот ты чего её волосы обрезаешь? — Сусанна вжалась в спинку стула, будто стариковский палец проткнул её, как дротиком. — Ноги закрой, пальцы женщины видеть не должны. И грудь, и бёдра женщины видеть не должны...

Больше старик ничего не успел сказать. Официант перепрыгнул через стул и, рассыпавшись в извинениях, повёл старика внутрь кафе.

— Цирк ходячий! Пошли отсюда...

Сусанна глянула на сандалии — пальцы покрылись пылью. Прав старик — красоту испортили, надо было закрытые балетки брать. И вообще головой думать, а не умом сестры! Бросила бы в чемодан не две длинные юбки, а шесть, и проблем бы не было!

Наконец они добрались до какой-то лавки — явно туристической: одни размахайки арабские. Она такого не наденет. А короткие платица с принтами маски Тутанхамона здесь не прокатят, а в Питере и подавно! Но в джинсах оставаться нельзя. Мокрые все! До пирамид не высохнут.

— Гляди, какой верблюд славный. А я Алиске какую-то хрень у пирамид купила. Надо выбросить и не тащить с собой.

Но Сусанне было не до Марининой дочки! Зато араб принялся вытаскивать все имеющиеся у него игрушки, а потом в лоб спросил Сусанну, что она ищет?

— I need something to cover myself up! — выдала Сусанна, не задумываясь, и выжидающе уставилась на араба, стараясь не покраснеть под его рентгеновским взглядом.

Тот по-деловому закивал головой, но кивок был слишком уж механическим — ничего такого у него нет. И всё же он нырнул под прилавок и вынырнул с какой-то тряпкой — серой, мятой... Но когда он развернул её, тряпка оказалась огромным шарфом. Он протиснулся между тюков и надел шарф Сусанне через голову — тот оказался зашитым в середине, причём от руки — араб расправил ткань по плечам и принялся довольно рассматривать свою работу. Интересно, сколько он заломит за ношеную тряпку?

— You gonna be safe now. At least for now, — добавил он с совершенно наглой улыбкой. — Just take it for free. Would you like to buy something casual and not so safe now?

Уйти с пустыми руками теперь не позволяла совесть. Она выбрала платье из лоскутков. На глаз оно едва доходило до колен — в коричневых тонах, без рукавов, и иероглифы на нём настолько незаметны, что больше походят на китайскую грамоту. Самое то для Питера, а сейчас придётся, похоже, терпеть джинсы. Впрочем на катере она им порадовалась, как и шарфу — она даже предпочла бы, чтобы вместо шёлка тот был из шерсти — особенно в те моменты, когда до неё долетали брызги.

Сорок минут Сусанна пыталась смотреть на небоскребы и пальмы, чтобы не глядеть на вжавшуюся в мужа Марину — не холодно ей, весь цирк предназначен для бедного Суслика. Чего она хочет? Ведь не возвращения же воспоминаний о руках Резы? Что она может о них знать?

Сусанна вытащила телефон, обещая не смотреть на пустую иконку сообщений — надо снять для сестры хоть одно видео — пусть поглядит на акведук Саладина. Почему же в ней самой не осталось и капли прежнего восторга от нового мира? Ведь в Чехии она ходила с раскрытым ртом...

В номере гостиницы сделалось ещё хуже — захотелось рухнуть на кровать, уткнуться в подушку и плакать, плакать, плакать... Если бы у неё на ресницах хотя бы была тушь! А тут плачь — не хочу. Действительно не хочу! Сусанна распахнула дверь на балкон, чтобы проветрить номер, и принялась драить крохотным полотенцем ковёр. Теперь всё вокруг пахло гелем для душа. Потратив на сестру ровно две минуты, Сусанна успела заявить ей, что из-за её дизайнерского выбора пришлось устроить стирку! Сусанна действительно вместе с полотенцем выстирала пыльную юбку и мокрый сарафан — по такой жаре они до утра

просохнут, как и чужой шарф. А пока она надела купленный наряд и осталась довольной — как по ней шили! Даже причёска уже так не смущала, и она включила на минуту Скайп. Сестра тут же кинулась звать родителей.

— Суслик, ты что с собой сотворила? — ахнула мать.

— А мне нравится, — заявила Сусанна с сжавшимся сердцем. — Это аттракцион просто. Они на открытом огне щипцы греют...

Так, к новому её виду родители подготовлены. Теперь бы самой научиться не дуть постоянно на чёлку.

— Полчаса на обед. Ты чё опять возишься?

Суслик, научись закрывать двери, потому что стучать Паша приучен только по утрам!

Она не знала, что ждать от первого ужина в гостинице, потому положила на выбор Паши, а пока ждала заказ, тянула охлаждённую минеральную воду и наблюдала за немцами — прикольно, не понимая слов, по выражению лиц догадываться о чувствах. Одни явно ссорились, хотя немецкий характер не позволял говорить на повышенных тонах. Сусанна прекратила выслушивать их взаимные обвинения, когда пришло время за секунду проглотить содержимое тарелки: стейк, картошку и салат, потому что в дверях то и дело мелькала фигура их групповода — по-старинке тот тыкал пальцем в запястье, где когда-то, наверное, действительно носил часы.

В мягком кресле «отокара» Сусанна вытянула ноги и пошевелила пальцами. Впервые она надела кроссовки с платьем, да ещё без носков. На плечи она накинула кофту, но сейчас решила прикрыть ей голые колени — здесь на неё никто не пялится, да и на шоу не должен — чего европейцы не видели...

В окне светилась огнями тёмная нильская вода. Это был тот же путь, что она проделала в машине Резы. И зачем ты о нём вспомнила? Неужели он останется твоим самым ярким впечатлением об Египте? Нет, самым ярким останется сова, которая жаждет крови... Только о ней уж точно не стоит рассказывать родителям. Им лучше про кресты, рыб и шоу рассказать. Надеюсь, больше не будет ничего, о чём придётся умолчать. Главное, чтобы эта дура Марина не раскрыла рот!

Сусанна пару раз при резких торможениях врезалась лбом в чужое кресло, но на деревенскую парковку «отокар» въехал достаточно плавно. Групповод тут же встал в проходе:

— Прошу никого не теряться. Лучше на эти двести метров возьмитесь за руки. После шоу желающие могут вернуться в гостиницу на этом автобусе, но если хотите остаться для ночной прогулки на лошадях, сообщите мне, и я запишу вас в другой автобус, — и он указал на стоящий рядом «отокар».

Марина захотела кататься на лошади, а у Сусанны ком в горле встал от воспоминания о прогулке верхом. С неё довольно. Она хочет забраться под одеяло и наконец выспаться. Хотя можно было выспаться и на шоу. Реза оказался прав! Нет, Реза был не прав, два цвета, три лазерных луча, сменяющих друг друга раз в час, словно на дворе оставался тысяча девятьсот шестьдесят первый год, всяко лучше его общества!

Диктор из фильма про Индиану Джонса вещал на английском, и Марина уставилась в розданную в автобусе брошюру с переводом. Сусанна не слушала бы слова, даже если бы Сфинкс действительно разевал рот. Она тупо держала палец на красной кнопке телефона,

записывая для сестры видео-отчёт. Ещё одна галочка!

Потом Сусанна первой добежала до автобуса, будто сдавала норматив по физкультуре. Групповод сидел на подножке и играл на телефоне.

— Замёрзла, что ли? — поднял он на неё усталый взгляд или вернее задержал его на голых коленках.

Сусанна пожала плечами.

— Послушай, Сусанна. Раз ты уж тут одна, то не носи короткую юбку и на шею что-нибудь накрути, чтобы плечи и вырез были закрыты. И правильно, что в кроссовках. Не спрашивай почему, но они здесь большие до педикюра. Хотя они тут просто до баб большие. Если ты не замотана с ног до головы, то, типа, готова снять с себя и остальное. И, — он сам-то рассматривал её слишком уж нагло, — зря тут прихорашиваешься. В Питере могла б подстричься.

Сусанна кашлянула, надеясь, что он догадается освободить ступеньку. Дошло, даже не пришлось имитировать приступ астмы. Водитель-араб спал на руле, и Сусанна на цыпочках дошла до своего места. Планшет всё ещё оставался живым. От чёрного экрана отразилось лицо Нен-Нуфер... Сусанна включила экран и с ожесточением закрыла вставку с гугл-транслейтом.

Глава 18

«Взгляды — тревожные, злобные, безразличные — преследовали Нен-Нуфер на каждом шагу. Ночная тьма не скрывала её от людского любопытства, которое сочилось из десятков глаз, опалая тело жаром факелов. Никто не заговорил с ней, и она решила молчать. Молчать до утра, когда уляжется радость Амени, и верховный жрец сумеет произнести хоть что-то, кроме имени Бога. Только перед ним и ни кем иным будет держать она ответ. Только он и Великие Боги в праве судить её. Судить... Только её и никого больше. Пусть кара, какой бы лёгкой она ни была, минует царевича. Пусть память о встрече с ней никогда не омрачится сожалением. Его же она станет вспоминать, сдерживая слёзы счастья, и не осмелится жалеть о том, что Боги развели их дороги, лишь единожды соединив на краткий миг уста в сладостном поцелуе.

Нен-Нуфер боялась не уснуть до самого утра, но страхи и думы отпустили её, лишь усталое тело коснулось жёсткой циновки. Она проспала рассвет и завтрак и, проснувшись, ещё долго наслаждалась тишиной. Если Амени уже вернулся в храм, то его с утра занимают разные заботы и лишь в тихий послеобеденный час она посмеет нарушить его покой своим появлением. Купальня в такой час ожидаемо оказалась пуста, и Нен-Нуфер благоговейно отдала себя во власть нильской воды и рук невольниц. Ни одна не глядела на неё с любопытством, с извечным усердием исполняя порученную им заботу о телах храмовых танцовщиц. Они смазали подсохшие колени, местами поджившие, но требующие ещё плотных нарядов. Однако даже в жёстком льне, но с подведёнными глазами и богатыми украшениями она имела полное право носить имя жрицы Хатор. Амени останется доволен её видом и не забранит более того, что она заслужила за отлучку из храма.

Только отыскать жреца ей не удалось, а башню с суровым стражником Нен-Нуфер решила обойти стороной и потому оказалась у вторых ворот. Можно выйти незамеченной и дойти до городских ворот, чтобы спросить о Кекемуре, которого она так и не поблагодарила.

— Ты зря ищешь здесь Кекемура, — поклонился ей стражник. — Он несёт стражу во

дворце, но нынче все направлены на сбор урожая. Хотя, признаться, я не видел его сегодня. Возможно, он по обыкновению покинул город на рассвете.

Нен-Нуфер обернулась к храмовым пилонам. Она успеет дойти до полей, поблагодарить стражника и вернуться для разговора с Амени. Великая Богиня сжалилась над ней, и боль отступила, потому Нен-Нуфер шагала легко и достигла полей как раз в час отдыха, но сколько б ни крутила головой, не видела среди присевших в тени навеса стражников тонкой фигуры Кекемура. Возможно, она просто не видит его, и Нен-Нуфер решила войти под навес, чтобы расспросить старуху. При её приближении люди расступались, а стражники, как один, повскакивали с мест. Старуха же опустила на землю сосуд с пивом, так и не налив питья в протянутую кружку.

Нен-Нуфер знала, что из-за цвета волос её не могли не признать те, с кем она вчера работала в поле. Видно, белый наряд, не успевший запылиться в дороге, дорогие сандалии и богатые украшения заставили всех застыть в немом удивлении. И лишь стражники, привычные к виду богатых женщин и вышколенные на дворцовой службе приветствовали её лёгким поклоном головы. Нен-Нуфер поклонилась в ответ:

— Мир вам! — обратилась она ко всем сразу и, не тая причины своего прихода, спросила о Кекемуре.

— Ты вряд ли встретишь его здесь сегодня, госпожа, — ответил с поклоном один из стражников. — С утра он говорил со своим начальником, и, видно, встреча их затянулась. И если госпожа желает что-то передать Кекемуре, я с радостью исполню её просьбу.

— Передай только, что Нен-Нуфер искала его, чтобы поблагодарить за вчерашнюю заботу.

И она шагнула к старухе:

— Прости, что я не принесла назад твои сандалии. Я непременно сделаю это. Прямо завтра.

Старуха молча поклонилась, и Нен-Нуфер порадовалась, что та ничего не сказала про её вчерашний вид. Она придёт завтра обязательно, потому что сердце её не будет спокойно, покуда она не поговорит с Кекемуром. В вечерней молитве она не упомянула его имя ни разу, за мыслями о царевиче Райе напрочь позабыв своё чудесное спасение из крокодильей пасти. Сегодня она станет молиться только о Кекемуре, чтобы Боги послали ему удачу.

Нен-Нуфер рано вернулась в храм, но Амени вновь заперся в башне с Пентауром. Прождав напрасно целый час, она прошла в пустой храм и склонилась перед статуей Пта, чтобы до заката произносить одно лишь имя — Кекемур.

Утром Нен-Нуфер вновь дождалась, когда девушки уйдут на занятия, чтобы отправиться в пустую купальню. Нынче она непременно станет говорить с Амени. Она осведомилась о нём у стражников у ворот — нет, они не видели сегодня верховного жреца, зато о ней спрашивал стражник из дворца Его Святейшества. Юноша не назвался, но Нен-Нуфер не стала спрашивать, каков он собой. Никто, кроме Кекемура, не мог её искать. Она захватила сандалии и поспешила к городским воротам, где вчерашний стражник остановил её лёгким поклоном.

— Не ищи Кекемура в полях, госпожа. Нынче он на рыночной площади.

Нен-Нуфер сжала в руках тростниковые сандалии — дворцовый стражник не мог разгонять воров, даже если в городской страже из-за сбора ячменя вдруг сделался недостаток. Стражник заметил в её взгляде недоумение и пояснил:

— Я не знаю, что случилось, госпожа. Только Кекемур больше не несёт службу во

дворце, и коли ты спешишь нынче, — он глянул на бедные сандалии в тонкой руке с прекрасным кольцом на пальце, — то теперь всякое утро отыщешь его на рыночной площади.

Нен-Нуфер поспешила в поля. Она не могла не сдержать данное старухе слово, но сказала себе, что лишь возвратит сандалии, тут же отправится на рынок.

— Нен-Нуфер! — к ней с серпом и охапкой колосьев бежал вчерашний стражник. — Кекемур просил передать, что сам благодарит Богов за встречу с тобой. Я хотел поговорить с тобой по дороге в поле, но меня не впустили в храм.

Значит, вот кто её искал. Не Кекемур.

— Что случилось с Кекемуrom? — сердце птицей забилось в груди. — Я слышала, что его разжаловали.

Стражник опустил глаза.

— Он потерял кнут. За это его выгнали из дворца.

Сердце Нен-Нуфер упало.

— Он защищал меня! Разве не для нашей защиты вы носите на поясе кнуты?

Стражник отвёл взгляд.

— Не спрашивай меня ни о чём, Нен-Нуфер, потому что я ничего не знаю.

Только краска сдержала слёзы. Второй человек спасает её жизнь и терпит от людей наказание. Сначала Пентаур, теперь Кекемур. И только один человек способен восстановить справедливость. Это фараон. Нен-Нуфер глянула в сторону пирамид. Нет, в этот раз она не станет оставлять для царевича лотос. Она отыщет иной способ связаться с ним.

Поблагодарив старуху за сандалии, Нен-Нуфер поспешила обратно в город. Возможно, Кекемура ещё не сменили.

— Нен-Нуфер...

Тело его лоснилось от дневной жары. На рынке не найти места в тени — оттого этой службы сторонились все, оттого её выбрали ему в наказание... И не только службу. Нен-Нуфер видела свежие следы от плетей. Не глубокие, они заживут и не оставят следа, но сейчас спина несчастного страшно горит от затёкшего в раны пота. Кекемур не хотел, чтобы она знала об его унижении, потому и передал благодарность через друга. И только случайно стража у ворот открыла ей его скорбную тайну.

— Ты рассказал им, почему потерял кнут? — начала Нен-Нуфер, позабыв все приветствия.

Кекемур молчал.

— Ты сказал им, что бросил кнут в крокодила? Отвечай мне!

Только стражник продолжал молчать.

— Ты не сказал им правды?

Нен-Нуфер чувствовала, как от молчания юноши к горлу подступают рыдания.

— Эта правда не имела значения, — выдал Кекемур хмуро, смотря поверх её головы на толпу. — Я заслужил наказание за потерю кнута.

— Не может быть такого наказания за спасение жизни!

Лицо Кекемура оставалось непроницаемым.

— Я обязан был вытащить кнут, но позабыл про него, ища твои сандалии, — и видя поджатые губы девушки, добавил более мягко: — Повторяю тебе, Нен-Нуфер, я заслужил наказание. И ты не смеешь упрекать себя в нём.

— Я упрекаю тех, кто наказал тебя! — голос Нен-Нуфер теперь дрожал не от слёз, а от

ярости. — Они поставили кнут выше жизни жрицы Хатор. Они оскорбили в моём лице Великую Богиню!

Кекемур вздрогнул.

— Так ты не храмовая танцовщица? Ты — жрица Хатор?

Нен-Нуфер замерла. Она вновь в запале прикрылась Богиней. Но ведь сейчас она защищает не себя, она защищает справедливость. Фараон всякое утро берет в руки фигурку богини Маат и обещает, что в Кемете никогда не будет несправедливости.

— Да, я жрица Хатор. И я готова говорить с самим фараоном о том, как несправедливы начальники его стражи. Кто другой, если не ты, достоин охранять спокойствие Его Святейшества!

— Ты слишком много успела обо мне узнать от других, — голос Кекемура стал жёстким. — И слишком мало знаешь меня самого, чтобы считать достойным и обвинять неизвестных тебе людей в несправедливости.

— Да, я расспросила о тебе твоих друзей, — без тени смущения сказала Нен-Нуфер, вспоминая слова старухи. — Но мне довольно и того, что ты бросился за мной в реку. Я искала встречи, чтобы поблагодарить, потому что Амени не дал нам проститься, и Боги помогли мне найти тебя, потому что хотят, чтобы я исправила допущенную людьми несправедливость. Кекемур вновь смотрел ей в лицо.

— Великий Амени был рад получить жрицу Хатор в целости и сохранности. И я не хочу, чтобы ты просила за меня никого, тем более Его Святейшество, пороча себя.

— Ничто не опорочит меня! Неужто ты остановился бы и не вытащил из Реки Великую Царицу только лишь потому, что к ней нельзя прикасаться?

Она не успела победно взглянуть на стражника. Он ответил, не задумываясь:

— Великая Царица никогда бы не оказалась у реки одна.

Сердце Нен-Нуфер замерло. Вот отчего Хатор гневается на неё. Никогда бы жрица Хатор не оказалась под колёсами колесницы и в пасти крокодила. Разве кто-то слышал, чтобы простой стражник нёс через поля Тирию?

— Не тревожься за меня, Нен-Нуфер, — скорбь в её глазах не укрылась от пронизательного взгляда Кекемура. Голос его смягчился, и на губах заиграла улыбка. — Твоя Богиня поделом наказала меня, ведь я подглядывал за её жрицей, и быть может, крокодил был послан мне, а вовсе не тебе, чтобы проверить, насколько я могу сохранить хладнокровие. А я его потерял, потому что думал в тот момент лишь о тебе, — и тут вновь помрачнел и выпрямился. — Прости меня, жрица Хатор, за такие слова. Однако я посмею повторить их, потому что они правда и потому что они снимают с тебя всю вину. Оставайся с миром. Я больше не увижу тебя, потому что жрица Хатор не ищет простых стражников по рыночным площадям.

Нен-Нуфер поклонилась и, прошептав прощание, поплелась прочь. В сандалии набился не песок, а тяжёлые глыбы, и она из последних сил волокла их по пыльной дороге. Не дойдя ста шагов до храмовых пилонов, Нен-Нуфер заметила возвращающуюся с полей дворцовую стражу. Стражник, что передал ей приветствие Кекемура, отстал от товарищей, и Нен-Нуфер приняла это за знак свыше. Она стряхнула с ног глыбы и побежала ему навстречу, на ходу снимая с шеи ожерелье.

— Мир тебе!

Стражник сначала отступил от неё, как от видения, а потом поклонился и уставился на протянутое ожерелье.

— Сумеешь ли передать это царевичу Райе? — голос Нен-Нуфер дрожал.

Юноша поклонился:

— Как прикажет прекрасная госпожа. Должен ли я что-то сказать при этом?

— Да, — голос срывался от волнения. — Скажи, что Кекемур спас Нен-Нуфер от крокодила и теперь несёт за это наказание. Расскажи всё, что с ним сделали. Тебе лучше известно и про плети, и про рыночную площадь.

— Прости, моя госпожа, — стражник даже отступил на шаг. — Только чем царевич Райя может помочь Кекемуру?

Почему стражник спрашивает? Неужто не понимает, что царевич поговорит с Божественным братом? Кого только набирают охранять дворец!

— Он попросит за Кекемура перед фараоном, — произнесла Нен-Нуфер чётко и медленно, словно объясняла урок своему юному ученику.

— Как прикажет госпожа.

Нен-Нуфер вернулась в храм и поспешила укрыться в пристройке, чтобы без ожерелья не попасться верховному жрецу на глаза. Царевич видел его на ней и потому должен поверить рассказу стражника. Она даже имени юноши не спросила, а доверила тайну её знакомства с царевичем... Нен-Нуфер опустила на циновку и сжала фигурку Исиды, прося направить её стопы по верному пути. Только бы царевич не рассердился на неё за длинный язык и только бы пожелал помочь Кекемуру. Если же нет, она пойдёт к фараону сама, даже если придётся раскрыть перед Его Святейшеством все тайны. Она уже раскрыла перед ним тайну Пентаура и тайна царевича ему, пожалуй, уже тоже известна, так отчего же фараон должен оставаться в неведении о несправедливости, царящей в его дворце? И глупо бояться гнева фараона. Уж коли Великая Хатор решит наказать её за обман, то не будет делать это руками Божественного. Руки Его Святейшества созданы для того, чтобы дарить любовь, свет и справедливость. Справедливость для всех его подданных и для Кекемура.

Нен-Нуфер уснула без ужина и утром чуть свет поднялась на ноги. В купальне невольницы ещё даже не обновили воду, но она не стала брезговать, потому что спешила встретить Амени. Она достала другой подарок его жены — ожерелье поскромнее, но тоже достойное глаз Великой Хатор.

До ворот оставалось ещё шагов тридцать, не меньше, и никто не мог догадаться, что она направляется к ним. Так отчего же один из стражников побежал к ней навстречу? Неужто приказано не выпускать её из храма? Но она желает лишь узнать, пришёл ли Амени...

— Там вновь спрашивают тебя, Нен-Нуфер. И в этот раз он сказал, что не уйдёт, пока не увидится с тобой.

Лицо храмового стражника не предвещало ничего хорошего. Отчего же они все так недолюбливают друг друга? Неужто охранять Великого Пта хуже, чем покой Его Святейшества? Подобная обида даром не проходит — обязательно скажет что-то горькое про неё верховному жрецу. Что ей ответить тогда про приход стражника? Она скажет Амени правду, лишь о царевиче утаит. Мудрый Амени и сам может вступить за Кекемура. Он не потерпит такой несправедливости! И его фараон станет слушать так же внимательно, как и брата. Или даже больше, ведь устами Амени с ним говорит сам Пта.

Нен-Нуфер коснулась локтя стражника:

— Я должна увидеться с Амени. Скажи ему о моём желании, когда откроешь ему ворота. Мне есть что сказать ему.

Пусть не думает, что она таится от верховного жреца. Пусть думает, что дворцовый

стражник приходит к ней с его ведома. Храмовый стражник кивнул и приоткрыл ворота, чтобы выпустить её на площадь. Дворцовый стражник заранее отошёл шагов на двадцать, чтобы никто не подслушал их разговор, и она засеменила к нему, взметая сандалиями пыль. В руке его, как вчера, лежало её ожерелье. Он протянул его — лотос тоскливо склонил голову, как и сам стражник.

— Прости, моя госпожа. Я не смог исполнить твоей просьбы. Царевич сказал, что не знает никакой Нен-Нуфер и впервые видит это ожерелье. И убежал.

— Убежал? — переспросила Нен-Нуфер

— Да, убежал. Что я сделал не так, моя госпожа?

— Ты всё сделал так. Скажи своё имя. Я стану молить за тебя Пта и Великую Хатор.

— Рамери.

— Оставайся с миром, Рамери.

Краска вновь сдержала слёзы. Как понимать слова царевича? Он не знает никакой Нен-Нуфер. Не знает... Она надела ожерелье с лотосом поверх простого и повернула голову в сторону рыночной площади — нет, она не пойдёт к Кекемуру. Она не желает смущать его своим присутствием. За желание помочь ей он заплатил страшную цену. И теперь она знала, за что платит сама — Богиня простила ей то, что она назвалась жрицей. Она не простила того, как она вела себя будучи её жрицей. Она платит за тот трепет, что ощутила за краткое мгновение, когда её губы соединились с губами царевича. Это никогда не повторится. Она не увидит его больше. И он позабыл о ней, как велят ему Великие Боги. И она должна забыть, и тогда Богиня сжалится над Кекемуром. Или кто-то другой должен просить за него перед фараоном. Не царевич. Это может сделать тот, кого Божественный с таким нетерпением ждёт. Это может сделать Пентаур.

Нен-Нуфер вернулась к воротам. Амени до сих пор не пришёл. Быть может, ей позволят увидаться с Пентауром, если она попросит. Однако стража у башни была непреклонна, но лишь Нен-Нуфер показала им кольцо Амени, оба стражника с благоговением отступили от лестницы. Нен-Нуфер поднималась медленно, пытаясь собраться с духом. Что ей сказать, если Пентаур вновь предложит ей стать его женой? И вдруг на середине пути до Нен-Нуфер донёсся голос верховного жреца:

— Я ослаб, и этот храм совсем скоро будет твоим, и твоими устами Пта будет говорить с фараоном. Врачами полнится Кемет. Своими руками ты спасёшь одного, двух, десятерых, сотню... Но своими устами ты спасаешь весь Кемет. Как фараон не смеет помыслить о собственном благе, так и ты не смеешь менять свет знаний на тело женщины!

Нен-Нуфер думала повернуть назад, но последние слова Амени пригвоздили её к месту.

— Она не твой свет, она твоя тьма, — продолжал верховный жрец. — Не в добрый свой час ты оказался у Великой Реки. То не светлый Гор, а злой Сет привёл тебя туда... Я отошлю Нен-Нуфер прочь, чтобы она не погубила тебя и чтобы ты не погубил её. Изначально я должен был отдать младенца Хатор, но за твоими слезами не расслышал мудрых слов Пта.

— И я вновь стану рыдать у твоих ног, Святой Отец, — голос Пентаура был твёрд, когда Амени весь дрожал от гнева. — Я могу дать счастье одной женщине, но я не смею взять на себя право отобрать его у другой. Я не стану отвечать фараону.

— Не станешь?! — голос Амени взвился. — Ты хочешь вновь наслать на себя немилость, зная, что в этот раз я буду обязан лишить тебя сана. Этого желает твоя плоть, но не разум, и я не допущу гнева Божественного. Я сам отправлюсь к Его Святейшеству и скажу то, что у нас уже есть. Пусть сам решит, которую из женщин положит в свою гробницу,

чтобы подарить Кемету наследника. Но свою женщину ты не получишь! Никогда Нен-Нуфер не будет твоей женой. Она отдана Великой Хатор, и проклятье падёт на того, кто покусится на собственность Великой Богини.

Амени замолчал, и сердце остановилось в груди Нен-Нуфер. Если бы Амени знал, что богиня уже наслала проклятье...

— Так будешь писать послание или нет? — голос верховного жреца дрожал, как и колени девушки.

— Нет, — огромной глыбой упал ответ Пентаура и сотряс стены башни.

Заслышав шаркающие шаги старика, Нен-Нуфер бросилась вниз. Стражник даже протянул к ней руку, решив, что она оступилась, но Нен-Нуфер вырвалась и побежала к воротам. Её попытались остановить, но она изворотливой кошкой проскользнула между охранниками и побежала в сторону Реки. Боги вправе гневаться на неё, но за что невзлюбили они Его Святейшество и несчастную Никотрису? Не снимая сандалий, вступила она в вязкий ил. Спокойная вода поднялась к коленям. Почему её корзинка не встретилась с пастью крокодила раньше, чем её плач услышал Пентаур? Как, как ей уберечь жреца от него самого? Исчезнуть, раствориться в водах Реки, будто никогда её и не было... Бродить у ворот, не смея вступить в царство мёртвых — вот, что она заслужила. И Нен-Нуфер сделала ещё шаг.

— Госпожа, позволь мне набрать воды.

Она обернулась на звонкий голосок: совсем девочка, из-под короткой юбки выглядывают грязные коленки, да и лицо перепачкано — видно грязной ладошкой утёрла пот. Такое хрупкое плечо переломится под тяжестью полного кувшина.

— Позволь мне помочь тебе.

Девочка пугливо прижала к голой груди кувшин, но Нен-Нуфер не отступила и с улыбкой повторила просьбу. Зачерпнув воды, она вышла на берег и взяла девочку за руку. По дороге та рассказала, что вся семья ушла в поля, а дома осталась лишь старая бабушка, вот и пришлось ей самой впервые бежать к Реке.

— Тебя послала мне сама Хатор, — выдохнула девочка у порога своей хижине.

— Нет, это тебя послала мне Великая Хатор!

Теперь Нен-Нуфер знала, что ей делать. Она вновь покажет стражнику перстень Амени и скажет Пентауру о своём непреклонном решении принадлежать Великой Богине. Он должен оставить все надежды видеть её своей женой и тогда ему останется только попросить у Амени прощения. У старика доброе сердце, и он любит Пентаура, как сына, которого у него нет. А потом... Потом она отыщет верховного жреца и расскажет про Кекемура. Воды Великой Реки отступили от неё, потому что у неё осталось слишком много незавершённых дел в мире живых...»

Сусанна положила планшет на соседнее кресло, чтобы никто не подумал сесть рядом. Не хотелось ни с кем говорить. Хотелось только, чтобы этот дурацкий день поскорее закончился. Автобус медленно, но верно заполнялся. Быть может, в половине одиннадцатого они будут уже в гостинице, и тогда она сумеет прочитать оставшиеся страницы черновика и наконец выпится.

Водитель закрыл двери, и «отокар» дёрнулся с места. Сусанна подняла с ног кофту и, укрывшись ей по самый нос, не заметила, как задремала.

Глава 19

С превеликим трудом Сусанна разлепила глаза, когда её потрясли за плечо соседи по автобусу. Она спешно запихала планшет с кофтой в рюкзак и, так и не сумев закрыть молнию до конца, поплелась к выходу, по пути сшибая плечами все кресла. Хорошо ещё со ступеньки не полетела, когда никто не подумал подать руки. Главное — в двери попасть! В холле она немигающим взглядом уставилась в кресло, в котором утром сидел Аббас. Кого ты, Суслик, ожидала увидеть, а? Никого! Подушку, только подушку... Смотри только слезами её не залей. Мокро спать будет!

Сусанна передёрнула плечами то ли от холода, то ли от желания скинуть проклятого чёртика, нащёптывающего который день всякие гадости. Но внутренний голос не заткнулся, даже когда она ухватила за «глаз Гора». Как раз тогда он завопил, что есть мочи — ты полная дура, раз не можешь прекратить думать о нём! Сусанна закусилла обиду свесившейся на лоб прядью и присела подле двери своего номера, чтобы откопать на дне рюкзака ключ. Сейчас бы она с радостью приняла помощь, только некому было её предложить, и потому зубы готовы были откусить застрявшие во рту волосы.

— The door is open, my queen.

Сусанна не сразу сообразила, что начищенные ботинки стоят не за спиной, а перед носом. Хорошо ещё сумела сохранить равновесие и не плюхнулась на пол. Только распрямить ноги без протянутой руки всё же не получилось.

— I didn't mean to scare you, my darling.

Что мистер Атертон делает в её номере и как он туда вообще попал? Не говорите только, что дверь осталась открытой! Каждое его появление — море вопросов и ноль слов на языке, чтобы задать их. Может, она продолжает спать и видит его во сне? Тогда пусть «отокар» подпрыгнет на кочке и выбьет её руку из руки ночного гостя. Но «отокар» лишь резко затормозил, и Сусанна ткнулась лбом в грудь Резы, и когда тот нагнулся, чтобы вытащить из-под её ног треклятый рюкзак, она заодно прокляла и свои голые колени.

— Я рад, что с тобой всё в порядке, — Реза заставил её переступить порог и закрыл дверь. — Не представляешь, как я разозлился на Аббаса, когда узнал, что тот оставил тебя в городе одну. Ты не должна ходить по Каиру одна, тем более в таком виде.

Это она поняла и без него. Только что он имеет в виду: короткое платье или всё же короткие волосы? Фиг что прочтёшь на непроницаемом отшлифованном бритвой лице.

— Я была иначе одета. И со мной были друзья.

Можно ведь обойтись без приветствия? Уже как бы поздно здороваться. Она все пять минут с открытым ртом пялится на него, хотя в каирце ничего не поменялось — те же ботинки, брюки и белая рубашка... У него, наверное, набор «неделька» в шкафу. А что, зато не надо думать, что надеть! А вот тебе бы подумать стоило и наконец спросить, что он тут делает? Ясное дело — меня ждёт!

— Как вы зашли в номер? — Сусанна решила задать всё же второй вопрос, не желая озвучивать вторую часть первого: зачем он её ждёт?

— Попросил у портье второй ключ.

Интересно, во сколько обошёлся ему этот ключ? Суслик, прекрати считать чужие деньги. Он их, видимо, не считает вообще, а ты всё равно собьёшься на сумме «до фига».

— Прости меня за вторжение. Мне просто хотелось закончить начатое ночью, а в холле это сделать было очень трудно.

Эти слова полностью выбили почву из-под ног, но Реза удержал её в вертикальном

положении. Только не ясно, что крепче держало её: его рука или всё же взгляд? Присесть бы, но после двусмысленной фразы она боялась коснуться кровати.

— Я хотел вновь попытаться отговорить тебя от нудного шоу, но застрял в пробке. С другой стороны, я получил время закончить для тебя подарок.

Какой взгляд! Из него ли брызжут ледяные струи, которые текут сейчас по подмышкам?

— Тебе нравится?

Что? То, что вы творите с моим телом? Нет, нет, нет! Сусанна сумела отвести глаза, и когда взгляд упал на кровать, она ахнула. Оба покрывала исчезли под ватмановскими листами, и на каждом из них была изображена стилизация египетской росписи. Реза не отпускал её руки, но у Сусанны нашлись силы дотащить каирца до кровати — пусть объяснит, что происходит. Четыре листа полностью высохли, а два последних местами блестели мокрой гуашью — сначала он сервирует крохотный столик под арабский завтрак, а теперь превращает его в художественную мастерскую. Не рисовал же он, лёжа на полу, в белой-то рубашке? Но отвернуться от кровати, чтобы поискать краски с кисточками, она не могла. Реза стоял к ней вплотную, и она затылком чувствовала его глубокое дыхание.

— Я позволил себе немного пофантазировать, ведь ты так мало мне прочла. На первом рисунке Пентаур вылавливает из реки корзину с младенцем. На второй он учит девочку читать. На третьей Пентаур с Амени приносят дары Пта. На четвёртой изображены танцовщицы, и Нен-Нуфер среди них. На пятой царевич Райя в колеснице. И на последней Нен-Нуфер протягивает ему цветок лотоса.

— Такого момента нет в романе.

Сусанну так поразило мастерство Резы, что она посчитала глупым делать ему комплименты. Ещё сглазит! Да он и без неё знает, что хорошо рисует. Её мнение ему не нужно. Это она тряслась, когда он листал её блокнот. Теперь, Суслик, ты, надеюсь, понимаешь, что он думал на самом деле про твои каракули?

— Нен-Нуфер мечтала сама передать цветок царевичу. Ты же не станешь отрицать очевидное? Мы с тобой немного разбираемся в женщинах, не так ли?

Его пальцы сжали ей руки чуть выше локтей.

— Я посчитал, что наручные браслеты больше к лицу Нен-Нуфер.

Реза развернул её к себе. На его губах играла улыбка, а на её руках сверкали золотые браслеты, какие носили девушки в Древнем Египте.

— Если бы мы могли открутить время на три тысячелетия назад, я бы не стал скрывать своего восхищения, но нынче в долину Нила чужеземцами принесён злой глаз, потому я промолчу.

А почему молчит она? Да потому что подарки лишили её дара речи. Если Сусанна успела понять, что золото для него не имеет цены, то во что оценить часы его работы?

— Почему вы не нарисовали фараона? — спросила она, пытаясь отвести его взгляд от своего пылающего лица.

Только Реза и не думал смотреть на рисунки.

— А разве в романе был фараон?

— Фараон был везде. Это же Кемет.

— У меня ещё три ночи, чтобы полностью проиллюстрировать твой роман, если ты мне его дочитаешь.

Какая жуткая улыбка. Даже не поймёшь, у кого из вас двоих она страшнее...

— Надо будет попросить Латифу вновь сварить такой же крепкий кофе, — продолжал

Реза, небрежно поигрывая надкушенной Сусанной прядью.

— Вы рисовали ночью?

Сусанна не знала, какими вопросами отвести внимание гостя от собственной персоны. Кажется, ему уже надоело говорить о рисунках...

— А когда ты думала? Я даже не пытался уснуть, а потом за работой вообще потерял счёт времени и честно приехал бы к тебе, не окажись Аббас ранней пташкой. Он отправил меня спать, пообещав разбудить через пару часов. И я, дурак, поверил ему, хотя за столько лет мог бы привыкнуть к его постоянному вранью. Хотя порой, мне кажется, он сам верит, когда даёт обещания, что выполнит их, а потом просто забывает... Но только не в этот раз, верно? Я видел твою смску и его ответ. Надеюсь, он вёл себя достойно?

— Более чем, — ей совсем не хотелось вспоминать разговор с Аббасом, а надо бы не забывать его, дыша с мистером Атертоном одним воздухом.

— Почему вы нарисовали это для меня?

Близость становилась невыносимой, но у неё за спиной была застеленная рисунками кровать, а он отступать к стене явно не собирался. Пальцы с волос скользнули ей на щеку, и теперь та болела, будто к ней приложили раскалённое железо.

— Мне хотелось подарить тебе что-то действительно дорогое. Я уже говорил, что цена подарка зависит от того, сколько души вложил в него дарящий. Поверь, я очень старался, чтобы тебе понравилось. И если ты захочешь выбросить мои рисунки, сделай это в Петербурге, чтобы я об этом не знал.

Ох, мистер Атертон! Сколько пафоса! Быть может, ещё вчера я приняла бы это за чистую монету, но после разговора с Аббасом я не позволю вам запудрить мне мозги. Но рисунки я не выброшу, и не надейтесь! Они такие, такие... С вами родной язык позабудешь!

— Можно попросить тебя о маленьком одолжении?

Вот оно, началось! Суслик, броню надела? А то это чёртово платье уже растворилось под его взглядом!

— Я сегодня не завтракал, не обедал и, получается, уже и не ужинал. Составь мне компанию... Пожалуйста.

Сусанна даже услышала хруст шейных позвонков, когда повернула голову в поисках заветной сумки, и Реза, кажется, догадался, чего ищет её взгляд.

— Здесь недалеко прекрасный французский ресторан. Я обещал тебе французский ужин. А я сдерживаю все обещания.

— Вы обещали мне верблюда.

Суслик, тебе кляп надо было купить вместо платья!

— У меня в запасе три дня. Аббас починил свет. Можно отправить его к бедуинам за верблюдом, пока я показываю тебе росписи. Он приведёт его прямо к дому.

Суслик, тебе не кажется, что ты в гости напросилась? А свет в чёртовой мастерской можно выключить одним нажатием выключателя.

— Я очень хочу показать тебе свои лотосы. Я умею только рисовать, больше ничего. Но этому искусству я посвятил жизнь и владею им не хуже древних мастеров. Быть может, эти рисунки и дали мне эту самую жизнь.

— Как это?

Суслик, ты так все вопросительные слова в английском языке переберёшь! Да, и французские тоже, потому что пока у мистера Атертона двигаются губы, его пальцы стоят на месте!

— Расскажу за ужином, а сейчас надо заказать столик. Ты ешь мидии?

Сусанна кивнула, хотя никогда их не пробовала. Какая разница, когда она не голодна.

— Я вообще-то поужинала уже.

— Когда? — по губам Резы скользнула улыбка. — Я сижу здесь с семи часов...

Впрочем, я могу заказать только десерт.

Он уже поднёс к уху мобильник и по количеству произнесённых слов можно было ожидать десять смен блюд. Она присела на стул и принялась отправлять сестре фотографии и заодно прикрепила видео с реки и с шоу.

— Это надолго?

Сусанна подняла голову от экрана. Прогресс был слишком медленный — можно и четверть часа ждать, пока всё загрузится.

— Оставь телефон. Он тебе не понадобится.

Разумно! Она положила телефон рядом с коробочкой гуаши и вытащила из рюкзака кофту.

— Планшет оставь. Вдруг у нас будет время на новую главу...

Какая многозначительная пауза. Это действительно французский ресторан или очередной притон с красавицей Сельмой?

— Здесь пройти пять минут, — сказал Реза, когда они оказались на улице. — Он вот в том отеле...

Реза так небрежно махнул рукой, что Сусанна уловила лишь направление. Впрочем, сейчас ей не нужен внутренний навигатор — пальцы провожатого намертво сцепились с её и не отпустили даже в холле отеля, который выглядел слишком респектабельно для её кроссовок, надетых на босую ногу, но никто не сделал им замечание. Быть может, швейцары умеют по крою рубашек отличать дорогие бренды? Или на лице Резы что-то написано? Это только она его читать не умеет.

В пустом зале играла французская музыка. Эдит Пиаф? Только её, впрочем, она и знала... Ещё, конечно, Шарля Азнавура, но лишь по имени, по голосу бы не распознала. Официант отодвинул для неё стул и спросил что-то по-арабски, но не её, и она не стала обращать внимание на длину ответа Резы. Может, арабский такой язык, может, манера выражаться на нём витиеватая, а, может, у братьев просто язык слишком длинный...

— На десерт я взял эклеры, ведь ты не против?

Почему ей быть против? Можно в двойном количестве и вообще без мидий.

— К мидиям подадут белое вино, но ты можешь не пить.

Какая забота! Отчего бы и не выпить, если это один бокал? Ну, рассказ-то начнёте или будете молча рассматривать дела лап своей кошечки? Даже не поблагодарил за спасение Сануры! Или браслеты — это вознаграждение? Или достаточно «спасибо» от Аббаса.

— Как же причёска меняет лицо!

Это мысли вслух? Комплимент? Или констатация грустного факта? Суслик, ты же спать собиралась... Чего попёрлась с ним в ресторан? А где прикажешь спать? Везде выставка картин! Надеюсь, художник портфолио с собой притащил, чтобы убрать рисунки. Как долго продлится ужин? Опять после полуночи притащатся в отель. Интересно, Паша вновь подкараулит их у номера? И что ему тогда сказать?

— Как Санура? — Сусанна решила сама нарушить молчание, боясь, что Реза станет обсуждать её причёску.

— Я не видел эту дрянь. Променяла меня на тебя, и глазом не моргнув, а я ревнивый и

не прощаю измен.

И к чему он это сказал? Ей-то какое дело до его любовных отношений с кошкой!

— Тебе нужны серьги к этой причёске, но у меня их слишком много. Ты сама должна будешь выбрать.

Это подтверждение приглашения домой? Чем его не устраивают её крохотные звёздочки — самое то для путешествий! Пусть серьги оставит при себе, а то её с таким количеством украшений завернут на границе. Особенно, если они все похожи на древнеегипетские. Так, уши её он уже рассмотрел. Куда теперь отправится его взгляд? Только бы не ниже «глаза Гора», потому что под платьем ничего нет. Она ведь хотела его просто примерить, а тут появился Паша и пришлось вот так ехать на шоу.

Реза решил молчать? Или ему помешал подоспевший официант, который поставил на стол две тарелки с зелёным салатом и ведро мидий. Ведро размером с то, в котором обычно охлаждают шампанское. И разлил по бокалам вино. Может, Суслик, всё-таки не пить? Потому что вряд ли ты возьмешь в рот вот это... То, что внутри ракушек.

— I'm on a sea diet, — произнёс Реза, поднимая с салфетки вилку, чтобы вручить Сусанне. — I see food and eat it.

Сусанна с большим опозданием поняла шутку и решила не улыбаться, а зажевать свою тормознутость листом салата. Не мало ли ему еды за весь день? Или он наврал, чтобы она согласилась с ним поужинать? Скорее всего... Интересно, сколько ещё лапши она снимет нынче с ушей? Расскажет он наконец про свои рисунки, или стоит напомнить? Конечно, спроси, чтобы он ел своих мидий, а не пожирал взглядом тебя!

— Как вы научились рисовать, мистер Атертон?

— Как и писать по-египетски, — улыбнулся каирец. — Просто копировал рисунки. Копировал, копировал, копировал, пока не начал рисовать свои. Во всяком случае я считаю их своими, хотя мне платят за создание реплик.

— А где вы учились?

— Я нигде не учился. Я и дня в школу не ходил. И даже не был на домашнем обучении. Я, как Рей Брэдбери, получил образование в библиотеке, только не в публичной, а в домашней. Меня отец из дома не выпускал, и лет до десяти я не решался сбежать... Впрочем, в десять лет Аббас выволок меня из дома за шкуру. И эта выходка могла дорого нам обойтись. Отец чуть не выгнал Латифу, когда та упала к его ногам, моля не поднимать на её сына руку. Отец был в шоке. Он за все четыре года ни разу не повысил на них голос. В доме из-за меня все говорили шёпотом. Любое волнение для меня заканчивалось приступами удушья — оттого меня и ограждали от внешнего мира. Приступы начались после скарабеев. Скорее всего бедные жуки были ни при чём, просто болезнь зрела внутри, и только в три года дала о себе знать. В общем, у меня и сейчас время от времени случаются приступы, но я научился контролировать свои эмоции и меня достаточно сложно вывести из себя. Хотя нынче, — непроницаемое лицо осветила улыбка, — Аббас постарался на славу... Но я не договорил про ссору отца с Латифой. Отец предложил ей уйти, раз она считает его таким же уродом, каким был её муж. Собственно я не знаю, что она рассказывала отцу из своего прошлого. Я лишь знаю, что однажды отец Аббаса ушёл на работу и не вернулся к ним. Под подушкой он оставил ей немного денег. Этого хватило бы им на еду месяца на три, но оплатить жильё за следующий месяц оказалось нечем. У неё случился брак по любви, она сбежала из деревни в Каир и теперь боялась вернуться к родителям без мужа да ещё с ребёнком. У женщины, которая не умеет ни читать, ни писать, здесь, сама понимаешь, лишь

два пути: на улицу или прислугой в богатый дом, но никто не желал брать женщину с ребёнком, а предлагаемая сумма не могла покрыть съём комнаты, да и после школы за Аббасом кто-то должен был присматривать. Отец совершенно случайно оказался в доме, куда она пришла по объявлению, и пригласил её к себе — взял именно из-за ребёнка. Мне нужен был брат, но после смерти матери отец не решился жениться. Он рассчитал нашу кухарку и поселил в доме Латифу. Я никогда не заставлял их вместе и никогда не спрашивал про неё отца и тем более её саму, но она оплакивала его так, будто любила.

Реза умудрялся говорить и есть, а она так и осталась с полной тарелкой. Впрочем есть действительно не хотелось.

— Я заказал всего одну порцию эклеров, — улыбнулся каирец, и Сусанна наколола на вилку огурец, с опаской поглядывая на ведро, к которому потянулась рука Резы.

Он взял мидию и, вытащив малюсенького моллюска прямо руками, протянул Сусанне. Чего он ожидает от неё? Что она рот раскроет и оближет его пальцы?

— Просто закрой глаза.

Она не боится моллюска! Она не собирается есть с его рук! Только кто её спрашивает!

— Я сама!

Сусанна схватила ракушку. Губы горели то ли от пальцев каирца, то ли от терпкого соуса. Теперь они устроили соревнование, у кого гора скорлупок будет выше и не рухнет на скатерть. Её башня обвалилась первой, хотя его была выше. Тогда он поднял бокал, и она вынужденно потянулась за своим, хотя предпочла бы воду. Вино оказалось невыносимо кислым, и после трёх глотков она с радостью опустила бокал на стол.

— Попросить принести эклеры?

Она кивнула, и Реза в этот раз просто щёлкнул пальцами. За столиком явно следили, и официант закивал на каждое длинное предложение Резы. Чего опять? Он же уже сделал заказ. Эклеры действительно принесли быстро, и к ним новый бокал, в котором что-то пузырилось. Шампанское?

— Безалкогольный яблочный сидр, — пояснил Реза, заметив её опасливый взгляд. — Сладкий.

И вновь улыбнулся. Неужели после трёх глотков жуткого вина она вдруг рассмотрела в его лице доброту? А почему бы и нет? Он ведь только что честно признался, что научился контролировать эмоции. Как бы тебе, Суслик, научиться контролировать свои мысли. Потому что, похоже, твои эмоции мистер Атертон уже научился контролировать тоже.

Лучше ешь эклер, меньше думать будешь. Только эклер оказался слишком маленьким, и она потянулась за вторым.

— Вы жалеете, что не ходили в школу?

— Нет, — улыбка вновь сделалась гадкой. — Там ведь всё равно не было девочек, а таблицу химических элементов пришлось бы отвечать на оценку. А так я мог спокойно пролистать учебник.

— А университет?

— Мне не нужен был диплом. Мне нужны были навыки, а их я уже давно получил в мастерской. Врач советовал для спокойствия собирать пазлы, но я предпочёл делать украшения, и пока отец копировал папирусы, я создавал реплику за репликой сначала для музея, а потом и для частных коллекций. А ты чем планируешь заняться после школы?

Вопрос был неожиданным. Сусанна не готова была ответить на него не только в тот момент, но и вообще, а для важного решение оставалось всего одно лето.

— Что же сделал с женщинами двадцатый век. Раньше бы никому и в голову не пришло задавать женщине подобный вопрос.

Сусанна выдержала наглый взгляд.

— Само собой я выйду замуж и рожу ребёнка. А остальное я пока не решила. У меня каникулы, — решила она пошутить, не вынеся каменной физиономии каирца. — А вы не думали усыновить ребёнка?

Реза слишком долго молчал, и Сусанна прикусила язык. Это удар ниже пояса. Дура!

— Недавно я попытался удочерить одну особу, но моё отцовство с треском провалилось.

Сусанна выдохнула. Хорошо, что это не пах, а всего лишь больная мозоль.

— Сначала я напоил её, потом чуть не отдал хулиганам, а потом зажарил в пустыне...

Продолжать?

Сусанна замотала головой. Он отлично бьёт в ответ. Лучше молчи, дура! И она вцепилась зубами в бокал с сидром. Реза улыбнулся. Действительно улыбнулся.

— Какие же вы, женщины, одинаковые. Латифа тоже постоянно твердит, что я должен последовать примеру отца и взять женщину с ребёнком. А я отвечаю, что привык к её стряпне. Наверное, как и Аббас, я не чувствую уверенности, что мне не надоест в один прекрасный день отцовство, а я не хочу уходить, даже оставив под подушкой достаточно денег.

Суслик, зачем ты взяла лопату и капнула его душу? Зачем? Он и так слишком много тебе рассказал. Можно целый роман написать.

— Почему вы не берёте эклеры?

Сусанна с виноватой улыбкой протянула через стол блюдо, но Реза не взял пирожное.

— Я заказал их для тебя. Хочешь чаю?

Сусанна покачала головой. Реза улыбнулся и на этот раз хлопнул в ладоши. В европейском интерьере этот чисто арабский жест смотрелся инородно. Как же в нём одном уживаются такие противоречивые культуры?

Официант тут же принёс счёт, и Реза вложил в него кредитную карту.

— Я тебя так долго ждал и так быстро приходится расставаться.

Он что, действительно вздохнул?

— Можем прогуляться по набережной, — тотчас выдала Сусанна, чтобы внутренний голос не успел попросить её заткнуться.

Реза улыбнулся. Вновь очень по-доброму.

— У меня есть более интересное предложение.

Только не ночной круиз! Она окоченеет с голыми ногами! И во сколько тогда она ляжет спать? Без телефона даже время не посмотреть! Зато сестре спокойно. Суслик жива и осматривает достопримечательности. Она и фотку с Мариной отправила, чтобы родители знали, что церберы несут службу. Ну так, что за интересное предложение, мистер Атертон?

Однако появление официанта вновь прервало разговор. Но в этот раз он оказался более проворным и в две секунды исчез, опустив на белоснежную скатерть кредитку, чек и ключ. Сусанна подняла глаза на Резу, лицо которого вновь приняло безразличное выражение.

— Это всего-навсего предложение, — голос его давно не был таким спокойным. — Ты можешь взять ключ, а можешь оставить его на столе, и мы пойдём гулять по набережной. И обещаю, я и словом не напомним тебе о нём за следующие три дня.

Сусанна почувствовала, как пузырьки давно выпитого сидра ударили в нос.

— Это единственный вечер, когда мы вдали от любопытных взглядов, — продолжал

Реза голосом диктора.

Браслеты с рук вдруг переместились на голову, расплющив виски. Нет, он не улыбается, он спокойно убирает в бумажник чек с кредиткой, оставляя на столе ключ от гостиничного номера. Белая скатерть и ключ. Больше ничего между ними нет.

— Пока ты принимаешь решение, я с удовольствием прочту продолжение романа и подумаю над новыми иллюстрациями.

Суслик, ты сдурела? Ты зачем достаёшь планшет? Зачем подключаешься к гостиничной сети? Зачем протягиваешь через стол страницу с гугловским переводчиком. Ты забыла, как звучит по-английски слово «нет»? Так я напому — «но». Суслик, неужто сложно произнести короткое «ноу»?

Глава 20

«Нен-Нуфер не понимала, откуда брались слова — видимо, сама Хатор вкладывала их ей в уста, и потому Пентаур не перебивал. Жрец стоял с опущенной головой, сжав край стола, и Нен-Нуфер со страхом ждала, когда он взглянет на неё — слова были тверды, что камень изваяния Богини, но глаза — они блестели от едва сдерживаемых слёз. Она отказывала не ему, она отказывала в его лице своему женскому естеству, которое изводило её ночью страшными видениями. Ей снился царевич Райя. Сначала под его пальцами яростно бился её пульс, но к утру эти же пальцы потрясали перед её заплаканным лицом ожерельем, он швырял его ей в лицо и с диким хохотом убегал прочь. И так раз за разом. Нен-Нуфер змеёй извивалась на жёсткой циновке, но не могла проснуться, а когда наконец ей удалось сбросить оковы сна, она увидела в зеркале ужасные чёрные борозды, которые оставила на щеках не смытая с вечера краска. А в купальне ей и вовсе почудилось, что это воды Великой Реки, которой она вчера так неразумно предложила свою жизнь, сомкнулись над дурной головой, и Нен-Нуфер закричала. Невольницы бросились к ней и вытащили из ванны. Богиня в наказание лишает её разума, и только Тирия способна вымолить у Хатор для неё прощение. Нельзя медлить, надо прямо сейчас упасть в ноги Амени и молить жреца ускорить её отъезд.

И всё же Нен-Нуфер не сумела пройти мимо башни Пентаура — она не смеет поворачиваться к нему спиной, он тот, кому она обязана жизнью и всем тем, что восхищает в ней верховного жреца. Она поднялась по исхоженной босыми детскими ногами лестнице и нашла жреца таким, каким привыкла видеть все эти годы: сгорбленным над папирусом. Только в этот раз папирус был чист. Пентаур с яростью смахнул со стола камушки и ринулся к ней, но она успела выставить вперёд руку, чтобы его губы не стёрли вкус поцелуя царевича, который она хотела пронести незамаранным до суда Осириса.

Когда Хатор начала вещать её устами, несчастный жрец попятился к столу. Обнажённые плечи его дрожали, будто с пустыни налетел ледяной ветер. Как Пта только мог подпустить такие страдания к самому лучшему своему жрецу? Как... И как он может отнимать у фараона царицу?

— Ты отказываешь мне ради Великой Хатор, и лишь это даёт мне силы идти дальше. И пусть мысль, что ты никогда не будешь принадлежать другому мужчине, согреет меня в ночной тьме, в которой я буду прятать свои слёзы.

— Когда-нибудь ты забудешь меня с другой. Но я всегда буду помнить того, кому я обязана жизнью...

Нен-Нуфер осеклась. Она обязана жизнью двоим — ему и Кекемуру, и если первого она почти спасла, то у второго лишь начала рубцеваться спина.

— Пентаур, у меня есть к тебе просьба...

Она рассказала про крокодила, стражника и потерянный кнут, плети и рыночную площадь.

— Подними тростниковое перо. У меня слишком дрожат руки.

Какой же великой души этот человек! Он ничего не спросил, он без слов понял её просьбу.

— Когда фараон получит послание, он пригласит меня к себе, я уверен... И тогда я скажу ему про Кекемура, будь покойна.

Он вернул на папирус камушки и придвинул стул, чтобы Нен-Нуфер удобнее было писать. Быть может, в чернила попали их слёзы, оттого и сохли они нынче так долго... Или Мудрый Тот, покровительствующий писцам, подарил им последние минуты вдвоём.

— Неужели Тети скажет Никотрисе, что она умрёт...

Это не был вопрос. Просто мысль, напугавшая Нен-Нуфер у Великой Реки, вдруг обрела голос.

— Не тревожься, это будет не Никотриса. Четыре года её чрево оставалось пустым, и только чудо способно вложить в него дитя, а за чудом не идёт по пятам смерть. Фараон собирается жениться на своей племяннице, дочери Сети. Асенат единственная, кто ближе всего ему по крови, и жена Сети тоже происходит из царского рода. Однако она слишком юна и слишком хрупкой комплекции — и без всякого пророчества, как врач, я могу сказать, что ей нелегко будет разродиться. Благоразумие говорит ждать ещё года два, но долг перед Кеметом не может ждать, и, я знаю наперёд, что ради наследника фараон пожертвует племянницей.

— А Сети дочь? — слишком страшные тайны открывались Нен-Нуфер, чтобы сердце продолжало спокойно биться. Оно напуганной птицей ринулось к горлу, и несчастная с трудом выдохнула: — Не сможет фараон утаить пророчество от брата!

По лицу Пентаура проскользнула злая усмешка и тут же бесследно исчезла.

— Будь уверена, что утаит. О пророчестве будут знать лишь пятеро: фараон, Амени, я, ты и Великий Пта. И все будут молчать. Слышишь? Все, какой бы больной ни была правда. И фараон не должен знать, что нас пятеро. Поняла?

Нен-Нуфер кивнула. Пентаур убрал с краёв папируса камешки и потряс им в воздухе.

— Нет, я не доверю тайну посыльному, даже зная, что тот не умеет читать. Я сам отнесу письмо утром и прослежу, чтобы Его Святейшество сжёг при мне папирус, — Пентаур замолчал на секунду. — И тогда попрошу за Кекемура. Вернее попрошу вначале. Потом, я боюсь, человек окончательно победит в нём божественного правителя. Я уже не раз видел в его глазах слёзы и отчаянье. И увидел его в гневе перед запертой кельей. Он швырнул в меня кнутом, и лишь милость Пта лишила в тот момент его меткости.

— Я не устаю просить у Пта простить меня...

В ушах Нен-Нуфер стоял тот странный грохот, который она слышала через толстые стены кельи. Так значит, то был царский кнут.

— Я...

Только Пентаур не дал её договорить:

— Не смей корить себя, Нен-Нуфер. Теперь я точно знаю, что в ту ночь послал тебя к нам сам Пта. Я не решался произнести вслух пророчество перед лицом Божественного и

желал передать эту миссию Амени. Но не будь тебя в келье, мне пришлось бы говорить с Его Святейшеством. Но ведь Амени прав — горькие слова не должны звучать вслух ни в стенах храма, ни тем более в стенах дворца. Фараон их прочтёт сам.

Пентаур свернул папирус и засунул за пояс. Теперь, когда миссия была почти завершена, Нен-Нуфер перестала быть тайным писцом, она вновь стала женщиной, которую в грешных мечтах он уже прижимал к груди. Он протянул к ней руки, и она вложила в его пальцы свои.

— Ты будешь прекрасной жрицей. Самой прекрасной, какая когда-либо была у Хатор.

Нен-Нуфер чувствовала тепло его пальцев, но краска не прилиwała к лицу, и сердце билось ровно.

— А ты станешь достойным преемником Амени. И, быть может, вдвоём мы сумеем смягчить непреклонных Богов, и они сжалятся над фараоном.

Молчание повисло над столом. Пентаур сильнее сжал пальцы воспитанницы.

— Молитвы не меняют движения светил. Что предписано, то исполнится.

— И всё равно я стану молиться.

— И это я знаю. И ты скоро узнаешь, что порой не стоит тратить силы на бесполезные молитвы.

Она увидела в его глазах безграничную боль и попыталась вырвать пальцы — чем быстрее она уйдёт, тем легче ему будет вернуться к храмовым обязанностям, тем быстрее минет положенный срок, когда он сможет взять на руки своего первенца и обучить всему тому, что с такой любовью передал ей, а она, она станет верно служить Хатор, чтобы милость Великой Богини никогда не оставляла жреца Пта. Только пальцы не хотели разлучаться — они срослись друг с другом сильнее, чем глыбы Великих Пирамид.

— Пентаур! — крик Амени потряс основы башни. Нен-Нуфер пошатнулась, когда жрец отдернул пальцы, и лишь стол удержал её от падения.

— Мы написали ответ фараону, и утром я отправлюсь во дворец, — прошептал Пентаур, не в силах вернуть себе голос.

Нен-Нуфер молча поклонилась верховному жрецу, припала губами к его руке и поспешила покинуть башню. Амени не унижит Пентаура, он простит его молча, как прощают великие люди, и вновь признает своим преемником. И всё равно на душе оставалось беспокойно и ночью не спалось, хотя мысли о царевиче не мучили её больше, она думала о пророчестве и молилась за фараона, прося Богов дать Тети силы достойно принять страшное известие. Пусть Маат во время утренней молитвы поделится с Его Святейшеством божественным спокойствием. Она просила и за Пентаура, и за Кекемура... И теперь в её молитвах появилось новое имя — Асенат.

Утром, не умывшись и не переодевшись, Нен-Нуфер бросилась к башне, чтобы проводить Пентаура за ворота, но жрец покинул храм с первым лучом солнца. Ему явно не спалось, и он тоже молился — не могут их молитвы оказаться бесполезными!

Нен-Нуфер не удержалась и тоже вышла за ворота храма, ноги сами несли её на рыночную площадь, но она вовремя одумалась и повернула обратно: без краски и украшений, с неуложенными волосами её легко принять за невольницу, а с ними на рынке порой обращались слишком дерзко. Она ускорила шаг и, стараясь остаться неприметной, поднимала голову лишь для того, чтобы не наткнуться на ослов, тянущих на рынок гружёные товарами телеги. И всё равно её ухватили за руку. Она попыталась вырваться, да куда там!

— Я с трудом признал тебя, госпожа!

Она подняла голову и чуть не ахнула: перед ней стоял Рамери.

— У меня для тебя доброе известие. Я хотел сообщить его ещё вчера, но меня вновь не пустили в храм — Кекемур вернулся во дворец.

Глаза Нен-Нуфер вспыхнули — царевич поговорил с братом!

— И это не всё. Он получил кнут из рук фараона. Нет, ты не понимаешь, — спешно добавил юноша, заметив рассеянный взгляд Нен-Нуфер. — Это личный кнут фараона, это высокая награда, и я уверен, что не будь Кекемур таким упрямым, Его Святейшество сделал бы его начальником. Прости меня, госпожа, но я рассказал Кекемуру, что ты просила за него... Я не смог сдержать своей радости! Прости меня! Поэтому он взял от фараона лишь кнут, но отказался от повышения.

Нен-Нуфер опустила глаза. Как же прав Пентаур, что лично отправился к фараону. Люди не умеют хранить тайны. Хотя имеет ли она право злиться на Рамери, она не просила его молчать... О, как же горд Кекемур! И как бесстрашен, ибо кто смеет отказываться от подарков фараона... Она прикрыла глаза — до храма оставалось меньше ста шагов, но что-то влекло её прочь от храмовой аллеи. Она ухватила за локоть Рамери, и стражник подхватил её под руку, решив, что она оступилась.

— Я пойду с вами, — сказала Нен-Нуфер.

Да, она дойдёт под их охраной до полей, а там уже спокойно отправится к гробнице фараона Менеса. Вновь с пустыми руками, зато с полным благодарности сердцем. Она станет благодарить его за обоих сыновей, и для каждого попросит заступничества. Особенно за фараона — Пентаур уже, небось, передал написанный ею папирус. Пусть он сторел на пламени, но на сердце успел оставить кровоточащую рану. Она станет молиться, и пусть Боги пошлют ей хоть часть боли Его Святейшества — она примет её с радостью за всё то, что он сделал для неё, ни разу не видя... Нет, он видел её. Она танцевала для него и, быть может, его взгляд дал ей силы не оступить в своём первом танце.

Нен-Нуфер пару раз отдыхала под пальмами у канала и умывалась, и всё равно глаза щипало от пота, когда она наконец добралась до гробницы. О, Великая Хатор! Тишину пронзило конское ржание. Нен-Нуфер замерла, стараясь унять разбушевавшееся сердце. Губы потрескались от жары и смягчить их сейчас мог лишь поцелуй царевича. Только чего тогда будут стоить все данные Великой Богине обещания... Боги не прощают дважды. Она поклонится царевичу, но не протянет руки. Пусть Пентаур станет последним мужчиной, сжимавшим с неистовством её пальцы.

Нен-Нуфер зажмурилась и сделала шаг за угол, но открыть глаза не сумела — лучи Амона ослепили её, они отразились от позолоченной колесницы, колесницы фараона!

Песок жёг стопы через толстые подошвы, но она не могла сдвинуться с места. Лошади, взволнованные её появлением, заржали громче, и она услышала торопливые шаги. Колени задрожали, но она не сумела их согнуть и глянула прямо в лицо появившемуся перед ней мужчине.

— Это ты так напугала моих коней?

Какой резкий голос. О да, она слышала его, сидя в келье. Только если тогда ей было приказано молчать, то нынче она просто забыла все слова.

— Пожалуй, так же, как я напугал сейчас тебя, — добавил он уже более мягко. — И я, кажется, знаю, кто ты... Избранниц Великой Хатор можно признать в любом виде и даже без лотоса, Нен-Нуфер.

При звуке собственного имени она задрожала. Разве смеет она врать самому фараону.

Не смеет, и потому Богиня вернула ей голос, чтобы наконец она рассталась со своей ложью.

— Я не жрица Хатор...

— И не Нен-Нуфер? — голос вновь сделался пронзительно ледяным.

— Нет, я — Нен-Нуфер, повелитель! — и она сумела склонить перед ним голову, но с трясущимися коленями совладать не смогла.

Только резкий смех заставил её выпрямиться.

— Ну, а я не Его Святейшество. И совсем не похож на него. Энсеби так часто бывает в храме Пта, что странно не знать его в лицо. Очень странно, не так ли?

— Прости, мой господин, — Нен-Нуфер чуть овладела собой и сумела поклониться. — Вокруг фараона всегда стена нубийцев.

— Вот именно! Неужто ты ожидала увидеть энсеби здесь одного?

Нен-Нуфер закусил губу — волнение перед встречей с царевичем Райей напрочь лишила её рассудка. Теперь только она поняла, кто перед ней. Сети, возница фараона, отец обречённой Асенат. Царевич Райя говорил, что Сети ни на что не променяет золотую колесницу.

— Я не знаю, мой господин, как так вышло и прошу прощения за своё безрассудство. Я действительно испугалась, признав колесницу. Прости меня, благородный Сети.

— Я-то прошу, а что скажет энсеби на ложь того, кому он пожаловал свой кнут?

Нен-Нуфер вновь похолодела.

— Это ложь моя, не Кекемура, мой господин, — воскликнула она, вспоминая исполосованную плетью спину стражника. — И то не совсем ложь. Я отдана Великой Хатор, только не прошла ещё обряда посвящения. Но ведь это не имеет значения для простых людей, мой господин, — добавила она скороговоркой.

Нен-Нуфер прикрыла глаза: раз Сети не удивился, встретив её у гробницы отца, значит, царевич Райя говорил о ней не только с Божественным братом. Или же фараон сам посчитал нужным объяснить своему вознице смену гнева на милость... Да и чему удивляться, ведь у любящих братьев не должно быть друг от друга секретов. Не должно, но будут! Неужели Тети не расскажет Сети про пророчество? Неужели молча возведёт его дочь на своё ложе, чтобы потом положить её мумию в свою гробницу? Неужели... О, Великая Богиня, как тяжело хранить чужие секреты! И как легко избавляться от собственных! Пусть царевич узнает о её лжи от брата. Так будет лучше. И тогда воды Великой Реки никогда не донесут его лодку до Фив, куда она попросит Амени отправить её завтра же.

— Почему я встретил тебя здесь?

Отчего Сети спрашивает? Неужели думает, что она условилась о встрече с его младшим братом? Или ждёт, что она передаст через него послание для Райи? Нет, не будет больше посланий, не будет больше встреч. Они простились под палящим солнцем, соединившись в запретном поцелуе.

— Потому что я пришла поблагодарить покойного фараона за милость царствующего ныне сына, мой господин.

Нен-Нуфер склонилась в поклоне и, приложив ладонь к груди, почувствовала, что сердце вновь бьётся ровно. Значит, она всё делает верно.

— Рад слышать, что никто не попрали заветы Маат. Поблагодари моего отца, а я дождусь тебя здесь и отвезу в храм.

— О, нет! — Нен-Нуфер прижала к груди руку. — Я не взойду на колесницу фараона. Нет!

Сети улыбнулся.

— Но ведь энсеби не узнает об этом. Ведь секреты бывают разные. Те, за которые Осирис карает, и те, которые вызывают в нём лишь улыбку.

О, Великая Хатор! Зачем посылаешь на мой путь человека с метким, что кнут стражника, языком? О, Великая Богиня, как же разозлится царевич, узнав про её обман! Пусть же её обман милостью Тирии скорее станет правдой, чтобы не пришлось краснеть за ложь, которой она желала уберечь себя для Великой Богини.

— Господин слишком добр к Нен-Нуфер, но она может вернуться в храм пешком.

— Даже не думай об этом! Энсеби разозлится, если узнает, что я позволил будущей жрице Хатор совершить небезопасный путь. Я дождусь тебя и передам прямо в руки Амени.

И Сети отступил от входа в гробницу. Нен-Нуфер осторожно спустилась вниз, стараясь отогнать прочь все воспоминания о царевиче. Его старший брат ждал наверху... Его нельзя задерживать, ведь колесница в любой момент может понадобится Его Святейшеству. Она опустилась на колени перед статуей фараона Менеса и поблагодарила его теперь уже за трёх сыновей.

Сети поднял её на колесницу, но тело затрепетало не от его краткого прикосновения, а от того, что её пальцы коснулись того же, что трогали пальцы Божественного.

— Тебя ведь не надо учить езде на колесницы?

Это не был вопрос, это было утверждение, окрасившее стыдом щёки Нен-Нуфер. Царевич Райя не утаил от Сети их встречи, и тот может знать даже об их поцелуе... Нет, нет, царевич не расскажет о таком... Она ведь не какая-нибудь невольница! Это был священный порыв, это было и останется их тайной. Наверное, царевич Райя в запале рассказал вознице фараона о своём неумении сдерживать лошадей... Царевич Райя! О, если бы только на месте Сети стоял сейчас он...

Нен-Нуфер прикрыла глаза, чтобы сберечь их от песчаной пыли. Колесница пролетела мимо полей и остановилась у храмовых пилонов. Стражники распахнули ворота, и Сети привычно направил колесницу по храмовой аллее, в конце которой его встречал Амени и десятки любопытных глаз, спрятавшихся за колоннами. О, какое удивление отразилось на лице верховного жреца, когда Сети свёл с колесницы Нен-Нуфер.

— Я возвращаю тебе твой лотос лишь на мгновение, чтобы испросить позволения забрать Нен-Нуфер с собой.

Сердце Нен-Нуфер остановилось. Что Сети задумал?! Неужто хочет привести её под очи царевича, чтобы она призналась Райе в своей лжи... О, нет, Великая Хатор не допустит этого!

— Для чего понадобилась благородному Сети моя воспитанница? — спросил учтиво Амени, вперив в бледное лицо девушки немигающий взгляд, который вопрошал: как, как она оказалась в царской колеснице вместе с возницей Божественного?

— Я просил отца благословить брак моей дочери с моим Божественным братом, и в тот же миг лошади оповестили меня о присутствии постороннего. Я выбежал из гробницы и увидел Нен-Нуфер, о чудном спасении которой из пасти крокодила теперь известно всему дворцу.

Амени побледнел. О, Великая Богиня, отчего ты не позволила рассказать жрецу о Кекемуре! О, как же тяжело сейчас старику хранить на лице печать спокойствия!

— Будущая жрица Хатор станет лучшей наставницей для будущей царицы. Моя Асенат сущее дитя и путает иероглифы в самых простых словах, что не пристало для Великой

Царицы. Позволишь ли ты, добрый Амени, на время одолжить у Великой Богини её сокровище? Нен-Нуфер ни в чём не будет знать нужды в моём доме, и Великая Хатор ни в чём не упрекнёт ни меня, ни тебя.

— Я должен подумать, — ответил старый жрец, не спуская глаз с Нен-Нуфер, застывшей подле колесницы.

— Для раздумий нет времени, ты сам знаешь. Или я должен испросить разрешение у Тирии? Тогда я тотчас отправлю гонца в Фивы.

— Нен-Нуфер находится под моим попечительством и нет нужды тревожить Тирию. Амени замолчал.

— Мой дом готов принять Нен-Нуфер даже в отсутствие жены, и я немедленно отправлю гонца к ней, чтобы Асенат к завтрашнему вечеру была в городе. Если, конечно, ты отпускаешь со мной свою воспитанницу?

Старый жрец продолжал молчать.

— Или просьбу должен передать энсеби лично?

Губы Амени побелели. Нен-Нуфер закусила свои. Сети явно не знает ещё о посещении дворца Пентауром.

— Я отпускаю её с тобой. Ты не мог сделать для своей дочери лучшего выбора. Нен-Нуфер обучит её грамоте лучше любого царского писца, — ответил Амени, исподлобья глядя на притихшую девушку, к которой Сети обернулся с лёгким поклоном:

— Возьми то, что тебе дорого. Всё остальное ты в достатке найдёшь в моём доме.

Нен-Нуфер поклонилась и хотела бежать к пристройкам, но Амени велел одному из жрецов проводить её. Неужели старик боится, что она побежит к Пентауру расспрашивать о встрече с фараоном? Нет, она не сделает этого, она будет свято хранить доверенную ей тайну. А Пентаур... Она простилась с воспитателем, и нет нужды в лишних слезах. Из дома Сети она отправится сразу в Фивы, не возвращаясь в храм Пта, чтобы её близость не омрачала более спокойного течения дней Пентаура.

Нен-Нуфер взяла лишь два платья и ларец с украшениями и краской для лица, которые подарила ей жена Амени. Флейта разбита, но она попросит у Сети новую, чтобы играть для будущей Великой Царицы. Она сделает всё, что в её власти, чтобы скрасить оставшиеся девочке дни...»

Сусанна не могла оторвать взгляда от лица Резы. Между аккуратных тёмных бровей залегла глубокая морщина — ни разу не улыбнулся, читая её бред! Ох, отчего бы ему не поделиться с ней частичкой своего слоновьего спокойствия! Оторвитесь уже от чтения, мистер Атертон! Вы слишком медленно читаете... Вы уже должны услышать мой ответ — ответ «нет», который вы упрямо не желаете слышать с самолёта. Может, дело не в ушах мистера Атертона, а в том, что ты, Суслик, слишком неуверенно говоришь своё «нет»? Зачем ты рассматриваешь его? Ты же не в состоянии писать портреты! Он красив, да? С чего вдруг тебе стали нравиться смуглые мужчины? А как же мечта о голубоглазом блондине? Какая мечта? Не было такой мечты! Верно, не было, как не было и мечты переспать с арабом! А он не араб! Почти не араб, ты хотела сказать. Но это уже формальности, Суслик. Ты проигнорировала важный глагол... Суслик, вспомни, что ты говорила утром Паше! Так то было утром... Суслик, ты сделала всего три глотка! Или это вино из мидий так шибануло по мозгам, что ты вообще перестала соображать? Мама уже ахнула по поводу твоей причёски, а ведь волосы, как сказал наш общий знакомый, мистер Атертон, отрастут, а если ты сделаешь нечто другое...

— Ты загрузишь для меня продолжение?

Реза так неожиданно поднял на неё глаза, что она не успела спрятать свои. Теперь он знает, что ты его рассматривала, дура! Давай, разлепи уже губы и произнеси своё «ноу». Ну же!

— А вы хотите его прочитать?

Суслик, зачем так много слов, так много треска?! Крохотное слово «ноу» на Востоке тоже означает отказ. «Ноу» и всё.

— Нет! — он, кажется, оборвал её голосом Сети. Видишь, как просто оно звучит в его устах, это короткое «ноу». — Я хочу получить ответ!

Сусанна закрыла глаза и протянула руку.

— Если я нащупаю ключ, то...

Сусанна совсем не была уверена, что сказала фразу по-английски, но повторять не стала. Только если мысленно, добавив для себя, а если промахнусь... Точно ведь промахнусь... Только пальцы упёрлись в пластиковый прямоугольник. Зачем глаза закрыла? Он ведь явно подтолкнул к тебе ключ! Ещё бы монетку кинула, идиотка!

Пальцы сжимали ключ, но не отрывали от скатерти. Ведь в шахматах, если не сдвинул фигуру, можно ведь переходить, да? Между лопаток побежал ледяной ручеек, и Сусанна отдернула руку. Только пластик ключа намертво приклеился к влажной ладони.

— Я знал, что ты согласишься, — Реза отодвинул стул и встал. — Ты ведь не жрица Хатор.

Да, она не жрица! Она дура! Но ведь можно ещё положить ключ обратно на стол и извиниться за глупость. Ведь можно? Реза уйдёт, точно уйдёт, он ведь джентльмен. Только если он уйдёт, то уж больше точно не вернётся. Даже за красками. Что ты за него волнуешься — купишь новые! Или ты вспомнила про обещанные серьги? Аббас бы сейчас разрыдался от восторга! Заткнись! Не нужны мне его серьги, эти браслеты и кольцо! Но ты же видела его рисунки... Так ты лотосы мечтала посмотреть? Тогда не надо было играть в рулетку. Он предлагал тебе выбор, а сейчас он просто уйдёт, а ты поедешь завтра с Пашей и этой дурой в музей исламского искусства и на базар, как и планировала, когда сестра покупала путёвку. Всё хорошо, Суслик. Положи ключ обратно. Зачем тебе три дня непонятно с кем? И за такую цену! Чтобы сожалеть всю оставшуюся жизнь? Сожалеть? Кто вообще собрался о чём-то жалеть? Я ведь не просто так тянула руку...

— Ты забыла кофту.

Нет, я забыла голову! И планшет, но вы не собираетесь мне его отдавать. А кофта, она застряла на спинке стула...

Сусанна рванула кофту вверх и услышала, как лопнула нитка шва. Рюкзак в руках тоже дрожал. Она прикрыла глаза и попыталась сосчитать до десяти, но это не помогло. Во сколько они вернутся в гостиницу? Только бы не утром, а то церберы обо всём догадаются и доложат родителям. И ложь про ночную прогулку на катере вряд ли прокатит. Но как бы потактичнее намекнуть ему про возвращение? Или он сам догадается? Пусть лучше сам, потому что английские слова вновь разбежались... И не только слова. Она с трудом нащупывала дорогу — каирец на этот раз не протянул руки. О, да, мистер Атертон, вам важно, что я сама иду за вами. Это снимает с вас всякую ответственность. А в кроссовки будто гравия насыпали — идти так тяжело и так больно, особенно глядя ему в спину. Даже не обернётся... И в лифте продолжил молчать и смотрел мимо её отражения в зеркальной стене. Только у двери в номер обернулся, но руки за ключом не протянул. Она и открыть

должна сама. Интересно, раздеваться тоже самой придётся? Фараоны тоже не утруждали себя этим. Хорошо ещё сам дверь закрыл, пока она стояла посреди комнаты, чуть ли не до крови врезая в ладонь край ключа. Как всё по-дурацки получилось... Может, согласись она в самолёте, он бы обставил это как-то по-человечески, а то как с проституткой прямо...

И вот он кинул планшет на диван, вытянул из её руки ключ и опустил на столик рядом с ведром, в котором лежала бутылка шампанского. Это капля романтики, да? Но лучше не смотреть на него. Да она и не смотрит, потому что не отвести взгляда от огромной кровати, застеленной белоснежными простынями...

Сусанна дёрнулась от звука вылетающей пробки и обернулась к столику. Реза наполнял два высоких тонких бокала. За спиной его колыхались тонкие занавески. Дверь на балкон открыта, но она совершенно не слышит городского шума, только бешеные удары собственного сердца. Может, и он что-то сказал, а она пропустила... Иначе чего он так пристально смотрит! Может, ждёт, когда она наконец освободит для него руки?

И когда Сусанна швырнула на диван рюкзак и кофту, Реза сделал к ней шаг и протянул бокал.

— Я не хочу пить, — пролепетала она, не уверенная, что он сумеет разобрать её английские слова.

Точно не разобрал, раз так настойчиво тычет в её сжатый кулак ножкой бокала.

— Выпей. Тебе сразу станет легче.

Хорошо, что она ещё не утратила способность понимать английскую речь! Пальцы её уже не слушаются — она сумела схватить бокал только поверх запотевшего стекла. Шампанское было сладкое, даже слишком. И он явно не любит такое, раз отставил свой бокал, едва пригубив. Ему нужно взрослое сухое, а не детское сладкое...

Сусанна пила, не отрываясь, желая, чтобы бокал никогда не опустел. Передняя прядь прилипла к стеклу, и Реза осторожно отвёл её за ухо, а когда забрал пустой бокал, Сусанна зажмурилась, чтобы не видеть приближающиеся губы.

Глава 21

— It's ten past eleven, sleepyhead! Time to get up!

— Ит воз найн оклок файф минутц аго...

Сусанна не понимала, на каком языке говорит, но всё же надеялась, что по-английски. Во всяком случае она поняла ответ:

— Девять было два часа назад, соня. За эти два часа я успел выпить два кофе. Третий я пить не стану и просто вылью его. И больше не закажу, так что это твой последний шанс, и не смей отворачиваться.

Но Сусанна отвернулась. От стойкого кофейного аромата к горлу подкатил кислый ком, и она плюхнулась головой мимо подушки, а когда через секунду попыталась подтащить её к себе, руки оказались прижатыми к обнажённой груди, а губы уткнулись в чашку.

— Я знаю, что тебе плохо, но другого способа поставить тебя на ноги нет... Пей.

Пить? А вдруг кофе горячий... Да не похоже по чашке... Но противный...

И Сусанна сжала губы, боясь выплюнуть кофе на белоснежное одеяло. До сих пор белоснежное... К счастью, идиотка!

— Просто проглоти, — Губы Резы обжигали ухо: ему бы в заклинатели змей податься...

— Как горькое лекарство. И вот, кусай...

Она так и не открыла глаз. От последней попытки взглянуть на мир, которая была, оказывается, два часа назад, чуть не потекли слёзы. Но скрежет крошек круассана на зубах невозможно ни с чем спутать — только у неё сейчас ком в горле, вот она и дёрнулась в сторону, прямо щекой в чашку. Рука Резы дрогнула и по ней, и по кровати растеклось кофейное пятно.

— Ой... — Сусанна открыла глаза и в этот раз сумела удержать их открытыми.

— Никто и не ждал найти утром постель чистой, — усмехнулся каирец и вернул к её губам то, что осталось в чашке, но Сусанна сумела вывернуться и мимо плеча Резы рухнула на подушку. Забирайте свой кофе и свой круассан и оставьте меня в покое ещё на два часа или вообще до вечера...

— Если ты сейчас же не поднимешься, я вылью этот кофе тебе на голову!

Он теперь орёт на неё? Совсем сдурел! Или это в пустой голове так звенит? Но на всякий случай Сусанна подскочила и вырвала из пальцев каирца круассан. Пусть крошится, после кофе постель уже точно не спасти... Сусанна вытянула ногу и, почувствовав мокрое пятно, попыталась вспомнить, какой по счёту бокал опрокинула... Точно не последний... Может, это и не она была такой неуклюжей. Может, это он налил мимо... Какая разница... Рассвет всё же наступил — солнце вынырнуло из хаоса, а вот её хаос поглотил навечно...

— Сядь нормально. Подавишься!

За спиной даже появилась подушка. Сама. Из ниоткуда... Крошка с губ упала в тёмную жидкость, и Сусанна с трудом сделала глоток. Только зря... Остальные крошки пошли не в то горло. Теперь кофе пролил точно он, спасая её от круассанового удушья. Зачем же со всей дури бить! Ещё за ноги потрясите! Интересно, мистер Атертон, а как у вас проходят приступы...

Правда, об этом она подумала уже после того, как Реза промокнул ей губы краем одеяла. К счастью, он ещё не надел рубашку, так что только брюки забрызгал, но на тёмном не так видно... А вот на бледных руках слишком ярко проступают синяки... Она была уверена, что утром первым делом он спрячет исколотые иглами руки, как прятал все предыдущие дни. А что теперь прятать? Хотел бы сохранить своё увлечение в тайне, остановил бы её руки до того, как она добралась до ремня. Ведь, честно, какая разница — оказаться с утра только в мятых брюках или же ещё и в мятой рубашке. Нет, он специально показал ей руки, решив подарить не один, а целый букет секретов. Может, вы ещё какого Троянского коня на утро припасли? А, мистер Атертон? Хотя плевать, как вы там ищите вдохновение для творчества! Только руки жалко, красивые руки... Суслик, какое тебе дело до его рук? Через три дня ты о нём забудешь, ведь, к счастью, вспоминать нечего. Конечно, кроме идиотского спектакля с ключом и следовавшего за ним стриптиза... Остальное так, мелочи... Особенно удар по рукам, от которого она чуть не разревелась! Будто она слов не понимает!

После первого бокала она прекрасно всё понимала, только он ничего не говорил. Его первый поцелуй оказался настолько кратким, что она не была на сто процентов уверена, что он вообще был. Реза просто хотел, чтобы она открыла глаза. А потом... Он молча смотрел на неё, сложив на груди руки, а она... Она начала судорожно стягивать платье, а потом долго комкала его, не зная, куда деть, пока он не забрал его, чтобы швырнуть на диван, не заботясь, в каком виде она его потом наденет. Какое ему вообще до неё дело! Его забота о ней мнимая, пустые слова. Он развлекается с ней. И развлечения его немного отличаются от её представлений о взрослых мужчинах.

— Я закажу ещё один кофе.

Реза соскользнул с кровати и поднял трубку стационарного телефона. На этот раз он сделал заказ по-английски. Теперь ему нечего скрывать от её ушей. Интересно, он вчера и про шампанское им говорил, или всё же оно входило в стоимость люкса? Может, и входило, если попытаться поверить в то, что снял он его для себя одного, чтобы не тащиться ночью домой. Или всё же он планировал напоить её, если уж не собирался делать ничего другого... У, голова... Фа...

— Watch your language, young lady!

Да, щаз! Начните с себя, мистер Атертон! Следите за тем, что вы говорите и делаете! А я сейчас следить ни за чем не способна по вашей милости... Если что изо рта и вылетает, то без моего ведома... Ага, Суслик, ты ж ругаешься по-английски! С его братиком, наверное, переобщалась? Слушай ты, внутренний голос, заткнись уже, а? И не смей напоминать об этом уроде!

Реза убрал ладонь с трубки и продолжил разговор по-арабски. Что? Опять какую-то бяку планируете, мистер Атертон? Вам не нужны непристойные предложения мистера Газии. Вы их прекрасно придумываете сами... Кажется, взрослые мужики, а так школьники даже не поступают! Или мистер Атертон наврал, сказав, что Аббас поспорил, что он не затащит эту русскую девчонку в постель... А, может, и правда братик подсуропил, ведь недаром же компостировать ей мозги на балконе. А она подумала ещё— вот ты, какой нравственный! Интересно, что стояло на кону?

Да что бы ни стояло, мистер Атертон положил на стол ключ не из-за пари с братом. Он точно больной на голову. Ему нравится её страх. Он им упивался вчера, как она потом шампанским, чтобы забыть унижение.

Сусанна подтянула к подбородку испачканный край простыни и уставилась в непроницаемое лицо каирца.

— Что мне сказать родителям, мистер Атертон? Как объяснить, где я была ночью?

Она что, действительно задала этот вопрос? Да, задала... Потому что это единственное, что её сейчас волнует. Кроме гудящей головы, конечно. Только Реза продолжил неподвижно сидеть в кресле. Ну чего он на неё пялится? Ночью не посмотрелся?

Он тогда взял её руки в свои, чтобы она не спешила раздеваться полностью — пришлось смять пяткой задник кроссовка. Он смотрел, а она думала — успеет ли вся кожа стать гусиной до того, как он разрешит залезть под одеяло? Не успела, он опустил её руки себе на плечи. Танцевать, что ли, собрался под шум трепыхающихся на ветру занавесок? Но нет. Он не обнял её, а расстегнул манжеты. А пуговицы оставил ей? Последняя у него была застёгнута только в самолёте под галстуком, а здесь свободными всегда оставались две верхние — от жары? Или это психологическое — чтобы рубашка не душила? Или показать всем, что на теле нет растительности...

Какие только мысли в тот момент не проносились в голове, чтобы заглушить ту, которая настойчиво пробивалась к мозгу — за рубашкой последуют брюки. Но эту мысль быстро перебила другая, когда рубашка присоединилась на диване к её платью. Что у него с руками? Нет, эта мысль лишь постучалась, а в мозг ворвалась другая — боже, а если он не только наркоман... И эта мысль металась в голове в поисках словесного выхода, пока мистер Атертон наливал ей ещё шампанского.

— Я колю себе обезболивающее, — процедил он сквозь зубы, всучивая ей бокал. Ага, пей, дура, чтобы не думать о последствиях... Но ведь последствий не будет, нет? Но зубы

напрасно стучали о стекло. Шампанское не давало ответа, только подсмеивалось над ней, превращая уши в морскую раковину.

Пустой бокал незаметно исчез из пальцев, и пальцы как-то нашли застёжка ремня... Наверное, она пыталась удержаться за него, когда нога соскочила с кроссовка, но она всё равно полетела... Только не в него, а на кровать. Руки горели — он с такой силой врезал ей, что на пальцах даже отпечаталась бляха ремня, а потом уже толкнул... Кровать была мягкой, но тело заболело изнутри. Боль медленно поднималась к глазам, пока не вылилась слезами... Сусанна не знала, когда заплакала: от боли или уже после его слов.

— Я поспорил на тебя, дура!

Хотелось сжаться в комок, спрятать хотя бы грудь, но под его взглядом невозможно было шевельнуться. Целую вечность пролежала она, будто распятая. И когда он стащил с ноги второй кроссовок, она закрыла мокрые глаза, зная, что последует за этим. Только он не коснулся резинки трусов. Он за плечи усадил её на край кровати, и перед носом тут же оказался третий бокал. Его она и могла пролить, потому что руки дрожали так же сильно, как и губы. А он продолжал истуканом возвышаться над ней и вещать нечеловеческим голосом.

— Ты как две капли воды похожа на девушку, которую я любил в шестнадцать лет. Я еле пережил с тобой рядом полёт и сам не поверил, что сумел предложить пойти со мной. А когда ты отказалась, у меня всё внутри оборвалось, и весь следующий полёт я думал, как заполучить твоё тело — сколько предложить, чтобы ты согласилась. И только при посадке понял, что должен бежать от тебя, как от огня. Я не спал всю ночь, мучимый кошмарами, и на следующий день ты опять оказалась передо мной — я поднял тебя на руки и понял, что не смогу отпустить. И если уж не пересплю с тобой, то хоть буду рядом. Но как, как заставить её остаться? Разум успокаивал меня: тебе не шестнадцать, ты не имеешь права дурить... Но я дурил, дурил с этими мумиями на глазах людей, с которыми работаю, которые знали ещё моего отца. И я бил себя по рукам всякий раз, когда позволял себе лишнее. Ночью я лежал и думал: Реза, ты не имеешь право брать чужое. Эта девочка похожа на неё и только. И тогда я притащил тебя домой в надежде, что Аббас скажет, что ты не похожа на неё, но ты сама видела, что он чуть с лестницы не свалился, когда увидел твоё лицо. А потом сказал, что я слишком правильный, чтобы переспать с тобой только лишь потому, что ты похожа на другую. А я ему ответил, что смогу.

Наступила тишина, и Сусанна поняла, что настало время отдать пустой бокал. Зачем он рассказал это? Она не спрашивала, почему ему понравилась. Только он не забрал бокал. Он сел рядом и поднял с пола бутылку, чтобы долить его до самых краёв.

— I can't...

Сусанна хотела добавить, что больше не может пить, но язык уже не ворочался, а руки так тряслись, что, чтобы не пролить ещё больше, она отпила глоток. Только шампанское пошло носом. Возможно, именно тогда она и замочила простынь.

— Допивай и ложись спать.

Реза встал, чтобы бросить пустую бутылку в ведро, и остался стоять на ветерке к ней спиной. Она давилась шампанским, и когда он, не оборачиваясь, спросил, легла ли она, Сусанна опустила бокал на пол и, когда тот упал, не стала поднимать, а попыталась закинуть на кровать ноги. Щёлкнула задвижка — Реза закрыл балкон. Сусанна сунула ноги под одеяло и стала искать головной подушку.

— Хорошо хоть кровать большая, — матрас прогнулся с другой стороны. — Я могу

представить, что тебя здесь нет.

Она бы с удовольствием оказалась сейчас в другом месте, но не могла поднять даже руки, чтобы подтянуть к груди одеяло. Так, наверное, и спала. Так что смысл ему сейчас её рассматривать? Вот ей себя видеть совершенно не хочется. Зрелище будет не из приятных. Но это то, что он желал увидеть, а он получает всё, что хочет... И отказывается от того, чего не хочет... Это ты, дура, думала, что он слюной по тебе исходит. Не по тебе, потому что ты сидишь перед ним почти голая, а у него ни один мускул не дрогнет.

— Что сказать родителям? Правду, — улыбнулся Реза.

Не оскалился, а действительно улыбнулся. Да, забавляйтесь дальше, вам-то что! Это её уже разобрали по косточкам церберы! Ух, как теперь встретиться с Мариной и упросить ничего не говорить маме...

— Маат требует всегда говорить правду. Ложь ведёт к хаосу.

— Тогда и вы, мистер Атертон, говорите Аббасу правду!

Она хотела бросить ему слова в лицо, но крик сорвался на хрип, и слова не достигли цели. Реза продолжал улыбаться.

— Я и скажу ему правду. Ты взяла ключ. А остальное его не касается!

— Касается! Я не хочу, чтобы он и ваша мать думали...

И Сусанна замолчала, а Реза нет. Он улыбнулся ещё шире:

— Ну? Что думали? Продолжай.

Сусанна уставилась на простынь, желая сравняться с ней цветом, но знала, что у лица её совсем другой окрас.

— Продолжай.

Он точно маньяк! Но ты сама пошла с ним, дура!

— Я не хочу, чтобы они думали, что я спала с вами.

Фу, она это сказала, и он теперь должен успокоиться. Ага, сейчас... Он ещё посмеётся...

— Но ты действительно спала со мной! Ты знаешь, что пинаешься во сне? Хотя нет... Тебе никто не мог это сказать... Но теперь ты знаешь...

Он что, хочет поджечь простынь?! Волосы за ушами уже явно воспламенились! И что за стук в дверь? Пожарные? Нет, служащий с кофе. Сусанна по самые уши натянула простынь, но тот даже не глянул в сторону кровати — вышколенные они тут. Или насмотрелся на таких, ничего интересного! Или уже видел её в более непристойном виде, когда приносил первые два кофе...

Реза взял чашку и пересел на кровать.

— Осторожно. Кофе горячий.

Она взяла чашку и начала пить, а потом пропищала совсем жалобно:

— Не говорите ничего брату. Пожалуйста.

— Нет, я скажу. Во-первых, Маат не столько любит правду, сколько гармонию. А его ложь давно перевесила мою. А, во-вторых, мы поспорили на фотосессию. Он замечательный фотограф, правда, правда... Я одену тебя египетской царицей. Вот и будет тебе причина, по которой ты не добралась до отеля. Ладно, ладно... — Реза вновь смеялся. — Это был ночной круиз за чертой города... Сусанна, в самом деле, я не та плохая компания, чтобы обо мне умалчивать. У тебя есть моя визитка. Покажешь её родителям. И вообще ты же собралась мне писать письма... Я готов помочь тебе с романом.

— Мне не нужны фотографии, — скрипела Сусанна. — Скажите Аббасу правду.

— Что за правду ты от меня требуешь! — Реза вскочил из кресла. — Он сказал, что ты не согласишься со мной спать, но ты согласилась. Вот она, правда! — и он подсел к ней на кровать. — Так будет лучше для тебя, поверь. Тогда Аббас не посмеет лезть к тебе с таким же предложением. Сама подумай — ты не умеешь говорить нет, а он не я, он не станет учить тебя жизни... Вернее станет, но немного иными методами. Он сначала трахнет тебя, а потом скажет, что хорошие девочки так не делают. И не смей отворачиваться, когда я говорю с тобой, — и он схватил Сусанну за подбородок. — Это именно то, на что ты вчера согласилась. Заниматься любовью и трахаться — абсолютно разные вещи. Я тебе в любви не признавался, как и ты мне. Ты по какой-то непонятной причине решила принять моё предложение. Кладя на стол ключ, я на сто процентов был уверен, что ты меня пошлешь. И мне нужно было услышать твоё «нет», чтобы отогнать это наваждение. Я видел, как ты дрожишь подле меня, и говорил себе — как же ты смеешь утешать ею свою юношескую мечту! Ты же сам обещал ей не пользоваться её неопытностью!

Реза убрал руку, и Сусанна опустила голову.

— Но когда ты взяла ключ и разбила образ невинной девочки, мне захотелось тебя трахнуть. Именно тебя, не свою мечту. Взять ключ, да ещё с закрытыми глазами. Согласиться лечь в постель с тем, о ком ты ровным счётом ничего не знаешь. Я шёл и думал: эта дура предлагает себя, так бери, а утром отвези в отель и забудь о ней. Пусть она получит то, что хочет.

— Я не хотела этого, честно, — Сусанна едва шевелила губами, не смея поднять на каирца глаза.

— Врёшь! — он вновь схватил её за подбородок. — И самое страшное, что ты врешь себе. Я тебе столько раз давал возможность с опозданием сказать нет. Я тебя ни разу не поцеловал, я до тебя и пальцем не дотронулся. А когда ты разделась, я схватил тебя за руки, лихорадочно соображая, как остановить эту дуру и не обидеть. Я решил закатать рукава и показать синяки, уверенный, что ты примешь меня за наркомана. И уж с наркоманом спать не захочешь! Но тебя и это не остановило. Какое счастье, что было шампанское! Я надеялся, что к утру ты поумнеешь. Интересно, поумнела ли?

Сусанна молчала — а ждали ли от неё ответа?

— Нет, её волнует только, как сохранить это в секрете от родителей! А не то, что она собралась спать неизвестно с кем! В следующий раз заранее продумай алиби!

Сусанна шмыгнула носом. Чашка в руках выстукивала дробь по блюдцу.

— Всё, хватит! — Реза забрал остатки кофе и сдёрнул с Сусанны простынь. — Иди в душ. Там есть всё, что тебе может понадобится. А платье я повесил на крючок.

— Можете дать мне полотенце? — Сусанна обхватила себя руками, чтобы спрятать грудь.

— Иди так! Ты мне уже всё вчера показала. И не закрывайся на случай, если тебе понадобится моя помощь.

О да, только вас в душе мне и не хватало, но засов Сусанна не стала задвигать, не чувствуя в ногах прежней силы. В ванной комнате действительно оказалось всё — от зубной щётки до дезодоранта. Но главное — горячая вода. Пусть умники ныряют с похмелья в прорубь, ей надо согреться после отповеди мистера Атертона. Остаётся надеяться, что ему полегчало от сознания собственной правильности. Дебил... Сейчас она действительно попросит его отвезти себя в отель и пусть валит на все четыре стороны и говорить идиоту-брату, что хочет.

Сусанна надела платье и попыталась хоть немного уложить подсушенные феном волосы.

— Не переживай о них. Дома гелем выпрямим.

Кто ему разрешал входить?

— Я никуда не поеду, — Наконец-то она сумела с первого раза отказать ему. — Отвезите меня в отель. Конечно, Паша уже ушёл, но я и не собиралась идти ни в Музей исламского искусства, ни на рынок, не помню, как его там... Я никуда не выйду из отеля, раз уж вам так важна моя безопасность.

— Я отвезу тебя в отель лишь за тем, чтобы ты взяла телефон и позвонила родителям. А я уже позвонил Аббасу, и он нас ждёт.

— Я никуда с вами больше не поеду. С меня довольно! — под конец даже выкрикнула она. Почему он отказывается её слышать? Почему?!

— Нет, ты поедешь со мной. Более того, ты останешься в моём доме до последнего дня, и я сам отвезу тебя в аэропорт.

Ей послышалось? Или он только что расписался в собственном идиотизме? Может, ему уколотся надо? Может, он так себе мозги впрыскивает?

— Я никуда с вами не еду. Наше знакомство было большой ошибкой. Но я её сейчас исправлю. Но сначала скажу вам спасибо за вашу порядочность.

Да, его надо поблагодарить. Он это любит. И, может, сейчас начнёт соображать, как нормальный человек.

— Ты меня не так поняла, — Реза теперь говорил медленно, как в самолёте. — Я не спрашиваю тебя, хочешь ли ты со мной ехать. Я говорю тебе, что ты со мной поедешь. Поняла?

— И вы меня силой потащите?

Это уже переставало быть игрой. Слишком уж непроницаемое выражение застыло на его лице.

— Нет, ты сама со мной пойдёшь, потому что уйти от меня ты не можешь.

— Почему? Я найду дорогу.

— Да потому что у тебя нет паспорта.

— Что?

Чёрт, такое ведь только в кино происходит! И в сводках криминальной хроники. Он вытащил у неё из рюкзака паспорт! Но можно ведь подбежать к полицейскому и рассказать всё. Да и в посольстве что-то могу сделать... Главное, от этого маньяка убежать. Только ноги не слушались, и она покорно позволила взять её за руку.

— Ты выронила его у меня в спальне. До сих пор не обнаружила пропажи, да? Я не стал брать его с собой, чтобы ненароком не потерять.

Сусанна сжала губы. Она должна ему верить? А у тебя есть выбор, Суслик? Или ты сейчас ему карманы проверять будешь? Мало по рукам вчера получила, видно!

— Ладно тебе на меня злиться. Я не самый лучший выбор, поверь мне...

— Аббас мне это уже сказал, когда забирал кошку.

И вот теперь Реза наконец улыбнулся.

— Так и знал, что мухлюет, засранец. Нет, всё же отцовская кровь — это отцовская кровь. Египтяне это прекрасно понимали. Но вот мать у него хорошая. И она накормит тебя вкусным супом, чтобы ты к вечеру стала человеком. Ну, хватит дуться. Я тебе должен показать росписи, чтобы ты выбрала те, что подходят к твоему роману, и я тебе их нарисую.

Даже на папирусе, если хочешь.

— Я не хочу вас утруждать, мистер Атертон, — Сусанна произносила слова с каменным лицом. Он словно позабыл, что было ночью.

— Зови меня уже Реза. Когда ты говоришь «мистер Атертон», мне хочется обернуться в поисках отца!

И он улыбнулся. Только она больше не может улыбаться в ответ.

— Реза, мне нужно в отель. Я хочу переодеться.

— Мы заедем в отель, — каирец уставился на её коленки. — Ты позвонишь родителям, соберёшь вещи, и мы поедем домой.

— Как я объясню это родителям?

— А зачем что-то объяснять? Ты ничего им не говори, только вовремя пиши, чтобы они знали, что ты жива-здорова.

Да, да... Пока жива, но психически уже не здорова. И всё же она спокойно вынесла его улыбку, когда, спрятавшись за портьеру цвета нильской воды, разговаривала по Скайпу с сестрой. Да, на шоу было здорово, а на катере ещё лучше. И вообще она впервые замечательно выпалась... И чуть не добавила — без кошмаров, потому что кошмары у неё теперь наяву.

— Ты ничего не забыла?

Сказать или собрать? Ничего. Потому что рисунки и краски он собрал сам. В длинной юбке и в подаренном арабом шарфе она чувствовала себя спокойнее. Если вообще можно чувствовать себя так рядом с Резой.

— Загрузи на дорогу следующую главу. Будем долго стоять в пробке, а ты отказываешься идти в зоопарк.

Какой зоопарк! Она и так как в зверинце. Только не поняла ещё, что за зверь перед ней: то ли лев, то ли обезьяна? Нет, змея... И жалит эта змея очень больно.

Глава 22

«С крыши открывался прекрасный вид на царский дворец, но Нен-Нуфер зажмурилась не от сотен огней, а от поступивших слёз. Сети отправился во дворец, пока служанки знакомили её с небольшим, но приятным домом — больше всего ей понравился пруд, подле которого бродило множество кошек. Там она и просидела до возвращения хозяина, и на крыше появилась босая, но в чистом белом одеянии, омытая и умащённая маслами, с аккуратными уложенными на обе стороны волосами и приглаженной чёлкой, только без украшений. Они нынче ни к чему. А вот завтра она во всей красе встретит свою воспитанницу, будущую мать наследника.

Нен-Нуфер в ожидании приглашения склонила перед хозяином голову, но тот не заметил её появление. Он сидел в кресле с закрытыми глазами, держа пальцы в чаше с ароматизированной водой. Сети выглядел усталым, но не расстроенным. Фараон ничего не сказал брату о пророчестве, да и из дворцового сада долетали звуки музыки. Его Святейшество стойко вынес известие и понесёт тайну через новый брак до самого рождения сына. И она должна прятать от всех слёзы.

По ногам Нен-Нуфер скользнула серая кошка и запрыгнула на колени к хозяину. Сети вздрогнул и вынул руки из воды.

— Прости, я давно не сидел в тишине и, похоже, задремал. Завтра здесь снова будет

шумно. Асенат следовало родиться мальчиком. Молю Хатор, чтобы ты сумела поделиться с ней хоть толикой своей женственности.

Сети сделал приглашающий жест и, когда Нен-Нуфер медленно подошла к столику и опустилась на циновку, подобрав под себя ноги, недоуменно глянул на пустое кресло.

— Время ужина давно утекло, — усталый голос утратил утреннюю резкость. — И все же я прошу тебя разделить со мной эту скромную трапезу.

Он указал рукой на стоящие на маленьком столике глиняные миски с оливками, виноградом, сдобренным маслом латуком и пирогом.

— Я не ожидала, что мы станем ужинать вместе, — Нен-Нуфер склонила перед хозяином голову, — и потому взяла на кухне немного еды.

Губы Сети тронула лёгкая улыбка.

— Я действительно заставил тебя ждать непростительно долго. Надо было отдать распоряжение об ужине.

— Мне достаточно хлеба и фиников... Я ведь всю жизнь жила с храмовыми прислужниками. Так что не стоит излишне беспокоиться обо мне, благородный Сети.

Возница фараона улыбнулся.

— Я беспокоюсь о Хатор, чтобы она не подумала, что я ставлю личные нужды выше нужд её жриц. А завтра принесу кокосовый орех в честь Маат, чтобы спасти в доме мир. Это любимое лакомство Асенат. Она будет зла с дороги. Придётся её задабривать, как любую женщину, — Сети улыбнулся и протянул гостье фиал с изображением лотоса, и когда та подняла ладонь в знак отказа, добавил: — Это гранатовое вино. Мы часто жертвуем его Великому Пта. Ты должна любить сей божественный напиток.

— Я никогда не пила его, мой господин. Но нынче уже выпила достаточно воды.

Сети опустил фиал обратно на столик.

— Я пытаюсь сыскать покровительство Хатор царскими кушаньями, а получается, если я даже забуду про тебя, мои слуги всяко лучше позаботятся о тебе, чем жрецы!

— Не говори так, мой господин! — воскликнула Нен-Нуфер, страшась вызвать гнев Великой Богини, ещё больший, чем уже постиг этот гостеприимный дом. — Тебе, думаю, известно, как скромна Амени в еде...

— Старик может морить себя голодом сколь угодно! Но у меня невольницы едят лучше, чем в храме будущие жрицы! Пересядь в кресло и возьми хотя бы кусок пирога. Он со стола энсеби. Латук с маслом можешь оставить. Он тебе ни к чему! Впрочем, надеюсь, он вскорости исчезнет и с царской кухни! — добавил Сети зло, когда Нен-Нуфер села напротив него и положила на ладонь кусок пирога с мясом. Только вкуса не почувствовала, потому что через уши в рот проникла горечь хозяйских слов. Латук, видно, ела несчастная Никотриса, тайно надеясь излечиться от бесплодия.

Сети поднял свой фиал, но прежде чем пригубить вина, провозгласил:

— Жизнь, здоровье, могущество! В милости Амона-Ра, царя богов! Я молю Ра и всех богов и богинь нашего сладостного края, чтобы они ниспослали тебе здоровье!

Ночь подарила желанную прохладу, потому что хозяин отослал прочь прислужников с опахалами, и они остались на крыше одни. Нен-Нуфер осторожно оторвала несколько виноградин и одну за другой положила в рот.

— Налить тебе воды? Пирог слишком жирный.

— Я возьму вина. Раз его прислал сам энсеби.

Она улыбнулась, и Сети вновь протянул ей фиал с лотосом.

— Скажи, отчего я никогда не видел тебя в храме? Я бы непременно запомнил твои волосы.

— Видел, мой господин. Только на мне был парик, — Нен-Нуфер виновато откинула за спину светлые волосы. — Жена Амени советовала сбрить волосы и постоянно носить парик, чтобы меня не принимали за невольницу.

— И почему ты не сделала этого?

Нен-Нуфер пожала плечами.

— Я не покидаю храма, где меня все знают. Но если Тирия велит сбрить, я сделаю это.

— Не покидаешь храма...

Нен-Нуфер вспыхнула.

— Только чтобы принести дары твоему отцу. У Реки я оказалась случайно, и Великая Хатор наказала меня...

— И заодно Кекемура, — улыбнулся Сети.

— О, нет, мой господин! Несчастливого Кекемура покарали ваши нерадивые начальники.

— Только не смей говорить подобное энсеби...

— Так он уже знает об этом.

— Знает, но как он может сделать достойных людей начальниками, коли те отказываются служить?

На губах Сети вновь застыла улыбка.

— Кекемур отказался из-за меня, мой господин. Иногда гордость затмевает разум. Дайте ему время забыть про заступничество женщины.

Сети поставил чашу с водой на середину стола, чтобы Нен-Нуфер могла ополоснуть руки.

— Чувствую, что не усну сегодня, — вздохнул Сети. — Я не видел Асенат целый год и волнуюсь, как влюблённый юнец.

— Как любящий отец, — поправила его Нен-Нуфер, и Сети вновь улыбнулся и покрутил на столе горшок с оливками, а потом поднял и протянул госте.

— Я сыта, благодарю тебя.

— Погляди на него внимательно. Видишь иероглифы? — Нен-Нуфер кивнула, Сети продолжал: — Живя на женской половине, мы с моим царственным братом любили обмениваться подобными записками О, как мы хохотали, когда матери пытались понять, что мы скрываем от остальных детей.

— И что здесь написано? Если только я имею право знать, — поспешила добавить Нен-Нуфер.

— Нет, нет, — замахал рукой Сети. — Это не рука энсеби, это Асенат написала мне записку, когда ей было семь лет. Догадайся, что это значит.

— Дом, сокол и солнце? — Сети кивнул. — Дом и есть дом, а сокол — это Его Святейшество, а вот солнце — прости, я теряюсь...

— Утро. Солнце — это утро. Асенат тогда упростила энсеби поучить её стрелять из лука. Он оставил и чати, и молодую жену и полдня бегали по камышам с моим сорванцом. И потом Асенат не в силах оказалась добежать до дома. Энсеби вспомнил про наши горшки и заставил её нацарапать вот это, — Сети покачал головой. — Мне стыдно, но за четыре года она не особо далеко ушла от этих каракуль. Тебе потребуется немало терпения на неё.

— У меня довольно терпения, мой господин. Ты и Его Святейшество могут быть покойны.

Сети убрал со стола таз с водой.

— Сыграешь со мной в сенет?

Нен-Нуфер кивнула, и Сети хлопнул в ладоши и велел появившемуся прислужнику принести игру.

— Я хотела попросить у тебя флейту, — поклонилась Нен-Нуфер.

— Бери любую в комнате Асенат. Моя дочь лишь сшибает ими камыши.

Слуга вновь появился бесшумно и, положив на циновку деревянную коробочку, удалился. Сети жестом пригласил гостью перейти из кресел на пол. Затем молча выдвинул ящичек, высыпал на циновку деревянные конусы с катушками и стал расставлять по обе стороны поля. Кошка вернулась и начала тереться о бок девушки.

— Гляди, служительница великой Бастет сразу признала в тебе воспитанницу храма мудрого мужа своей госпожи. Обычно она чурается гостей.

Нен-Нуфер улыбнулась и погладила кошку.

— Мы познакомились у пруда, мой господин, так что я уже не незнакомая.

— Она может не узнать мою дочь, потому что до их отъезда была крохотным котёнком.

— Почему Асенат не живёт в Мемфисе, если мне дозволено будет спросить?

— Я отослал семью, как только энсеби решил жениться на моей дочери. Не пристало видеть царицу в том виде, в каком она носилась по дворцу. Не смей отпускать её во дворец, сколько бы она ни просила тебя. Если потребуется, я к вам стражу приставлю, — Сети улыбался, но что-то подсказывало Нен-Нуфер, что тот не шутит. — Она должна научиться быть женщиной, чтобы энсеби перестал видеть в ней глупого ребёнка.

— Быть может, мне стоило поехать к ним?

— Нет. Как только Амени даст согласие на их брак, я отдам энсеби дочь. А ты останешься при ней, куда мы не посчитаем, что она знает довольно для царицы. Ведь ты не последняя жрица Хатор, и Тирия должна понимать, что здесь ты нужнее, чем в Фивах.

Нен-Нуфер поклонилась и не стала говорить, что даже не представлена великой жрице Хатор. Она осторожно приняла из рук Сети палочки, боясь ненароком коснуться его пальцев — пусть он пустил её в свой дом, но остаётся неприкосновенным, как любой из детей фараона. Как и царевич Райя, которого она не должна была касаться... Воспоминания в миг нагнали слёзы, и она как сделала с опущенными глазами первый бросок, так и просидела неподвижно, сосредоточенно глядя на квадраты, пытаясь обдумывать каждый свой ход и не вспоминать царевича.

— Ты слишком молчалива для воспитанницы жрецов Великого Пта, — нарушил тишину Сети, — ведь бог учит нас, что прежде всего было слово.

Нен-Нуфер подняла на хозяина просохшие глаза:

— Жрицы не должны болтать без дела. Но я могу сказать, отчего я выиграла, а ты проиграл.

Сети уставился на доску.

— Тебе следовало поставить на клетку „нефер“.

Сети молча стряхнул на циновку фишки и раскрыл ящичек.

— Я знаю. Просто по-привычке поддался. Не играй с Асенат в полную силу. Она плачет, когда проигрывает.

Нен-Нуфер кивнула.

— Маат не одобряет притворства. Я научу Асенат выигрывать.

— Научи мою дочь быть женщиной. Это всяко важнее в общении с энсеби, чем игра в сенет.

Нен-Нуфер стойко выдержала взгляд Сети.

— Ты взял в свой дом жрицу Хатор, а не жрицу Бастет.

— О нет, я взял правильную жрицу. Служительницы Бастет увлекают нас телом, а шелка и краска сделают красивой любую. Да и не так много нужно нам, чтобы возжелать женщину. Но перед служительницами Хатор мы благоговеем и даже в мечтах страшимся возжелать ваши тела, хотя чего скрывать, глядя на ваши танцы, мы порой забываем, что пришли в храм.

Нен-Нуфер не опускала глаз, чувствуя, как фигурка Исиды врезалась в согретую вином грудь. А у Сети, возможно, то был далеко не первый фиал.

— Энсеби должен благоговеть перед моей дочерью, потому что телом ей тяжело будет соперничать с многочисленными наложницами и той же Никотрисой, которая будет стараться своей красотой удержать внимание повелителя.

— Я научу её писать, играть на флейте и танцевать. Это то, что в моих силах. Остальное, если на то будет воля Великой Хатор.

Сети вдруг протянул к ней руки, и Нен-Нуфер удивлённо уставилась на них.

— Позволь мне прикоснуться к тебе. Здесь много ушей, но нет глаз.

Его руки были совсем рядом, и чтобы он не коснулся груди, Нен-Нуфер поспешила вложить в его пальцы свои, и он крепко сжал их и притянул её к себе так близко, что почти коснулся губ.

— Ты умеешь хранить тайны, я знаю, — прошептал Сети, обдав её горячим дыханием, только жар вошёл в её тело холодом, заставив задрожать с головы до ног. — Я благодарю тебя за колесницу. Мой брат не умеет править лошадьми. Он вымещает на них свой гнев, и они это чувствуют.

— Это я была виновата, — пролепетала в испуге Нен-Нуфер. — Я сама бросилась под его колесницу.

— Нет. Всегда виноват возница. И всегда виноват мужчина, когда женщина забывает, что ей должно делать.

Сети отпустил её и хлопнул в ладоши. Нен-Нуфер не шелохнулась до появления слуг, забравших коробочку с сенетом и столик с оставшейся едой. Сети известно об их поцелуе. Быть может, не столько Асенат, сколько ей самой не велено появляться во дворце, где она может столкнуться с царевичем Райей. О, Великая Хатор, помоги маленькой Асенат в учении и забери верную тебе Нен-Нуфер в Фивы, подальше от всех соблазнов, которые несёт на эту тихую крышу дворцовая музыка.

— Я не хочу, чтобы энсеби знал, что Асенат в городе. Он тут же пожелает видеть племянницу. Я не знаю, насколько изменилась за год моя девочка, но, как я уже сказал, мне хочется, чтобы её детский образ полностью изгладился из его памяти. Ты должна следить за ней очень внимательно. Она изворотлива, как мальчишка.

Нен-Нуфер поклонилась, прижав к груди руку, и Сети продолжал:

— Ты верно устала, и я более не стану докучать тебе своим обществом. Позволь проводить тебя вниз.

Сети хлопнул в ладоши и, когда появившийся на крыше слуга погасил светильники, уверенно направился к лестнице, не подав гостье руки. Но Нен-Нуфер готова была оступиться в потёмках, только бы не чувствовать его рядом. Они спустились на второй этаж и замерли подле приготовленной для неё комнаты, напрямую соединявшейся со спальней Асенат. Тростниковую занавеску уже опустили, и только один светильник горел подле кровати. При их появлении молодая невольница поднялась с циновки и поклонилась сначала хозяину, затем гостье.

— Алоли будет прислуживать и тебе, и Асенат, — Сети на мгновение замолчал. — Скорее всего я не составлю тебе компании за завтраком, но ужинать мы будем уже троём.

Он улыбнулся, но не ей, а образу дочери, который нарисовало ему воображение. В комнате повисла неловкая тишина. Алоли не смела подойти к Нен-Нуфер, пока хозяин оставался рядом, а тот слишком уж долго смотрел в темноту и молчал, а потом в раз спохватился и, не простившись, бегом спустился в нижний этаж. Тогда Алоли раздела гостью, и когда та скользнула под лёгкие простыни, бесшумно удалилась.

Нен-Нуфер сжала фигурку Исиды и начала жарко молиться, прося Великую Хатор уберечь её от встречи с царевичем. Сети постарается сохранить тайну её присутствия в своём доме не только от Его Святейшества, но и от младшего брата. Неужто их встреча так же томит царевича, как и её — иначе чего Сети тревожиться о её верности Богини? О, как же коварна Бастет — она закрывает глаза одним и открывает другим, но ни словом, ни жестом Нен-Нуфер не позволит Сети усомниться в верности избранного ею жреческого пути.

Утром после лёгкого завтрака, который служанка вынесла ей к пруду, где она сушила волосы после утренней ванны, Нен-Нуфер заглянула в соседнюю спальню, где всё было готово принять юную хозяйку. Кровать застелили свежими простынями, на крышке сундука лежали новые платья, а на столике — зеркало, которое держала кошкоголовая богиня любви, и она же венчала ящичек с краской и притираниями. Во втором сундуке, среди камушков и тростниковых лодочек, Нен-Нуфер отыскала флейту и вернулась с ней к пруду с лотосами. Здесь под навесом стояла скамейка, и сюда она планировала приходить с юной ученицей.

Время обеда наступило раньше, чем она проголодалась, и Нен-Нуфер попросила принести ей лишь финики. Здесь вдали от любопытных глаз она сумела внимательнее рассмотреть колени: кожа оставалась розовой, но перестала быть скользкой. Теперь она не осквернит Богиню своим танцем, а ей стоит вспомнить его прежде, чем она возьмётся за обучение будущей царицы.

Нен-Нуфер разулась и, подтянув повыше колен платье, начала танцевать. Без цимбал трудно было сохранять ритм, но она старалась так, будто за ней следили глаза Его Святейшества. И в конце танца вдруг поняла, что за ней действительно следят, и вовсе не кошки. Только Сети, встретившись с ней на мгновение взглядом, молча направился в дом и вышел из него, лишь когда привратник поспешил к воротам. Нен-Нуфер трясущимися руками сцепляла ремни на сандалиях и просила у Хатор прощения за танец, и потом осталась в саду до вечера — пусть встреча с дочерью затмит в памяти Сети воспоминания об её танце прежде, чем они вновь останутся наедине.

И вот в распахнутые ворота въехала колесница, и с неё, когда возница ещё не остановил лошадей, спрыгнул высокий худой мальчишка. Нен-Нуфер подошла ближе и лишь тогда увидела на его груди небольшие бугорки, но талии у Асенат почти не было, и длинные худые ноги, торчащие из короткой юбки, всё ещё походили на две тростинки. С трудом верилось, что в её теле зародилась женская сила, но ведь не зря же эту девочку приготовили для ложа фараона.

Асенат стрелой бросилась к дому и обезьянкой повисла на отцовской шее. Сети попытался отцепить её, но не тут-то было — пришлось с долгожданной ношей прошествовать в зал. А Нен-Нуфер вернулась в тень беседки и доела финики. Не стоит мешать встрече отца с дочерью. Она останется здесь, пока её не призовут. Краска в тени не потекла, и тело не нуждалось в купании, да и ванна сейчас отдана Асенат, если девочка, конечно, променяет тёплые отцовские объятия на прохладную воду.

Однако долго гладить кошку не пришлось. За ней явился слуга и пригласил подняться на крышу. Солнце ещё красило вершины Великих Пирамид, но здесь уже горели светильники. Две прислужницы держали над креслами опахала, но в кресле сидел лишь хозяин дома. Асенат в чистой короткой юбочке стояла коленками на циновке, придавливая подбородком ногу отца. Волосы её едва прикрывали уши — видно, отращивать их стали совсем недавно. Асенат подняла на гостью глаза, но не отлипла от отца.

Сети представил Нен-Нуфер как жрицу Хатор, но без злого умысла, он только пытался сыскать ей авторитет у дочери. Та сначала никак не отреагировала на знакомство, но когда Нен-Нуфер села в кресло подле Сети, девочка протянула руку к блюду, стоящему рядом на циновке, взяла белый ломтик и всё так же молча опустила его на колени гостыи. Сети незаметно кивнул, и Нен-Нуфер поспешила принять предложенное, догадавшись, что это и есть кокос. Морщинка, которая залегла между ровных тёмных бровей девочки, говорила о том, что отец вынудил дочь поделиться любимым лакомством. Нен-Нуфер попыталась улыбнуться, как можно мягче, но не снискала ответной улыбки, зато почувствовала на себе пристальный взгляд Сети и теперь гадала, о чём думает хозяин дома, о её ли танце или же о неприветливости дочери.

В руках Нен-Нуфер незаметно появился полный фиал, и она увидела, что Сети наклонился, чтобы протянуть дочери такой же. Третье кресло оставалось пустым — видимо дочь не желала есть по-взрослому. Тяжело ей придётся с упрямой ученицей, но она исполнит всё, что велит фараон и Великая Хатор.

— ... да живёт он вечно.

Нен-Нуфер вздрогнула и повторила за Сети „Да живёт он вечно“, поняв, что пропустила приглашение испить вина за здоровье Его Святейшества. Вино в этот раз показалось более терпким — его не следовало пить на голодный желудок, но Сети ведь не знал, что она пропустила обед. На этот раз на столике были только лепёшки и мясо. Должно быть, прошедшей ночью фараон осознал всю тяжесть предсказания, и потому нынешняя трапеза его была скромна, а, может, он вообще ничего не ел сегодня. Как и Сети, который уткнулся в фиал и не сводил глаз с дочери.

Неужели Божественный брат раскрылся перед ним. Нет, нет... Сети просто увидел, что дочери ещё далеко до взрослой женщины, и чрево её неспособно принять семя фараона, чтобы подарить Кемету наследника. Асенат опустошала блюдо с орехом и не притрагивалась к остальной еде, сколько бы отец ни протягивал ей кусков мяса и лепёшек.

— Тогда ешь ты!

Сети чуть ли не ткнул лепёшкой в рот Нен-Нуфер, и та еле успела подставить руки.

— Прости меня, — Сети раскрошил мясо и ссыпал его со своей лепёшки в лепёшку Нен-Нуфер.

— Всё хорошо, — улыбнулась та и поймала ответную улыбку.

Завтра, когда Сети уйдёт во дворец, она сможет подступиться к девочке. Она не станет первое время мучить её уроками, а попытается просто подружиться. Но утра ждать не пришлось. Лишь только Алоли удалилась, погасив подле кровати Нен-Нуфер светильник, занавеска, разделяющая спальни, приподнялась и Асенат молча запрыгнула к ней на кровать и принялась стягивать одеяло.

— Я буду спать с тобой, — сказала девочка твёрдо и прижалась горячим бедром к обнажённому телу Нен-Нуфер. — Только не говори отцу, что я боюсь оставаться одна.

Она отвернулась и минуту лежала молча.

— Вы в храме просыпаетесь рано, да? — спросила Асенат, оставаясь к Нен-Нуфер спиной, и не дожидаясь ответа, выдала приказ: — Ты разбудишь меня, когда начнёт светать, и я уйду к себе, потому что Алоли точно доложит отцу. Слуги всё ему докладывают. Знай это.

Нен-Нуфер не была уверена, что ей нужно что-то отвечать, но всё же решила, что молчание не лучшее начало дружбы.

— А мне нечего скрывать от твоего отца, как и тебе. В страхе нет ничего дурного.

— Есть, — Асенат оставалась к ней спиной. — Боятся только дети, а я уже не ребёнок, потому отец и запретил Алоли оставаться со мной, а раньше она спала на циновке подле моей кровати. Он сказал, что во дворце мне придётся спать одной, потому что никому нельзя оставаться в спальне царицы, ведь энсеби может прийти, когда ему вздумается.

Нен-Нуфер осторожно тронула девочку за плечо:

— Хочешь, я посплю на циновке подле твоей кровати и утром уйду к себе? Тогда тебе не нужно будет просыпаться.

Асенат резко повернулась к ней и, оказавшись носом между её грудями, тут же отпрянула.

— Жрица не может спать на циновке.

— Может, — улыбнулась в темноте Нен-Нуфер. — Если она охраняет сон царицы.

Асенат соскользнула с кровати, и Нен-Нуфер последовала за ней, захватив простыню, чтобы укрыться. Уставшая с дороги девочка уснула мгновенно, а она ещё долго лежала, глядя в тёмный потолок, стараясь не думать о предсказании. Теперь от фараона её отделял лишь сад, и его тайна стала ещё ближе, и всё же, проведя полночи в молитвах, Нен-Нуфер проснулась до первых лучей Амона. Асенат натянула простынь на голову, и её голые длинные ноги свешивались с кровати. Нен-Нуфер осторожно подняла их и прикрыла своей простыней. А потом, надев вчерашнее платье, бесшумно выскочила из спальни и, убедившись, что в доме ещё все спят, поднялась на крышу.

Фараон же давно проснулся и сейчас держит в руках написанный её рукой свиток, чтобы прочитать с него гимн Осирису. Только Нен-Нуфер напрасно всматривалась в просветы между пальцами — как бы близок ни был дом Сети к царскому, невозможно было увидеть на крыше коленопреклоненную фигуру Его Святейшества. Она обратила лицо к восходящему солнцу и принялась читать гимн, стараясь, чтобы с её губ не сорвалось ни единого звука — лишь голос Божественного правителя должен был улаждать сейчас слух Богов. Закончив читать гимн, Нен-Нуфер сложила на груди руки и обернулась к лестнице.

— Скажи только, что я не потревожил тебя.

Сети без краски выглядел моложе и мягче. На руках его не было даже браслетов. Он прямо с кровати поднялся на крышу.

— Ты не потревожил меня, мой господин.

Сети тряхнул бритой головой и хотел было спуститься вниз, но потом вернул взгляд на Нен-Нуфер:

— Я зашёл взглянуть на Асенат, потому что останусь сегодня на всю ночь во дворце, а может и завтра тоже. Мне кажется, я только стану вам мешать. Послушай... — Сети на мгновение опустил голову и прошептал: — Я не заходил к тебе специально. Я случайно ошибся дверью и обнаружил твою постель пустой. Скажи, отчего ты поднялась с рассветом? Тебе неуютно в моём доме?

Сети действительно выглядел взволнованным.

— Я привыкла вставать на рассвете, благородный Сети. Не тревожься ни обо мне, ни о своей дочери. Ступай с миром!

— А ты оставайся с миром! — поклонился Сети и покинул крышу.

Нен-Нуфер опустилась в кресло и не двинулась с места, пока в утренней тишине продолжали слышаться шаги и голос хозяина дома, отдающего приказания слуге. Но когда скрипнули ворота, Нен-Нуфер подошла к краю, чтобы видеть, как быстрым шагом возница фараона прошёл пустую аллею и углубился в царский сад, где его прикрытая платком голова быстро затерялась среди раскидистых финиковых пальм.

— Ступай с миром, — повторила Нен-Нуфер и смахнула со щеки непрошенную слезу...»

— Можешь продолжать читать, — сказал Реза, когда понял, что сигналить бесполезно.

Он откинулся на подголовник и прикрыл глаза от яркого солнца. Сусанна перевела взгляд на трапецию из машин, пытаясь понять, как те сумели выстроиться в такую замечательную геометрическую фигуру.

— Если слишком шумно, я подниму крышу.

Сусанна поправила козырёк кепки и убрала руку, которой защищала экран планшета от солнца.

— Я вам всё прочитала.

— Возьми мой телефон и загрузи продолжение. Видишь же, что мы тут весь роман сможем дочитать!

Реза от злости шархнул ладонью по клаксону, прекрасно понимая бесполезность авто-музыки.

— А мы его уже дочитали. У меня больше ничего не написано.

— Тогда расскажи, что было дальше.

Реза, кажется, начинал терять последнее оставшееся у него в пробке терпение. Как бы нормально объяснить ему суть творческого процесса...

— Я не знаю ещё, что было дальше, поэтому и не пишу продолжение.

Солнцезащитные очки Реза поднял на лоб, потому Сусанна прекрасно прочитала в его глазах то ли удивление, то ли насмешку.

— И ты ждёшь, что тебе кто-то скажет, что было дальше?

— Нет. Конечно же, нет! Я сама всё придумаю и допишу. Я же приехала в Египет за вдохновением...

Суслик, слова выбирай... После нынешней ночи! Мистер Атертон ведь сейчас от смеха

в осла врежется!

— И получила вдохновение?

Сусанна сжала губы и выдала:

— Пока нет...

— Ну, что ж... Пошли за вдохновением в зоопарк, пока не сожгли весь бак.

Ну, пошли... Это ведь не вопрос, это утверждение... Может, он сам в зоопарк хочет, а детей нет, чтобы прикрыть ими своё желание. Пусть поиграет в папочку. Уж лучше пусть играет в папочку...

Глава 23

— Вот скажи, зачем ты привела к реке Кекемура? Сожрал бы твою героиню крокодил, и тебе бы мучиться не пришлось.

Сусанна отвела взгляд от крокодила, который так сильно прижался к стеклу, будто и в правду желал расплющить морду, и порадовалась, что на ней солнцезащитные очки. Головная боль спустилась к бровям и мучительно давила на веки, но взгляд каирца резал глаза намного сильнее. Зачем только она впустила его в свой тайный мир? А ты и не выпускала... Он же ногой вышиб туда дверь! Да нет же, это в реальный, а про роман я сама рассказала, открыв ему новый простор для издевательств!

— Убивать героев надо вовремя, чтобы потом герои не убили автора.

Мистер Атертон тут решил любительскую лекцию по теории литературы прочесть? Или так неумело делится скромными познаниями о творчестве Джорджа Мартина? Или ему просто надоело молчать? А ей уже надоело пялиться на это чешуйчатое животное — в Питере крокодила и в лохани можно нормально рассмотреть.

— Я вообще не собираюсь убивать Нен-Нуфер, — ответила с опозданием Сусанна, протискиваясь через толпу детей, бросавших охапки травы в огромную пасть бегемота.

— А что ты собираешься тогда с ней делать? Отправить жрицей в Фивы? Слишком банально для романа.

Кажется, уже ответила — не знаю. Чего прицепился?!

— Я знаю, почему ты не можешь дальше писать, — выдал Реза, когда Сусанна, промолчав весь путь до очередного вольера, взяла у прислужника палочку, на конец которой тот наколол прессованные листья, и просунула сквозь ограду оленятам.

Пусть мелет языком! Пусть... И лучше на него не смотреть. Быстрее заткнётся.

— Потому что ты впустила в роман героев, о поведении которых не имеешь никакого представления.

Сусанна протянула служителю палку, но тот не забрал её, а наколол новой травы. Дед, видимо, заскучал в одиночестве и решил не отпускать случайную посетительницу так скоро. Она вновь протянула животным еду и спросила, не поворачивая головы к Резе.

— Каких именно героев?

Может, что интересное скажет, ведь она и вправду застопорилась, а дашь почитать сестре — та высмеет её куда менее тактично, чем мистер Атертон. Этот только к содержанию может придраться, а сестра и к русскому языку. Хотя следует отдать мистеру Атертону должное — выдержать кондовый перевод Гугла, да ещё в её озвучке!

— Взрослых мужчин. Ты о современных ничего не знаешь, а пытаешься писать о тех, кто жил и чувствовал несколько тысяч лет назад.

— Да, верно. Не знаю.

Спасибо тёмным стёклам — можно смотреть ему прямо в лицо, хотя жаль, конечно, что он до сих пор не опустил очки со лба на глаза — взгляд у него нынче слишком страшный. Да он после ночи весь страшный! И лучше ниже лица вообще взгляд не опускать!

— Ну так надо для начала узнать современных, а потом только браться писать о древних.

Я, кажется, именно этим последние четыре дня и занимаюсь. Только вам нет места в моём романе. У меня все герои положительные! А вам либо монстра, либо сумасшедшего играть! И всё же интересно, что вы сами о себе мните, мистер Атертон?

— Реза, можешь не отвечать и всё же... С кем из героев ты себя ассоциируешь?

Сусанна сжала губы и порадовалась, что по-английски она всё же не совсем ему тыкает. Хотя, конечно, обращение «мистер Атертон» сохранило бы между ними большую дистанцию... Впрочем, эта ночь смела все границы, и пусть он сейчас даже за руку её не держит, но она продолжает чувствовать на груди его руки так же, как на губах — горький привкус кофе.

— С фараоном Тети, — ответил каирец, не задумываясь. Да кто б сомневался! Чего она вообще спросила-то! — Потому что он до сих пор не появился перед читателями, и ты не вложила в его уста свои глупости.

Какие ещё глупости? Чем Сети-то его не устроил? Неужто любовь к дочери вышла неправдоподобной?

— Водитель действительно виноват даже в том случае, когда пешеход бросается ему под колёса. Так прописано в законе. Но мужчина не виноват в поведении женщины. Об этом говорит здравый смысл. Мужчина делает то, что от него ждёт женщина.

Ох, ну да, конечно... Как же она не подумала о том, что мистер Атертон ещё не перевёл на неё все стрелки за вчерашнее. Она не просила класть на стол ключ. И взяла его случайно. Но он же даже себе не признается, что вёл себя, как свинья! Так что лучше смолчать и кивнуть. И как-то прожить эти три дня. Вернее, два с половиной... Господи, скорей бы уже посадку объявили! Или лучше пусть уже прозвенит звонок на первый урок! И плевать, что это урок химии. Главное, сейчас не покраснеть, как лакмусовая бумажка, хотя во рту до жути кисло. Чтоб она ещё хоть раз взяла в руки бокал с шампанским!

— Вспомни изгнание Адама и Евы из рая...

Давайте, что ли, по всей Библии пройдемся и плавно на Коран перейдем, которого она в глаза не видела, а то что останавливаться на Книге Мёртвых как-то не комильфо! У них там, кажется, в древности равноправие было и уважение к женщине, но мистеру Атертону явно больше по душе арабский мир...

Сусанна поправила на плечах платок.

— Тебе холодно?

Да, её действительно знобило, и она бы с радостью съела обещанный суп, только они уже час торчат в зоопарке Гизы и никуда не двигаются. Может, ему всласть наблюдать за сборищем детей и верблюдов, которые чуть ли не вынимают из пасти друг друга траву, а ей хочется рычать, как голодной львице... Нет, не как львице... Львицы же сами охотятся, чтобы своих самцов прокормить... Мистер Атертон, пойдёте уже отсюда, а? Я и очки могу снять, чтобы вы по глазам читали, что хочет от вас женщина.

И Реза действительно глянул в телефон.

— Пробка чуть рассосалась.

До машины бодрым шагом четверть часа, но бодрый шаг с её похмельем не совместим, и с жаждой — тоже. Только она ничего у него не попросит. Больше ничего не попросит, чтобы этот змей не подсунул запретный плод. Но он подсунул, остановившись у фруктового развала.

— Будешь апельсин или тангерин?

Ещё бы знать, что предлагают! К счастью, Реза ткнул пальцем в новый фрукт — похож на апельсин, только немного вытянут, будто груша.

— Тангерин.

Плод оказался безопасным и способным утолить одновременно и любопытство, и жажду, а может даже удастся убрать изо рта надоевшую горечь. Очищенным тангерин оказался округлым, что и его привычный собрат, только кожа сходилась легче, прямо как у мандарина, и во вкусе присутствовали знакомые мандаринные нотки. Ещё бы не был таким сочным! Сусанна сначала пыталась сдержать сок языком, но, отчаявшись, потянулась за краем шарфа. Однако пальцы Резы оказались проворнее. А теперь что, о брюки будете вытирать? Нет, о следующий фрукт.

— Я больше не хочу.

Вернее не хочу ваших пальцев, мистер Атертон!

— А я для себя чищу. У меня не было во рту даже круассана.

Вы сами виноваты и в этой ночи, и в этом утре! Себя бы сначала воспитывали, а потом уж за чужого ребёнка брались! Что же она изначально сделала неправильно, что он посчитал, что с ней можно распускать руки? Да ничего ты не сделала, Суслик. Успокойся! Просто родилась похожей на какую-то дуру! Нет, вовсе не на дуру. Она, кажется, сумела послать его в шестнадцать лет, вот он до сих пор и кипит. А ты сразу согласилась. Будто тебе это нужно! А, может, и нужно было... А то в любви что-то никто не признаётся. Да и без стихов никуда не зовёт. А он-то своей девице небось Шекспира читал или кто у них ещё там есть... Байрона вот... Ага, может, и Бодлера с Верленом, забыла про французскую бабушку? Может, и эта девка была француженкой. У них любят носить каре...

Сусанна поправила кепку, пытаясь запихнуть под козырёк чёлку. Бесполезно! Всё бесполезно... И всё же, сев в машину, она украдкой вытерла липкие руки о шарф. Спасибо тряпочка, а то бы меня кремом намазали, а я не переживу, если он прикоснётся ко мне хоть один ещё раз!

— Ну, ничего не придумала?

Это мистер Атертон что, снова про роман спрашивает? Его что, заклинило?

— Дайте телефон!

— Значит, всё же есть продолжение, и ты просто подогревала мой интерес?

Ничего я в вас не подогреваю! Кастрюля несчастная! Зацикленный на себе идиот!

— Я купила путёвку, когда застопорилась на середине главы.

Она почти правду сказала. На самом деле сестра заявила: раз ты, Суслик, не можешь вылезти из своего виртуального Египта, я засуну тебя с головой в реальный. Знала бы она, как глубоко сестрёнка в итоге занырнула... Блин... Я люблю Древний Египет! Но вот заберите меня из современного и унесите подальше от противных египетских мужиков!

Сусанна вводила пароль, едва попадая трясущимися пальцами по виртуальной клавиатуре. Наконец огрызок текста вывелся на экран, и она скопировала его в переводчик.

«Сети действительно отсутствовал две ночи, а потом забежал днём на минуту и снова исчез. Асенат не проявляла особого рвения в учёбе, но и не противилась, понимая, что это не

столько отцовское желание лишней раз помучить её, сколько приказ энсеби. Девочка осознала, что детство её неожиданно закончилось, и у неё появились обязанности, как у царицы, но при этом Асенат ни разу не заговорила с Нен-Нуфер о фараоне. Девочка пыталась играть на флейте, но уже через четверть часа рисовала ей в пыли изображение сокола.

Нынче Нен-Нуфер пыталась научить её ходить медленно и плавно, будто в танце, избрав местом занятия скользкую плитку вокруг пруда. После пятого круга Асенат замерла на самом краю и устала на скрытый пальмами царский дворец. Нен-Нуфер понимала, что Асенат тоскует не по царственному дяде, своему будущему супругу, а по отцу. Она ждала его целый год, а он не пробыл с ней даже одного полного дня. И Нен-Нуфер решила, что когда Сети придёт в следующий раз, она непременно попросит его остаться на ночь дома.

Сети оставил им немало чистых свитков, и Нен-Нуфер лишь в первые дни просила Асенат писать на глиняной доске. Сейчас они часами сидели под навесом. Нен-Нуфер придерживала края папируса, расплавленного на коленях девочки, и Асенат старалась повторить написанные для неё иероглифы, но кисточка дрожала в её руке, не желая слушаться.

— Начинай снова, — успокаивала ученицу Нен-Нуфер.

И вот однажды после этой фразы Асенат вскочила, и Нен-Нуфер с трудом сумела удержать в руках папирус. Вот и первая вспышка гнева будущей царицы! Но нет, это Асенат метнулась к отцу и вновь обезьянкой повисла на его шее, скрестив длинные ноги за обнажённой спиной. Сети виновато улыбнулся Нен-Нуфер и, запечатлев на лбу дочери лёгкий поцелуй, поставил её на землю и за руку повёл обратно под навес, говоря, что желает взглянуть на её успехи. И голос его ещё не стих, а Асенат уже зарыдала в голос и, вырвав руку, бросилась прочь. Сети кинулся за дочерью и поймал её в двух шагах от противоположного края пруда. Асенат рыдала так громко, что ему пришлось кричать, чтобы слова достигли ушей дочери:

— К чему твои слёзы, девочка моя, от них не родятся люди, от них лишь портится цвет лица! Ты уже взрослая, ты не должна плакать.

Нен-Нуфер закусила губу — ни одну ночь не провела она ещё в кровати, охраняя на циновке сон маленькой царицы. Асенат пару раз за ночь просыпалась, чтобы проверить, не ушла ли от неё жрица Хатор.

— Идём, идём, ты покажешь мне, что родилось из твоего пота.

Нен-Нуфер улыбнулась, надеясь, что Асенат поняла шутку отца, ведь это Великий Пта создал остальных богов из своего пота, а их, людей, он создал из слёз. Слёзы, как же много их вытекает из женщин...

— Что это такое?!

Нен-Нуфер вздрогнула, успев забыть, каким резким может быть голос Сети. Только на что он рассердился? Глупо требовать от Асенат чистоты письма в такой краткий срок.

— Ещё раз спрашиваю тебя, что это такое?

Нен-Нуфер вновь вздрогнула. Палец Сети лежал на написанных ею иероглифах. Не могло такого быть, чтобы ему не по силам было прочитать обращение к Богу Ра. Потому Нен-Нуфер молчала, силясь постичь причину его недовольства прежде, чем дать ответ.

— Мы пишем молитву, — начала она робко, но Сети оборвал её:

— Я не слепой! Зачем ты учишь Асенат священным письменам?! Я восхищён твоим умением писать много больше, чем танцем, ведь даже царские писцы, прошедшие вашу

школу, не в силах написать подобное! Только зачем ты доводишь до слёз мою дочь, уча тому, что ей никогда не потребуется!

Нен-Нуфер прижала руки к груди, чтобы унять растёкшийся внутри страх.

— Я не думала, что царице дозволено писать иератическим письмом, мой господин.

— А, по-твоему, царица должна расписывать энсеби гробницу?! Я лучше пошлю туда тебя!

Сети схватил папирус и швырнул в пруд. Нен-Нуфер в страхе попятилась, но тот больше не сказал ни слова и, схватив за руку всхлипывающую дочь, зашагал к дому. Нен-Нуфер растерянно глядела им вслед, но только отец с дочерью исчезли из виду, рухнула на колени и потянулась за папирусом — только ухватить не могла. Нельзя оставлять священные письма в воде — только пруд слишком глубок для неё, а помощи искать неоткуда. Своим криком Сети распугал всех слуг. Однако Нен-Нуфер заметила в углу навеса опахало. Она схватила его и вернулась к воде — только бы зацепить им край свитка и подтащить чуток к берегу, а там уж она дотянется рукой. Ну ещё немного, ещё... Колени скользили по мокрой плитке, но папирус оставался слишком далеко. Но тут его перехватила другая рука и, обдав Нен-Нуфер брызгами, вытащила на берег вместе с опахалом.

— Прости меня.

Сети остался лежать подле неё на животе, уткнувшись подбородком в мокрую плитку. Концы головного платка плавали по воде, но он не обращал на них внимания, а потом вдруг потянулся вперёд и подтащил к берегу лотос.

— Прости меня, — Сети тяжело вздохнул, и Нен-Нуфер взяла протянутый цветок. — Я потерял контроль. За одно то, что ты сумела одеть Асенат в платье, я должен целовать твои сандалии.

Нен-Нуфер хотела сказать, что в том нет её заслуги. Просто в короткой юбке трудно удержать на коленях папирус, но Сети не ждал ответа. Он вскочил на ноги и начал стряхивать с папируса воду.

— Как мне замолить перед Ра свою вину? — спросил Сети слишком серьёзно, и Нен-Нуфер поспешила встать с ним рядом. Мокрая ткань прилипла к бёдрам, но она не стала одёргивать платья. Сети не глядел ей на ноги, он не сводил глаз с её губ, но она не знала, что сказать.

— Я просушу папирус и допишу молитву, и тогда мы сможем прочесть её вместе на рассвете.

Сети покачал головой.

— Я не могу остаться на ночь. Энсеби за ужином слишком налегает на вино, и я единственный, кто в силах поднять его до восхода солнца.

— Ты не должен говорить мне подобное, — остановила его Нен-Нуфер, но Сети осторожно коснулся её запястья и продолжил всё так же тихо:

— Я говорю тебе это, чтобы ты простила мне несдержанность. Слишком много слёз нынче вижу я в глазах женщин дворца, и не в силах находить их ещё и дома. Я хочу, чтобы вы обе встречали меня с улыбкой.

— Асенат скучает по тебе, мой господин. Очень скучает. Не мои уроки, нет, причина её слёз.

— Я хочу быть с ней, но не могу. Позаботься о ней, как мать. Я знаю, что ты сможешь приласкать её много лучше меня.

— Когда ты придёшь к нам снова?

— Я ничего не могу обещать, но как только энсеби отпустит меня от себя, я сразу же буду у вас.

— Я буду молиться и за Его Святейшество, и за тебя, и за Асенат.

— И за себя. Не забудь молиться за себя, мой прекрасный лотос.

Нен-Нуфер вздрогнула, услышав из уст Сети слова, которые обращал к ней царевич Райя. О, да... В гневе он не преминул напомнить ей о непростительных встречах с его младшим братом. Больше она не потревожит тишины гробницы фараона Менеса, и Райя может молиться отцу, не думая о ней, но она... Она, увы, не в силах не думать о нём, и всякую ночь в её молитвах звучит его имя.

Сети ушёл, и Асенат напрасно прождала отца весь следующий день, и через день, и в последующие три дня Сети не заглядывал домой. Нен-Нуфер, глядя, как девочка старательно выводит на папирусе простые письма, молила Хатор унять боль фараона. Лишь заступничество богини поможет ему, а вино только сильнее растравит рану. И пусть Амени сумеет отсрочить новый брак фараона, чтобы у этой милой девочки был лишний год насладиться жизнью.

— Ты была во дворце? — Асенат затрясла кисточкой, чтобы та просохла. — Нет? Тогда я отведу тебя туда и покажу самые красивые лотосы, хочешь?

Девочка подалась к ней всем телом, заговорчески щуря глаза.

— Нам нельзя появляться во дворце, пока энсеби не пригласит нас, — ответила Нен-Нуфер достаточно сурово, но напускной гнев не отпугнул Асенат.

— Энсеби ничего не узнает, и мой отец ничего не узнает. Мы пойдём туда, пока они будут вершить суд. Я только покажу тебе царский пруд, и мы побежим обратно. Ты ведь быстро бегаешь, да?

— Быстро, — кивнула Нен-Нуфер, но тут же спохватилась, поняв, что дала девочке ложную надежду. — Но мы не нарушим запрета и останемся дома. Ты покажешь мне царские лотосы, когда придёт время.

Она говорила совсем не то, что думала — в мыслях она уже рисовала себе пруд, скрытый за финиковыми пальмами. Быть может, лотос, оставленный ею в гробнице для царевича, рос именно там...

— Время уже пришло! — Асенат вскочила на ноги, но продолжала шептать. — Сейчас время суда, и даже стража отдыхает в такой час. Это здесь рядом, прямо за оградой. Отчего ты противишься?

Отчего противится? Если Асенат надо прятать лишь от её будущего супруга, то ей страшно встретить в стенах дворца двоих: царевича и Кекемура. Последний, может статься, в отместку за заступничество тут же выдаст их фараону. Хотя откуда ему знать о запрете...

— Ну же, скорее! Пока нас не позвали обедать!

Асенат всё рассчитала верно. Слугам было приказано не приближаться к пруду во время занятий. Здесь в тени они не нуждались в опахалах. И сейчас Асенат покраснела не от солнца, а от волнения. Сердце Нен-Нуфер сжалось от жалости — бедняжка просит о немногом, они ведь даже не приблизятся ко дворцу, а если заметят фараона и его свиту, то успеют убежать. Она с крыши успела изучить все тайные тропы царского сада.

И Асенат, видя колебания Нен-Нуфер, схватила её за руку и потянула за собой.

— Скорее!

Вместо ворот Асенат потащила её за пальмы к стене, которая здесь не была слишком высокой. Девочка подтянула к груди подол платья и перекинула ногу. Нен-Нуфер

последовала её примеру. И вот две белые тонкие фигуры замелькали среди пальм царского сада.

— Только бы не выпустили собак! — шепнула Асенат на бегу, но на пути им встречались лишь павлины. От их крика закладывало уши, но Нен-Нуфер не могла отвести от дивных птиц взгляда.

— Идём! — Асенат недовольно дёрнула её за руку. — На женской половине они красивее, но сейчас мы туда не пойдём.

Наконец они добрались до пруда. Солнце играло на цветной плитке, и Асенат, опустившись на колени, принялась ловить ладошкой ускользающие светлые пятна.

— Хочешь, я достану для тебя лотос?

И, не дожидаясь ответа, Асенат вновь задрала платье и ступила в воду. Плеск нарушил гармонию садовых звуков, и Нен-Нуфер зашептала:

— Тише!

— Чего ты боишься?

Асенат вернулась с цветком и заправила стебелёк за ухо наставницы.

— Пора уходить, — волновалась Нен-Нуфер.

— Я только покажу тебе изображение лотосов по другую сторону пруда.

Девочка указала на кусты гранатов, за которыми виднелась тростниковая крыша навеса.

— Да идём же! — Асенат схватила Нен-Нуфер за руку. — Не будь такой трусихой! Эмсеби ещё час не выйдет из зала суда, и с ним мой отец! Да и что они могут сделать нам? Пожурят да и только!

Нен-Нуфер пожала плечами и поспешила к гранатовым кустам, за тонкими ветвями которых им открылась залитая солнцем площадка. При их появлении из-под навеса вышла бронзовая кошка, но тихий голос тут же позвал её обратно. Сердце в груди Нен-Нуфер остановилось — этот голос она узнала бы из тысячи. Великая Хатор наказывает её за нарушение данного Сети слова встречей с царевичем. Но ведь кусты так близки, ещё можно шагнуть обратно и без оглядки бежать прочь. Только Асенат стояла в полной растерянности. Её не позвать и до неё не дотянуться. Может, девочка сама догадается шагнуть обратно. Но поздно... За непослушной кошкой потянулась рука, перехваченная толстым браслетом, и когда бронзовая красавица скользнула прочь, кресло, скрытое кустами скрипнуло, и Нен-Нуфер увидела сначала сандалии с золотыми бляшками, а потом и самого царевича. Плечи его согнулись под тяжестью яркого воротника, но, заметив нарушительниц своего уединения, царевич выпрямился, и под его пронзительным взглядом на груди Нен-Нуфер задрожала скрытая ожерельем фигурка Исиды... »

Сусанна выключила телефон и вставила обратно в держатель. Реза стрельнул на неё глазами и вновь уставился на дорогу.

— И почему, скажи, ты не пишешь дальше?

Сусанна пожала плечами. Она же ответила ему — ступор, творческий кризис. Ну не знает она, как описать их встречу, не знает... И как не скатиться в бульварщину... Они были другими. Они были выше низменных инстинктов. Они умели противостоять своим желаниям и следовали воле Богов...

— Я, вот честно, не понимаю, как можно начинать писать роман, не зная, чем закончится история.

Зачем ему отвечать и главное — что? Да, она начала писать, потому что вдруг из неё полились слова. Страница рождалась за страницей как бы из ниоткуда! А потом фонтан

выключили. Будто её саму поставили перед царевичем и требуют сказать что-то, но что?

— Так ты мне ответишь, как так можно?

— Ну, не знаю... Все так пишут...

Сейчас он скажет, что это детский сад! Ну и пусть говорит, какая разница!

— Почему Египет? Почему ты засунула себя в Древний Египет?

Опять? Почему он упрямо считает, что она и есть главная героиня?! Ну, Суслик... А разве это не так?

— Так получилось.

Действительно просто так получилось. В пятом классе, когда они проходили историю Древнего Мира, на школьной экскурсии в Эрмитаже, пока все разглядывали мумию жреца, она не могла отвести глаз от ожерелья с подвеской в виде лотоса. Она тогда не знала, что это именно лотос, но ожерелье запало в душу, и год назад, когда устав от толпы на выставке императорского костюма, она спустилась в залы древнего мира, то вспомнила про ожерелье и не нашла его. Вечером она поймала себя на том, что чирикает на бумаге лотос, а потом шею, волосы, лицо... Да, да, тогда она и поняла, что ожерелье было в виде лотоса, и начала искать подобное в интернете. Картинки египетских росписей и музейных коллекций мелькали перед глазами, погружая её в забытый со школы мир, и он не отпустил её. Она взяла в школьной библиотеке учебник, а вечером по белой странице вордовского документа уже разлилась великая река Нил, и по ней поплыла тростниковая корзинка...

— Греческие статуи и их римские копии хотя бы красивы, они поют гимн красоте, — всё не унимался Реза. — А тут саркофаги, мумии, огромные непропорциональные статуи и детские рисунки на тряпочках... Что здесь может нравиться.

Это не звучало вопросом. Это были вечные мысли вслух... Или стоит сказать ему про ожерелье, и тогда он, быть может, успокоится. И она сказала.

— Я предложу тебе на выбор пару ожерелий, если это поможет дописать роман.

Он издевается. Это точно! Надо прекратить реагировать на его слова. Вообще.

— А, знаешь, я, кажется, придумал продолжение твоей истории.

Отлично, спектакль одного актёра продолжается. Ну пусть пишет продолжение. Кто ему мешает?

— Какая у тебя последняя фраза была?

А чтоб она ещё помнила. Уф...

— Ну... Царевич Райя поднялся из кресла...

— Вот тут у тебя ошибка и закралась, — перебил Реза, к счастью, продолжая следить за дорогой, а не за выражением её лица. Впрочем за очками и под кепкой ничего не было видно. — Из кресла поднялся фараон.

— Нет, Райя... Фараон с чати вершит суд. Он не может быть у пруда да ещё без свиты.

— Может. У него похмелье, или ты забыла? — И вот тут Реза глянул на неё, и головная боль, о которой Сусанна успела забыть, вернулась с прежней силой. — Разве в таком состоянии он способен решать, кто прав, кто виноват? Он оставил чати вершить суд, а сам укрылся от посторонних глаз у пруда, где задремал, обняв кошку, пока его не разбудили две наглые девицы...

— Мне не нужен там фараон! — Надо остановить мистера Атертона, пока он не написал за неё совершенно другой роман. — Мне действительно нужен там царевич Райя! Фараон у меня проходит фоном.

— Ну хорошо... — А что это мистер Атертон так легко сдался? Не похоже на него.

— Напишем так: Нен-Нуфер увидела царевича Райю и замерла, а Асенат с радостным криком кинулась на шею фараону...

Ну вот, он уже двоих туда засунул, каждой твари по паре. А что, не своё, не жалко!

— Потому что, — продолжал Реза медленно, — царевич Райя и фараон Тети одно и то же лицо. Неожиданный поворот, да? Читатель не ждёт, и тут бац...

— Не надо, пожалуйста, переделывать мой сюжет.

— А у тебя нет никакого сюжета, ты же сама в этом призналась. Или соврала, а? Ты в мечтах уже давно свела царевича с Нен-Нуфер, но не пишешь, потому что не знаешь, как написать постельную сцену. Ведь именно поэтому ты взяла ключ...

— Нет!

Он не выносим! Он всё сведёт к одному — чтобы она сказала ему, что он ей безумно нравится. Нет, она не скажет этого. Не дождётесь, мистер Атертон! Она взяла ключ, потому что... Потому что... Потому что...

— Не нет, а да! Иначе как ты объяснишь своё желание переспать со мной?

Ага, желание! Самовлюблённый идиот! Впрочем — да, всё для романа, всё на алтарь искусства. Вот сейчас это и скажу, только слова верные подберу. Так что не думайте, что вы мне нравитесь, мистер Атертон. Вы просто под руку попались. Вы просто первый, кто предложил мне это!

— Вот сиди и думай, как Нен-Нуфер поступит в новой ситуации.

Хорошо, она будет думать. Только в ответе не будет фигурировать никакой постельной сцены. Даже не надейтесь!

— Реза...

— Уже придумала? — перебил он с привычным сарказмом.

— Нет. Допустим, я принимаю твой вариант развития событий, но ты же сам сказал, что я не могу говорить за фараона. Потому скажи, что бы сделал фараон, будь всё это правдой, — и когда Реза не ответил, поспешно добавила: — Ну, что бы сделал ты на его месте?

Реза дотронулся до проколотой мочки и улыбнулся совсем по-кошачьи.

— Скажу, но только после того, как Нен-Нуфер озвучит свою первую фразу. Первый шаг всегда делает женщина. Или ты забыла?

Сусанна проглотила обиду. Да никто и не ждал ответа. Ему ж не помочь хочется, а в очередной раз высмеять её детский лепет! Оставайтесь сами со своим вариантом, а она в безопасном Питере придумает, что сделает царевич Райя, увидев свой лотос во дворце и без жреческого сана.

Глава 24

Сусанна не могла поверить, что мать Резы приготовила для неё обыкновенный куриный бульон. Правда добавила какую-то восточную специю, но та не сильно изменила привычный вкус и, закрыв глаза, Сусанна на миг почувствовала себя дома. Лишь на миг, потому что тут же на её плечо легла рука хозяйки. Та, видно, испугалась, что гостья решила потерять сознание, но Сусанна наоборот уже начала возвращаться в нормальное состояние.

Реза, схватив сэндвич с курицей, удрал из кухни — то ли по делам, то ли чтобы не портить ей аппетит, то ли просто прятался от материнских глаз. И Сусанна боялась смотреть в глаза мадам Газии. Хотелось вскочить и закричать на весь дом, что она не спала с Резой.

Фраза жгла язык! Но Сусанна продолжала обжигаться бульоном.

Аббас вообще к ней не вышел, хотя она прекрасно слышала, как он в соседнем зале на повышенных тонах разговаривает с братом по-арабски. Вернее то был монолог, потому что Реза так ничего и не ответил. Зато хозяйка только больше засуетилась вокруг гостя, предлагая то сэндвич, то кусочки куриной грудки, то ароматное крошево непонятно из чего, но Сусанна мотала головой, не в силах произнести даже элементарное «thank you» без опасения разреветься.

Хотя она действительно наелась — бульон был настолько плотным, что приобрёл зеленоватый оттенок. Она, наверное, и от ужина откажется... Правда, когда мадам Газия, отчаявшись накормить гостя, поставила перед ней блюдо с печеньем, Сусанна не удержалась и схватила одно. Круглое с абрикосовым джемом в середине — на вкус как курабье, только неровное, потому что домашнее.

— Did you finish eating?

Реза заглянул в столовую из кухни — видно зашёл со двора, поднявшись из мастерской. Сусанна вскочила и, пролепетав для хозяйки «шакар», поспешила на зов. Реза указал рукой в сторону спальни.

— В ванной найдёшь платье. Снимай всё и надевай его. Когда я говорю всё, я имею в виду всё. Поняла?

Сусанна кивнула и обрадовалась, что он не пошёл следом. Когда они приехали, она понадеялась, что ей вновь предложат комнату наверху, но Реза, не говоря ни слова, поставил её чемодан перед своим шкафом. Может, он просто не хочет, чтобы она была рядом с Аббасом, и на ночь сам уйдёт наверх? Она хотела уточнить это, когда он перевесил костюмы к рубашкам, полностью освободив для неё одну половину шкафа, но пока она гадала, как бы тактичнее спросить, чтобы потом до вечера не краснеть, Реза ушёл, оставив её наедине с раскрытым чемоданом. Собственно в шкаф вешать было нечего — из того, что она может здесь надеть, чистым оставался лишь сарафан. Правда, есть ещё футболка, и её она повесила на вешалку. Теперь же Сусанна аккуратно зацепила за крючки ещё и снятую юбку, чтобы та хоть немного отвиселась, пока Аббас отрабатывает свой мнимый проигрыш.

Льняное платье оказалось сшитым руками — мистеру Атертону во всём важна аутентичность. Наверное, и полотно домотканое. Впрочем, так делают, кажется, все реконструкторы. Умывшись, она облачилась в платье и проверила его перед зеркалом на предмет прозрачности. Лён, конечно, не шёлк, но всё равно стоять в таком виде перед братьями не хотелось. Только кто её спрашивает! Она сунула ноги в сандалии, также ручной работы — хорошо ещё без золотых бляшек. С лихвой хватает оставшихся на руках браслетов.

Выдохнув, Сусанна вышла в спальню, заранее зная, что найдёт в ней Резу. Тот сидел на кровати и изначально буравил взглядом занавеску между ванной и комнатой, а теперь буравил её. Только бы не покраснеть. Только бы не покраснеть. И всё же её бросило в жар, когда Реза нагнулся к её ногам, чтобы подтянуть завязки сандалий.

— Follow me, my queen.

От этого обращения внутри закипало, но сколько ни проси, мистер Атертон не уменьшит градус сарказма.

Мадам Газии нигде не было видно. Хозяйка избегает Резу или же её? Скорее всего мадам Газия не желает встречаться с ней. Может, за ужином Реза наконец скажет им правду? Во всяком случае, она снова попросит его об этом. И напомнит про паспорт. Были

же в спальне — мог бы уже отдать!

Лестница в мастерскую больше не казалась такой уж крутой и длинной, но всё же Сусанна обрадовалась протянутой руке. Открытая настежь дверь светилась электрическим светом. Аббас ограничился кивком, и Сусанна покорно проглотила обиду. Ничего страшного — он имеет право злиться. Он предупредил, что его брат козёл, а она всё равно пустила этого козла в огород. Хорошо, что капусту не сожрал, а только грядки потоптал!

Аббас поднялся со стола, на котором сидел, и за его спиной оказалось два сундучка египетской работы — по идее, в маленьком должна была находиться косметика, а в другом — драгоценности. Реза действительно помешанный! Главное, чтобы в составе не оказалось свинца! Хотя, может, от одного раза ничего и не будет...

Он усадил её в кресло и опустил на колени, чтобы сподручнее было подносить кисточки с краской к её лицу, и Сусанна не желала знать, в какую маску тот решил превратить его. Хотелось посмотреть вокруг — какие яркие краски, подобных росписей нигде не встретишь — даже реплики гробниц делают с поблёкшими красками для полноты погружения в древность, а тут древность пришла в гости при полном параде. А ей приходилось держать глаза закрытыми. И губы тоже, потому и вопросов она не задавала.

Аббас насвистывал незнакомую мелодию, и Сусанна радовалась, что в этот раз он решил воздержаться от озвучивания текста, потому что песней явно желал сказать, что думает об её мнимом поведении.

— В каком порядке будем снимать украшения? — спросил он по-английски видимо специально для неё. Спасибо ему огромное! Теперь она поняла смысл происходящего — братья используют её в качестве бесплатной модели, чтобы потом, наверное, рассылать фотографии потенциальным клиентам, ведь серьги в виде переплетённых цепочек уж точно могут носить богатые дамы... Бесплатной? Вспомни, сколько всего мистер Атертон тебе уже подарил? Тогда почему просто не попросил попозировать? Она бы согласилась, наверное... А, может, Суслик, он и говорил тебе что-то о фотографиях, а ты не расслышала или не поняла... Ты ведь только пошлости от него прекрасно слышишь. А, может, он только их доступным языком и произносит!

Аббас крутил в руках фотоаппарат, но Реза продолжал колдовать над её образом. Он вчесал в волосы какую-то гадость, а теперь водрузил на голову обруч, с которого свисали тёмные косички с вплетёнными в них бусинами. От тяжести парика вернулась испугавшаяся бульона головная боль, но Сусанна заставила себя пройти под софиты гордо, будто под ногами была мокрая плитка пруда в доме Сети. Реза отпустил её, поправил на груди ожерелье и отступил за спину брата. А у неё за спиной плясали девушки с лотосами, а перед носом египтяне собирали пшеницу, ловили рыбу и охотились в камышах. Пивоваров и пекарей она пока не отыскала, потому что Аббас заставил её смотреть в одну точку. Лицо действительно превратилось в маску, а она сама — в статую, и Аббасу приходилось подходить к ней и пальцами поворачивать подбородок на нужный градус. Реза одно за другим менял на ней украшения, и на десятом она перестала их считать. Интересно, сколько времени у него берёт отлить пару серёжек? И которыми он собирается заплатить ей за работу? Он ещё и ожерелье обещал... Не подарить, а показать для вдохновения, кажется.

Нет, вдохновения не будет. Так она ему и скажет. Хватит с неё и образа Нен-Нуфер! Она не собирается думать о дурацком романе в сложившейся ситуации. Сейчас надо думать, как безопасно прожить два дня под чужой крышей и не выдать сестре своего местоположения.

Аббас переставлял её с места на место, но мысли её никуда не двигались. Что сказать

сестре? Что? Ни одной фотографии, ни одного видео и никакого понятия, какую фигню выставляют в музее исламского искусства. Может, у Аббаса спросить?

— What the fuck!

Что она не так сделала? Кажется, не изменила положения с последнего и не улыбалась.

— Реза, мы не договаривались!

Поняв, что не она вывела из себя мистера Газию, Сусанна из любопытства позволила себе повернуться, и, вместо улыбки, у неё отпала челюсть. Она видела уже Резу в платке и короне, но литые круги в ушах, борода на подбородке и краска смахнули с лица последнюю пыль современности. Сусанна говорила себе не опускать глаз ниже воротника, набранного из золотых пластин и камней, но всё же окаймляющие ожерелья скарабеи не сумели надолго удержать взгляд, тот упрямо полз вниз ниже абсолютно плоского живота к аккуратным складкам юбки и дальше к сандалиям с золотыми застёжками.

— Я уже час её снимаю! Не наглей!

— Две фотографии. Всего две, — и Реза вывел из-за спины руку, в которой оказался лотос.

У Сусанны остановилось сердце. Мистер Атертон может и нуждался в фотографиях своих украшений, но этот маскарад устроил точно для неё. Он оживил её роман сначала в рисунках, а теперь вот этим... Сейчас он засунет лотос ей за ухо, как сделала бедная Асенат. Только Реза зацепил стебель за искусственные косички, и Сусанна почувствовала прикосновение цветка ко лбу. О, как же благоухал лотос. Суслик, это покруче стихов Верлена будет!

— Вставайте уже к своим лотосам!

Аббас явно сердился. На что?! От него отвалится, что ли, коли сделает пару снимков не для каталога... Один щелчок затвора, два, три... Фотоаппарат ведь сам снимает. Будет даже интересно посмотреть, что отражается в её глазах: удивление или благоговение перед стоящим перед ней фараоном? Тьфу ты, мистером Атертоном!

Наконец Реза взял её за руку и подвёл к креслу, только не усадил, а ткнул пальцем в роспись на спинке.

— Сейчас так же встанешь у меня за спиной с опахалом. Поняла?

Сусанна кивнула и проследила за его рукой. Как же раньше она могла не заметить павлиньи перья! Сусанна осторожно подняла их за достаточно длинную ручку — как ни странно, опахало имело не малый вес. Час пообмахиваешь фараона, руки отвалятся! Реза уже сидел в кресле, скрестив на груди откуда-то взявшиеся крюк и плеть. Сусанна подняла над короной опахало и замерла.

— Так бы и любовался вами, голубки, — Аббас уселся на стол и положил на колени камеру. Испытывает терпение? У фараона оно обязано быть железным, но вот Реза может воспользоваться тем, что у него в руках — крюком привлечь к себе и плетью выбить из брата всю дурь во славу Маат... Однако он ограничился короткой фразой на арабском, но для Аббаса её оказалось довольно, чтобы навести на них объектив.

— У нас будут только такие невинные фотографии или что-то более интересное?

Аббас был бы не Аббас, промолчи сейчас! Но Реза опять что-то буркнул на арабском — наверное, послал брата далеко и надолго. И Аббас действительно ушёл. Забрал камеру и ушёл. Только дверь не закрывай! — хотела крикнуть Сусанна, но не успела. Тяжёлая дверь захлопнулась, щёлкнул замок, и Сусанна чуть не выронила опахало.

— Замок открывается нажатием кнопки, моя царица, — Реза так резко обернулся, что

она чуть не угодила ему в глаз павлиньим пером. — Хотя я не против остаться здесь с тобой на целую вечность. Гляди, у нас всё есть, даже пиво!

Он выбросил вперёд руку с кнутом, и Сусанна наконец отыскала фигуры, сидящие вприсядку.

— Я ещё не настолько проголодалась, чтобы есть мокрый хлеб, — она попыталась сгладить двусмысленность, которую несло в себе начало фразы. — А откуда лотос?

— В саду есть крохотный пруд.

Она вообще не заметила его ухода, а он не только преобразился, так ещё и за цветком успел сбегать!

— Но можешь представить, что лотос сошёл с этих росписей. Они ведь созданы, чтобы оживать в загробном мире. Хочешь внимательнее взглянуть на них, чтобы отыскать следующую сцену для романа? Или же готова оживить её?

— Здесь нет кошки.

Сусанна чувствовала, как мнимая романтика тает, подобно аромату склонившегося на лоб цветка.

— Санура!

Реза хлопнул в ладоши, и откуда-то взялась кошка. Всё продумал, и цветок, и кошку...

— Я бы лучше на мастерскую посмотрела...

— Там нет ничего интересного. Всё интересное — здесь.

Реза снял корону, но оставил на голове платок, и раскрыл ящичек для украшений — в нём лежало ожерелье из нескольких рядов золота и камней, а венчали его бусины в виде лепестков лотоса.

— Вау...

— Узнаешь?

Реза забрал у Сусанны опахало и снял с шеи последнее ожерелье — в нём тоже имелись лотосы, но оно казалось намного проще этого.

— Спрашиваю тебя, узнаешь?

Сусанна непонимающе подняла глаза на Резу.

— На Нен-Нуфер должно быть надето подобное, да?

— Нет же, глупая! Это то ожерелье, которое ты видела в Эрмитаже.

— Как...

— Как-как... Я сделал с него копию. Она лучше оригинала. Примеришь?

Он застегнул его на шее и, сняв парик, расправил по плечам липкие волосы. Лотос теперь цеплялся за ухо.

— Погоди секунду. Для вдохновения!

Реза взял со столика свой телефон и сфотографировал Сусанну.

— Как они жили тогда без селфи, — усмехнулся он, выглядывая теперь у неё из-за плеча.

— Нормально, — выдала Сусанна, стараясь смотреть на ожерелье, а не на тот ужас, в которое превратилось её лицо. Зачем же они тогда так себя уродовали!

— Нет, ответь на вопрос. Как они жили без селфи?

Сусанна пожала плечами. Любите вы, мистер Атертон, задавать риторические вопросы.

— Ну, гляди на кресло. Это трон на самом деле. Ну, здесь фараон велел изобразить себя вместе с царицей.

— Это царица с опахалом? Бедная...

— Глупая! Это же честь обмахивать фараона! Когда повелитель двух земель сидел на троне, это могли делать только члены царской семьи или высокие сановники.

О, да... Она только что удостоилась великой чести! Энсеби тут нашёлся!

— Да гляди же... Правда, на нас похожи, а?

Сусанна кивнула. Конечно, только наоборот. В этих костюмах они похожи на них!

— Ну, ты готова к виртуальной реальности?

Ей не нужна была фотография, чтобы знать выражение своих глаз! Когда же мистер Атертон научится говорить прямо! Ни в этой жизни уж точно...

Он взял из угла простое плетёное кресло и поманил к себе кошку.

— Ты стой там, где стоишь, и не шевелись!

Она подчинилась, как и кошка. Поначалу. На коленях у Резы ей не понравилось. Она прыгнула на пол и замерла перед Сусанной. Санура, ёлки зелёные! Ты-то романа не читала! Или поведение кошки за три тысячи лет не изменилось! Как и людей, впрочем... Или она даже кошку напугала своей боевой раскраской. Спасибо художественному таланту мистера Атертона. Он её точно со стеной перепутал!

Реза потянулся за кошкой, но не поймал, и потому поднялся из кресла. Сколько же весит этот воротник? Много, каирца действительно согнуло под его тяжестью, но ничего. Реза выпрямился и уставился на неё.

Сусанна сложила руки на груди, но сердце не подсказало ответа. Язык застрял за зубами. И у Резы, похоже, тоже. Нет же, дура! Он же тебе сказал, что Нен-Нуфер должна заговорить первой... Но кто смеет первым заговорить с фараоном? Так ты уже приняла его версию, что фараон и царевич одно лицо? Нет же... Они действительно могут столкнуться у пруда с мающим похмельем фараоном. Или же... Царевичем Райей? Реза ведь специально снял корону... А богатые воротники носили и вельможи... Всё в твоих руках, автор, всё в твоих руках. Фараоном может быть та статуя, которую она толком-то не успела рассмотреть. Может, сейчас отвернуться от Резы и рассмотреть? Может, и с ней статуя заговорит и подскажет ответ. В любом случае она выиграет время. А ты что, Суслик, не просто молчишь, а действительно думаешь над продолжением романа? Осторожнее, потому что не только у тебя под платьем ничего нет, но и под его юбкой тоже. Как раз вот под его юбкой всё есть! Хватит! Он же джентльмен. Забыла?

Сусанна отвернулась от героя не своего романа и уставилась на статую. В человеческий рост. Выглядит сейчас прямо как Реза. Неужели полностью из золота? Или всё же позолота? Или вообще краска? Хотя они там что-то химичили с золотом, изменяя его цвет... Но это ведь не может быть настоящая статуя. Нет. Это отец Резы смастерил или дед, или прадед... Если она настоящая, то тут должна стоять дверь, как в сейфе... Нет, не настоящая... Суслик, блин, хватит стоять к фараону спиной. К которому? Я, кажется, плююсь на его золотую маску — она ко мне в кошмаре уже являлась... Нет, там была другая... С музейного билета... Да они одинаковые все... Тогда обернись к живому. Он ждёт ответа! Он для тебя тут спектакль устроил с аутентичной бутафорией и костюмами... Мистер Атертон явно всё вчера приготовил, а потом его отчего-то за ужином переключило, и он окончательно подмочил себе репутацию шампанским... Но ты же его уже простила? Ну вот за эту краткую минуту, как стоишь к нему спиной? Простила? Нет! Эту ночь я ему никогда не прощу. Но я уже не так сильно сержусь... Тогда не стой спиной. Нен-Нуфер могла в страхе отвернуться, но не на целую же вечность!

Реза ждал её в той же позе. Маат нынче явно отсыпала фараону терпения от души, а вот

Великая Хатор молчит, зараза! Впрочем, немую сцену ведь никто не отменял. Суслик, немые сцены только в кино бывают. Ну или в театре. В книге это — пустая страница, то есть полное отсутствие у автора фантазии. Что ему сказать?

Только говорить ничего не пришлось. Пришлось сделать. Реза ухватился за шею, будто для того, чтобы поправить воротник. И Сусанна успела подумать, что он сжалился и даёт ей подсказку поведения мужчины в предложенной ситуации. Но когда Реза со всей дури рухнул на колени, Сусанна поняла, что это вовсе не игра. Реза пытался что-то ей сказать, но из горла вырывался лишь хрип. Она упала рядом с ним на колени и сорвала с головы платок. Господи Иисусе — он ещё и голову побрить успел! Но восхищаться или ужасаться было некогда. Она потянулась к застёжкам воротника — как их много, и как дрожащими пальцами справиться хотя бы с верхними. Ну вот, она стащила воротник через голову. Боже, ну прям рыцарский доспех! И рыцарь тут же упал ей на плечо, носом в просвет между рядами бус. У него явно приступ! Но что делать? Она даже спросить не может! Рот если и откроется, то английским словам из него не вылететь.

Реза шарил руками по полу — он явно что-то ищет. Лекарство? Должно же быть какое-нибудь лекарство. Ну, скажи же! Она обхватила его голову двумя руками и уставилась в глаза. Только они были закрыты. Реза с такой силой стиснул ресницы, что краска дрогнула под натиском слёз.

— What could I do?! — наконец выдала Сусанна, пытаюсь удержать ладонями падающую обратно ей на плечо голову.

— Реза! Реза! Реза!

Дура! Надо кричать Аббас! Какой Аббас?! Они в бункере, он не услышит. Телефон, идиотка, телефон на столе... Там явно хоть под каким-то опознавательным знаком есть его номер. Но тогда надо отпустить голову, а он сейчас рухнет на пол и ещё разобьёт её! Так уложи его на пол!

И Сусанна осторожно начала сама опускаться на пол и, выдернув из-под его щеки своё плечо, хотела броситься к столику, но Реза вдруг схватил её за запястье с такой силой, что она закричала. Притворялся, засранец!

— Give me that canopic jar. Give it to me... — прохрипел Реза, тыча пальцем в угол.

Какой? Какой сосуд? С лекарством? Получив свободу, Сусанна в панике обернулась, но в углу был только сосуд для хранения внутренних органов умершего. Дура! Он про него и говорил! У него здесь других сосудов нет!

Сусанна не сумела встать и на коленях доползла до заветного сосуда, сняла крышку с головой не пойми кого и сунула в него руку. Да, просто сунула, ни на секунду не задумавшись над тем, что там может быть. Что? Что? Шприц! Что там может ещё быть?! К счастью в пластике! Полный... Тёмная жидкость... Что это? Героин? А разве его готовят заранее? Да может и не заранее. Может, Аббас для него приготовил или он сам, пока ждал её, только почему-то не вколол вовремя.

Реза схватился за шею и вновь закашлялся. У него что — реальный приступ удушья и ломка в одном флаконе? Какое тебе дело, Суслик, что у него! Отдай ему пакет и пусть это нечто поскорее закончится. Только Реза не брал, он явно ловил дрожащими губами ускользающий воздух. Она помогла ему подняться и сама разорвала пакет. Только не будет же она сама ему колоть? Она не умеет! Будешь, Суслик, будешь...

Реза с трудом оторвал руки от шеи и сжал предплечный браслет. Вены теперь

просматривались прекрасно. Или дело в сжатом кулаке? Суслик, воздух, воздух выпусти из шприца! Как?

Реза перехватил шприц, встряхнул его и прыснул содержимым в воздух, а потом Сусанна зажмурилась, а когда открыла глаза, шприц уже валялся на полу, а голова Резы спокойно придавливала ей плечо.

Уснул, что ли? Не может быть! Нет, пошевелился, поднялся. И не просто, а и её вверх рванул, но тут же отступил, будто испугался. Может, он успел забыть про её присутствие в нирване... Потому и ошупывает её... Боже мой, как во сне... Только пусть не снимает платья! Только не это! Великая Хатор или кто там у вас ещё есть — спасите меня от него! И руки тут же вернулись на плечи и замерли на них, оставив в покое мятый лён. А вот губы приоткрылись — только не целуйте меня! Нет! Но он не поцеловал, он что-то сказал... Но, кажется, даже не на арабском. На египетском? Да фиг его знает, как у него мозг сейчас функционирует. Но её мозг точно понимает, что Реза куда-то её зазывает... Только ходить с ним никуда нельзя! Это же сейчас не английский джентльмен, это обколовшийся наркоман. Что ему сейчас на ум придёт, неизвестно! А как не ходить, если он тащит.

Куда он меня тащит? Ты же мастерскую хотела посмотреть... Думаешь, там мастерская? Что-то дверь слишком маленькая, чуть лбом не снесла, протискиваясь в неё в три погибели. И темнота! Как темно... Что он видит тут... Свет? Свет! Он что, свечку зажжёт? Нет, факел... Ай, что там, ступеньки, поворот... Да я сейчас все углы пересчитаю... Ничего ты не пересчитаешь. Гляди, как он бережно ведёт тебя. Знать бы ещё, что он при этом говорит. Потом спросишь, когда он в себя придёт! Ничего себе подвальчик, сколько у этого египтолога было виски...

Факел повис над головой — в стене оказалось чугунное кольцо. Помещение такое крошечное. Раскинь руки, наверно, тронешь противоположные стены... Что там впереди... Саркофаг? Мать твою...

Сусанна отшатнулась к стене — она была ледяной, как собственно и пот, потёкший по подмышкам. Опять шуточки? Только мумию не доставайте, мистер Атертон! Умоляю! Только умоляла она молча, не в силах разлепить склеенные паническим страхом губы... Суслик, саркофаг слишком маленький для мумии. Верно... Но что он достаёт тогда? Да ещё так бережно... Какую-то тряпку... Не надо ко мне её нести. Не надо!

Но он уже протянул ей это нечто, и она покорно подставила руки. О, счастье, что он не убрал свои, когда откинул край тряпки. И счастье, что зубы сдержали крик, иначе бы она оглохла от собственного вопля. В её руках была мумия, мумия младенца. Не больше пупса или даже меньше... Она видела только лицо — крошечный нос, рот, уши... Всё на месте... Наверное, и остальное есть — только, к счастью, спелёнуто.

Сусанна подняла глаза. Реза продолжал что-то говорить на непонятном языке, и она решила, что стоит покивать. Быстрее, быстрее договори и убери это... Но не убрал. Он рухнул. Рухнул к её ногам. К счастью, к её ногам. Она, прижав мумию младенца к груди одной рукой, вторую успела подсунуть Резе под голову, чтобы он не расшиб голову об угол камня, на котором стоял пустой саркофаг. Глаза его были закрыты, он уснул. Уснул стоя... Она схватила его за плечо и начала трясти. Бесполезно — Реза не реагировал!

Ты сейчас младенца раздавишь! Его раздавили и сварили уже давно! Боже, я держу мумию в руках и говорю сама с собой в голос... Может, я тоже успела себе что-то вколоть... Нет, ещё соображаю. Надо встать и положить мумию в саркофаг. Просто положить. Аккуратно, не сломав... Говорят, Тутанхамону, пока вытаскивали из саркофага, ногу

сломали... Здесь всё спелёнуто, не отвалится... Только крышку не трогай. Вдруг тяжёлая, уронишь, разобьёшь...

— Реза! Реза! Очнись!

Сусанна кричала по-русски. Какая разница! Он среагирует на громкий голос. Но он не реагировал. Она даже ухо к груди приложила. Сердце бьётся. Что делать? Что делать?

Сусанна выдернула факел из кольца. Со стен на неё глянули древние египтянки, но она не стала их рассматривать. Сейчас бы найти выход. Только бы он был один...

Она не отнимала руки от стены и освещала пол под ногами. Вот и дырка в стене, а там свет, а там дверь. Закрыта! Конечно, закрыта. Она схватила телефон и одной рукой принялась тыкать в экран. Только бы пароля не было. Отлично! Телефоны... О, Реза! Английская педантичность. Телефон подписан и именем и даже фамилией. Факел опусти, дура, а то телефон уронишь. Куда я его опущу? Подпалю здесь всё...

Сусанна включила громкую связь и стала повторять заготовленную фразу, пока не услышала ответ Аббаса:

— Please come here immediately. Reza is almost dead.

Фу... Аббас ничего не ответил. Вот и отлично. Она уселась на трон, держа факел, точно статуя Свободы. Встать бы для полноты картины, да ноги больше не слушались. А у Аббаса явно тряслись руки, когда он пытался попасть ключом в замок.

— Where's Reza?

— With the dead child.

Аббас вырвал у неё факел и нырнул в дырку.

— Придурок. Мог бы фонарик взять...

Свободные руки вцепились в подлокотники. Кто бы виски налил, чтобы с ума не сойти...

Глава 25

Аббас вернулся один, но уже без факела.

— Где Реза? — Сусанна хотела подняться из кресла, но мокрый от страха лён приклеился к дереву.

— Там, где ты его оставила.

От голоса Аббаса веяло холодом больше, чем с пола. Наверное, раньше тепло давали включённые софиты, а ныне замаскированная под мастерскую гробница превратилась в настоящую, как и во время их заточения. Сусанна повторила попытку подняться, и в этот раз ноги подчинились.

— Как Реза?

— Так же, как ты его оставила, — повторил Аббас, как под копирку. — Я отнесу туда лампу и вернусь.

Он открыл другую дверь — ту, за которой, наверное, прятался в тот раз, — и вернулся с большим фонарём, чтобы молча нырнуть в тайный проход. Оставшись одна, Сусанна почувствовала непреодолимое желание поскорее выбраться в мир живых. Казалось, что подведённые глаза золотой статуи следят за ней. Тут двинешься, как мистер Атертон! Если она вообще ещё в своём уме. Сусанна попятилась к захлопнувшейся двери, чтобы отыскать кнопку замка, но стена оказалось пустой. Не на потолок же они привесили кнопку! На бирюзовом потолке висело невероятное количество лампочек, выполненных в виде звёзд.

Идиоты! Как они могут работать с мумией за стенкой!

Сусанна взглянула на руки — она касалась лишь простыни и не почувствовала её ветхости. Ткань современная. Но мумия? Мумия ребёнка была ведь настоящая? Или всё же кукла? Неужто Реза разыграл её, как тогда в музее? Возможно, он всё заранее спланировал, только проклятый приступ смешал карты... Фу...

Аббас наконец вернулся и открыл дверь. Кнопка оказалась замаскированной под лотос. Могла бы и догадаться! Мистер Атертон постоянно про лотосы твердил.

— А Реза?

— Я не в состоянии вытащить его оттуда. Проснётся, сам придёт. Соскучиться не успеешь.

Кто ж тебя научил так улыбаться, зараза? Во взгляде Резы насмешка, а у тебя злость!

Сусанна тряхнула головой, и чудом оставшийся в волосах лотос упал на пол, но она не стала поднимать цветок, потому что Аббас уже протянул руку. Она приняла её с радостью. Не хватало ещё ногу здесь сломать!

Мадам Газия намывала в кухне пол, и Сусанна, в отличие от Аббаса, разулась. Куда теперь? Молчит. Хорошо. Она знает, куда ей идти. Хотелось поскорее стянуть с себя ужасное платье и одеться по-человечески. Сусанна затворила дверь спальни и вздохнула об отсутствующем замке. Ну и фиг с ним! Никто, кроме Резы, сюда не войдёт, а до его возвращения она раз двадцать примет душ.

Сусанна вытащила из чемодана косметические салфетки и подошла к зеркалу. Нет, селфи делать не стоит. Она, видно, успела порыдать, держа в объятьях Резу и ребёнка. Хорошо ещё эта гадость легко смывается, и не надо просить Аббаса принести золу! Этим они, кажется, в Древнем Египте умывались. Может, всё-таки это обыкновенные тени, а не толчёный малахит. Главное, что лицо теперь чистое. И шампунь справился с клейкой дрянью в волосах. И мыло для рук отлично отстирало платье от запаха её страха. Сусанна повесила его на сушилку для полотенец и постелила использованное полотенце на пол.

Теперь можно и одеться. И написать сестре. Телефон сам подключился к домашней сети, и Сусанна принялась набирать сообщение про мнимый музей, дополнив реальными вкусными супер-сладкими десертами и мятным чаем, о которых не упомянула в разговоре. Да, ещё про старика Хоттабыча написала — пусть сестра посмеётся. И для правдоподобности настрочила полотно про придурка, который приглашал в отель к уважаемому джентльмену, и про заступничество Паши, и... А дальше она написала привычное, что очень устала...

Да, она жутко устала от уважаемого джентльмена, который сейчас валялся в наркотическом опьянении подле раскрытого саркофага. Не глядя, она поставила телефон на зарядку и откинулась на подушку. Слезы подступили неожиданно для неё самой. Что там сейчас думают церберы и групповод про её побег из отеля? Зависит оттого, в каких выражениях описал его портье. Только бы они родителям не позвонили, только бы не позвонили...

Поняв, что рыдания обрели громкость, Сусанна перевернулась на живот и уткнулась в прикрытую золотистым покрывалом подушку. Но, видимо, поздно!

— Baby, are you OK?

Когда Аббасу надоело безрезультатно трясти её за плечо, он развернул Сусанну к себе полностью. Она не о'кей, настолько не о'кей, что даже уткнулась ему в грудь.

— Are you in pain? Need any medication?

Когда он попытался оторвать её от себя, она только сильнее вцепилась ему в футболку и так оттянула ворот, что обнажилась грудь с чёрными завитушками.

— Would you prefer talking to my mom instead?

Но Сусанна только головой трясла.

— Would you like some ice cream?

Сусанна дёрнулась, и Аббас успел поймать её щёки ладонями.

— Magical word. Ice cream.

Аббас стёр со щёк слёзы и потянул её с кровати с такой силой, что Сусанна чуть не пропахала носом ковёр. К счастью, столовая была рядом, и она не вспахала весь дом. Выдохнув, Сусанна плюхнулась на стул, и Аббас мгновенно вернулся из кухни.

— Надеюсь, тебе придётся по вкусу шафрановое. Другого, извини, нет. Кроме меня, в этом доме никто не ест мороженого.

Аббас вручил ей ложку и открыл коробку. Мороженое оказалось бледно-жёлтого цвета. Она отковыряла кусок с фисташкой, но за орешком потянулась беловатая пластинка в форме монетки. Под испытующим взглядом Аббаса скинуть её не представлялось возможным. Она хрустнула на зубах, подобно сахару, но Сусанна не ощутила вкуса — восточная пряность и фисташка перебивали привычную сладость мороженого, но оно хотя бы холодило. Можно и половину банки сожрать за один присест после этой гробницы!

Сусанна потянулась за очередной порцией и наткнулась на ложку Аббаса. Их глаза встретились. Ничего, мистер Газия, если вы не брезгуете, то и я не стану.

— Я задам вопрос в лоб, согласна?

Он спрашивает её разрешения или констатирует факт? Задавай, задавай. Только и я в лоб отвечу!

— Если бы я прямо сказал, что Реза наркоман и сумасшедший, ты бы всё равно с ним пошла?

Его ложка перехватила её и сделать вид, что она жуёт, у Сусанны не получилось. То, что мистер Атертон ненормальный, она поняла давно, и это даже немного забавляло поначалу. А вот после проколотых вен, открывшихся в номере, стало действительно не по себе. Но где-то там, на грани, живёт джентльмен, о котором мистер Газия даже не догадывается; вот именно он и зацепил её внимание в первый их вечер. Или ещё в самолёте.

— Нет...

— Значит, я дурак! — не дал ей договорить Аббас. — Мне надо было не на романтические чувства давить, а на чувство брезгливости. Прости меня, — он даже глаза на мгновение опустил, — просто я его слишком люблю, чтобы вот так прямо называть вещи своими именами. И я думал, что ты более разумная и сама заметишь за ним странности. Дурак, как же я в тебе ошибся... Мозгов у тебя нет совсем.

Зато у вас, мистер Газия, их похоже слишком много!

— Надеюсь, ты не очень жалеешь теперь... — Аббас бросил ложку на стол. — Он всё же в постели нормальный!

— Я не спала с ним, — отчеканила Сусанна достаточно громко. Если мадам Газия где-то рядом, она точно услышит, и эта презрительная молчанка закончится.

Аббас обернулся. Как, мистер Газия, у вас на лице не только пренебрежение моей персоной может отражаться? Можете обратно на стул сесть. Вот и умничка.

— Где он тогда был этой ночью?

— Со мной! — Ну что, совсем, милый, с соображалкой плохо? Кажется, у меня

словарный запас в английском больше, чем у вас, сэр, в голове извилин. — Я за ужином выпила слишком много шампанского. Он побоялся оставить меня одну в таком состоянии. В номере две кровати. Я должна была приехать с сестрой, — Господи, она не врала за всю жизнь столько, сколько за эту неделю! — И если бы не Реза, я бы утром не поднялась вообще... У вас очень милый брат.

Ну, реакция, кроме открытого рта, будет, а, мистер Газия?

— Его версия намного интереснее.

Что, Аббас совсем тупой? Не понимает, как брату важно было выиграть спор, где речь шла об его мужском достоинстве! Сам, что ли, не такой! Так и поверила...

— Он хотел выиграть спор, — сказала Сусанна с улыбкой. Пусть не считает её полной дурой! Да и вообще, откровенность Резы обязана поднять её в его глазах!

— Какой спор?

Мистер Газия, ну может хватит! Я не хочу произносить это вслух!

— То, что я соглашусь переспать с ним!

Аббас успел взять со стола ложку, и теперь она полетела на пол. На чистый пол, а он ещё и поддал её ногой. Пальцам не больно, придурок? Забыл, что в шлёпках, что ли?

— Это он тебе так сказал? — Аббас навис над ней, уперев руки в стол. Сусанна кивнула. — Посмотри на меня! — Она и так на него смотрит. Куда больше! — Я похож на малолетнего идиота, который может на такое поспорить? — Сусанна пожала плечами. — Спасибо! Я не знаю, зачем моему придурочному брату понадобилось говорить тебе подобное. Может, разозлился, когда я пытался забрать у него ключи от машины, чтобы он наконец оставил тебя в покое!

Аббас отвернулся. Сусанна уставилась на грязный пол. Ведь не поднимет. Мать будет ползать! И она сама подняла его ложку, захватила свою и пошла на кухню. К счастью или несчастью, мадам Газии там не было. Она вымыла ложки и вернулась в столовую с влажной губкой. Ну и смотри на меня сверху вниз. Ты, небось, даже не пылесосил никогда! А ты, Суслик, будто дома убираешь квартиру... Это в гостях строишь из себя... Никого я не строю. Просто не хочу, чтобы мадам Газия лишний раз поминала меня нехорошими словами.

Аббас вернул мороженое в морозилку и уставился на неё, ополаскивающую губку.

— Что он ещё тебе сказал?

— Объяснил, почему вы удивились, увидев меня. Неужели я так похожа на ту девушку?

— На какую девушку?

Слушай, может хватит играть? Или ты, как пойманный вор, прежде чем открыть рот, пытаешься выяснить, многое ли менту уже известно?

— Ту, с которой он пытался встретиться в шестнадцать...

Да, да, отличная формулировка. Bravo, Суслик! Вряд ли в шестнадцать мальчики действительно любят девочек. Судя по одноклассникам, им нужна от них немного другая любовь!

— Идиот...

Аббас тряхнул головой и так резко шагнул к раковине, что Сусанна успела испугаться.

— Раз он так со мной, то и я с ним церемониться не буду! — многообещающее начало, мистер Газия. — Я тебе сейчас покажу, на кого ты похожа!

Господи, что так кричать-то! И можно чуть поласковее?! Ваш братик даже в nirване тащил меня в гробницу куда нежнее, чем вы через ковёр гостиной непонятно куда! В

библиотеку, кажется... Шкафы с книгами до самого потолка. Если Реза все их прочёл, то точно, нафига ему школа... Огромный стол, портрет над ним — небось, прадеда в соломенной шляпе...

— Вот!

Хорошо, что Аббас развернул её за плечи и не убрал рук. Сколько у них статуй?! Тоже из золота, тоже в полный рост... Нет, не увидь она себя в зеркале с боевой раскраской, ни в жизни не признала б в ней себя. Но раз Аббас говорит, что похожа, то так оно и есть. Только что держит статую на месте — она прикручена к стене или зажата шкафами?

— Трудно признать, да?

Аббас отконвоировал её до низкого старого дивана с резными ручками, а сам направился к столу. Ящик выехал с противным скрежетом, и Аббас вернулся к ней с ворохом бумаг. Толстые листы, тонкие, вырванные из тетрадей в линейку... Все они рассыпались по её коленям, и со всех них смотрело её лицо. Выходит, Реза не нарисовал для неё причёску, он принёс один из этих рисунков.

— Ты не думай, что это моделирование с мумии. Мумии никакой не было. Реза просто убрал египетскую стандартизацию и придал лицу черты... — Аббас на секунду замолчал, совсем так, как на гостиничном балконе. — В общем, он нарисовал тот образ, который ему нравился. И...

Аббас поправил листы и присел на диван.

— Я не знаю, куда зашла его откровенность с тобой, и сколько он рассказал про свою болезнь. У Резы много разных отклонений, и его отец говорил, что это такая терапия — повторять рисунки, переписывать тексты по сто раз... Ну вот, он и рисовал эту египтянку тысячи раз. Когда ящик переполнялся, мать просто выкидывала рисунки, но он заполнял его заново...

Аббас сгрёб рисунки и вернул их в ящик стола.

— Знаешь, временами он кажется совершенно нормальным, — продолжил Аббас уже из кресла. — Он действительно мотается по миру и известен во всех мировых музеях... Он создаёт действительно красивые вещи... Но это, похоже, даётся ему с большим трудом, и дома он срывается... И... Этот подонок подсадил его на героин. После всего, что Реза сделал для его сестры...

Аббас говорил медленно — для неё ли, чтобы увериться, что она его понимает, или для себя самого, потому что слова причиняли ему боль. И Сусанна смогла даже вставить слово в слишком уж длинную паузу, чтобы Аббас успокоился и прекратил неприятный для обоих разговор.

— Это брат Сельмы, да? Я видела её в кафе, и о брате Реза мне рассказывал.

— О нём. Знаешь, — Аббас вышел из-за стола. — Давай я отвезу тебя в отель, и ты постарайся забыть Резу. Я понимаю, что это трудно сделать, но... Так будет лучше. Я действительно не знаю, что у него на уме относительно тебя, но чтобы это ни было, тебе лучше держаться от него подальше. Он конченный человек. Когда-нибудь, и это будет очень скоро, он вколет себе слишком много. Мы с матерью смирились, и она не разрешает лечить его насильно. Она говорит, что так ему будет лучше. А тебе будет лучше подальше от него. Думаю, ты уже сама поняла это, так ведь?

Сусанна кивнула и поднялась с дивана, стараясь не смотреть на золотую статую. Французенка, блин... Каким бы сумасшедшим мистер Атертон ни был, но влюбиться в статую он не мог. В отеле он на ходу придумывал для неё сказку, чтобы не сильно обидеть

отказом спать с ней. Ну совсем не обидел, совсем...

К горлу подступили слёзы, и Сусанна с трудом смогла сказать Аббасу про паспорт, после чего он с такой силой шарахнул кулаком по столу, что статуя чудом осталась в вертикальном положении, а сама Сусанна подпрыгнула.

— Ты уверена, что выронила его?

— Я не знаю, — пролепетала Сусанна. — Знаю только, что у меня его нет. Собственно я и согласилась с ним ехать, потому что Реза обещал после фотосессии вернуть мне паспорт.

— Вот и говори теперь, что он нормальный!

Сусанна замотала головой.

— Пойдём поищем твой паспорт, — предложил Аббас и перевернул, кажется, всю спальню, заглянул и в тумбочки, и под кровать, и в шкаф. — Спрятал, козёл! Но ничего, ты главное не нервничай. Реза после приступов всегда смирный ягнёнок. Я из него вытрясу твой паспорт и отвезу тебя в гостиницу. Договорились?

Сусанна кивнула.

— Можешь пока собрать вещи, а я попрошу мать поторопиться с ужином.

Сусанна быстро кинула сарафан в чемодан. Собственно ничего больше она и не доставала. Только телефон. С ним она подошла к комоду, на который аккуратно положила ожерелье. Неужели то самое? Детская память отказывалась вспоминать. И всё равно она решила сфотографировать ожерелье на память — раз оно аутентично, то Нен-Нуфер точно будет его носить. А серьги? Сусанна потрясла головой. Ей гвоздики остались в гробнице. За вычетом её страха, равнозначный обмен!

— Ты ешь печёнку?

Она повернулась к Аббасу и кивнула.

— Когда Реза очнётся?

— Надеюсь, достаточно скоро, чтобы я не в ночи тебя вёз, но не так скоро, чтобы помешать нам с ужином. Пошли.

Аббас сел в конец стола, чему Сусанна несказанно обрадовалась — значит, его откровения закончились. От Резы и его болезни её уже реально подташнивало. Она не нуждается в живописных подробностях его сумасшествия. Она уже довольно испытала его на собственной шкуре.

Мадам Газия принесла то самое дневное крошево, рис и лепёшки. Отлично — она у них совсем разучится есть вилкой, и ладно. Главное, что уголки губ у хозяйки больше не опущены. Видно, сын с ней поговорил. Спасибо ему огромное.

Неприятный запах печёнки полностью перебивался восточными пряностями, но на вкус она оказалось жутко кислой — лимон, что ли, в ней? Не может же зелёный перец давать такую кислинку, но с рисом и хлебом всё пошло на ура. Или же живот просто не насытился мороженым.

Мадам Газия не села с ними, но зато принесла ароматный чай. Только отхлебнуть его Сусанна не успела, оглянувшись на дверь после фразы Аббаса:

— Perfect timing, bro!

Реза молча опустился на стул и вперил взгляд в аккуратно сложенную тарелку. Чисто вымытый, но жутко бледный. В свободной серой футболке с длинным рукавом и в джинсах. Как он вошёл в дом? Ах, да, в спальне, кажется не окно, а дверь — в сад. Значит, он уже видел её собранный чемодан. Впрочем, неужели он ожидал иной реакции после случившегося?

— Я ничего не буду, — замахал он на мать, когда та появилась из кухни с чистой тарелкой.

Аббас поставил на стол пустую чашку, поднялся и поманил брата за собой. Реза покорно поплёлся за ним, так и не взглянув ни разу на Сусанну. Хорошо, что она поела. Сейчас от жалкого вида хозяина дома у неё собственная печёнка встала поперёк горла.

Какое-то время Сусанна присидела за столом в полном одиночестве и в полной тишине, но вскоре её вновь оглушили арабские вопли Аббаса. Только на этот раз Реза ему отвечал, а потом кто-то из братьев с такой силой шарахнул дверью, что у неё в стакане задрожала ложка.

Аббас ворвался в столовую. Реза наступал ему на пятки.

— Я действительно не помню, куда положил паспорт. Что ты хочешь от меня?

Они перешли на английский здесь, специально для неё, или же она просто издалека не могла понять их речь и потому приняла за арабскую?

— Уже ничего! — орал Аббас. — Я хотел, чтобы ты изначально его не брал.

— Я его не брал! Она его потеряла, — теперь Реза ткнул в гостью пальцем, но не удостоил взглядом. — Почему ты не веришь?

— А потому что ты мне врешь постоянно!

— Ты мне тоже всю жизнь врешь!

— Я не играю с детьми в дурацкие игры!

— Она не ребёнок!

— Она ребёнок, идиот! Она ребёнок! Она ещё и из другой страны.

— Мы найдём паспорт. У нас есть два дня...

— Мы что, всю мастерскую перевернём? Вдруг ты туда отнёс.

— Если потребуется... Но этого не потребуется. Просто пойдём в посольство и сделаем ей документы.

— Тебе так хочется вновь туда идти?! — продолжал орать Аббас.

— У меня нет выбора, — отвечал спокойно Реза. — Я беру на себя ответственность за случившее, — и он наконец повернулся к Сусанне. — Не переживай. Я завтра, надеюсь, всё вспомню.

Аббас вытащил телефон:

— Нужно заявление из полиции.

— Зачем? У неё его не украли.

— Ага, — нагло усмехнулся Аббас. — Если паспорт потерян, тоже нужно заявление... У тебя, малыш, есть какой-нибудь документ с фотографией?

— Студенческая карточка.

Сусанна удивлялась своему слоновьему спокойствию. Блин, она без документов теперь! Впрочем, после всего, это, пожалуй, самое простое... У родителей есть копия паспорта. О, нет... Это же надо будет рассказать, где она потеряла паспорт и кто пойдёт с ней в посольство. Нет! Мистер Атертон, ну напрягите память! Мозги вам напрягать бесполезно!

— А есть знакомые, способные подтвердить личность? — продолжал читать с телефона Аббас.

— Есть.

Только Паши с Мариной не хватало! На их месте она бы сказала, что они не знают эту дуру. Или групповод? У него всё-таки доверенность на неё... Мистер Атертон! Ну, ёлки...

— Отстань от неё, Аббас. Всё сделаем в срок. В крайнем случае, купим новый билет.

— У меня школа в понедельник.

И зачем она это вставила?

— Ты ему про школу не говори, он не знает, что это такое...

Реза промолчал, и Аббас вышел в кухню к матери, но, услышав его речь, Реза кинулся следом. Ну и Сусанна не осталась на месте. О чём на этот раз спор? Явно о ней, раз Аббас тычет в неё пальцем. Мадам Газия даже позволила себе повысить голос, но Аббас не унимался, и Сусанне показалось, что он готов наброситься на брата с кулаками. Наверное, не показалось, потому что мать встала между братьями и, когда Аббас, плюнув, вышел из кухни, она, наглаживая Резе спину, вывела его обратно в столовую, куда Сусанна успела ретироваться от греха подальше. Хозяйка взяла с подноса чашку и наполнила до краёв чаем.

Реза произнёс тихо:

— Шакар, Латифа.

И она ушла. Реза медленно потягивал горячий чай, не поднимая на Сусанну глаз. Ему стыдно, что она видела его в таком состоянии. Он планировал шокировать её драгоценностями и костюмами, а получился этот ужас со шприцем и мумией. Мумией... Хотелось задать ему вопрос, но она боялась первой нарушать тишину. Наверное, это не тот случай, когда женщина первой заговаривает с мужчиной. После трёх печений, она стащила с блюда ещё с десятков фиников, и во рту стало можно открывать сахарную фабрику!

— Сусанна, ответь на один вопрос и больше ничего не говори, — Реза поставил пустую чашку на блюдце, но глаз на Сусанну не поднял. — Мне есть за что извиняться? Или я вёл себя пристойно?

Он ничего не помнит. Совсем ничего... И боится, что перестал быть джентльменом, оттого и глаз не поднимает.

— Нет, Реза, тебе не за что извиняться, — И он тут же поднял на неё глаза, покрасневшие то ли от гари факела, то ли от попавшей в них краски. — Если только ты не обидел меня словами, которые говорил.

Она улыбнулась, но он не подхватил улыбки.

— Нет, словами я тебя точно не обидел. Спасибо, что ответила. Мне это очень важно.

— Мне это тоже важно, Реза. И ещё... Это настоящий ребёнок?

Реза кивнул.

— Настоящий. Ты же видела, там всё настоящее.

— И статуя?

— Которая? — теперь губы Резы искривились в улыбке, но слишком уж грустной. — Аббас сказал, что ты её видела.

— Обе, наверное, — теперь пришлось опустить глаза Сусанне.

— Настоящие. Из этой гробницы. Можно ещё вопрос?

Сусанна кивнула.

— Что ты почувствовала, когда взяла на руки ребёнка?

Она так долго смотрела ему в глаза, что успела сосчитать все лопнувшие сосуды.

— Я так испугалась за тебя, что забыла свой страх. Вернее, брезгливость. Всё же это ребёнок...

— И всё?

А что ещё? Вы уж наводящие вопросы задайте, мистер Атертон, чтобы понять, по каким полочкам раскладывать чувства...

— Ты так аккуратно уложила его спать...

Спать? Вы именно этот глагол использовали? Я не ослышалась?

— Я боялась его сломать.

Давайте уж, мистер Атертон, говорить начистоту: вы чокнутый, а я пока нет. А вообще лучше прекратить разговор, хотя...

— Это гробница ребёнка?

Реза покачал головой.

— Нет. Детей, умерших раньше родителей, клали в приготовленную для отца гробницу. У меня глаза не рентгеновские, но, похоже, этот ребёнок родился до срока. Во всяком случае мне так показалось по его деформированным конечностям, когда я его перепелёвывал.

Зачем? Вопрос можно было не произносить. Он высветился на лбу, как на электронном табло.

— Тряпки были слишком ветхие... А класть ребёнка обратно в саркофаг голым я посчитал кощунством. Ты ведь хочешь спросить другое, — продолжил Реза без паузы. — Раймонд действительно рыл винный погреб, а нашёл, что нашёл. Нетронутую гробницу, которая могла прославить его не хуже Картера. Но он выстроил вокруг дома высокий забор и никому не сказал о ней.

— Почему?

— Поначалу, думаю, потому что открыл её самостоятельно, да ещё во время войны, когда все раскопки заморозили, а потом... — Реза пожал плечами. — Да кто ж его знает! Семейная хроника умалчивает, — он улыбнулся по-старому добро, без сарказма. — Довольно на сегодня мумий. Поверь, это не было запланировано.

— А остальное?

Зачем спрашивать? Ты знаешь ответ. Он всё приготовил для тебя. И ты знаешь, как должна отреагировать на его кивок.

— Спасибо.

Больше добавлять было нечего. Она впервые поблагодарила его от всего сердца.

— Я боялся, что тебе не понравится. Боялся, что ты не захочешь играть в эту игру... Я слишком боялся. А мне нервничать нельзя...

Так вот причина приступа? Значит, всё из-за неё? Ну, всё, как всегда... Старинная песня! Без вины виноватая! Якобы нервничал, гадая, какое впечатление произведёт на неё его балаган тщеславия! Только вид у него настолько потерянный, что во всё поверишь. Суслик... Заткнись, а? Тебе цветов, кроме папы, никто не дарил!

— А можно взглянуть на пруд?

Реза кивнул, поднялся и протянул ей руку. Ту, в которую недавно вошла игла. Ту, на которой оставалась заметной рана, спасшая её от придурка на улице.

Они прошли мимо кустов, закрывавших вход в гробницу, и Сусанна содрогнулась.

— А мумия отца есть?

— Нет. Больше нет.

— Раймонд передал её музею?

Реза рассмеялся.

— До сих пор никто не знает про гробницу. Он содрал в первой камере все росписи, чтобы никто из посетителей мастерской не догадался, что находится за стенкой. В угоду своей художественной страсти и дани первой египетской профессии, он всё зарисовал. По его рисункам я и восстановил росписи...

Реза раздвинул кусты — гранатовые, небось, и вывел Сусанну на площадку. В свете

окаймляющих пруд фонариков, она увидела мозаику из лотоса, и в тёмной воде уже раскрылись белые цветы.

— Прекрасный лотос в мутной воде... Как чистая душа в несовершенном теле...

Мистер Атертон, уберите с моих плеч руки! Тело моё точно несовершенно... Абсолютно... Да пустите же меня!

Сусанна дёрнула плечами и чуть не свалилась в пруд, но Реза успел ухватить её за руку?

— Устала?

От вас, мистер Атертон! От вас! Куда вы опять меня тащите?

— Мне хочется показать тебе рассвет над пирамидами. С крыши открывается прекрасный вид. Сейчас спальня в твоём распоряжении, — он распахнул дверь и откинул портьеру. — Если уснёшь сразу — хорошо. Тогда я смогу разбудить тебя тихим стуком в стекло. Если же ты его не услышишь, спи дальше... У нас в запасе ещё один рассвет.

— Если вы найдёте мой паспорт.

Сусанна нырнула под портьеру. Реза остался на улице.

— Я совсем забыл про паспорт, — он мотнул бритой головой, и Сусанна поверила в забывчивость — Реза явно ещё не пришёл в себя до конца. — А ты хочешь, чтобы я его нашёл?

Прежняя улыбка и уже недобрая.

— Очень хочу!

Реза нагнулся к ней, но не коснулся губами щеки.

— Лейла Саида.

И Сусанна сама закрыла дверь, повернув замок. Зачем, Суслик? Вторая дверь всё равно не закрывается. Чем баррикадироваться будешь? Страхом! Чем ещё?

Сусанна достала из чемодана щётку — чистка зубов всегда успокаивает. Всегда! Только в ванной комнате не оказалось ни мокрого платья, ни мокрых полотенец. Реза сам прибирался? Ага, мужчины в этом доме ничего не делают. Мадам Газия всё убрала. И за ней тоже.

Сусанна вернулась к комоду, чтобы снять тяжёлые серьги. Ёлки, ожерелье исчезло, а на его месте лежали её серёжки. Отлично! Что-то он забыл, а о чём-то прекрасно помнит! Главное, пусть не забывает, что спальня в её личном распоряжении хотя бы до рассвета!

Глава 26

Кровать действительно оказалась слишком большой для одного человека. Сусанна попыталась лечь сначала на один край, потом на другой, затем на середину, но сон не шёл. Тогда она включила лампу и уставилась на растёкшуюся по потолку тень, но и это не помогло уснуть. Тяжело вздохнув, Сусанна откинула одеяло и подошла к двери в сад. Прогуляться, что ли, у пруда? Нельзя! Вдруг там Реза! И всё же можно подышать воздухом через щёлку, но только лишь Сусанна открыла дверь, по её ногам тут же скользнула мягкая шерсть.

— Так это ты снова не давала мне уснуть?

Но Санура ничего не ответила и запрыгнула на подушку.

— Отлично. Теперь мне не осталось выбора, куда лечь.

Только кошка опять промолчала, и Сусанна забралась обратно под одеяло. Однако лампу выключать не стала. С кошкой и светом спокойнее. Если он будет выключен, она

точно будет знать, что кошмар происходит во сне, а не наяву. Спокойного сна тебе, Суслик!

Кошка вытянула лапу и дотронулась до Сусанны.

— Погладить?

В ответ раздалось урчание, и Сусанна вновь уткнулась носом в тёплый бок. Сон только того и ждал, чтобы принять её в свои объятия. Однако оказался кратким. Или не очень... Или вообще продолжался, ведь в комнате было темно. Сусанна потянулась к лампе и увидела подле себя тень. Только испугаться не успела, потому что тень обернулась и заговорила:

— Я не хотел тебя разбудить.

Реза отошёл от кровати к открытой двери в коридор.

— Я заметил свет и решил, что ты не спишь, а потом хотел тихо выключить лампу, но не получилось, увы. Ты всегда засыпаешь со светом?

Какая разница, что она начала бояться темноты только в Египте. Можно согласно кивнуть.

— Как Санура сюда попала?

— Я впустила её. Зачем же ей из-за меня лишаться привычного места!

— Она никогда не спала на кровати. Тем более со мной.

— Прости, я не знала, — Сусанна тронула подушку: песка на ней, кажется, нет.
— Чисто. Но можно сменить наволочку.

Реза едва слышно усмехнулся.

— Это что, приглашение присоединиться к тебе?

Дура ты, Суслик! Язык бы тебе морским узлом завязать!

— Я подумала...

Да ничего ты не подумала! Ты ляпнула чушь, чтобы только не молчать в ожидание того, что скажет он. А вот что подумал мистер Атертон...

— Я рад, что зашёл... Никогда не думал увидеть в своей кровати женщину...

Сусанна подтянула одеяло к самому носу. Лучше бы она погасила свет. Он не отогнал кошмар, он привёл его к ней.

— Спи, моя царица. Я приду за тобой на рассвете.

И Реза ушёл и даже дверь затворил. Сусанна выдохнула. Он ушёл и забрал с собой сон. И кошки нет, чтобы обнять. Зачем выгнал бедное животное? Или Санура сама сбежала при виде хозяина? Она бы тоже сбежала, будь у неё документы.

Она закрыла глаза. Бесполезно. Свернулась калачиком. Не помогло. Вытянула ноги, и одеяло странно зашуршало. Включила свет. В ногах лежал лист бумаги. Вот зачем приходил Реза! Принёс очередной, миллионный по счёту, рисунок, чтобы она нашла свой портрет на рассвете. Ничего. Она найдёт его прямо сейчас.

Листов оказалось аж три. И то были не рисунки, а распечатанный английский текст. Ничего, у неё по переводам всегда пятёрка. Это разговорной практики не было. До нынешней недели.

«Шёл двадцатый день четвёртого месяца времени сбора урожая пятого года правления царя двух земель Тети III. Бог-солнца Ра в своём ночном путешествии уже достиг четвёртой провинции и вновь установил на земле иерархию четырёх рас, где выше всех стояли люди Кемета, затем белые-ливийцы, за ними жёлтые-азиаты и наконец чёрные-нубийцы, а фараон до сих пор не спал. Он вслушивался в тишину дворца, стараясь уловить дыхание Сети, спавшего за занавеской. Ровное. Значит, не проснётся, когда он на цыпочках пройдёт мимо, чтобы направиться на террасу. Там он ляжет на голые плиты, и, возможно, их холод подарит долгожданный сон. Только Сети проснулся и с тревогой уставился в лицо брата.

— Райя, ступай спать.

Всегда, когда Сети хотел напомнить фараону о братском авторитете, он обращался к нему по имени, данному отцом при рождении. Имя, которое он принял после восхождения на престол, не часто произносилось вслух, больше значилось в официальных документах. Им он подписал вчера свиток, чтобы опустить в Реку для начала половодья. Правда, рука дрожала сильнее вод Великой Реки. В месяц шему, когда каждый житель Кемета, вышедший из младенческого возраста, спешит помочь со сбором урожая, властитель двух земель, вместо

серпа, взял в руки фиал с вином. И не сладость винограда оставалась на губах, а горечь бессилия перед судьбой...»

— What the fuck!

Сусанна поправила подушку, чтобы удобнее было подсунуть листы под лампу. Суслик, ты же сама велела ему писать продолжение! Я не говорила этого вслух! Так он, похоже, научился читать твои мысли...

« — Ступай спать!

Сети поднялся с походной кровати, которую велел поставить подле царской спальни, и сжал кулаки. Фараон вздрогнул, припомнив детские драки из-за вечно сломанных луков. Сейчас Сети не посмеет его ударить, и всё же прежнее преклонение перед силой братских кулаков страхом поднялось в груди фараона.

— Не могу уснуть, — сказал он жалобно, совсем как ребёнок, пришедший ночью в материнскую спальню.

— Пригласить к тебе светлоокою ливийку?

Ох, как жаль, что он был босым. Так бы и запустил в наглое лицо сандалией! Да, их никто не слышит сейчас, но сколько можно изводить его язвительными шуточками!

— Это последний раз, когда я позволил себе с тобой откровенность.

— Конечно, — Сети продолжал сжимать кулаки. — Больше тайн и не будет, потому что ты теперь не в состоянии вывести колесницу даже из ворот! Никогда не думал, что из-за женщины ты позабудешь долг перед Кеметом!

— Я помню свой долг. Много лучше чем ты свой! Научись придерживать язык с фараоном, как ты сдерживаешь коней в его колеснице!

— Я сдерживаю коней, чтобы сохранить тебе жизнь. И сейчас я бросаю тебе в лицо правду про твою жрицу, чтобы сохранить для Кемета правителя.

— Нен-Нуфер не имеет к этому никакого отношения! Сколько раз я должен повторить это?

— Столько, сколько необходимо, чтобы я поверил тебе, — выдохнул Сети. — Это началось с разговора со жрецом, и не смей отрицать! Что ты попросил у Пентаура? Разрешения уложить на своё ложе жрицу Хатор!

— Не смей!

Кулаки сжались сами собой, но фараон заставил ноги стоять на месте.

— Не смей приписывать мне грехи, которых за мной нет! Я довольно прогневал Великую Хатор, но нынче и душа, и тело мои свободны от греховных помыслов. И я вижу, что Хатор простила меня... Я столько молил Пта, и он не слышал меня, но стоило жрице Хатор замолвить обо мне слово — я получил ответ.

Сети сделал шаг к фараону и теперь мог бы дотронуться до его груди, но нет, даже наедине он не позволял себе лишних вольностей.

— Так Пентаур принёс ответ от Амени?

Фараон покачал головой.

— Мы говорили с ним о твоей дочери.

— Какой прок в беседах с простым жрецом, когда мы ждём разрешение от Амени?

— Пентаур не простой жрец. Он жрец бога Пта и отличный врач. Даже если Амени даст разрешение на брак, я не возьму твою дочь.

На мгновение воцарилась тишина. Сети открыл рот, но фараон успел остановить его поднятием руки.

— Я возьму твою дочь, но не сейчас. Когда мы видели Асенат последний раз до прошлого разлива Реки, у неё и груди ещё не было...

— Девочки взрослеют очень быстро, — не смог сдержаться Сети.

— Насколько быстро... Даже если грудь её станет половинкой граната, Асенат не готова ещё стать матерью. Я слишком её люблю, чтобы подвергать опасности.

— Ты взял Никотрису в тринадцать. Асенат скоро исполнится двенадцать.

— Не сравнивай их. Никотриса уже в десять лет носила платья. Она в мать. И твоя дочь в мать. Сам вспомни, как тяжело было в родах твоей жене. Я не сделаю подобного с твоей дочерью.

По лицу Сети ускользнула тень.

— Ты только что сказал, что я не люблю жену.

— Я этого не говорил. Я сказал лишь то, что не хочу подвергать твою дочь опасности, которой ты подверг её мать по незнанию. Ты не виноват, а мне придётся каяться и перед Хатор, и перед Таверет, если с Асенат случится беда. И вот потому я пью. Потому что оставляю Кемет ещё на три года без наследника. Отец слишком рано ушёл в иной мир, вручив мне бесплодную жену.

— Теперь ты обвиняешь отца! Ты знал с рождения, что женишься на Никотрисе, потому что нет больше во дворце царской крови, достойной тебя, и то не был выбор отца, то был выбор Богов. И теперь выбор Богов — моя дочь, и никто из нас не смеет противиться высшей воле.

— Ты ничего не знаешь про волю богов, а я знаю! — фараон поднял руку и оттолкнул брата. От неожиданности Сети даже пошатнулся. — Моя гробница закончена. Осталось расписать её. И если я не дождусь брака с твоей дочерью...

— Ты и в правду не дождёшься, коль не прекратишь пить!

— Не смей перебивать своего повелителя! — уже рычал фараон. — Если я умру, ты отдашь Асенат Райе, и в их наследнике будет довольно отцовской крови, чтобы править Кеметом. А пока мой сын подрастает, ты будешь направлять его действия во благо Кемета.

— Райя, ты болен? — голос Сети задрожал. — Ты что-то скрываешь? — Фараон покачал головой. — Так отчего ты вдруг заговорил о сыне, которого даже не ты учил стрелять из лука?

Фараон отвернулся.

— Я был ему плохим отцом, но я хочу остаться добрым дядей для Асенат много больше, чем плохим мужем. Мой Райя на год младше твоей Асенат, но когда придёт время, он будет уже способен произвести потомство, и она будет способна родить здорового ребёнка, — фараон тяжело вздохнул и поманил к себе Сети. — Не смотри, что Райя бастард. Смотри на то, что в нём моя кровь. И рождён он был в любви.

Фараон схватил Сети за плечи и уткнулся головой ему в грудь.

— Отчего Боги столько лет оставались глухи к моим молитвам? И отчего хватило одной от Нен-Нуфер, чтобы у меня открылись глаза? Отчего?

Сети обнял его и прошептал на ухо:

— Я не понимаю тебя, Райя. Что она сделала, кроме как раздражила тебя своим телом?

— Она сказала, что молится за меня и Никотрису, и той же ночью я, тая последнюю надежду, отправился к Никотрисе. И что думаешь? — фараон продолжал прятаться на груди брата. — Я оказался бессилён. Что только она ни делала... И так весь этот месяц...

Сети затряс царственного брата за плечи:

— И потому ты пьёшь? Неужели? Никотриса никому не скажет.

Фараон усмехнулся.

— За кого ты меня принимаешь? Во дворце довольно женщин, чтобы опровергнуть её слова. Я пью, потому что отец ушёл слишком рано, оставив по себе никчёмного правителя, с которым не желают говорить Боги! Отчего я тратил на Никотрису столько лет вместо того, чтобы заниматься сыном? Слушай, не будь я тогда с Райей, я бы не узнал от него про Кекемура. Это знак от Хатор. Знак от неё, не от Пта. Это знак, что я должен теперь воспитать себе достойную замену. Райя умён, хотя и взбалмошен, как его мать. Он не усидчив в ученье, но коль найти ему достойного учителя, — теперь фараон держал брата за плечи. — Я всё думал послать его к Пентауру... Или Амени даст моему сыну иного учителя. И Асенат, твоя Асенат может учиться вместе с ним, и тогда я спокойно смогу начать роспись гробницы.

Сети молчал и не двигался, а потом сказал совсем тихо:

— Ступай спать, Райя.

— Я не могу уснуть. Неужто ты не понимаешь!

— Тогда я приведу к тебе кого-нибудь.

— Я не хочу женщину. Я хочу спать. Но Боги лишают меня сна...

— Ты сам лишаешь себя сна чрезмерными возлияниями и чрезмерными мыслями. Я приведу к тебе женщину, и ты уснёшь.

— Нет, лучше отведи меня на террасу. Ночные воды Реки дарят спокойствие и прохладу. Там я сумею уснуть.

И братья молча пошли плечом к плечу по длинному коридору, через тронный зал на террасу, затенённую пальмами от лунного света, и легли прямо на пол, будто вновь были мальчишками.

— Надо будет как-нибудь взять сюда Райю. Ему понравится, — сказал фараон, лёжа с открытыми глазами. — Я хочу послать в Фивы богатые дары. И обязательно скажу Тирии про Нен-Нуфер. Она не должна быть простой жрицей. Её слишком любят Боги.

Сети сжал брату руку.

— Её слишком любит фараон. Так что не смей даже заикаться о Нен-Нуфер перед Тирией. Женщины читают по глазам. Не навреди Нен-Нуфер за всё то добро, что она сделала для тебя.

Фараон минуту лежал молча.

— Наверное, ты прав. Она уже слишком натерпелась за меня... Я должен был оказаться подле Реки...

— Там оказался твой стражник. Это одно и то же. Не забывай, что ты правитель двух земель, а она всего лишь одна из жриц. И она не сделала ничего особенного. Мы приносим в храмы приношения, чтобы жрецы молились за нас.

— Ты снова прав. Возможно, ты должен воспитывать моего сына?

— Я ничего не смыслю в воспитании мальчиков. Не напрасно же Боги посылают мне одних дочерей, — усмехнулся Сети и подсунул руку под голову брата. — Спи, Райя. Я разбуду тебя на рассвете, и вместе с солнцем ты наконец вылезешь из хаоса мыслей и действий.

Но Сети ошибся. После прочтения гимна Осирису фараон, пошатываясь, спустился в пустые по воле брата покои. Сети опустился перед повелителем двух земель на колени и снял с него юбку, а потом за руку, словно ребёнка, спустил по двум ступенькам в купальню.

— Дальше я сам.

И всё же, когда фараон опустился в мраморную ванну, Сети успел первым поднять сосуд с водой и опрокинуть одним махом на голову царственного брата. Тот отряхивался и фыркал, как лошадь.

— Ещё один, и я сумею держать глаза открытыми.

Сети исполнил просьбу и велел подниматься. Завернувшись в простыню, фараон вышел из ванны и принялся несуразно растирать тело, пока Сети не сорвал с него простыню и не вытер насухо в два счёта, после чего фараон покорно растянулся на скамье. Сети ударил в ладоши. Тут же явились прислужники, и в шесть рук принялись натирать маслами мускулистое тело повелителя. Молоденькие служанки опустили на стол в царской опочивальне блюдо с финиками и фиалы с вином, и когда Сети подал им знак удалиться, фараон вскарабкался по ступенькам и рухнул в кресло. Царская рука тут же потянулась к фиалу.

— Ты обещал...

— Напомни мне это за ужином, — улыбнулся фараон, — а сейчас вели принести сенет. Я должен встряхнуть мозги перед встречей с чати.

После трёх проигранных в угоду брату партий Сети кликнул прислужников, и те помогли фараону облачиться в длинную юбку из тонкого льна и огромный воротник на половину груди, прикрыли плечи платком и возложили на голову корону с коброй. Братья вновь, как и ночью, двинулись по длинному коридору в сторону тронного зала. Только нынче плечи их не касались друг друга. Поступь фараона была тяжёлой, он смотрел вперёд и с каждым шагом двигался все быстрее и быстрее. Мимо проносились колонны в виде стеблей папируса, под ногами плыла плитка со сценами охоты, которую он всегда любил рассматривать, но сейчас он старался не опускать глаз, чтобы не запнуться. Фараон прошёл мимо склонённых стражников и быстрее обычного пересёк тронный зал, чтобы отыскать в троне желанную опору. Перед началом приёма посетителей предстояло выслушать сводку о сборе урожая. Фараон из последних сил сверял в уме услышанные цифры и, когда чати велел ввести первого просителя, несчастный правитель уже почти спал. Лицо фараона оставалось бесстрашно-спокойным, когда он изрёк:

— Хентика, сегодня ты сам вершишь суд.

— Слушаюсь, Божественный, — жрец Маат склонил перед троном голову, и богиня божественного равновесия и порядка, изображённая на его груди, вздрогнула, но фараон безучастно поднял к потолку глаза и сложил руки на коленях.

Просители сменяли друг друга, но правитель двух земель их не видел — перед его взором летали голуби, нарисованные на голубом небесном фоне потолка. Ладья Амона слишком медленно двигалась на Запад, и до того момента, как небесная ладья Осириса серебряным полумесяцем появится на горизонте, отпустив его спать, оставалось слишком много часов.

— Божественный может отдохнуть, — от шёпота чати фараон вздрогнул. — Нынче слишком много просителей.

Маат сжалась над ним! И фараон чуть ли не бегом выбежал на террасу. Сети поспешил следом, чтобы принять корону.

— Я буду у пруда, если потребуюсь тебе. По пустякам или из-за обеда никто не смеет меня тревожить.

Сети кивнул, и фараон начал спускаться в сад, отмахиваясь по дороге от прислужников, чтобы те не вздумали идти за ним с опахалами. Добравшись до пруда, он думал сначала выловить голубой лотос, но решил, что сонливости ему нынче довольно и без дурмана. Он развалился в кресле, наслаждаясь тишиной и одиночеством, и даже расстроился, когда на соседнее кресло запрыгнула кошка.

— Прислужница Великой Бастет, я давно забыт Богиней... Быть может, в том её милость, ибо даже это ожерелье не в силах вынести мои плечи... А мне так нужна сила, чтобы отворотить неизбежное от моей несчастной Асенат.

Кошка перепрыгнула ему на колени, и фараон прижал её рукой, опустил тяжёлые веки и мгновенно уснул. Только Бастет не желала дарить властителю Кемета покоя. Кошка слишком сильно оттолкнулась лапами от живота, и фараон проснулся:

— Вернись!

Пусть хотя бы Бастет не покидает его! Он протянул руку, но кошка стояла слишком далеко. Ничего, он догонит её, если только сумеет выпрямиться. Кто это здесь? Кто посмел нарушить его приказ?

Глаза скользнули по тонким босым ногам, выше к платью, прикрывшему едва приметную грудь. Асенат! Он уже почти выкрикнул её имя и раскрыл объятия для непослушной дочери такого же непослушного отца, скрывшего от него возвращение племянницы, но тут туманный взгляд заметил у кустов ещё одну фигуру. Конечно, кто отпустит Асенат одну... О, нет, Великая Хатор, с одного фиала не может быть видений... Ты ведь не послала вновь свою жрицу во плоти.... »

Сусанна отшвырнула листы. На третьем пропечаталась всего лишь одна строка. На пустом листе должно быть продолжение того, на чём они остановились в гробнице. Хорош же, мистер Атертон! Как он смог написать столько текста за те пару часов, которые она спала? Может, наркотик — энеджерджайзер для него. А для тебя, Суслик? Ведь мистер Атертон ждёт твоего хода. Это же ролевая игра, ты ещё не поняла? Аббас же обвинил брата в том, что тот играет с тобой. Но ведь текстовая игра не опасна. Так чего ты ждёшь? Пиши ему ответ. На английском? Нет, я и так в переводчик в итоге залезла... Пиши, он ждёт. Нет, он спит. Озвучу ответ на рассвете, когда он за ним придёт. Спустимся к пруду и озвучим... Может, и прислужница Бастет вернётся. Бойся прислужниц богини любви, кошки никогда не приходят одни, они приводят за собой хозяев... Ступай уже спать, глупый мозг! Хватит доводить меня!

Сусанна погасила свет и уткнулась в подушку. На соседней лежали листы, но утыкаться в них носом она не стала. Она ведь только-только из них вылезла!

Глава 27

— Wake up, sleepy head. And don't ask me for another five minutes this time 'cause we have only five minutes left. Get up!

И Реза сорвал одеяло, которое Сусанна изо всех сил пыталась удержать у носа. Она специально улеглась в шортах, хотя их длина не оставляла простора для фантазии. Времени на одевание, как она и предположила, ложась спать, ей не дали. Уж лучше так, чем нестись за ним совсем голой.

— Я прочитала о фараоне, — выдала она уже в коридоре, но Реза только рукой махнул. Свободной! Другой он с такой силой сжимал её пальцы, что приходилось перепрыгивать ступеньки, чтобы не распрощаться с рукой. Не мог, что ли, разбудить на десять минут раньше?

На крыше её поджидала кошка. Он, выходит, не выгнал Сануру, а забрал себе для тепла. Радуйся, что не тебя! Потому что потом так же прогонит, как согнал кошку, выдернув из-под спящего животного плед. С богатой бахромой. Небось из запасов Латифы. О, она имя запомнила!

— Грейся пока!

Хорошо, что Реза накинул ей на плечи плед, а не футболку, которую стащил с себя. Сусанна отвернулась, не в силах видеть его руки, но вопрос относительно тела оставался открытым — на нём действительно ничего не растёт, или мистер Атертон умудряется каждое утро брить грудь? Самостоятельно! Над фараоном-то корпела толпа прислужников!

Уже почти рассвело, но пальмы оставались синеватыми, хотя на горизонте уже появилась яркая полоса... Появилась и исчезла, потому что под тяжестью руки Резы пришлось опуститься на колени и ощутить всю прелесть тростниковой циновки, на которой спала Нен-Нуфер. Надо было в джинсах спать ложиться! Мистер Атертон-то в джинсах. А ты радуйся, что он ограничился снятием футболки... Ограничился? О, нет...

Теперь она точно вперит взгляд в Пирамиды, пусть и скрытые пальмами, и не повернёт головы даже на тридцать градусов. Впрочем, боковое зрение никто не отменял, и его голые ноги совсем рядом.

— Переодевайся! Живо!

Перед носом появилось льняное платье. Живо — это значит за секунду? Сколько уже минут из пяти прошло? И переодевайся — это значит полностью? Впрочем, она вопросы вслух не задавала, боясь потерять драгоценные секунды. Суслик, а тебе уже нормально перед ним голой стоять, да? На две секунды, на две секунды! И только она оторвала руки от коленей, расправляя платье, руки Резы тотчас сомкнулись за её шеей. Ожерелье! И серьги... Так он за ними ночью заходил и браслетами. Какой спектакль на этот раз заготовил?

— А макияж? — спросила Сусанна, когда вторая тяжёлая серёжка оттянула ухо.

— У кого на рассвете есть время на макияж?

Ах да, фараон только после гимна Осирису пошёл в купальню. А они куда — в пруд, потому что на верёвке остались сохнуть вчерашние полотенца...

— А драгоценности тогда зачем?

— Можно выйти голым, но без золотых браслетов нельзя — неприлично. Ну, а женщина всегда успеет надеть ожерелье. Даже с закрытыми глазами. Не так ли?

Он смеётся или серьёзно говорит? Какая разница?! Он первый, кто серьёзно отнёсся к твоему творчеству. Он ещё на развалинах Мемфиса сказал, что готов помочь. Вот и помогает... Даже слишком.

Реза вновь усадил её на циновку, но теперь ноги её спасала ткань платья, а вот у него юбка всё же была коротковата. Бедный, и всё для неё старается... Да для себя он это делает! Закатай губу, идиотка! Ему нравится играть. Не ты первая! Аббас ведь использовал множественное число, произнося фразу «playing with kids». Главное, чтобы мистер Атертон не заигрался, потому что свиток, который он аккуратно опустил перед собой, придавив края камушками, точно не копия, слишком уж ветхий папирус. С ним явно похоронили фараона. Ему тысячи лет... А про мумию он так толком и не сказал. Её нет, но где она?

— Ты знаешь слова гимна Осирису?

Сусанна кивнула. Знаю... Читала... Наизусть не учила, и точно не по-английски.

— Тогда ты понимаешь, о чём идёт речь. Теперь просто повторяй за мной настоящий текст. Я буду проговаривать египетские слова медленно.

— Египетские?

— Ну не на английском же нам его читать!

Он смеётся или злится? Ничего, Суслик, повторишь. Ты английский долго повторяла за учителем, нифига не понимая... А сейчас будто понимаю! Похоже, не очень... Только на школьную пятёрку, а вот по жизни, кажись, ты, Суслик, двоечница, потому что тобой крутят, как хотят! А мне нравится игра, так что отстань! А то с Пашей, сытым музеями, кальян бы сейчас курила...

Сусанна уставилась на рисунки папируса. Почему в музеях они все рваные, а тут полотно, пусть и истончившееся от времени, но целое и яркое. Суслик, ты дура! Мистер Атертон же рассказывал, что его отец по просьбе музея переписывал папирусы. Это не настоящий, но достаточно аутентичный, как всё, что делают Атертоны!

Голая коленка Резы касалась её бедра и жгла кожу даже сквозь лён, но Сусанна побоялась демонстративно отстраниться. Обидится ещё... К тому же, Реза уже начал читать гимн, и она начала повторять за ним странные звуки. Первые слова дались с огромным трудом и казались чужероднее арабских, но уже на середине она стала признавать уже сказанные ей в начале гимна слова, и они слетали с языка быстрее фразы Резы. А когда тот замолчал, Сусанна даже пожалела, что гимн такой короткий... Короткий? Когда они, взявшись за руки, поднялись на ноги, солнце уже выплыло из-за пирамид и окрасило пески в оранжевые тона. Она бы так и стояла тут, щурясь на небо, если бы коварный утренний ветерок не забрался под лён. Заметив её дрожь, Реза поднял с пола плед и укутал её в него по самые уши.

— Я сейчас заварю тебе чаю, — говорил он, растирая поперх пледом замёрзшие плечи. — Пойдём в дом.

Её действительно колотило, будто она вылезла из проруби. Ты просто не выспалась, Суслик, и струхнула, как всегда. Сейчас переоденешься и станет легче. Нет, не хочу снимать плед. Он меня согреет. Или чай. Мне чай обещали. Только где, в библиотеке, что ли?

— Я сейчас вернусь с чаем.

Реза усадил её на диван и выскользнул в дверь. Сам как кошка, вернее лев, или тигр на охоте. Босые ноги ступают бесшумно — не желает домочадцев будить. Зато ты своей зубной дробью разбудишь! О, Санура! И даже даёт обнять себя! Может, тебе тоже с таким хозяином холодно?

Сусанна подтянула ноги к животу. В плед можно не обращать внимание на то, что платье надето на голое тело. На ледяное тело. Да что ж такое? Может, простыла вчера? Стоит таблетку попросить, пока окончательно не развезло?

— С молоком и мёдом. Как в Англии.

Реза присел рядом, чтобы удобнее было придерживать горячую кружку у её рта. Сусанна сделала глоток. Пересластил, а ещё на мать наговаривает! Английский джентльмен, замотанный вместо штанов в тряпку... Картина маслом! Тогда представь, что он только что вышел из душа... Да не хочу я этого представлять! И с бритой головой он вообще на зека похож! Ещё скажи на скинхеда! На наркомана он похож, не забывай об этом! На обходительного наркошу...

— Реза, — промычала Сусанна, поняв, что тот не собирается отнимать от её рта пустую чашку. — Мне уже тепло.

Тепла ещё не было. Вернее оно было, но не от чая, а от взгляда, который приклеился к её губам. После её фразы Реза будто очнулся и машинально опустил чашку на пол. Зря ты так, Суслик. Теперь у него свободны обе руки... Так займи скорее его рот!

— Реза, — только бы от волнения не облизать губы! — Так что с мумией?

— Я же ответил — её больше нет!

Его тихий голос похож на рык. С чего это его так вопрос разозлил? Не вопрос, Суслик, а то, что ты отодвинулась на самый край дивана.

— Отец уничтожил её. Довольно такого ответа или хочешь услышать подробности?

Кажется, вчерашний ягнёнок переродился в волка. А был ли агнец божий вообще? Я что-то его не заметила...

— Раймонд жил очень скромно, стараясь растянуть то, что осталось от денег тестя, — начал Реза, не дожидаясь изъявления желания услышать продолжение истории многострадального рода Атертонов. — Доходов с экскурсий для богатых европейских туристов едва хватало на пополнение запасов виски. И вот пойми моего прадеда... Казалось бы, столько золота под боком. Боишься открыть тайну гробницы, так продай бедуинам статую по кускам. Так нет же, нет! Он только женские украшения взял да и то для того, чтобы подарить беременной Маргарет. Женские из мужской гробницы, понимаешь? Он решил, что фараон не очень разозлится на него за это. Понимаешь, к чему я веду?

Сусанна кивала. Что не понимать? Конечно, понимает... А вы, мистер Атертон, продолжайте. Вы ж про прадеда целый роман написали!

— Мой дед, пока срисовывал росписи в чужих гробницах, не считал открывателей и их покровителей ворами, а теперь вдруг понял, что нельзя брать чужое. Этими предметами фараон пользуется в загробном мире. Значит, взять их — как украсть у живого. Но зачем фараону женские украшения? Незачем. А у его бедной жены, отвергнутой отцом, есть только то, в чём она приехала в Александрию. Это жёны бедуинов носят всё золото на себе на случай, если муж вдруг прогонит. А Маргарет ехала в Египет почтить сестру, а не блистать на балах. Ну, а её сестра убежала из отцовского дома, можно сказать, вообще голой, окрылённая любовью. И вот Раймонд принёс ларец Маргарет и рассказал про находку. Она согласилась с ним, что об открытой гробнице лучше молчать до окончания войны, а потом пригласить в гости папу, и пусть он сам объявит о находке. Но когда она умерла, Раймонд ушёл в такой глубокий запой, что мог днями не подниматься из псевдопогребя. Наверное, тогда он и уничтожил росписи... Хотя это всего лишь мои предположения. В отличие от Картера мой прадед не вёл дневников.

— А откуда тогда ты знаешь его историю?

Кажется, Суслик, ты сумела поймать его на вранье! Ну, выкручивайтесь теперь, мистер Атертон!

— Дочери лорда всё записывали в тетрадки красивым почерком, — усмехнулся он. Фиг поймал такого! — А их общий муж только рисовал да в пьяном угаре уничтожал сакральные рисунки, созданные тысячелетия назад.

Сусанна заметила, как Реза передёрнул голыми плечами. Наглость, Суслик! Он тебе плед отдал. Спешил напоить чаем. Теперь утоляет твоё любопытство, а ты... Так пусть сходит в спальню за одеждой. Что ты мне предлагаешь?

Сусанне достаточно было чуть отвести руку с пледом, и Реза молча скользнул головой

ей на колени и расправил по своей груди край пледа. Только не усните тут, мистер Атертон! Суслик, пусть лучше спит, чем так плотоядно на тебя смотрит!

— А когда Маргарет умерла... Тогда кто писал в дневнике?

Мистер Атертон, ну продолжайте уже рассказ. Вы так не до мумии, а до меня доберётесь!

— А никто больше и не писал дневников. И никто так и не узнал про гробницу до маленького инцидента...

Реза замолчал и улыбнулся так нехорошо, что Сусанну вновь пробила дрожь. А потом так неожиданно вытянул из-под пледа руку и дотронулся до щеки Сусанны, что она откинула голову, оставив в его пальцах натянутую прядь.

— Когда же ты прекратишь меня бояться? — Реза вытянул из серьги запутавшуюся прядь. — Мужчины не устраивают с женщинами таких длинных прелюдий. Я не вор, я не беру чужого.

И он вновь спрятал руку под плед. На языке так и крутился вопрос — с чего она вдруг чужая? Но Реза заговорил раньше:

— Просто я не могу до сих пор поверить, что ты живая... Чёрт, — он тряхнул головой и почти уткнулся носом во втянутый живот Сусанны. — Представь себя на моём месте... Вот ты пишешь роман. Может даже делаешь к нему зарисовки — я ведь видел, что ты тоже рисуешь, и вдруг встречаешь своего героя во плоти. Это пахнет мистикой... Или сумасшествием... В моём случае вторым. Я несколько вечеров всматривался в тебя, пытаюсь отыскать десять отличий, — он вновь усмехнулся и вперился в потолок, вернее в кончик носа Сусанны, которая старалась глядеть прямо перед собой, чтобы забыть, что Реза лежит у неё на коленях. — Я искал и не находил. И начинал сходить с ума ещё больше... Я ведь не совсем соврал тебе... Когда рисуешь женщину в стотысячный раз, ты уже до безумия любишь эти черты... Понимаешь, только черты... И я убеждал себя, что в моих рисунках пустота, а в тебе есть душа, которую я не смею ранить.

Сусанна чувствовала, как сердце подскочило к горлу.

— Я сама взяла ключ.

Суслик, зачем ты напоминаешь ему... А я не могу. Не могу больше слушать его слова... Он сумасшедший, а я нормальная. Я понимала, что будет, а он нет... Я видела перед собой просто необычного мужчину, а он... Он видел своё наваждение. Ты опять его оправдываешь... А, может, он играет с тобой... Ага, и Аббас играет! Я собственными глазами видела ворох рисунков! Их невозможно нарисовать за три дня даже мистеру Атертону!

— Ты не понимала, что делаешь, а я понимал... — Реза прикрыл глаза и сложил на груди руки.

— Не лежи как мумия! — почти вскричала Сусанна и тут же почувствовала его руки на своей талии.

— Так лучше?

Сусанна молча кивнула, не в силах попросить его просто сесть рядом и закутаться в плед. Ей он больше не нужен!

— Так что с мумией?

— Её больше нет.

— Это я уже слышала.

— Ты её даже видела.

Сусанна опять задрожала, и Реза сильнее прижал её к себе.

— Ты видела её последнюю часть в шприце...

Суслик, он же конченный псих!

— Там был героин, — Сусанна надеялась, что правильно произнесла слово. Надо было сказать «drugs», но хотелось показать себя умной, чтобы он прекратил нести чушь!

— Это Аббас так думает.

Сусанна взглянула в лицо Резы, тот вновь лежал с закрытыми глазами, но продолжал говорить, и речь его, пусть медленная, оставалась достаточно чёткой и плавной.

— Ты слышала про средневековое лекарство, которое готовили из мумий? — Сусанна кивнула, на уроках истории говорили про это средневековое медицинское шарлатанство. — Ну так вот... Не знаю, как мой отец дошёл до такой степени помешательства, но он решил, что это спасёт меня. Откуда он взял рецепт, не знаю, и что в нём, кроме мумии, не знаю тоже... Он колол мне его сам, пока я был маленький, а когда приступы участились, а ему приходилось надолго отлучаться в музей, он научил меня смешивать порошок с кровью скарабеев. Ты ещё меня слушаешь?

Сусанна кивнула, но потом сообразила, что он не смотрит на неё, и сказала вслух «yes, I do».

— В крови насекомых нет эритроцитов, потому она не красная, а немного желтоватая, но в ней тоже растворен дыхательный пигмент — гемоцианин — бесцветный белок. Тебе это не интересно, знаю... В общем, возможно я подсел на шарлатанство, но даже если эта дурь просто успокаивала меня психологически и потому помогала телу снова начать дышать, я обязан жизнью этому фараону. И потому я восстановил все росписи в гробнице, чтобы и он продолжил наслаждаться загробной жизнью. Вот так... Если ты считаешь меня сумасшедшим, я не обижусь.

— Как же он насладиться жизнью, когда его тела больше нет?

Суслик, ты действительно задала этот вопрос? Да, с сумасшедшими следует поддерживать разговор, так учат в полицейских боевиках. Разве не так?

— Ну, египтяне, конечно, умели делать мумии, но при этом понимали, что ничто не вечно... Потому клали в гробницу статую умершего. Если с мумией что-то случалось, то Ка переходил жить в статую.

— И потому ты разговариваешь со статуей?

— Нет, — усмехнулся Реза. — Я разговариваю со статуей, потому что долго считал его живым, он — друг детства. Про то, что его тело постепенно перебирается жить в моё, я узнал только перед самой смертью отца. Я его тогда в лоб спросил, что я смешиваю. И когда отец ответил, что толчёную мумию и кровь навозного жука, я назвал его сумасшедшим и сказал, что больше не притронусь к этой гадости. Но во время приступа как-то изменил своё мнение, — Реза усмехнулся. — И всё же у меня хватило ума не рассказать про мумию Аббасу, а уж после смерти отца я крепко держал язык за зубами, чтобы они не отправили меня в Аббасею, больницу для душевнобольных.

— А как же брат Сельмы?

— Что? Что брат Сельмы? — Реза вновь начинал злиться, и Сусанна испугалась, что его руки сейчас переломят её пополам. — Я был не в силах больше скрывать проколы в венах. Последние года приступы стали слишком частыми. Я сказал Аббасу, что покупаю у Махмуда героин. Он приходил к нам довольно часто, чтобы Аббас верил моих словам. А я всего-навсего давал Махмуду пару украшений, чтобы он продал, и Сельма бы никогда не отдала за

гроши своё тело. Только прошу, не говори ничего Аббасу.

Реза открыл глаза.

— Это действительно была последняя доза. Если оно действительно помогало, то я могу не пережить следующий приступ. Если же нет, то я научусь жить без уколов.

Сусанна с трудом могла дышать, и не только от рук Резы, пережавших ей талию, сколько от спокойствия его голоса. Если в его словах хоть что-то правда, то этот человек открыто с улыбкой смотрит в глаза смерти. Ужас...

— Я тебе ещё один секрет открою.

Реза улыбался, и она попыталась улыбнуться в ответ.

— У меня сегодня день рождения. Потому я хотел, чтобы ты была рядом.

Что? Сусанна еле сдержалась, чтобы не закричать вопрос вслух.

— Я не прошу никакого подарка. Ты не думай. Просто я никогда не отмечаю его. Мой отец боялся считать мои годы, потому что считал каждый прожитый мною день. А тут я решил, что хоть один раз я должен задуть свечи... Возможно, в первый и последний раз. Ты так не думаешь? — Сусанна судорожно кивнула. — Аббас и Латифа бы не согласились, отец их выдрессировал. Но при тебе они будут покладистыми.

Сусанна вновь кивнула.

— Я могу спечь торт.

— Спеки.

Реза улыбался, и Сусанне впервые не захотелось спрятаться от его улыбки.

— Ты хочешь, чтобы я сделала следующий шаг?

Лицо его в миг стало серьёзным.

— Я же сказал, что не беру чужое. Не смей ещё раз предлагать мне себя.

Сусанна сжала губы. Дура, ты можешь нормально строить фразы?!

— Я говорила про продолжение книги, — пролепетала она, чувствуя, как его пальцы скользнули с талии под грудь.

— Тебе понравилось моё продолжение?

— Да, — и она не врала. Его продолжение оказалось очень органичным. — Я именно таким и видела фараона. Вернее Райю... Вернее... Я запуталась...

— Это нормально. Это более чем нормально. Любовь — слишком странная непредсказуемая игра... Однако у тебя изначально в роман заложена неверная идея любви. Это в эпоху сентиментализма решили, что в любви нужно обязательно страдать, и пошло-поехало... Любовные треугольники, жертвы и так далее и тому подобное... Египтяне слишком любили жизнь, чтобы тратить её на страдания. Любовь должна нести свет и радость, а не отчаяние, потому что-то, что ты имеешь в жизни, ты уносишь с собой в вечность.

— А если любовь запретная?

— Запретной любви не бывает. Это снова выдумки современного общества.

— Но жрица Хатор и фараон...

Только договорить Сусанна не успела. Реза поднялся с её колен и скинул плед.

— А с чего ты взяла, что у них любовь? Нен-Нуфер постоянно думает о Райе лишь потому, что он первым поцеловал её. Вот и всё. Если бы ты позволила Пентауру поцеловать её, она бы тут же забыла Райю... Ну, помнила, конечно, — усмехнулся он тут же, — но уже просто потому, что он первый, а не потому что он единственный. Короче, она бы перестала им бредить.

— Я не согласна.

— Потому что ты не египтянка, но ты женщина. Ну скажи — ты ведь помнишь свой первый поцелуй, потому что это было в диковинку, но это не значит, что ты не хочешь получить следующий от совершенно другого мужчины. Ну? Разве не правда?

Только бы не облизать губы! Только бы не покраснеть!

— Я не могу ответить, потому что у меня не было первого поцелуя.

Фу, Суслик, ты это сказала!

И Реза сразу откинулся на противоположную ручку дивана.

— У вас в России что, парни слепые?

— Нет, — Сусанна перебрала в голове весь словарный запас. — Просто у нас девчонки зрячие. И я... Я не бываю в местах, где целуются просто так.

Реза кивнул и прошептал:

— У Лавры очень красивый некрополь...

И тут Сусанна поняла, что вспыхнула, потому что Реза закрыл лицо ладонями, но она и так видела, как смех сотрясает его плечи.

— Я не хотел... Извини... Больше не буду. Ты собиралась дать фараону ответ?

Реза отнял от лица руки — как же быстро он надевает непроницаемую маску, а ведь хохотал, кажется, от души... Души у него нет, Суслик! Люди, которые одной ногой в могиле, так беззаботно себя не ведут. Он тебе либо врёт, либо... Никакого «либо», нет! Он уже привык к тому, что умрёт. Что тут странного? Да всё странно, Суслик, всё... Хватит! Есть вещи, о которых не стоит думать слишком много. А стоило бы подумать! Например, о паспорте! Пусть о нём думает Аббас. Здесь есть один здравомыслящий человек. Этого более чем достаточно!

Сусанна набрала в лёгкие воздуха...

— May peace be with you...

— And also with you, — перебил Реза.

Сусанна опустила глаза. Почему от его взгляда бросает в дрожь?

— Фараон не позволит ей обратиться к себе, как к царевичу Райе, понимаешь?

Сусанна кивнула, не поднимая глаз.

— И он отошлёт Асенат, согласна?

Сусанна вновь кивнула.

— Тогда сядь за стол и прочитай продолжение, — Сусанна вскинула глаза. Реза продолжал испепелять её взглядом. — Я хотел сперва убедиться, что у нас сходятся мысли прежде, чем дать тебе продолжение. И, если ты согрелась, оставь мне плед. — Сусанна вновь согласно закивала. — Там немного написано, и если ты прочитаешь мою писанину раньше, чем за час, не буди меня. Я не спал всю ночь, караулил солнце. Пусть меня разбудит к завтраку Латифа, ладно?

Сусанна кивнула. Пусть спит. Она теперь будет согласно кивать на всё, чтобы он не предложил. Надо убраться отсюда раньше, чем мистеру Атертону вновь станет плохо.

Глава 28

Сусанна отодвинула кресло и наткнулась на кошку. Ну? Сама уйдёшь или мне стоять читать?

— Санура!

Как мистер Атертон догадался, что там кошка? Ну, раз в кровать её не пускают, где-то она должна спать! Ага, в ногах хозяина! Кошка устроилась на диване совсем по-хозяйски, Резе даже пришлось ногу подтянуть. Свезло, ничего не скажешь! Твоими молитвами, Суслик!

Сусанна придвинула к себе печатные листы — на глаз их пять... Когда успел настроичить столько? Только задавать вопрос уже было некому — Реза мгновенно провалился в сон. Счастливый, мне б так засыпать... Счастливый? Это кого ты, Суслик, счастливым назвала?

Сусанна опустила глаза в текст. Нынче придётся довольствоваться своими скромными познаниями, потому что телефон лежит в спальне, а ходить бесшумно, как мистер Атертон, она пока не научилась. Только руки потянулись к ящику. Она приподнимала его двумя руками, чтобы тот не визжал по полозьям. Пуст! Ни одного рисунка. Второй — папки с документами. Кажется, заказы, но лучше не лезть — не моё. А рисунки — твоё, Суслик? Да, моё! Из-за этих рисунков я сижу здесь в египетском наряде, охраняя сон полуголого и полусумасшедшего мужика! Интересно, кто выбросил их: точно ведь не мистер Атертон! Неужели Аббас? Или вездесущая мадам Газия успела и тут прибраться? Чего гадать — читай, пока хозяин спит.

« — Мир тебе, ца...

— И тебе мир, жрица Хатор, — фараон поспешил поймать готовые сорваться с губ Нен-Нуфер слова. Как обе они смогли оказаться вместе у пруда и как возможно, что Нен-Нуфер до сих пор не знает о нём правды? — Боги нынче милостивы ко мне, посылая в моё уединение два прекрасных цветка.

Фараон поймал руки племянницы, не позволив обнять себя. Всё, что он сказал нынче Сети, он повторял уже не один день перед статуей Хатор, и теперь Богиня послала к нему свою жрицу, чтобы проверить твёрдость его намерений относительно Асенат. О, Великая Богиня, пусть поступь моя ныне не тверда, но воля твёрже камня Великих Пирамид. Каким же жалким он был все эти дни, что Сети убоился показать ему дочь и удержался от рассказа про Нен-Нуфер. А этот рассказ он желал услышать более всего остального. Таить от фараона тайны не в праве даже старший брат!

— Как же я рад, что ты наконец вернулась, Асенат. Мой сын спрашивал о тебе. Беги же к нему и скажи, что мы вместе станем обедать у пруда. И по пути отдай распоряжение об обеде. И пригласи отца, коль встретишь...

Он говорил скороговоркой, боясь, что Асенат раскроет его тайну перед Нен-Нуфер. Он должен сказать ей сам... О, Великая Хатор и Великая Маат, позвольте мне исправить содеянное... И вот ресницы Асенат задрожали, розовые губы приоткрылись, и он поспешил подтолкнуть девочку в спину.

— Поторопись же! Или я должен повторять просьбу дважды?!

Он слишком груб с племянницей. Да только грубость ныне оправдана. Она отвратит куда более страшное — она отвратит слёзы от глаз цвета листьев лотоса.

Асенат склонилась перед ним слишком низко — так не склоняют головы перед детьми фараона, но, Слава Великим Богиням, удержалась от придворного обращения. И следом Нен-Нуфер склонилась перед ним, как делала и прежде, и лотос пал к её ногам. Три шага, самых быстрых в его жизни, и вот он поднял цветок и протянул хозяйке.

— Великая Хатор неспроста сводит нас снова. Никак не мог я оказаться здесь в этот час

и ты не могла сама прийти ко мне.

— Я не шла к тебе, мой господин. Я сопровождала Асенат, которую уже месяц учу грамоте по просьбе Амени, Сети и твоего Божественного брата. Ты послал Асенат во дворец... Хатор наградила меня немотой, и я не смогла остановить бедное дитя. Молю, защити её перед отцом! Сети запретил нам покидать дом... В том моя вина, что она ослушалась отца. Она всего лишь хотела показать мне этот пруд с лотосами.

Месяц, целый месяц она была так близко, и Сети умело все эти бесконечно-мучительные дни скрывал присутствие двух самых желанных для него женщин. Почему? Один их взгляд мог отвести его от вечерних возлияний!

— Отчего Сети запрещает ей приходить туда, куда вход открыт всякому, кому есть что сказать властителю двух земель?

Руки сами нашли тонкие запястья, и фараон не сумел сдержать порыва и сжал их, вновь нарушая запрет Хатор.

— Не думай плохого на брата, — шептала её жрица, и он не мог отвести взгляда с вздымающегося ожерелья. — Он хотел представить дочь Его Святейшеству готовой завоевать его сердце, как женщина.

Фараон наконец сумел взглянуть в лицо неожиданной гостье.

— Сердца не завоёвывают дважды. И единожды отдав, не просят обратно. Нет ли другой причины запрета?

— Есть, — взгляд жрицы вновь лежал на его золотых браслетах. — Мне известно, как тяжело нынче Его Святейшеству, но я молюсь о нём, как и прежде, всякую ночь и всякое утро...

— И Великая Хатор, как и прежде, слышит твои молитвы, — перебил фараон, боясь промедлением ещё больше разгневать Богиню. — И потому велела тебе нарушить запрет Сети и прийти самой, чтобы утешить своего повелителя. И одного взгляда твоего довольно, чтобы излечить меня. И пусть Великая Хатор покарает меня, коль нынче я возьму в рот что-то, кроме воды. Станешь ли ты свидетелем моей клятвы, мой прекрасный лотос?

Он сжал запястья сильнее, почувствовав желание жрицы отстраниться.

— Я не понимаю тебя, царевич Райя...

— Асенат сейчас приведёт царевича Райю, чтобы он наконец узнал, кто такая Нен-Нуфер, а пока пусть Нен-Нуфер узнает, кто перед ней, и простит повелителю двух земель его невинную ложь, ибо наказан я за неё сполна.

Нен-Нуфер вновь дёрнулась, и он вновь не отпустил её.

— Я прикасаюсь к твоим рукам в последний раз. Не торопи разлуку. Она неотвратима, но Великая Хатор не зря вновь дарит нам уединение. Каждая встреча с тобой осушает меня до дна и каждое прощание наполняет вновь живительными силами. Я уже говорил, что за твоей спиной стоит Богиня, но нынче она улыбается. Я чувствую её улыбку и не будет довольно корзин, чтобы сложить в них все дары, что я повелю отослать в Фивы. Не молчи, мой прекрасный лотос. Наше время слишком кратко, чтобы тратить его на молчание. Скажи, что прощаешь меня. Ты видела мои слёзы, которые я прячу от других с тех самых пор, как перестал быть царевичем Райей и стал фараоном Тети. И наши слёзы связали нас сильнее любых клятв. Ты умеешь хранить тайны, как умеет хранить их Сети и как умею хранить их я. И как храню я память о нашем поцелуе. Он озаряет мой день, как лучи Амона озаряют Кемет. Ну скажи хоть слово, воспитанница храма Пта!

— Пусти меня, мой повелитель.

И фараон выпустил её запястья, но ещё долгую минуту глядел на розовые следы, оставленные обезумевшими пальцами.

Только тишина оказалось краткой. Асенат всполошила весь дворец, но первым всё же к пруду прибежал Сети.

— Мы умеем хранить тайны, подчиняясь воле Хатор, — успел сказать фараон до появления прислужников, несущих опахала и столы.

Сети кивнул и обернулся к бегущим наперегонки детям. Царевич опережал, но Асенат не отставала, высоко подняв мешавшее платье. Нен-Нуфер рухнула в подставленное прислужником кресло, и Сети поспешил сесть по её левую руку. Фараон опустился в кресло напротив, хотя и знал, что жрица Хатор больше не поднимет на него глаз.

На фоне худой, что тростинка, Асенат, сын показался фараону тучным. Ничего, вот сбреют непослушный детский чуб на макушке, и полнота уйдёт в рост. Однако бедный едва дышит. С трудом далась ему победа над Асенат, а та так и не вспомнила про платье, и никому не дотянуться чтоб одёрнуть его. Какие же они ещё дети! О, Великая Хатор, хватит ли фараону мудрости вырастить для Асенат достойного мужа и спокойного правителя Кемету из того, кого покойный отец ни разу не взял на руки? Фараон перевёл взгляд на Нен-Нуфер — для чего Богиня привела к нему её? И к нему ли? Неспроста он солгал у гробницы отца, неспроста искала она царевича Райю, и неспроста сын вышел к посланному ею стражнику...

— Райя, отдышись и поприветствуй нашу гостью, — голос фараона звучал твёрдо и сухо, но сердце не в силах было держать душу в спокойствие. — Знаешь ли ты, кто перед тобой?

— Да, отец, — мальчик поклонился сначала фараону, а затем уже Нен-Нуфер. — Асенат рассказала мне о своей наставнице. Означает ли это, отец, что и мне будет дозволено учиться у жрицы Хатор?

И он вновь склонил голову. О, Великие Боги, чьими устами вы только ни говорите. О, да... Это то, зачем вы послали ко мне Нен-Нуфер.

— Да, это то и значит. С этого дня она и твоя наставница. И помни, что Великая Хатор не любит ленивых.

Райя не поднимал глаз, зато их подняла Нен-Нуфер, и фараон, не вынеся их света, опустил тяжёлые веки.

Сети молча протянул через стол полный фиал, но фараон не взял. Тогда Сети повернулся к Нен-Нуфер, и та молча приняла из его рук виноградное вино. Асенат с Райей, не дожидаясь приглашения, уселись на циновку у ног фараона, и Сети не посмел потребовать от дочери сесть в кресло и поднял свой фиал.

— Жизнь, здоровье, могущество! В милости Амона-Ра, царя богов! Я молю Ра и всех богов и богинь нашего сладостного края, чтобы они ниспослали всем присутствующим здоровье!

Фиал поднялся к губам Нен-Нуфер, увлекая за собой взгляд фараона. Его губ коснулась вода, только обожгла, как перебродившее пиво.

— Я заберу царевича в свой дом, — голос Сети пролетел над столом ледяным дыханием пустыни. — Чтобы никакие забавы не отвлекали его от учения.

О, да... Ты опережаешь моё желание оставить во дворце Нен-Нуфер! Тогда и себя заberi в свой дом хотя бы на одну ночь, ибо нет сил вновь слушать твои обвинения и нет

желания бросать тебе в лицо свои. И фараон опустил взгляд к циновке. Растерянность на лице сына заставила сердце сжаться. Его оторвали от матери, он только обрёл отца... И нынче его вышвыривают из дворца.

— Сети прав. Здесь тебе тяжело будет сосредоточиться на учёбе, но не тревожься... Рука мужчины должна знать не только перо, но и кнут. Прояви усердие в ученье, и я попрошу Сети показать тебе, как управлять колесницей.

Райя вновь склонился головой к циновке.

— У тебя не будет повода сердиться на меня, отец. Как не будет его у благородного Сети и у жрицы Великой Хатор. Но будет ли мне дозволено приходить во дворец к тебе?

— Нет, — мальчик вздрогнул от резкого отказа. — Я сам стану навещать вас, и если Нен-Нуфер дозволит, забирать обоих на охоту.

Он читал осуждение во взгляде Сети, но слово фараона закон в Кемете, и никто не смеет перечить правителю двух земель. Он протянул руку к фиалу, и вода вновь обрела живительный вкус. Следовательно, он делает то, что ждут от него не люди, но Боги...»

Кошачья лапа закрыла продолжение.

— Дай дочитать! — Но кошка не сдвинулась. — Что тебе от меня надо? Мадам Газия уже суетится на кухне. Не пошла бы ты к ней? Там тебя накормят! Ну ступай уже...

Только кошка в ответ развалилась на листе, и Сусанне пришлось прикоснуться к знаку скарабея на её лбу. Санура недовольно фыркнула и спрыгнула со стола. Сусанна подняла глаза. Реза наполовину раскрылся. — Укрыть его надо, да?

Санура запрыгнула на диван. Сусанна тяжело вздохнула и вышла из-за стола, чтобы поднять с пола плед. Она подтянула его спящему под самый подбородок, борясь с желанием прикоснуться к бритому затылку — какой он на ощупь? Да ладно, Суслик! От лёгкого прикосновения Мистер Атертон не проснётся! Но лишь Сусанна протянула руку, кошка пролетела перед её носом, оттолкнулась от книжной полки и перемахнула на голову статуи. Сусанна следила за ней, как в замедленном кино, но руки выставила молниеносно, поняв, что статуя падает прямо на неё. Только не рассчитала её веса, и они столкнулись с золотой красавицей лбами.

— Реза! Помоги!

Но тот спал и не слышал её зова. Тогда она перехватила статую поудобней, позволив полностью упасть себе на грудь. Только б ожерелье не попортить! Поднять эту глыбу невозможно, но вдруг получится опустить на пол...

— Leave it alone!

Это был Аббас. Она отступила и чуть не рухнула на Резу сама, вместо статуи, которую и Аббас не в силах оказался поставить на место. Тогда он вытащил её на середину библиотеки и уложил на пол. И вдруг как вскрикнет:

— Look! Your passport!

— What?

— This fucking statue fell to free you from my creepy brother!

Аббас нагнулся и действительно поднял с пола паспорт, который, наверное, Реза сунул между статуей и шкафом, чтобы не потерять. И тот провалился вниз. Сусанна схватила его влажной рукой.

— Реза сам вспомнил про шкаф, или ты решила обшарить библиотеку, пока он спит?

— Я ничего здесь не трогала. Это Санура запрыгнула на статую и повалила — я едва успела поймать. Ещё вчера подумала, что её держит? Оказывается — ничего!

— Похоже, они обе приревновали к тебе моего брата. Ты — первая женщина, которая переступила порог этого дома.

И Аббас многозначительно замолчал. Ну и пусть... Что он ждёт? Что она начнёт оправдываться? Не дожждётся!

— А по какому поводу нынешний маскарад? Ждали, когда я проснусь? Так я ещё те снимки не обработал.

Аббас с гадкой ухмылкой осмотрел её, но Сусанна успела обхватить себя руками, чтобы прикрыть хотя бы грудь.

— Мы читали гимн Осирису! — выдала она жёстко.

— Тогда вопросов нет, — Аббас взглянул на спящего брата. — Опять кололся?

Сусанна замотала головой, выигрывая время, чтобы собраться с силами и не дать волю слезам.

— Он не спал ночью.

Дура, ну чего ты так за него распереживалась? Да любой нормальный человек распереживается! Я что, из железа? Нет, ты из золота, забыла? Не будь ты похожа на эту дебильную статую, он бы с тобой не возился. Ну и пусть. Похожа же! И всяко больше, чем на сестру, с которой общего только фамилия! Значит, это удача... Или мистика, что собственно одно и то же.

— Хочешь, пока Реза спит, я отвезу тебя в отель? Паспорт ведь нашёлся.

Сусанна похолодела от предложения Аббаса. А вдруг возьмёт и отвезёт!

— Нет! — почти выкрикнула она. — Я остаюсь до завтра. — И прочитав в его глазах удивление, тут же добавила: — У Резы день рождения. И я пеку для него торт.

Аббас даже отступил на шаг и руки в карманы сунул, и теперь спортивные штаны смешно оттопырились.

— Реза не отмечает дни рождения.

— В этом году он сделал исключение. Наверное, ради меня...

Суслик, а ты хамить научилась по-английски. Прогресс! Да мне скоро английский родным станет! Я уже на нём, кажется, и думаю! А ругаюсь так уж точно!

— Реза просил разбудить его к завтраку. Как понимаю, он только чай вчера пил...

— Так буди! — Аббас вытащил из кармана руки и махнул в сторону дивана. — Я собственно и искал вас по всему дому, чтобы пригласить к столу.

— Он просил, чтобы это сделала Латифа.

Сусанна сжалась. Это у американцев принято всех называть по имени, а на Востоке как? Ещё обидится, что она так фамильярничает. Только поздно, уже ляпнула. Лучше бы имя не запоминала. Но он, кажется, не обиделся.

— Реза решил посекретничать с матерью? — продолжал усмехаться Аббас. — Тоже из-за тебя?

Да, да... Всё из-за меня, а то как же! Реза, видно, решил объяснить матери причину праздника. Только бы не говорил мадам Газие правду! Она слёз явно не сдержит.

Сусанна опустила глаза. Если Реза увидит, что его сакральная статуя валяется...

— Аббас, мы сможем вдвоём поднять её и отнести в гробницу?

— Зачем?

Ну что за идиот!

— Она не может тут валяться! И ещё, — эта мысль пришла нежданно-негаданно. — Ящик с рисунками пуст. А вдруг если статуя не будет больше маячить перед глазами, Реза

прекратит рисовать... — Хотелось сказать «меня», но в последний момент Сусанна проглотила слово.

— Ты психологию в школе изучала?

Ну почему эта постоянная усмешка?! Она ведь заботится о его больном брате!

— Бери эту дуру за ноги, а я перехвачу на середине, — неожиданно согласился Аббас.

— И не оставляй с ним паспорт. Положи мне в карман.

Фу ты... Кажется, и правда разум остался только у Аббаса. Суслик, ты чего? Неужели всё же думаешь, что мистер Атертон нарочно спрятал твой паспорт. Да от сумасшедшего всего можно ожидать!

Сусанна взялась за ноги статуи и сумела поднять аж на уровень живота, потому что статуя теперь почти ничего не весила. Аббас двигался медленно и осторожно. К счастью дверь из библиотеки вела в гостиную, а вот выходить в коридор пришлось осторожно. Мадам Газия стояла в дверях кухни, наскоро обтирая руки полотенцем. В глазах её читался дикий ужас, и она с таким жаром затараторила по-арабски, что Сусанна испугалась за рассудок женщины. Но Аббас достаточно грубо и коротко оборвал мать, и та покорно придержала им дверь, но в мастерскую Аббас мать не позвал. Он завалил статую в куст жасмина и, оставив Сусанну придерживать ей голову, бегом спустился вниз и распахнул дверь настежь. Теперь предстояло самое сложное. Не оступиться. Казалось, спуск занял вечность, но вот они уже внутри, около статуи фараона. В пьедестале виднелось углубление — законное место второй статуи.

— Держится, — изрёк Аббас, когда они вдвоём осторожно опустили статую в углубление.

Но Сусанне этого показалось мало. Она обхватила её руками и попыталась раскачать — золотая глыба стояла, как влитая. Тогда она обняла статую фараона — он тоже не падал.

— Оставайтесь с миром! — отступила от них Сусанна и низко поклонилась.

— Тоже тронулась?

Аббас схватил её за плечо и попытался развернуть к двери.

— Я хочу снять ожерелье.

И серьги тоже! И, не найдя ларца, Сусанна опустила украшения просто на стол. Сразу стало легче дышать, и она поспешила прочь из гробницы, и, пока Аббас закрывал дверь, уже была наверху.

— Я поднимусь на крышу за одеждой.

Когда она спустилась в шортах и футболке, Аббас уже сидел за столом и подле её тарелки лежал паспорт.

— Мать решила не будить Резу. Так что мы завтракаем вдвоём?

— А почему мадам Газия не ест с нами?

— Она уже поела. А ты действительно собралась печь торт?

Сусанна кивнула. Аббас тяжело вздохнул и крикнул матери, наверное, поторопиться. Сусанна уставилась в скатерть. А что если Реза разозлится на них за самоуправство со статуей? Так не хотелось портить мистеру Атертону его первый день рождения. Решение казалось теперь слишком спонтанным — что это она раскомандовалась в чужом доме... Только вздыхать поздно. Авось обойдётся. И он всегда может притащить статую обратно.

Сусанна первым делом решила спрятать паспорт. Рюкзак не оправдал доверия. Теперь очередь чемодана — она сунула паспорт под подкладку на самое дно и потянулась к телефону, чтобы найти рецепт торта, но, увидев сообщение от сестры, чуть не выронила его. И даже когда поняла, что родители всё ещё не знают про её побег из отеля, не сумела сдержать дрожь в ногах и плюхнулась на кровать. Уже застеленную. Господи, мадам Газия успела побывать и здесь!

Живот до сих пор крутило от крепости кофе. Хозяйка бухнула в её чашку от души или со злости, но Сусанна не жалела, что заглотила кофеиновую бомбу. Вставать на рассвете не для растущего организма. Но если она завалится спать, Реза останется без обещанного торта. Живо нацепить длинную юбку и бегом на кухню!

Гугл переводил названия ингредиентов на английский, а Аббас уже по-арабски объяснял матери, что нужно гостю. За пять минут она собрала необходимые для медовика продукты и осталась в кухне одна. Аббас сообщил, что собирается заняться обработкой фотографий, а мадам Газия исчезла молча. И то верно, Реза не допускает мысли о двух хозяйках! Тоже мне, хозяйка наплась! Ещё недавно ты считала себя пленницей мистера Атертона. Сколько вообще настоящий хозяин собирается ещё спать? Не разозлится ли он в дополнение к статуе ещё и на то, что его не разбудили к завтраку? Впрочем, тут её вины нет, она честно передала его просьбу матери.

Однако сердце всё равно не находило в груди привычного места, и руки тряслись настолько, что Сусанна чуть не опрокинула на себя кастрюлю с кипятком, пока топила мёд. Ну кто тебя за язык с тортом тянул? Печь не умеешь, выйдет несъедобная хрень, так ещё и изуродуешь себя! Ничего, масло хорошо смешалось, и всё остальное тоже — даже миксер не задымился!

Только что делать сорок минут, пока тесто вылёживается в холодильнике? Что, что! Мышкой прокрасться в библиотеку и забрать недочитанную рукопись. Реза продолжал преспокойно спать. Только вновь раскрылся. Однако нынче можно укрыть его без риска для жизни. Если только шкаф не вздумает упасть. Ага, думаешь поумнеешь, коль получишь по башке всеми томами «Британики» одновременно? Шутки шутками, а словарём бы получить не мешало... Мистер Атертон мог бы и фильтровать лексику — знал же уровень своей читательницы! Скажи спасибо, что он написал за тебя продолжение и, если ты дома плотненько посидишь со словарём, то даже не станет претендовать на соавторство. Ведь не заберёт же он рукопись. Она готова вернуть кольцо, но не историю фараона. Первые листы всё равно уже лежат в чемодане.

Сусанна вернулась на кухню и присела к крохотному столику — за ним, наверное, мадам Газия и ест в гордом одиночестве. Интересно, а во времена отца Резы дела обстояли иначе? Может, она с таким рвением застелила нынче кровать, потому что Сусанна осквернила собой её женскую память... Лучше не думать — в этой семейке сам чёрт ногу сломит! Как и в рукописи мистера Атертона:

«Никогда прежде ладья Амона так медленно не пересекала небо, как в последовавшие за разлукой дни. Прочитав гимн Осирису, фараон долго глядел в сторону дома Сети, но даже тоскующий взгляд не мог проникнуть сквозь густые ветви многочисленных финиковых пальм, сладость плодов которых ложилась нынче на язык горечью. Фараон почти не притрагивался утром к еде — не желая есть в одиночестве, он избрал голод, хотя порой с тоской вспоминал времена, когда ежедневно делил утреннюю трапезу с Никотрисой, и всё равно не приглашал к себе царицу. Ночи он тоже проводил в одиночестве, а если и звал кого

на ложе, то отсылал, едва насытившись.

Фараон не чувствовал прежней радости от близости женского тела. Весь трепет остался в ладонях жрицы Хатор, имя которой давно не слетало с его уст. Много лун минуло с разлива Реки, а он всё оттягивал встречу с Нен-Нуфер и её учениками. Он хотел проявить перед Богиней стойкость, да не худшая ли слабость оправдывать свою робость заботами, ведь взгляд с трона произвольно скользил на террасу и уносился к пруду и дальше, в гущу финиковых пальм. Сети не спрашивал, когда он собирается навестить детей. Он избегал любых разговоров о них и потому, даже когда оставался во дворце, предпочитал свои покои, а фараон ждал приглашения брата, которое развязало бы руки, связанные страхом рассердить Богиню. Только Сети чувствовал желание младшего брата и потому молчал, но Боги не молчали, и однажды, после молитвы, жрец Маат спросил про царевича, и фараон, даже не успев подумать, сказал, что как раз сейчас собирается его проведать. И, взяв лишь двух стражников, отправился тем путём, которым Асенат привела к нему Нен-Нуфер. И на глазах изумлённых юношей так же легко, как и беззаботная племянница, перемахнул через стену и велел им дожидаться его возвращения в саду.

Тишина, сопровождавшая фараона всю дорогу, здесь тут же нарушилась плеском воды. Он не смог сдержать улыбки и принялся гадать, мальчишеская или девичья рука бросает в пруд камешки. Маат направила его в верный час, чтобы не мешать учению, и славно, что они вновь встречаются и пруда, и он сумеет достать для жрицы лотос. Фараон уже несколько раз прикусывал язык, желая отдать распоряжение отослать в дом Сети корзину с украшениями, боясь, что Нен-Нуфер рассердится за подобный знак внимания. Но лотос, лотос она примет из его рук безропотно.

Этот чистый, рождённый из мутной воды, символ новой жизни, которую она, сама того не ведая, подарила ему. Эти прекрасные губы могут хранить тайну, и, быть может, он может открыть ей страшное предсказание. Папирус давно сторел, но огонь до сих пор опалает его пальцы. Он не допустит смерти Асенат, он сумеет повлиять на волю Богов, и если к его молитвам присоединится голос Нен-Нуфер, они сумеют убедить Пта изменить расположение звёзд... Её воспитал Пентаур, и потому жрец не рассердится, если фараон посвятит Нен-Нуфер в жестокую тайну. Только бы найти уединение. Если бы возможно было вновь склониться вдвоём перед статуей отца и, испросив его позволения, снять печать с уст. Быть может, Нен-Нуфер согласится отнести вместе приношение? И там, в сумраке гробницы, даже она не увидит его слёз.

Окрылённый принятым решением, фараон почти выбежал к пруду. Только вместо приветствия над водой просвистел кнут, и его конец опустился на пальцы царевича, выбив занесённую над жрицей кисть. Райя вскрикнул и упал на колени, пытаясь прикрыть влажной от воды грудью горящую руку. Асенат так и осталась с опущенными в пруд ногами и открытым ртом. Лишь Нен-Нуфер сумела сделать шаг в сторону фараона и с такой силой схватилась за рукоять кнута, что фараону пришлось разжать пальца, и жрица молча зашвырнула его на середину пруда. Асенат в страхе закрыла лицо, а царевич накрыл больной рукой рот. Но кары не обрушились на голову их наставницы. Фараон молча развернулся и пошёл прочь, но всплеск воды заставил его обернуться: это Райя бросился доставать символ царской власти, а Асенат, испугавшись за него, побежала следом и успела схватить за руку, чтобы удержать на плаву там, где царевич уже не доставал ногами до дна. Если сын вытащит кнут, то это тот знак, за которым Маат послала меня сюда, думал фараон, не замечая пронзительного взгляда Нен-Нуфер.

— Ты пришёл к нам не с миром, повелитель двух земель, — прозвенел в воздухе ледяной голос жрицы. — Но мы отпускаем тебя с миром, коль ты не желаешь остаться с нами.

Фараон покачал головой:

— Я увидел всё, что хотел, и не желаю смущать более ваш покой.

— Но ты уже смутил, подняв руку на мальчика...

— Который посмел поднять руку на женщину и жрицу, — перебил её фараон. — Я не сожалею о своём поступке, и тебе не в чем упрекнуть меня.

— Мне есть в чём упрекнуть тебя, повелитель двух земель. Только пожелаешь ли ты выслушать меня.

— Я всегда готов выслушать любого, кому есть, что мне сказать, если только меня не станут убеждать не верить собственным глазам. Раз ты так спокойна, то это не первая его выходка, и если платье можно сменить и лицо вымыть, то стыд за подобный поступок не смыть с души фараона.

— Если он раскается...

Рука фараона привычно обхватила тонкое запястье, заставив жрицу последовать за ним прочь от пруда в тень финиковых пальм, откуда их было не услышать ни детям, ни оставшимся по ту сторону стены стражникам.

— Я говорю не о себе, мой прекрасный лотос. Я говорю о твоём ученике. Боги не дают мне иного наследника, и в Рае довольно царской крови и коль добавить к ней брак с Асенат, то Кемет получит после меня законного правителя. Вот только будет ли подле него жрица, которая не убоится остановить его, когда он не прав? Сумеешь ли ты воспитать Асенат достойной спутницей моему сыну и приструнить его самого сейчас, покуда он не сжимает в руке кнут и крюк. Сумеешь ли?

Ответом было молчание. Нен-Нуфер глядела на него во все глаза, и приоткрытые губы выдавали недоверие. Только слова вдруг закончились, разум затмило единственное желание — коснуться этих губ, сомкнуть руки вокруг тонкой талии и прижать трепещущее тело к горящему торсу. И Великая Хатор, прознав про безумное желание правителя Кемета, оттолкнула от него свою жрицу. Нен-Нуфер отступила на шаг и обернулась к пруду, хотя и не могла увидеть учеников сквозь пальмы.

— Не слишком ли много ты требуешь от бедной Нен-Нуфер? — спросила она, не обернувшись больше к фараону.

— Я требую лишь то, что ты в силах мне дать, — прошептал фараон, отчаявшись вернуть себе твёрдость голоса. — Это то, зачем нас свели Боги. Чтобы вдвоём мы сумели воспитать наследника.

Нен-Нуфер обернулась:

— Так какой же пример ты подал ныне своему сыну?

— Любой необузданный порыв будет наказан. Пока он принимает наказание от людей, он может учиться на своих ошибках, когда же взойдёт на престол, его станут карать Боги, и тогда он станет с радостью вспоминать мой кнут.

— Твой кнут лишил его возможности писать на несколько дней.

— Пусть пишет правой рукой! И эту боль Райя станет вспоминать всякий раз, когда вздумает перечить тебе. Ра всегда намеренно сводит людей вместе в определённом месте в определённый час.

— В сердце мальчика достаточно боли, и если бы ты помедлил хоть секунду, мне не

пришлось бы отбирать от тебя кнут. Райя ни разу не швырнул в меня кистью. Он замахивается, когда устаёт и злится на свои неудачи, но сдерживается. А вот его отец очень легко расстаётся с кнутом — что в храме, что у пруда.

Фараон помрачнел.

— Ты не могла видеть этого. Кто рассказал тебе про кнут: Сети или Пентаур?

— Для чего ты хочешь знать это? Мне известно, и того довольно. Райя каждый день ждал тебя и сколько раз вместе с Асенат бежал навстречу Сети, надеясь увидеть подле него тебя. Сколько раз Сети предлагал ему пойти за колесницей, но царевич ждал тебя, чтобы получить дозволение. А ты всё не шёл, а явившись, ударил его, ударил за вину, которой за ним не было. Вину, за которую он ждал от тебя похвалы, потому что всякий раз, когда он тушил гнев и возвращался к письму, я обещала ему рассказать об этом тебе. И я ждала тебя с таким же нетерпением, как и дети. А нынче я думаю, что лучше бы ты не приходил.

Нен-Нуфер отступила на шаг, и фараон отступил на шаг, но два шага не утаили от них грохот растревоженных сердец.

— Не тебе, жрица Хатор, решать, что должно делать властителю двух земель, а Богам. Маат послала меня сюда, и она же твоими руками вырвала у меня символ власти и передала моему сыну, и руками же Асенат помогла ему удержать кнут. Это воля Богов, и лишь потому я прощаю тебе твои слова.

Нен-Нуфер склонилась перед ним в глубоком поклоне, и фараон непроизвольно потянулся к земле, но нынче с волос жрицы ничего не упало — лотос крепко держался в волосах. Это тоже знак. Знак, что ей не нужно его внимание. Кто же достал лотос? Должно быть, Райя...»

От чтения Сусанну отвлек конский топот — Аббас, как ненормальный слетел вниз.

— *Police's outside. They're after you, for sure.*

Сусанна с трудом поняла, что Аббас от неё хочет, но, схватив телефон и рукопись, побежала следом в библиотеку. Реза с трудом стряхивал с густых ресниц остатки сна, и Сусанна была уверена, что Аббас сейчас съездит брату по морде, потому что он уже вылил на него тысячу слов, а в ответе Резы с трудом набралось с десятков. Его, кажется, больше интересовало наличие на плечах пледа. Он перехватывали его под подбородком то одной рукой, то другой, хотя тот и не падал. Однако, когда Аббас выбежал, Реза тут же сбросил плед и протянул к Сусанне руку.

— *Please give me your phone.*

Она покорно отдала, и Реза с такой скоростью заработал пальцами на клавиатуре, что те превратились в мельничное колесо. Когда он просил телефон, явно заметил отсутствие статуи, и Сусанна поспешила нарушить тишину кратким объяснением, на которое Реза просто махнул рукой. Дура, чего к нему со статуей лезешь. У него полиция в доме. И если Аббас прав, и ищут её, то это дело рук Паши. Козёл!

— *I found my passport,* — пролепетала она, и в этот раз Реза буркнул «*I know*», но глаз всё равно не поднял.

Конечно, он знает! Аббас явно успел всё рассказать. Не лезь. Видишь, он пишет кому-то... Адвокату, наверное... Мог бы попросить принести его телефон и позвонил бы — всяко быстрее рассказать, чем описать ситуацию. Дура, полиция, наверное, уже в доме — Аббас ведь побежал открывать. Блин, Суслик, ты должна всё объяснить полицейским. Что всё?

Извилины тряслись не меньше рук, и Сусанна больше для себя подняла плед, чем для Резы, но дверь библиотеки распахнулась именно в тот момент, когда её руки обвилились

вокруг его плеч, и Реза, воспользовавшись прикрытием её тела, незаметно сунул телефон за спину, а затем отстранил её очень нежно и так же демонстративно погладил по щеке, попросив оставить их на минуту. Однако полицейский приказал ей остаться, и она опять села на диван, а Реза остался стоять в пледе, как в плаще, и слащаво-вежливым тоном заговорил с полицейским по-арабски, но в ответ явно тоже получил отказ.

Сусанна с трудом оторвала взгляд от подрагивающих усов тучного мужчины, под беретом которого от жары или нервов проступила испарина. Она чувствовала такую же под чёлкой. В дверях стоял Аббас и не сводил взгляда с окаменевшего лица брата. А за ним ещё один полицейский в белой форме, явно рангом ниже, очень похожий на тех, что патрулируют Пирамиды. На Резу глядеть не хотелось, достаточно было бескровного лица Аббаса. О чём они говорят? О тебе, Суслик! О чём ещё они могут говорить. Но почему усатый полицейский не спросит её лично — в конце концов это о её пропаже заявили! Потому что ты женщина. О тебе можно говорить и без твоего участия. Точно, забыла... Да я и слова сейчас не скажу, кроме одного: Паша — мудака...

Сусанна зажмурилась, чтобы сдержать слёзы страха, а когда открыла глаза, не увидела Аббаса, но через секунду тот вернулся с ноутбуком. Усатый полицейский втиснулся в кресло под портретом Раймонда Атертона, а бедный Реза, продолжая придерживать на плечах плед, присел подле стола на корточки. Блин, не мог одеться? Да он, наверное, и просил об этом, да его, как и её, не выпустили из комнаты.

Реза продолжал говорить, тыча пальцем в экран, и с каждым новым словом по лицу полицейского расползалась ухмылка. Реза слишком растягивал слова, хорошо ещё не зевал, да и полицейский уже говорил мягко, пусть и отрывисто, а потом они оба над чем-то смеялись. Над чем-то или кем-то, Суслик? Да пусть смеются, только поскорее уйдут отсюда. Пока же они кивают в её сторону и продолжают смеяться, но вот Аббас подошёл к ней и протянул руку, и она покорно двинулась к выходу.

— The police officer apologizes for interrupting your baking.

Как Аббас не отослал её на кухню пинком. Ты просто слишком быстро рванула туда сама, он ногу поднять не успел!

Мадам Газии нигде не было видно. Ну и хорошо, потому что ей необходимо умыться в раковине. Чёртова чёлка! И Идиот Паша, но, кажется, всё обошлось. Во всяком случае щёки Аббаса потемнели. Но они о чём-то продолжают разговаривать, и в двух дверях молча стоят полицейские. Как под таким присмотром можно раскатать корж! Руки так дрожат, что можно без миксера смешать сметану с сахарной пудрой.

Блин, Паша, ты идиот... Ты сама идиотка! Позволить собрать вещи и увезти себя из отеля. Идиотка! Она повторяла это слово, без отрыва глядя в тёмное стекло духового шкафа. Полицейский решил не говорить с тобой, но родители ещё как поговорят. Если мать отпят корвалолом!

На третьем корже полицейские покинули дом, так и не позвав её. Может, мистер Атертон дал взятку? А ты сомневалась? Потому Аббас и вывел тебя из библиотеки, чтобы они спокойно договорились о сумме. О большой сумме! Это проблемы мистера Атертона, не мои! Они будут твоими, когда он подсчитает убытки, которые понёс за последние дни!

Сусанна на автомате смазала четвёртый корж и вырезала по тарелке пятый. Под скрип закрывающейся духовки, братья наконец вошли в кухню. Вернее под гомерический хохот Аббаса. Перепсиховал, похоже. Даже стакан воды себе налил и присел к столику.

— Tell her your story, bro!

Реза успел одеться. Брюки и белая рубашка. Слишком официально после ухода полицейских. У человека день рождения! Вот и нарядился, а ты так и не сказала «Happy Birthday!» Сейчас поздравлю, если поздравления сейчас в тему. Только Реза заговорил первым:

— Твои друзья испугались за тебя, но я объяснил, что ты согласилась быть моделью для нашего каталога. Пришлось фотографии Аббаса показать. В общем, капитан поверил. Ещё я билет твой обратный показал — извини, что вошёл в твою почту, но я всё равно не знаю русского, — Реза попытался рассмеяться, но не вышло. — Ну, в общем, — он пожал плечами, — они убедились, что ты в безопасности и что я не монстр. Да, и спасибо за статую... Пришлось бы объясняться на другом уровне за проделки милого Раймонда.

Платить больше, да? Да, Суслик, да! Блин... Это всё ты виновата. Чего я-то сразу? Ему самому нужно было нормально объясниться с портье. Да он, может, и объяснился, но кто сказал, что Марина — нормальная? Он не мог предсказать её идиотскую реакцию. А её или Паши? Да её, обзавидовалась, видать...

Реза опустил на стул против брата с таким серьёзным лицом, что Аббас вновь так расхохотался, что ударился головой о стол. Потирая лоб, он продолжал улыбаться во весь рот:

— Скажи ей правду, братик!

— Отвали! — ответил Реза абсолютно равнодушно.

Сусанна прижалась спиной к духовке. Она и так знает правду. Не надо тыкать ей в лицо деньгами!

— Скажи ей правду! Она ей понравится, — и наткнувшись на молчание брата, Аббас почти закричал: — Скажи ей правду! Иначе скажу я. Я не могу держать это в себе.

— Съезди лучше за шампанским.

— Так мы отмечаем?! — заходился смехом Аббас.

— Да, отмечаем! — ледяным голосом отвечал Реза. — Мой день рождения.

Аббас поднялся с тяжёлым вздохом и, поставив пустой стакан в раковину, нагнулся к уху Сусанны:

— Попроси его сказать правду, малыш. Реза мастерски обвёл капитана вокруг пальца! Я даже загордился, что он мой брат!

Теперь она получила свой пинок — к счастью, под лопатки, но сумела остановиться на половине пути к столику. Хлопок двери подчеркнул воцарившуюся в кухне тишину. И через секунду её разрезал скрежет ножки стула — Реза молча поднялся и оставил её в кухне одну.

Глава 30

Сусанна то и дело тревожно поглядывала на телефон, ожидая появления сестры в сети, до последнего надеясь, что Паша с групповодом позвонили только в полицию. Взрослые люди обязаны понимать, что родители сойдут с ума, не зная, что произошло с их дочерью за тридевять земель. Суслик, они вообще рехнутся, когда узнают, что с тобой на самом деле произошло! Самой бы знать, что тут происходит! Так спроси, чего ждёшь? Корж, корж я жду!

Сусанна с мольбой глядела на духовку. Теста оставалось на два коржа, и она наконец освободит кухню, чтобы мадам Газия накормила завтраком голодного сына. Сама Сусанна боялась предложить Резе даже чаю, потому что тот сидел в столовой, уставившись в одну

точку, хотя отодвинул стул от стола ровно настолько, чтобы видеть происходящее на кухне. Однако Сусанна лишь случайно попадала в его поле зрения, когда в ожидании нового коржа присаживалась на стул, но и тогда его взгляд оставался абсолютно-стеклянным. О чём он думает? С таким лицом можно лишь убытки подсчитывать...

Сусанна наконец выровняла бока торта и покрошила сверху последний корж. Выглядел он красиво, да и слизанная с пальцев крошка дала надежду на съедобность кондитерского дебюта. Хоть какая радость! Теперь вымой посуду и протри здесь всё до зеркального блеска, чтобы мадам Газия не послала тебя с твоим тортом ко всем шайтанам вместе взятым. А потом, потом куда мне деться? Я не могу усесться напротив Резы и ждать, когда тот позавтракает, и в его спальню тоже идти не хочу... Тогда не жди никакой Латифы, завари чай, достань из холодильника сыр и сделай ему бутерброд! И себе заодно, а то фараон предпочитает поголодать, чем есть в одиночестве. Он уже не один раз тебе это повторил и даже в рукописи чёрным по белому написал!

Реза явно догадался, что она пытается собрать ему на стол, но не подал никакого звука — ни протестующего, ни одобряющего, хотя мог бы направить её поиски в верное русло. И так же молча взял поставленную перед его носом дымящуюся чашку — пришлось все шкафчики переоткрывать, чтобы найти чай. Ни «спасибо», ни кивка, ни вопроса, куда она теперь пошла. Суслик, так он же видит, что ты вернулась на кухню за бутербродами. Что впустую воздух сотрясать!

Она опустила блюдо перед Резой, а свою чашку поставила через два стула от него, потому что не получила официального приглашения к столу. Похоже, и разговаривать с незваной гостьей не собираются. Неужто так и будем молчать до вечера?

— Что мне сказать родителям?

Казалось бы самый безобидный и в то же время насущный сейчас вопрос, но и его Реза проигнорировал. Может, конечно, фараон с полным ртом не разговаривает, хотя она же дождалась исчезновения с блюда второго бутерброда.

— Ну, может, про фотосессию сказать? — Ну хоть как-то надо разговорить эту статую! — Или то, что ты сказал полицейскому, может сработать и с моими родителями? — Да не молчите вы, мистер Атертон! — Боюсь, что им тоже позвонили...

— Не думаю, что ты захочешь сказать подобное родителям, — отчеканил Реза. — Говори про фотосессию. Это логично и более-менее правда. Не понимаю, как я сразу до такого простого ответа не додумался. Видно, до конца не проснулся.

— А что вы полицейскому такого весёлого сказали?

— Ничего весёлого я ему не сказал.

Реза уткнулся в чашку, ловя последние капли чая, и с таким грохотом опустил обратно на стол, что Сусанна поняла: ответа не будет, и Аббасу он тоже заткнёт глотку, как раз бутылкой шампанского. Только ей больше шампанского нельзя...

Реза отодвинул стул, чтобы вытянуть ноги, и Сусанна машинально поджала пальцы, хотя он и не дотянулся до её ног. Тапочки надо попросить, а то ходить босиком как-то совсем по-египетски. Она уже и холод плитки перестала ощущать — или наоборот радовалась, что хотя бы ноги не горят!

— Аббас всё равно выболтает, так что лучше я сам скажу тебе правду. Только не смейся, пожалуйста.

Сусанна кивнула. Сама над собой смеяться она предпочитает в гордом одиночестве без посторонних взглядов. И что смешно Аббасу, её явно заставит плакать...

— Я сыграл перед ним роль сумасшедшего египтолога, — Реза замолчал и качнул стул.

Да, да, это ваше амплуа, мистер Атертон. Передо мной вы его уже почти неделю разыгрываете! И мне не до смеха!

— А тебе досталась роль моей... — Реза на секунду замолчал, и под его взглядом пришлось опустить на стол чашку, — жены...

Хорошо, что она не успела сделать глоток. Пришлось бы стирать скатерть! Понятно, почему Аббас хохотал, а полицейский ухмылялся. Сколько же пришлось заплатить за бездоказательный брак?

— И? — Она действительно произнесла «so», чтобы выдохнуть и чтобы Реза наконец сказал правду, полную правду... Ей-богу, ей-то зачем лгать?

— Тебе тоже нужны доказательства? — Сусанна кивнула: ей интересно, как полицейский не послал его к шайтану, если он действительно сказал ему, что успел на ней жениться. Как, как не послал? Суслик, этот уса́тый толстяк не за правдой пришёл и не за русской дурочкой, а за хорошей суммой египетских фунтов. А вот зачем мистер Атертон начал нести ей этот бред, знает только сумасшедший сверчок, сидящий в его голове. Будь под рукой молоток, она бы не промахнулась, как Буратино! Хватит уже её за полную дуру держать! Да ты и есть такая, иначе бы не кормила завтраком этого сумасшедшего джентльмена.

— В который раз убеждаюсь в скромности твоих познаний про древнейшую цивилизацию, — усмехнулся Реза.

А кто спорит! Согласна, понятия не имею, кто такие древние египтяне и кто такие современные тоже!

— В древности института брака как такового не существовало. Достаточно было поселить в своём доме девушку и разрешить вести хозяйство, порой вместе со свекровью.

И он вновь замолчал. Даёт тебе время переварить. Ну да — в общем-то по древним законам она ему почти жена... Вещи он её перенёс к себе, на кухню пустил... Молись Хатор, чтобы остального не потребовал!

— Пришлось ему и свадебную фотографию в древнем стиле показать, — продолжал Реза бесцветным голосом.

— А мой обратный билет ничему не противоречит? — она пыталась говорить спокойно, но голос предательски дрожал.

— А я не показывал твой билет. Я показал свой на твой рейс, который успел купить до его прихода. Древний обычай не отменяет современных формальностей.

Челюсть с большим трудом осталась на месте. Это уже переходит все границы.

— А билет можно сдать? — едва слышно выдавила из себя Сусанна.

— Этот сайт даёт четыре часа на отмену.

— Ты это сделал?

— Ещё часа не прошло. Я успею...

— И полицейский поверил?

— А что ему оставалось? Если бы такое сказал простой обыватель, его бы назвали лгуном, а я сумасшедший уже в четвёртом поколении, мне можно верить. Да и потом, ты вела себя довольно естественно для невесты.

— Потому что я об этом не знала!

— Я и старался удержать разговор на арабском. И вообще не хотел тебе рассказывать. Но, увы, Аббас оказался глухим к моим просьбам. Ему это показалось забавным.

Сусанна не смогла вернуть на лицо улыбку, потому что той не было на лице Резы.

— Тебе это тоже кажется смешным?

Она не улыбается, а может и улыбается против воли — ему виднее. А вот что у него такой похоронный вид, будто его действительно тащат под венец? Отмазался от полиции, радоваться надо!

— А чего быть серьёзной? — Сусанна передёрнула плечами. — Это ведь неправда.

— Вот именно, что неправда. Я солгал капитану. Хотя мог бы сказать правду. Про украшение, про каталог, заплатить ему и всё... Я никогда не лгал полиции.

О, придурок... Поборник правды... Жрец Маат...

— Да ладно... Если полицейские вернутся, я подтверждаю твою версию. Делов-то?

Взгляд Резы остался ледяным, как и голос:

— То есть тебе солгать ничего не стоит?

Сусанна опустила голову. У мистера Атертона действительно едет крыша или это червь англо-саксонской законопослушности жрёт его изнутри?

— А это не совсем ложь! — Сусанна выдержала взгляд. — Люди сегодня вместе, завтра врозь. И ты не сделал ничего, чтобы в твой дом приходил полицейский. И скажи ты ему правду, что ты просто взял меня под опеку, он бы не поверил. Это вынужденная ложь.

Реза выжидающе глядел на неё. Что? Что ещё я должна сказать?

— Реза, с днём рождения! — Ага, почти забыла! — Не надо портить важный день из-за глупых людей. Лучше взгляни на торт. Я старалась...

Реза резко поднялся из-за стола. Сусанна подскочила со стула. Только не вздумайте уходить, мистер Атертон! Иначе я выкину торт в помойку! Но он направился на кухню. Неужели получилось? Рано радоваться, рожа у него осталась замороженной!

— Спасибо!

Ага, благодарность прозвучала, как отстань. Может, он и попробовать торт не станет? Пока в любом случае его есть рано, так что не стоит вообще об этом думать! Предсказать поведение мистера Атертона невозможно!

— Не кажется ли тебе, что смысл истории Нен-Нуфер в том, что единожды начав лгать, уже не остановиться?

Сусанна уставилась в лицо именинника, пытаясь уловить хоть какое-то движение глаз, чтобы понять смысл вопроса.

— Мне кажется, это уже не моя история, — ответила она тихо. — А твою я пока не дочитала.

— Но на вопрос ты можешь ответить?

— Если ложь принесёт кому-то спокойствие, то я предпочту лгать, как лгала всю неделю сестре. И что Нен-Нуфер, что Сети, что фараон, они лгут, чтобы дать счастье окружающим.

— Но они не дают его. И самое ужасное, что одна маленькая ложь может стать в один прекрасный день правдой.

К чему он несёт эту чушь? Если полицейские вернутся, она солжёт, не моргнув глазом, чтобы её оставили в покое.

— Наша ложь не маленькая. Она супер-маленькая, и через два дня мы забудем друг о друге.

— Тогда пойдём! — Реза схватил её за запястье и потащил к двери. — Ты ведь хотела взглянуть на мою мастерскую?

У него, кажется, отлегло! И она даже согласна спуститься в гробницу, только бы он начал улыбаться. Глядеть на маску из белого золота невыносимо!

Из гробницы, как всегда, веяло холодом. Сусанна с опаской покосилась на Резу, когда они проходили мимо статуй, но тот даже не взглянул на них. Ещё посмотрит! Сейчас он, наверное, из фараона вновь превратился в обыкновенного ювелира, увлечённого работой, и сейчас она погрузится в совершенно иной мир, более практичный, ведь чем бы ни была ранее эта комната, сейчас она выглядела довольно современно. На потолке горели лампы дневного света, последнее детище Аббаса, а стены закрывали пробковые доски, на которые висели рисунки всевозможных украшений и схемы для их создания. Пара странного вида станков занимала центральное пространство. По виду одного она догадалась о его предназначении — шлифовальный. На деревянных столешницах, тянувшихся по стенам буквой «П», лежали разные инструменты. На специальных растяжках висели неоконченные работы. Красота... Руки у него точно золотые, но вот маску с лица пусть уж снимет! И рот раскроет. Она ждёт рассказа о том, как создаётся эта красота! Но Реза молча придвинул к себе какую-то коробку и достал непонятные железные палочки. Он покажет работу в действии? Отлично, пусть работает. Работа его успокаивает. Мистеру Атертону нервничать нельзя, а усатый капитан изрядно потрепал ему нервы. Или он сам себе из-за глупой правды!

Реза разложил инструменты и молча протянул ей руку. Куда подходить — ей и отсюда всё видно, и всё же она безропотно вложила в его ладонь свою, но Реза вместо того, чтобы сжать её пальцы, стащил кольцо.

— Небольшая формальность.

Он опустил на стул и закрепил кольцо на держателе. Молча взял первую палочку, потом вторую, затем третью, и подносил к крутящемуся кольцу...

— Я так и не показал тебе, как по-египетски пишется моё имя, но сейчас ты увидишь и заодно и своё.

Сердце Сусанну перестало биться, когда она наконец поняла, что он делает. Маленькая формальность — это превращение обычного кольца в обручальное с именами мужа и жены. Он ведь рассказал ей об этом, когда подарил кольцо.

— Реза, — голос её дрожал. — Это уже перебор. Капитан не читает иероглифы.

Он отложил палочку и окинул Сусанну всё тем же ледяным взглядом:

— А ты делаешь это для полиции или для меня?

— Для тебя, чтобы ты не переживал, что солгал...

Сердце почти не билось, вернее билось так часто, что невозможно стало сосчитать количество ударов в минуту. И сами минуты слились в бесконечную тишину.

— Теперь это не ложь.

Реза сдул с кольца стружку и отложил в сторону. Настала очередь другого кольца. Он снял его со своего пальца и принялся за работу. За спиной был ещё стул, и Сусанна поспешила его занять. Спокойствие, Суслик, только спокойствие, и даже если потребуется выполнение другой формальности, то тоже не конец света... Главное, чтобы медовик пропитался. Упасть в грязь лицом перед мадам Газиёй куда страшнее, чем оказаться с новым мужем по-настоящему в одной постели.

Реза наконец отодвинул свой стул и протянул Сусанне большое кольцо. Пришлось встать. Странно, что они не переоделись для маленькой формальности. Сказать? Молчи, Суслик, ты уже договорилась, кажется, до полного идиотизма.

Реза протянул руку. Конечно, она должна сделать это первой... Она помнит. Только

можно хотя бы взглянуть на иероглифы? Красиво, хотя и не поймёшь, где чьё имя... Неважно... Главное, что ты знаешь, что там написано...

Кольцо вернулось на своё законное место, и Сусанна протянула Резе дрожащую руку. Её кольцо тоже сидело, как влитое, но Реза всё равно поцеловал ей пальцы, будто вновь проверял размер... Суслик, неужели ты поверила в бред про снятие мерок губами... Я уже не знаю, во что верю, и во что можно верить...

— Теперь я имею законное право на твой первый поцелуй, и никто не назовёт меня вором.

Сердце совсем провалилось в пятки, когда рука с кольцом прошла по её спине. Она откинула голову, но вместо ледяного взгляда поймала горячие губы, но их влага не утолила её жажды. Реза отпустил её так же быстро, как и обнял.

— Можно попросить тебя о маленьком подарке?

Сусанна судорожно кивнула, только нужен ли ему теперь её кивок?

— Сходи со мной ещё раз к мумии ребёнка, — Сусанна не была уверена, что её глаза остались на лице, такими огромными они стали. — Мне это очень важно.

Он точно ненормальный! И если ему сумасшествие простительно, то отчего она такая дура, что соглашается на всё?

Реза вывел её из мастерской и подвёл к статуям.

— Это их ребёнок.

Сусанна кивнула. Понятное дело, чей же ещё!

— И немного мой.

А вот это уже идиотизм, с которым она ничего не может поделать.

— Знаешь, почему Аббас такой... Такой нервный, когда дело касается моего отношения к тебе? — Реза сжал её руку слишком сильно, заставив повернуться к себе. — Он считает себя виновником моего состояния. Поэтому не женится и следит за мной, словно за маленьким.

Реза закусил губу и опустил глаза к ботинкам.

— Мы вместе нашли этого ребёнка. Отец тогда уехал по делам в Луксор, и Аббас решил воспользоваться свободой, но я не хотел оставлять росписи. Мне оставалось совсем немного. Заплатить долг фараону мне казалось намного важнее всяких кальянов и голых девок. Но Аббас вырвал у меня кисти и... В общем мы с ним подрались, и достаточно жестоко... Он швырнул меня об стену, и я пробил её головой. В общем, мы, конечно, никому ничего не сказали... Сейчас даже шрама нет, но... Он считает, что все мои бредовые идеи — следствие этого падения, но я-то знаю, что это всё из-за мумии. Когда я пришёл в себя, мы хотели быстрее залепить стену и закрасить, чтобы отец не узнал про драку — Аббас очень боялся оказаться на улице, и я тоже боялся потерять его... Но когда мы начали лепить на стену гипс, стена просто провалилась под нашими руками, потому как была дверью. Её после погребения фараона замазали наспех, потому она так легко обрушилась. Ну, сама понимаешь, в шестнадцать мы не могли удержаться и вошли. Хорошо ещё сообразили прожечь свечой воздух... Мумию ребёнка мы разворотили ради интереса... А потом...

Реза замолчал, и Сусанна заметила в его глазах слёзы.

— Мы, конечно, запихнули мумию обратно в крохотный саркофаг, а потом замазали вход, и я умело закрыл свежую шпаклёвку росписью — отец не должен был догадаться ни про вход, ни про драку. У меня тогда была пышнее шевелюра, и мы смогли в тайне от Латифы обработать рану, но...

Реза вновь замолчал.

— Отец узнал правду, да? — подсказала Сусанна, увидев, что слеза уже докатилась до подбородка.

Реза покачал головой.

— Нет, отец ничего не узнал. Во всяком случае, я на это надеюсь. Я надеюсь, что там он, — Реза ткнул пальцем в статую фараона, — оставил моего отца в покое.

Суслик, не нервничай. Мистер Атертон немного ненормальный. Вернее очень ненормальный или просто сумасшедший!

— Отец, когда возвращался по ночной дороге, въехал в верблюда. Не смейся!

Она и не смеялась. Вот, где причина сумасшествия!

— Они действительно иногда лежат на дороге. Бедуины оставляют их отдыхать, если не могут сдвинуть с места. Никто не ждал в такой час гонщика на узкой дороге. Отец заплатил жизнью за нашу с Аббасом выходку. Я почти что умиловил дух фараона за то, что было сделано прадедом и дедом, восстановив росписи и сделав копии украденных драгоценностей, и если бы меня не дёрнуло трогать ребёнка, отец остался бы жив. Мне тогда хотелось умереть, и я не знаю, зачем Латифа вытащила меня с того света — у меня всё равно нет никакой жизни. Всё, что я делаю, я делаю ради неё и сына, чтобы, когда наконец умру, они ни в чём бы не нуждались.

Сусанна еле успела поймать его. Только не падай! Только не смей задыхаться! Но это не был приступ, Реза просто разрыдался. Он рыдал в голос. Пусть поплачет. Гробницы созданы для слёз, и их никто не увидит. Сусанна стояла рядом с ним на коленях, но не чувствовала твёрдости пола, как и остроты подбородка Резы, пронзившего ей плечо. Теперь её рука с кольцом скользила по затянутой белым шёлком спине. Она подняла глаза на статуи. Подведённые чёрным глаза безучастно глядели на них. Хотелось плюнуть в их золотые лица и выкрикнуть:

— Довольны?! Что вам ещё нужно?!

— Чтобы мы сходили к ребёнку...

Она всё же это выкрикнула, да ещё и по-английски, раз Реза понял. Он вытер глаза подолом юбки и помог Сусанне подняться.

— Я вернулся в гробницу уже в сознательном возрасте, когда начал отворачиваться при виде маленьких детей. Я сделал дверь и, когда становилось совсем невыносимо, брал на руки младенца и представлял, что это мой сын. Только не считай меня абсолютно сумасшедшим. Это нормальное желание мужчины иметь сына.

— Пойдём уже, — Сусанна потянула его к крохотной двери, на которой была изображена девушка, протягивающая фараону лотос. Именно эту картинку Реза нарисовал для неё — недостающая сцена романа. Забыть про роман! Лотос ведь олицетворяет новую жизнь. Пусть проклятье отпустит наконец Резу, пока у того в голове осталась хоть одна здравая мысль!

Глава 31

Оставленный в крохотной погребальной камере факел пропитал воздух запахом жжёного масла. Почему в прошлый раз Реза не взял фонарь? Теперь приходилось платить за аутентичный спектакль удушьем. Если бы только со стен сошли девушки с опахалами, счастьем не было бы границ... Сусанна пыталась дышать отрывисто и быстро, но гарь

безжалостно проникала в лёгкие. Она из последних сил сдерживала кашель и желание разорвать на груди футболку.

Реза тем временем приставил к стене деревянную крышку саркофага и бережно взял на руки мумию, обращая к ней тихие слова на забытом языке. Возможно, и в прошлый раз он говорил с ребёнком, а не с ней, а ей остаётся молча протянуть руки. В прошлый раз брезгливость затмил страх, а сейчас её забило желание побыстрее вдохнуть свежего воздуха. Реза улыбнулся и догадался перейти на английский. И верно, пусть говорит с ней живой, чем с ним мёртвым.

— Посмотри, кого я привёл к тебе, — Реза так и не протянул ей ребёнка. — Ты ведь узнаёшь маму? Мы так долго ждали её, верно, сынок?

Суслик, ты обязана подхватить игру, иначе мистер Атертон расстроится, а ему нервничать нельзя. Он уже исчерпал сегодняшний лимит криков, слёз и бреда. Сусанна сделала ещё шаг, чтобы руки оказались под его руками. Лён чистый, а под пелёнку можно и не заглядывать и продолжать смотреть в лицо новоявленного мужа и отца тысячелетнего младенца.

Реза не убрал руки, боясь, что Сусанна отдёргнет свои. Нет, она станет качать это невесомое создание так же бережно, как и он, как не качала в детстве даже любимую куклу. Теперь надо что-то сказать, что-то особенное, что определённо доставит мистеру Атертону удовольствие, ведь ради него она согласилась на этот жуткий фарс: стать матерью мумии!

Спокойствие улетучивалось так же быстро, как и последние глотки терпкого кислорода. Руки так дрожали, что заставляли шевелиться мумию, и мёртвый младенец будто недовольно вертел головой. Давай уже, соображай быстрее, что нужно сказать. Раз они долго тебя ждали, значит, ты, дрянная мать, где-то шлялась целую вечность, пока одинокий отец качал колыбельку, а ребёнок, получается, вообще тебя в глаза не видел — с чего он поверит, что ты его мать?! Да потому что дети чувствуют матерей, они чувствуют их молоко. Какое молоко через три тысячи лет? А чего ж так грудь ломит? Да оттого, что здесь дышать нечем! Говори уже свои слова и тащи папашу наверх!

— Как же я скучала по тебе, сынок. — Добавь, что больше не уйдёшь от него! — Мы теперь всегда будем вместе. Гнев Хатор велик, но милость Осириса ещё больше. Он простил содеянное мною и теперь настал черёд простить меня тебе, ибо я не верю, что твой отец когда-нибудь простит меня...

Суслик, ты чего несёшь? Зачем Хатор впутала сюда? Чего молчишь? Ты меня слышишь? Нет, я тебя не слышу, и тебе здесь нет места. Это моё время, которое я бесконечные столетия вымаливала на ледяных плитах у входа в царство Осириса. Уходи, оставь меня с сыном. Ты сделала своё дело и больше мне не нужна.

Ребёнок заелозил в пелёнках, и пришлось прижать его к себе сильнее, чтоб не выронить, а он, почувствовав грудь, обхватил сосок слабым ртом и высосал первую каплю молока. Сразу стало легче дышать. Сквозь опущенные ресницы просматривалось мерно опускающееся опахало.

— Быстрее! — прокляла она нерасторопности девиц. — Мне совсем нечем дышать!

Ресницы сомкнулись друг с другом, и яркое павлинье перо растворилось в темноте.

— We should call a doctor.

— She's fine, don't worry. She fainted but she didn't hit her head.

Сусанна с трудом приподняла ресницы и вновь опустила, не вынеся пристальных взглядов. Под головой была подушка, а ноги чувствовали одеяло: она в кровати, и этих

знаний достаточно, чтобы не закричать. На данный момент достаточно.

— И кто теперь будет пить шампанское? — в голос Аббаса вернулась прежняя усмешка.

— Мы с тобой.

— Очень романтично. С тобой я предпочитаю пить пиво. Ты уверен, что врач не нужен?

— Уверен. Лучше принеси ещё сладкого чая.

В левом ухе звякнуло, и перед глазами промелькнула вспышка. Стакан с ложкой. Выходит, она уже пила чай. Когда шаги Аббаса замерли в коридоре, рука скользнула вверх по голому животу к груди и замерла на влажных волосах. Она успела и душ принять. Прекрасно... Что ещё следует вспомнить? Для начала кое-что стоит забыть. Можно, и не забывать. Главное, мистеру Атертону не рассказывать. Но вот спросить, когда она грохнулась в обморок, стоит.

— Я не уронила ребёнка?

Реза улыбнулся и убрал с её лица слипшиеся мокрые пряди.

— Мы не дошли до погребальной камеры.

— Значит, ещё пойдём? Это же часть подарка...

Суслик, ты хочешь, чтобы его рот порвался в улыбке? Нет, мне нравится, что на лбу нет волос. Зря, от них холоднее. Но тогда мистер Атертон уберёт руку, а я этого не хочу.

— Мой лучший подарок на сегодня, — проворковал он. — Ты на ногах и в здравом уме.

А вот это уже интересно. Суслик, только не спрашивай подробностей. Ага, шаз! В что если я действительно несла ему всю эту чушь про Хатор...

— А что я такого сказала?

Только бы Аббас забыл, где мать держит чай, и не возвращался ещё хотя бы минут пять! Мистера Атертона трудно разговорить, так что надо хватать быка за рога и не отпускать.

— Что я такого страшного сказала? — повторила Сусанна настойчивее.

Лицо Резы сделалось каменным.

— Ты сказала, что любишь меня.

Что? Уберите руку, мистер Атертон, и прекратите меня гипнотизировать. Я не до такой степени сумасшедшая!

— Я пошутил. Но ты разговаривала со статуей, помнишь?

Сусанна кивнула.

— Она пялилась на меня.

— Как, впрочем, и ты на неё.

Реза продолжал улыбаться. Пусть не убирает улыбки. Его каменная маска слишком пугающая.

— Про твоего отца мне не приснилось?

— Нет. Я рассказал тебе правду.

Хорошо, что на смену улыбке не пришли слёзы, а то она успела испугаться за тревожный вопрос. У человека день рождения! Завтра расспросишь его про дела семейные. Как бы завтра он тебе всё ещё муж... Лучше бы это мне приснилось! Но на руке, потянувшейся за принесённой Аббасом чашкой, продолжало блестеть кольцо с гравировкой. Хорошо ещё, что иероглифы никому не видны.

Реза поправил подушку и заботливо обмотал вокруг её груди простынь. Аббас так и будет пялиться на неё или сообразит уйти?

— Пора тебе вылезать из гробницы, братик. Там невозможно сделать нормальную вентиляцию.

— Я уже вылез и обратно не собираюсь, — улыбнулся Реза, подставляя под стакан ладонь, чтобы Сусанне легче было пить. — Аббас, тебе не кажется, что здесь кто-то лишний?

— Я жду чашку.

Он сунул руки в карманы и впечатал в ковёр ноги. Чего он действительно ждёт? И почему так внимательно смотрит? Дура, он брату не верит! Он твои зрачки проверяет. И боится, что ты не удержишь в себе чай. Сусанна подняла к голове руку, как бы расчесать пальцами волосы — кажется, шишки нет. Тогда быстрее допивай чай да руками не маши, а то простынь свалится. Хватит того, что один брат уже полностью изучил твоё тело. В таком состоянии ты не могла принимать душ самостоятельно. Ну и ладно. В конце концов он мне муж... Суслик, не смей мои тапочки! Кстати, про тапочки. Не забудь спросить, практикуется ли здесь их ношение?

— А можно мне домашние тапочки, а то ноги мёрзнут.

Она вообще-то у Аббаса спросила, но Реза не запланировано среагировал на вопрос: принялся ладонями растирать ей ступни.

— Мне не холодно! — Сусанна попыталась забрать ногу, но потерпела то же фиаско, что и в их первый ужин, когда подвернула ногу. Могла бы привыкнуть к силе мистера Атертона! — Я просто хочу тапочки, когда встану.

— Пока ты не встанешь. Я хочу, чтобы ты немного поспала.

Реза забрал стакан и сунул в руки Аббасу. — Оставь нас вдвоём.

Тот подчинился и даже закрыл за собой дверь.

— Я хочу, чтобы ты поспала, а то мать распереживалась, что замутила великий ужин, а есть его будет некому, — Сусанна улыбнулась. — И торт я не стану пробовать без тебя, — Реза прижал своё кольцо к её кольцу. — Я ничего не стану сегодня делать без тебя. И завтра тоже.

Сусанна даже не пыталась вырвать руку.

— Я не смогу уснуть. Мне кажется, я уже спала.

— Тебе это кажется. Это нормально после обморока, что ты немного потеряла связь со временем.

— Немного? Я не помню ни чая, ни душа. Что я ещё не помню? Только не надо больше шутить со мной!

— Не буду, а то ты меня возненавидишь, — Реза так быстро коснулся её губ, что она даже дёрнуться не успела. — Поспи. Я не хочу потерять тебя после первого бокала шампанского.

Намёк понят, мистер Атертон, и не надо так громко стучать кольцами!

— Я хочу написать сестре, — прошептала Сусанна.

Реза кивнул и почти молниеносно протянул ей телефон. С замирающим сердцем она открыла приложение «Вконтакте» и прочитала: «Мама уже не может дождаться воскресенья! Я тоже соскучилась и больше тебя одну никуда не отпущу». Сусанна быстро набрала краткое «Я тоже уже хочу домой» и отдала телефон Резе.

— Хочешь, я прочитаю тебе продолжение рукописи? Я забрал её из библиотеки.

Сусанна кивнула, но тут же почувствовала разочарование, когда он поднялся с постели. Листы оказались на второй тумбочке. Мог бы и перевалиться через её ноги. Суслик, спрячь бесстыжие глаза и не следи за каждым его движением! Сусанна покорно опустила ресницы и даже подтянула к носу край простыни. Матрас скрипнул — Реза улёгся рядом и сунул ноги под простынь, но, увы, не дотронулся до её пяток.

— Ты где остановилась?

Листы легли ей на груди и пришлось приподнять голову и вытащить руку, чтобы ткнуть в строчку про лотос. Простынь сползла к груди, но Реза ловко подтянул ткань обратно к её носу.

» Кто же достал лотос? Должно быть, Райя, и его рука коснулась светлых, что солнце, волос. Недозволительная ревность сжала сердце фараона, и он заставил себя отвести взгляд от розового цветка — если он помедлит хотя бы минуту, то не избежит кары Хатор, потому как в руках не осталось иных желаний, как только сжать едва прикрытые светлыми волосами плечи. Но Богиня сжалилась над ним — спасение принесла пара легкокрылых ног. Райя с блестящей от воды кожей дрожащими руками протянул отцу очищенный от тины кнут. Фараон медлил, глядя на склонённую чуть ли не до земли голову сына — какие мысли сейчас растревожили дерзкий чуб? Хоть одной малой надеждой вспыхивала ли в его голове мысль, что он может унаследовать чёрную землю? И когда следует открыть мальчику его предназначение? Явят ли Боги ещё знак или теперь самому следует искать подходящий момент, чтобы поговорить с сыном?

Фараон забрал кнут. Взгляд упрямо тянулся к красной полосе, пересекающей ладонь сына. Он не станет извиняться. Царевич должен знать, что занесённый кнут если и не опустится на тело, то обязательно тронет душу — даже в сердцах оброненное фараоном

слово будет передаваться из уст в уста и в конце концов обретёт силу свершённого деяния. И пусть помнит, что каким бы безнаказанным он не чувствовал себя среди людей, на суде Осирис спросит с него много больше, чем с простого землепашца. Таков удел правителя двух земель.

— Оставайтесь с миром, — изрёк фараон, пытаясь скрыть в голосе горечь разлуки, и молча зашагал к стене. Впереди его ждал полный забот день и кнуту не придётся просохнуть, так крепко он станет сжимать его во время судилища.

И ночь не принесла желанного спокойствия. Фараон вновь проворочался без сна, и с губ его пару раз почти сорвалось имя брата. Он хотел крикнуть прислужнику привести к нему Сети — хотелось вновь уйти на террасу под звёзды, куда он не успел привести сына. Фараон сел в кровати полный решимости с утра отправить Сети за Райей. Пусть мальчик целый день проведёт с ним, пусть узнает, что народ Кемета требует от правителя. Только с утра слуги напрасно искали Сети, а потом стража у ворот сообщила, что возница фараона поздним вечером ушёл домой. При этом известии пальцы фараона невольно сжались в кулаки — какие беседы он ведёт с Нен-Нуфер, ведь не могут же они завтракать врозь. И, подойдя к столику, он ударил кулаком по блюду с такой силой, что все финики подлетели в воздух и пали на пол.

— Подай завтрак в покои Хемет! — крикнул фараон перепуганной прислужнице.

Длинное одеяние мешало быстрой ходьбе, и фараон безотчётно подтянул его к коленям, неожиданно ощутив в них дрожь. Он уже лет пять не видел мать Райи и вдруг испугался, что не признает её. Женильба на Никотрисе и смерть отца положили конец их общению — они даже толком не простились, он просто перестал приходить к ней и сыну. Последним воспоминанием были раскиданные по циновке самоцветы, из которых шестилетний мальчик выкладывал простые иероглифы. Хемет перед зеркалом красила глаза. За долгие годы, проведённые вместе, он видел её и чисто умытой, и с потёкшей от зноя и любви краской, но никогда с разными глазами — подведённым и нет. Он не желал обидеть её, просто не сдержал улыбки, а Хемет со злости швырнула в него зеркалом. Он, к тому времени уже молодой властитель двух земель, развернулся и, не простившись, навсегда покинул покои любовницы.

Сейчас фараон считал комнаты, чтобы не ошибиться и всё же поднял не ту занавеску. Невольница, совсем юная девочка, вскрикнула и, выронив парик, распростёрлась перед ним на полу. Он уже думал выйти, но тут дрогнула внутренняя занавеска и замерла, а потом он услышал поспешное шлёпанье босых ног. Неслыханная наглость убежать от фараона, и он быстро пересёк комнату и шагнул во внутренние покои, тёмные утром из-за опущенной тростниковой занавески.

— Дай мне минуту, повелитель, и я выйду к тебе. Позволь только моей служанке принести парик.

Он не узнал голоса, но исполнил просьбу и даже придержал занавеску, когда девочка поспешила на зов, а потом уселся в кресло, не понимая, почему просто не объяснил, что ошибся покоем. Что сказать обладательнице тихого незнакомого голоса?

Девочка придержала занавеску и выпустила на свет госпожу. Только лица он всё равно не увидел — сквозь плотную вуаль едва просматривался пышный парик.

— Что привело тебя в покои Ти, мой повелитель?

Слава Богам, она назвала своё имя. Она была одной из последних жён отца, ливийская царевна. Он пытался вспомнить её лицо и не смог.

— Отчего ты прячешь от меня лицо?

— Я прячу его от всех, мой повелитель, уже много лет, потому что не хочу пугать людей своим уродством. Скажи, что привело тебя ко мне? Хотя знаю... Хемет плачет, верно? Оттого ты и не посмел переступить её порога. В тебе всегда была чуткость, которую ты взял от матери. Ты хочешь, чтобы я сходила к ней и пригласила к тебе?

— Нет. Скажи, что я велел принести в её покои завтрак, потому что хочу поговорить с ней о сыне. Дождись, когда она будет готова, и вернись за мной.

Ти с поклоном удалилась. Высокая, лёгкая, худая, что девочка, полная противоположность Хемет. Плачет... Он мог предположить, что она позлится первые дни, а потом явится к нему сама с требованием вернуть сына, но плакать в своём покое? Как не похоже на неё.

Ти вернулась слишком быстро — видно, он ошибся всего одной дверью.

— Она ждёт тебя и отослала слуг, сказав, что сама станет прислуживать тебе, но если ты велишь вернуть их...

— Нет. Пусть оставят нас одних.

Фараон сделал решительный шаг к двери и замер: он же не знает, куда идти — все эти пять лет он не ступал дальше покоев Никотрисы, пока своей единственной жены. В выборе приводимых к нему наложниц он полагался на слуг.

— Проводи меня, чтобы убедиться, что Хемет не передумала видеть меня.

Ткань, закрывавшая лицо Ти, дрогнула — должно быть, ливийка улыбалась, но нет, голос прозвучал тише прежнего.

— Того, кто смеет противиться повелителю двух земель, Великая Хатор жестоко карает. Хемет знает это не хуже моего.

Ти опередила его на два шага и прошла мимо следующей двери, не останавливаясь. Как же давно он не был на женской половине дворца, а ведь когда они с Сети мальчишками играли здесь в прятки, дворец не казался таким огромным. Ти сама откинула ему занавеску и замерла в нерешительности. Фараон глянул ей через плечо и велел уходить. Слезы Хемет высохли быстро, раз у неё хватило времени высыпать на циновку груды самоцветов.

— Опустит зеркало. Иначе я не перешагну твоего порога.

Однако зеркало осталось в руках Хемет, как и кисть, которую она тут же поднесла к ненакрашенному глазу.

— У меня прекрасная память, — продолжил фараон достаточно резко, — но недолгое терпение, потому даже тебе не стоит испытывать его.

— Тогда говори, зачем пожаловал, и уходи.

— Я пришёл попросить тебя разделить со мной завтрак.

— Пять лет ты спокойно завтракал без меня, и нынешний день ничем не отличается от предыдущих. А коли тебе скучно, вели отнести подносы в покои царицы, она будет рада увидеть тебя.

Хемет опустила кисть с зелёной краской и подняла другую с чёрной.

— А ты не рада?

— Я научилась жить без тебя и не хочу ничего менять.

Хемет отвернулась от него вместе с зеркалом, и фараон почувствовал, как у него затряслось веко.

— Прости меня, — слова сами сорвались с губ. — Я был жесток.

— Твои извинения запоздали. Женщины не ждут так долго.

— Я знаю. Если ты не хочешь завтракать со мной, то отобедай завтра, потому что за моим столом будет тот, кого ты жаждешь видеть.

Хемет вскочила со стула и опрокинула его.

— Райя во дворце!

— Нет! — отрезал фараон. — Но завтра утром я велю привести его и буду с ним весь день. Только у него теперь нет времени собирать твои самоцветы, так что приходи к пруду, и коли он пожелает, то будущим утром принесёт к тебе свой завтрак.

Хемет метнулась к нему и поймала губами руку, но фараон не сумел разжать кулак, чтобы прикоснуться к её волосам.

— Меня забрали у матери раньше, и никогда ни словом, ни жестом не упрекнула она в том моего отца.

Хемет отступила, но не подняла головы.

— Ты принадлежал отцу по праву наследника, но у меня ты забрал сына, чтобы он развлекал твою Асенат. И в том твоя жестокость.

Теперь он сумел протянуть к ней руку. Пальцы мягко коснулись подбородка, и Хемет пришлось взглянуть фараону в глаза.

— Сети избрал для дочери прекрасного учителя, который способен дать моему сыну много больше, чем может усвоить его дочь.

Яркие губы Хемет дрогнули.

— С каких это пор жрица Хатор вдруг превратилась в мужчину?

— Потому что она умнее многих мужчин. Те способны вбить знания лишь палками, и потому наш сын ничему у них не научился, а с ней он кроток и покорен. Я велю ему принести написанные им свитки, и сама убедишься в правоте моего выбора.

Хемет продолжала ухмыляться.

— Если только в выборе Сети. Ты не умеешь выбирать женщин.

— В своей жизни я выбрал лишь одну женщину. Я выбрал тебя и никогда не пожалею о своём выборе.

— Меня выбрал твой отец, а ты нагло украл меня у него. Гляди, чтобы твой сын не пошёл по твоим стопам.

— Сколько же в тебе злости! — фараон отдёрнул руку и вновь сжал пальцы в кулак. — Наш сын ещё слишком мал, но я не подумаю стоять у него на пути, если Бастет зажжёт между ним и Асенат священный огонь, как отпустил тебя мой отец.

— Я была одной из многих, и за год, что я прожила во дворце его невестой, он ни разу не зашёл ко мне, да и с трудом вспомнил, кто я, когда ему сообщили про тебя. А Асенат твоя единственная женщина. Будь я тобой, я бы не тянула со свадьбой.

Фараон только сильнее сжал кулак.

— Райя не вернётся под твоё крыло, женщина. Смирись с этим, но ты будешь гордиться им, я обещаю, потому что Великая Хатор взяла его под своё покровительство.

— Спроси у Ти! — вскричала Хемет, отшатнувшись от фараона. — Попроси её открыть тебе своё лицо, и ты узнаешь, что такое гнев Хатор! Я не хочу, чтобы мой сын близко подходил к её жрицам!

Она схватила его за браслеты и упала к ногам, и фараон еле сумел высвободиться из её цепких рук.

— Я жду тебя завтра у пруда, но не смей даже заговаривать с Райей. Теперь он мой, и я не потерплю, чтобы вы, женщины, смущали его своими речами. Забудь про обещанный

завтрак. Довольно с тебя будет, что ты обнимешь его за обедом!

Он вырвал подол, за который Хемет успела схватиться, и чуть ли не бегом помчался с женской половины. В саду он остановился и присел на скамейку. Сзади ту же подступили девушки с опахалами, и он с радостью ощутил на лице прохладу. Как вовремя он забрал из этого гадючника сына, и пусть его нога в будущем не ступит дальше покоев Асенат. И вдруг он слышал шелест песка и обернулся на мгновение: к нему спешила Никотриса, но он успел подняться со скамейки и обратить к ней спину раньше, чем их взгляды встретились. С него довольно нынче двух дворцовых женщин, и он лично сообщит сыну про завтрашний день, чтобы увидеть ту, кто не похожа ни на одну из них...»

— Ты спишь или читать дальше?

Сусанна приоткрыла глаза и кивнула, то ли соглашаясь на сон, то ли прося продолжения.

— Давай ты будешь спать, а?

Она вновь кивнула, но Реза не поднялся с кровати, он вновь зашуршал бумагой и продолжил чтение.

«Вода в пруду дрожала от падающих камушков. Только нынче швыряли камни не дети. Их вообще не было в саду. Это Сети с дрожащими на спине капельками воды расшвыривал сооружённую из камушков, должно быть, детьми пирамидку, а Нен-Нуфер в мокром от брызг платье, плела подле него гирлянду из лотосов, которые он явно только что вытащил для неё из пруда. Они говорили так тихо, что фараон, сколько ни напрягал слух, не мог уловить и звука, но взрыв звонкого смеха подстегнул его, как подстёгивает коня хороший удар кнутом. Его слова вызывали в Нен-Нуфер лишь слёзы, и он впервые услышал, как жрица Хатор смеётся. Сейчас, без украшений, в простом платье, она вновь походила на невольницу, какой он впервые увидел её. Он вспомнил, как спускался в гробницу отца с невесомым телом в руках, чтобы вымолить для неё жизнь, и когда Нен-Нуфер, продолжая смеяться, накинула гирлянду на шею Сети, фараон схватил камень, и тот просвистел над их головами и с большим всплеском пошёл ко дну.

Сети обернулся с явным намерением отругать царевича, и слова действительно сорвались с его уст — быть может, те, что он успел заготовить для озорника:

— Райя, ты ополоумел?!

— Я же не попал в тебя!

Услышав голос фараона, Нен-Нуфер хотела вскочить, но поскользнулась и вместе с Сети, пытавшимся удержать её, оказалась в воде.

— А ты метил? — прорычал тот в ответ, смахивая с платья девушки тину.

— Стоило бы, чтобы кто-то не забывал своего предназначения!

— Ты кого обвиняешь сейчас и в чём?

Сети с вызовом сжимал кулаки, и фараон машинально потянулся к висящему за поясом кнуту.

— Давай! — подбодрил его Сети. — Тогда почтенный Амени точно узнает природу раны твоего сына и перестанет верить в том, что это я ненарочно задел Райю, стегая лошадь!

— Амени? — рука фараона упала вдоль тела.

— Амени сейчас в доме беседует с Асенат и царевичем. Вчера он прислал мне записку с просьбой навестить Нен-Нуфер, и я не разгадал жреческой хитрости — на самом деле Амени решил убедиться в успехах детей. И, как видишь, слов собственной воспитанницы ему оказалось мало.

— Не тревожься, благородный Сети, — Нен-Нуфер осторожно поправила почти свалившуюся с его шеи гирлянду из лотосов. — Он не доверял и Пентауру, но я никогда не догадывалась, что Амени проверяет мои знания, и сейчас я уверена и в твоей дочери, и в твоём сыне, — Нен-Нуфер подняла глаза на фараона, — как был уверен во мне Пентаур.

Она нагнулась и выжала подол, в мокром платье став тоньше стебля лотоса. Фараон перехватил взгляд Сети, который так же покоился на девушке, и сжал кулаки.

— Прикажи ей есть! — От резкости в голосе брата фараон вздрогнул. — Её шея не в силах вскоре будет удержать на голове даже лотос, не говоря уже про парик.

— Смотри чтоб твоя шея не переломилась под тяжестью ожерелья! — не сдержался фараон.

Сети сорвал с себя лотосы и закрутил гирлянду вокруг головы Нен-Нуфер.

— Я ем довольно, — она перехватила концы гирлянды и отступила от Сети. — Это ты слишком много присылаешь нам еды.

Она говорила скороговоркой, всё ещё не оправившись от испуга. Взгляд её покоился на пыльных сандалиях фараона, но она чувствовала, как под его взглядом горят её щёки, и даже мокрое платье б вспламенилось, если бы сад не зазвенел детскими голосами.

Окрик Амени остановил Асенат, готовую прыгнуть к фараону на шею. Она сжалась и отступила назад за спину царевичу, который пропускал вперёд опирающегося на палку старика. Фараон со жрецом обменялись лёгкими поклонами, и Амени без лишней лести начал нахваливать детей, которые без запинки ответили на все его вопросы и без помарок написали слова молитвы к Пта.

— Пта дал им прекрасную наставницу, — выговорил сухо фараон и уставился на Нен-Нуфер, а та ещё больше склонила голову перед жрецом. Амени вновь поклонился фараону и направился к Нен-Нуфер. Та попыталась поцеловать жрецу руку, но старик опередил её желание и у всех на виду крепко прижал девушку к груди.

— Вижу, что Пентаур поделился с тобой не только знаниями, но и талантом учить других. Теперь я понимаю смысл твоих разодранных коленок: ты создана не для танцев Хатор, а для света Пта, потому наш Бог и не отпускает тебя к Тирии. Никто не посмеет решить за тебя, какой путь тебе надлежит избрать, и я не буду отговаривать тебя, коли ты останешься при своём желании стать жрицей Хатор, но верь мне старику, эти дети нуждаются в тебе сейчас куда больше, чем Фивы в новой жрице.

Нен-Нуфер нашла сморщенную руку, будто та могла защитить её от пронизывающего до костей взгляда стоящего позади старого жреца фараона. Амени прервал её поцелуй и, погладив по голове, поклонился ещё раз властителю двух земель и затем хозяину дома. Дети проводили верховного жреца Пта до ворот, а взрослые не двинулись с места, но лишь привратник опустил засов, фараон объявил Сети:

— Я пришёл за сыном, — и тут же взглянул на Райю: — Мать хочет видеть тебя, и я пообещал, что пару дней ты сможешь пожить у неё, — фараон обернулся так быстро, что Нен-Нуфер не успела спрятать глаза: — Асенат не успеет соскучиться, и у Нен-Нуфер будет время обучить её женским хитростям, о которых нам, мужчинам, лучше не знать.

Мальчик метнулся к отцу, и фараон позволил себя обнять и, крепко взяв сына за руку, не простившись с остальными, направился к деревьям, скрывавшим низкую стену. Сети шагнул за ними, но фараон, не обернувшись, остановил его:

— Я не нуждаюсь в провожатых.

Нен-Нуфер опустила голову, чтобы скрыть слёзы.

— Ты плачешь? — бросилась к ней Асенат. — Почему? Райя ушёл лишь на пару дней. И мы, мы с тобой снова сможем танцевать!

На лице Асенат сияла улыбка, и Нен-Нуфер закусила губу, чтобы сдержать остальные слёзы. О, Великая Хатор! Одной рукой ты даруешь, а второй бьёшь наотмашь. Да в том, видимо, и есть твоя сила, что нельзя брать любовь обманом, и коль не достаёт смелости самому сказать правду, за тебя говорят её другие.

— Смени платье, Нен-Нуфер, — послышался тихий голос Сети. — И возвращайся в главный зал, куда я велю принести сенет и фрукты, и не забудь взять флейту. Я уже говорил, что в моём доме нет места слезам.

Нен-Нуфер кивнула и медленно пошла по дорожке, замечая босыми ногами оставленные взбешённым фараоном следы. Отряхнув у порога ноги, она медленно поднялась наверх, где с улыбкой встретила её Алоли. Только Нен-Нуфер не позволила служанке коснуться себя. Она сама сдирала мокрую ткань, как старую кожу, обнажая кровоточащее сердце. Она понимала, что фараон больше не отпустит к ней сына и, быть может, даже заберёт маленькую Асенат, но сейчас девочка с нетерпением ожидает её внизу вместе с отцом, который знает, что его ждёт не меньшая кара за обман Его Святейшества, но Сети улыбается, и Боги улыбаются лишь тем, кто не застилает глаза напрасными слезами запоздалого раскаянья. Нен-Нуфер бережно взяла флейту и спустилась вниз, чтобы усладить слух Сети весёлыми мелодиями, ибо неминуемое горе пока не перешагнуло порога этого гостеприимного дома. Она замерла у опущенной занавески и шепнула себе:

— Нет, я не стану плакать, не стану...

Рука потянулась к занавеске, но откинула с груди простынь, и Сусанна судорожно потянула её обратно, только в руке оказалось платье.

— Что это? — Сусанна подтянула его к себе: мутные зеленоватые тона с белёсыми вкраплениями. Название фирмы на этикетке ничего ей не сказало, но платье было явно дорогим и в её размере. А дальше, совсем в ногах лежали домашние тапочки — чёрные на резиновой подошве и с меховой опушкой, больше похожие на полусапожки. Как же долго она спала, если кто-то успел смотаться в магазин!

Сусанна полностью освободилась от простыни и запрыгнула в тапочки — точно по ноге. А чему ты удивляешься, Суслик? Думаешь, для чего мистер Атертон делал тебе массаж ног? Мерку снимал! Сусанна едва не засмеялась в голос. Дверь была закрыта, шторы плотно задёрнуты, а телефон теперь лежал неизвестно где... Впрочем, какая разница, который нынче час. В любую минуту от неё ждут появления в платье! Она отколола этикетку и бросила в мусорное ведро в ванной комнате. Платье хоть и было в пол, но не мешало при ходьбе, и вырез почти не оголял ключицы. Платок к платью не прилагался, потому Сусанна смоченной расчёской попыталась выпрямить волосы. Причёска может и не подходила к платью, но соответствовала домашним тапочкам. В таком виде можно уже показаться имениннику!

Только Сусанна не смогла пройти мимо тумбочки, на которой лежала рукопись. Ей место в чемодане вместе с остальными листами. Она открыла последнюю страницу в надежде увидеть продолжение о том, как Нен-Нуфер и Сети играли в сенет, но рукопись обрывалась на фразе: » С него довольно нынче двух дворцовых женщин, и он лично сообщит сыну про завтрашний день, чтобы увидеть ту, кто не похожа ни на одну из них». Сусанна даже пролистала назад — ни слова про пруд. Суслик, ты дошла до кондиции — тебе снится продолжение. Может, стоит записать его, пока не забыла? Вот так нисходит на страждущих

вдохновение. Ага, сесть писать, а мистер Атертон? Ему, небось, не терпится убедиться в правильности глазомера. Ага, правильное было бы сказать — рукомера, если не хуже... Суслик, договоришься...

Реза явно услышал, что она проснулась, потому Сусанна столкнулась с ним сразу, как только открыла дверь. Он взял её за руку, словно в танце, и заставил покружиться.

— Тебе нравится? — спросил Реза полушёпотом.

В его взгляде читалось явное одобрение, и даже если бы платье ей не нравилось, она бы не стала критиковать подарок, но она тоже пришла от платья в восторг, а ещё больше оттого, что не надо было надевать к столу дурацкий сарафан.

Так за руку Реза и вывел её в столовую. За столом сидел один Аббас, который тут же поднялся и даже, можно сказать, поклонился. Затвор спрятанного в глазу фотоаппарата успел пару раз щёлкнуть, и улыбка Аббаса на сей раз светилась первородной искренностью. Мадам Газия тоже по-доброму ей улыбнулась, поставив на стол дымящуюся супницу. Есть суп в таком платье следует лишь с салфеткой на груди. Салфетка тут же легла ей на подол, но такая забота Резы нынче не смущала — за свою гордость Сусанна переживала меньше, чем за сохранение праздничного вида платья.

Даже Аббас сменил нынче футболку на рубашку, а чёрное платье хозяйки украшала вышивка рубинового цвета. Вечер был поистине чудесный, потому что мадам Газия без особого сопротивления заняла стул между сыновьями. Конечно, до этого она успела разлить по тарелкам суп. Пусть на улице успели сгуститься сумерки, и всё равно Сусанна с большим трудом представляла, как можно было успеть одной столько всего наготовить. Они не говорили уже, пожалуй, полчаса, только ели! И когда придёт время чая, для торта просто не останется места! Но прежде они верно откроют шампанское, лежавшее в ведре со льдом в середине стола, и вспомнят, по какому случаю этот пир горой!

Однако когда Аббас, перехватив её сытый взгляд, потянулся к бутылке, Реза тут же откинулся на спинку стула и спрятал улыбку. Сусанна безотчётно скользнула рукой под стол и сжала его пальцы, как сделал он в самолёте. Именинник боялся слов брата — в его состоянии классические пожелания здоровья и счастья прозвучат насмешкой. Однако Аббас и не думал расплыться на тосты. Он молча наполнил три бокала до краёв и в материнский налил совсем чуть-чуть, а потом, когда все поднялись, он вдруг поднял бокал не за брата, а за неё, сказав, что никогда не верил, что за этим столом откроет бутылку шампанского. Сусанна поспешила затушить шампанским пожар щёк и с ужасом обнаружила, что пустой бокал только у неё. Рука, только что подарившая Резе поддержку, задрожала в смущении, но когда Аббас потянулся к бутылке, Реза остановил его и отставил пустой бокал далеко от неё. Аббас усмехнулся и долил оставшееся шампанское в свой бокал.

Мадам Газия тут же подорвалась собирать грязную посуду. Следовало помочь, только тяжёлая рука Резы пригвоздила Сусанну к стулу. Хорошо, одна хозяйка так одна. Буду гостьей... Зато точно ничего не разобью.

Когда мадам Газия вернулась с тарелочками для торта, Реза попросил сварить для них кофе. Сусанна выдохнула тихо:

— Я не пьяна. Мне не надо кофе.

— А мне надо, потому что твой день только начался, и я не хочу, чтобы мой закончился раньше твоего.

— Ты пей, а я не буду, — настаивала Сусанна, помня, как её с утра мутило от крепости сваренного его матерью кофе.

— Я ничего не буду делать без тебя. Забыла?

Она кивнула, радуясь, что Реза не открыл их глупый секрет Аббасу. Тот и так прищурился на них с прежней усмешкой, и Сусанна едва сдержалась, чтобы мысленно не пожелать ему свалиться с по-обыкновенно раскачиваемого стула. К счастью, на столе появился торт и даже со свечками — видно, в магазин всё же ездил Аббас или же они оба, или он мог купить свечки вместе с шампанским, а уж платье выбирал Реза сам. Какая разница! Неужели он сейчас задует свои две цифры: три и два? Задул. А какое желание загадал? Потому что желанный кофе уже появился перед ними, а потом и аккуратные кусочки торта по-волшебству переместились с блюда на тарелочки.

Сусанна со страхом следила, как первая ложка коснулась губ именинника. Взгляд его вновь стал отчуждённым, и оставалось лишь гадать о вердикте. Дура, он никогда не скажет, что не вкусно. Главное, ты знаешь, что спекла не отраву. Да, мёд тяжело испортить без ложки дёгтя. Но почему так трудно улыбнуться, а, мистер Атертон?

И он улыбнулся и даже сказал спасибо, а мадам Газия только кивнула, зато Аббас взял себе второй кусок.

— Я заказал круиз по ночному Нилу, так что вы нас не ждите, — бросил Реза небрежно, отодвигая пустую чашку, а Сусанна продолжала ждать, когда крупинки кофе наконец улягутся на дно чашки и перестанут липнуть к губам.

— Совсем не ждать? — переспросил Аббас, вновь глядя не на брата, а на неё.

— К завтраку мы тоже можем опоздать, — таким же спокойным голосом, без тени улыбки, ответил Реза и, наклонившись к её уху, прошептал почти одними губами: —пей кофе. Этой ночью тебе не придётся спать.

Сусанна почувствовала, что платье вдруг стало велико на пару размеров, так она сжалась от многообещающих слов именинника.

Глава 32

Сусанна укрылась пледом раньше, чем Реза достал с заднего сиденья небольшую коробочку, на которой небрежно, возможно, всего пару часов назад, нарисовал цветок лотоса.

— Откроешь на корабле, договорились?

Она кивнула и спрятала коробку под плед. Очередной подарок — третий за сегодня! Похоже, он не может остановиться с подарками так же, как и с рисованием статуи. Да ладно, платье с тапочками он за подарок не считает... Кстати, о тапочках. Они, вообще-то, предназначены для дома. Я возвращаться не буду — плохая примета, да и сандалии все в песке, а кроссовки с платьем носят только в Америке! Вот за «глазом Гора», который не видела с фотосессии, я вернулась бы с превеликим удовольствием, но, должно быть, мистер Атертон выкинул эту безделушку за ненужностью. Конечно, ведь ему оберег незачем, а тебя, Суслик, уже ничего от него не спасёт.

— А вот эту открой сейчас.

Ещё одна коробочка? На этот раз крохотная. У него в машине прорвало рог изобилия? Вообще у кого сегодня день рождения? Может, напомнить? Не стоит. Мистер Атертон нарочно отводит от себя внимание, так что открывай. Коробочка настолько крохотная, что в ней может находиться только украшение. Тогда в музее он, кажется, говорил, что после «Глаза Гора» собирается подарить настоящий оберег.

Только крышка слишком притёрлась и не поддавалась коротким ногтям. Они уже почти добрались до Пирамид, когда Сусанна наконец вытряхнула содержимое на ладонь.

— Знаешь, что это?

— Тет, узел Исиды?

Отчего только ответ звучит так неуверенно, когда ты прекрасно знаешь, что перед тобой? Да потому что голос дрожит! Мистер Атертон мастер дарить подарки с подтекстом, ведь сердолик, из которого сделан амулет, символизирует кровь женщины: менструальную, девственную и детородную... А узлом этим не только жрецы шкуры завязывали, но и ткань на мумиях... Может, это он так про ребёнка фараона напомнил? Не надейся, Суслик... Блин, хватит! Он знает, что я не тупая и не нуждаюсь в намёках, когда мне прямым текстом сказали о назначении этой ночи. Зачем он на самом деле дал мне амулет? Если вместо ширпотребного «глаза Гора», то замена по ценности несопоставимая... Гляди, как камень обточен и как аккуратно выбиты иероглифы и ради аутентичности так мило затёрты в нескольких местах. Так он раздарит все свои работы и продавать нечего будет... По миру его пустишь, у тебя это отлично получается... Я вообще ничего не хочу от него брать! Только не знаю, как остановить этот нескончаемый поток абсолютно дурацких подарков? Так и скажи, что не собираешься в Питере играть египетскую царицу! А, может, мистер Атертон специально от них избавляется, потому что...

Сусанна сжала амулет с такой силой, будто желала раздавить, и зажмурилась. Ой, Суслик, ну не надо плакать... Даже если он ждёт приступа и уже поставил на себе этот самый крест, то это его проблемы, а не твои. У тебя появятся свои собственные, если ты оставишь при себе все эти подарки, происхождение которых лучше таить от родителей и иных структур... Да ладно тебе, он со своим добром может делать, что хочет. Ага, если сумеет подтвердить, что подарил их по собственному желанию, так что, Суслик, помолись лучше этой самой Исиде, Осирису или кому там ещё надо, чтобы мистер Атертон дожил до понедельника, и тебе лично не пришлось завязывать на нём саван этим самым узлом Исиды!

— Ведь это тет? — повторила Сусанна настойчивее, пытаясь сообразить, как пожепливее отказаться от подарка.

— Он самый, — Реза, к счастью, следил не за выражением её лица, а за дорогой — хоть на это у него мозгов ещё хватает! — Его должна носить Нен-Нуфер вместо фигурки Исиды, потому что мать обязательно наденет амулет на шею младенца, отпуская в плаванье по реке.

Сусанна чуть не выдохнула в голос. Это всего-навсего наглядное пособие. Ну, слава Великой Исиде! Мистер Атертон своим продолжением показал, как надо писать роман, а теперь приступает к редактированию написанной ею части. Обещал ведь помощь в Мемфисе, а он не даёт напрасных обещаний, только помогает всегда левым копытом! Лучше бы на верблюде поката! Может, и покатает, ведь ещё один день остаётся для исполнения всех желаний. Какой день, когда мне обещали бессонную ночь?

— У меня много в романе недочётов, я знаю, — затараторила Сусанна, стараясь не думать о продолжении вечера. — Только этот я допустила сознательно. Я сначала написала про узел Исиды, а потом вычитала в серьёзном романе про фигурку и исправила. Выходит, я списала у двоечника.

Сусанна хотела рассмешить серьёзного критика, и у неё почти получилось — только улыбка Резы больше походила на оскал.

— Такие мелочи поправимы, не переживай. Просто в другой раз не смотри по сторонам, а слушай внутренний голос.

Ох, если бы я его слушала, то не была бы сейчас с вами, мистер Атертон! Главное, чтобы утром этот голос не вынес мне мозг окончательно и не заставил плакать в подушку, а пока можно утереть нос пледом, но для начала следует убрать сердоликовое чудо обратно в коробку.

Не тут-то было! Реза грубо перехватил её запястье.

— Я же не посмотреть его дал! Тет твой, носи его.

Носить так носить! Только не нервничайте, мистер Атертон!

Сусанна расправила тонкий кожаный шнурок и перекинула через голову. Тет опустился в вырез ровно в ложбинку — у Резы глаз-алмаз, режет верно с первого раза! Главное, чтобы эти глаза следили за дорогой, а то что-то города до сих пор не видать... А чего ты испугалась? Тебе про Каир никто и не говорил. Река за пределами города не заканчивается, если ты не знала...

Они и в правду выехали к реке, только здесь и намёка не было на набережную и вообще фонарями служили едва освещённые окна лачуг, мимо которых мчался блестящий дорогой автомобиль, взметая столпы пыли. Сусанна подняла плед выше носа. Хорошо хоть не видит эти трущобы при свете дня — и так дрожь пробивает, но ведь именно в таких гадючниках некоторые находят жемчужины те, кто не пользуется туристическими гидами... Не нравится картинка, смотри через пальмы на реку. Вон уже и кораблик виднеется — вернее яхточка, вернее вообще непонятно что...

Реза прогнал машину по песку почти к песчаному пляжу и бросил в десяти шагах от крайнего дома. После того, как он молча скинул ботинки, Сусанна решила последовать его примеру и снять тапочки.

— Не надо, — Реза опустил ей на колени свои связанные за шнурки ботинки. — Я отнесу тебя до фелуки на руках, чтобы ты не запачкалась.

Затем достал с заднего сиденья сумку, в которой приносил в отель горячие лепёшки, и, обойдя машину, распахнул дверцу.

— Коробочку не забудь и плед.

Плед она связала на груди узлом, в одну руку схватила закрытую коробку, в другую — ботинки, и не осталось рук держаться за шею Резы, но каирец ловко подхватил её и вразвалочку зашагал по песку к кромке чёрной воды. Одинокий фонарь скрипел на ветру, и это было всё освещение лодочки, но их заметили и засуетились.

Невысокий араб в длинной рубахе и с замотанной головой с подобострастной улыбкой поклонился Резе и протянул руку, чтобы поддержать Сусанну, которую тот опустил на тонкий трап, вернее просто длинную узкую палку. Несмотря на поддержку и близость воды, Сусанна почувствовала себя канатоходцем и пару раз ойкнула, но вскрик заглушила бьющаяся о лодку вода. Она, правда, не была уверена, о чём пожалеет больше, если свалится, — о мокром платье или мокрой коробке. Об уплывших ботинках, дура!

Реза, теперь в замотанных до колен, как и у араба, брюках, поддерживал её за запястье с другой стороны, и она благополучно ощутила под собой относительно стабильную доску палубы, где парнишка в белом указал ей на диван под навесом, сооружённом из четырёх столбов в центре лодки. Диван помягче кресла фараона будет и подушки. Она откинулась на них и пожалела, что навес не из прозрачной парусины. Вот так, ночь на реке и без звёзд. Здесь и без звёзд интересно — трап оказался веслом, и сейчас араб, которого Реза в разговоре назвал, кажется, Махмудом, отталкивался им от берега. Лодка, как пушинка,

подчинилась ему, и вот он уселся на выступ на корме, и парень подал ему второе такое же весло. Он поднимал их так мерно и так легко, будто они невесомые. Сусанна заворожённо водила глазами вверх-вниз, вверх-вниз и даже начала отсчитывать про себя — раз-два, раз-два, вновь вспомнив Козьма Пруткова, но не следить за работой Махмуда не могла.

— Хочешь попробовать?

Реза неверно истолковал её пристальный взгляд, и Сусанна поспешила замотать головой. Он с отплытия сидел у самого борта, но сейчас отряхнул ноги и доволоч сумку до навеса. Первым на столе оказалась бутылка вина с гранатом на этикетке, затем коробочка с бокалами, финики, канапе непонятно с чем ещё, кроме оливок и сыра, апельсины, яблоки, груши...

— До утра хватит? — оторвал её от подсчётов фруктов вопрос Резы, и вместо ответа она, кажется, вспыхнула. — Махмуд предлагал поджарить рыбу, но я не выношу её запаха, но, уверен, у него припрятана сушёная, так что если хочешь...

— Я так наелась, что даже апельсина не хочу.

Сусанна не шутила. Поняв, что никакой гостиницы не будет, как и малейшего уединения, она отпустила живот на свободу, и тот заполнил собой все свободные складки платья. Мадам Газие стоит завтра отдохнуть от готовки — еды на столе осталось на неделю, как, впрочем, и здесь — на корабле. Зачем он столько всего накупил, когда видел, что мать готовит на целую роту! Да он просто хотел по-быстрому слинять из-за праздничного стола, поставив её перед фактом. Помнится, когда она собирает ему с собой еду, то ещё и ругается. Но не в день рождения же! Вот в свой день рождения мистер Атертон и делает, что хочет!

— Тогда будем просто пить гранатовое вино, — по губам именинника скользнула улыбка. — Здесь такая качка, что ты и не заметишь, что пьяна.

— А ты? — Умеет же мистер Атертон одной фразой испортить только начавший нравиться вечер! — Ты же всё равно увидишь, что я пьяна...

— Сегодня мне без разницы, потому что пить мы будем вместе.

Он рассмеялся и взял апельсин. Шкурка быстро оказалась в пакете, а первая долька в её ладони.

— И ты не заметишь, как всё съешь.

— Я действительно не хочу апельсин! — открестилась она от второй дольки, и Резе пришлось проглотить её самому, но это его не остановило: он тут же разломил яблоко и протянул ей половинку. Пришлось съесть и яблоко, и последовавшее за ним канапе.

— Я не хочу потерять тебя после первого же бокала, — Реза протянул ей разломанный финик, уже без косточки. — Я вообще не хочу тебя терять. Я ждал тебя шестнадцать лет, с самого твоего рождения.

Началось! Нет, всё же он сумасшедший! Ну и ладно, зато катает на лодке. Главное, чтобы ему плохо не стало, а остальное не важно. Она стойко выслушает все его глупости — на ней ведь амулет!

— Как долго ты его делал? — спросила Сусанна, не в силах оторвать пальцы от гладкого камня.

Реза развалился на диване и даже положил босые ноги на подушку, и сейчас просто скосил на неё глаза:

— Это не реплика. Это настоящий тет. Ему три тысячи лет.

Сусанна отдёргнула руку, точно обожглась.

— Это ведь неправда?

Шутки шутками, но с древними амулетами не шутят! Кожа под сердоликом аж воспламенилась, или это внутри зашло сердце от мысли, что последним носила этот камень похожая на неё статуя!

— Правда, — Реза перевернулся на бок и принялся гонять по столу апельсин. — Он лежал на дне ларца с украшениями. Почему дед его не продал, не знаю. Теперь он твой.

— Я не хочу его брать! — почти вскричала Сусанна.

— Поверила в проклятье?

Ухмыляйтесь дальше, мистер Атертон, но с меня довольно!

Сусанна потянула шнурок вверх, но тот запутался в волосах, и она даже вскрикнула.

— Сказал же, что он твой, — Реза змеей переполз на её часть дивана и, распутав волосы, опустил амулет обратно в вырез платья. — Проклятье вошло в тебя в ту же секунду, как камень коснулся твоей груди, так что поздно снимать, носи и не думай о плохом. Ну, что сердце-то так бьётся?

Пальцы Резы скользнули под грудь, и Сусанна пожалела, что надела платье на голое тело. Зря ткань казалась достаточно плотной!

— Скажи, что это не правда?

— Что неправда? Проклятье? Хорошо, скажу: проклятье — неправда. Только что с того, ведь ты в него уже поверила!

— Скажи тогда, что это ненастоящий тет.

— Даже если я скажу, что он не настоящий, толку? Ты же видишь, что ему три тысячи лет.

— Скажи, что он не из той шкатулки.

— Сусанна, хватит детских игр! — Реза убрал руку и принял на диване вертикальное положение, спустив на пол босые ноги. — Он из той шкатулки, и его носила Маргарет, Амели и моя мать. Теперь его будешь носить ты, потому что ты — моя жена.

— Это же шутка...

— Что шутка? Амулет скорее всего принадлежал женщине, с которой сделана статуя, как и остальные украшения. Или шутка то, что ты моя жена? Так это больше не шутка, — Реза стянул с пальца кольцо и покрутил его перед фонарём, чтобы осветить иероглифы. — О чём я просил тебя утром? — Сусанна аж сжалась под пронизывающим взглядом. — Вот и вижу, что забыла, — Реза даже прищёлкнул языком. — Я сказал, что мой лучший подарок — твоё здравомыслие. Если ты веришь в проклятье, то и будешь любую неудачу списывать на него, а поверишь, что амулет несёт удачу, то будешь только радоваться, недоумевая, куда разом делить все проблемы! Всё в нашем мире зиждется на вере. Чего ты так боишься? Что с тобой может случиться за два дня? Прошу, поверь, что я всего-навсего хочу показать тебе рассвет на реке.

— Тогда давай посмотрим, как парус ставят! — Сусанна поспешила остановить излишества прежде, чтобы не убеждаться окончательно в ненормальности каирца. И уже себя за компанию.

Реза спустил босые ноги и потянул Сусанну с дивана, не забыв захватить плед. Парень уже приближался к середине мачты. Проворный, как обезьянка, он находил незаметные ступеньки. Не различая больше лица, Сусанна продолжала следить за бегущем в темноте светлячком фонарика. Сумасшедший! Никакой страховки ведь, а отец так спокойно глядит и ещё в ладоши хлопает, явно подгоняя. У них что, ни у кого ни страха, ни сердца?! Зато у тебя его в сердце слишком много! Ещё и веру в семейные проклятья добавила!

— Страх рождается от сознания возможности его избежать, — нагнулся к её уху Реза, когда она всё же озвучила свои мысли. — Они же все на реке лет с десяти и не знают другой жизни.

Он запустил руку под плед явно больше из желания обнять, чем защитить Сусанну от качки, которая, к удивлению, почти не ощущалась. Когда ветер наполнил парус, плед и волосы, Реза, перекинувшись с Махмудом парой фраз на арабском, потянул Сусанну обратно к дивану. Парень, закрепив парус, развязал верёвки, удерживающие, как выяснилось, занавески по всем сторонам навеса, и теперь ветер заиграл и ими. Он что-то спросил у Резы и когда тот зажёл на столе фонарь, занавесил выход. Вот она и романтика... Только пусть мистер Атертон остаётся по другую сторону стола в сидячем, лежащем да каком угодно состоянии — только не рядом с ней!

Реза протянул наполненный бокал, и Сусанна осторожно взяла его за ножку, боясь обжечься о пальцы каирца. Вино переливалось всеми оттенками граната: от розового до насыщенного красного, как и её лицо сейчас под насмешливым взглядом Резы, который вновь откинулся на подушки, а вот Сусанна проглотила палку и не могла расслабиться. Может, вино поможет скинуть оцепенение дурацкой брачной ночи? Только не станет же она пить без тоста и первой. Хорошо — первой и с тостом.

— С днём рождения!

Реза замахал свободной рукой раньше, чем она замолчала.

— Нет, нет, нет... Довольно меня на сегодня. Теперь, когда мы одни, у нас может быть иной тост, верно?

К счастью, они не одни. Махмуд с сыном громко копошились на палубе, но толстый полог полностью скрывал их работу от её бегящего взгляда.

— Я хочу выпить за тебя, за мою жену.

Сусанна сильнее сжала пальцы на ножке бокала. Если от неё ждут встречного тоста — не дождутся. Она просто протянула через стол бокал, и ему пришлось протянуть свой. Вино больше походило на забродивший гранатовый сок, в который забыли добавить сахар, чем на лучшее вино с царского стола, и Сусанна пожалела, что Реза почистил только один апельсин — сейчас она съела бы его вместе со шкуркой. Только под испытующим взглядом каирца пришлось допить бокал, и когда он заново наполнил бокалы, во рту стало уже не так противно.

— Если я сделаю ещё один глоток, то точно просплю рассвет, — проговорила Сусанна поверх полного бокала, заставив кровавую жидкость задрожать.

— Ты вообще не уснёшь, потому что на реке слишком шумно из-за ветра. Ну, а коль заснёшь, я тебя искупаю...

Лучше не засыпать, потому что мистер Атертон слов на ветер не бросает!

— Да и потом, у меня только одна бутылка, и в этот раз я тоже пью, да и гранатовое вино не ударяет в голову, как шампанское. Так что пей, чего ты ждёшь?

— Тоста.

Зачем ты его провоцируешь, Суслик? Он ведь переведёт на тебя стрелки... Но нет, Реза сам сказал тост:

— За продолжение твоего романа. Чтобы оно тебя не разочаровало.

Он использовал слово «romance», а не «novel», так как его понимать? Да никак, его вообще понимать не надо. Наслаждайся прогулкой по Нилу, гранатовым вином в бокале, древним амулетом на шее и забей на мистера Атертона. Он просто тот «козёл», который за

всё это платит... С ним не надо крутить роман! И она пригубила вино, совсем переставшее вязать рот.

— Мы так и просидим до рассвета, пялясь на занавески? — почти что возмутилась она. — Хороша прогулка! Ничего ж не видно!

— А пока и не на что смотреть, — усмехнулся каирец. — Тебе не на что... А я могу часами тобой любоваться...

Ещё бы! Сила привычки. Но это статуе всё равно, а я здесь изъёрзаю весь диван!

— Не сиди без дела — ешь и пей.

Реза отставил наполовину пустой бокал и принялся чистить апельсин. Только Сусанне его больше не хотелось. Во рту стало слишком вкусно.

— Ну, я же почистил! — обиделся Реза, когда она замахала на протянутую дольку рукой. — Ты решила поддержать меня в шкуре Латифы? Обещаю, больше никогда не буду отказываться от добавки! — почти рассмеялся Реза. — Съешь апельсин.

Пришлось съесть пополам с Резой. Всё пополам, как он и пообещал. Главное, что они поделили диван и соблюдали границы, встречаясь лишь руками над нейтральной полосой стола. Качка наконец начала ощущаться, или просто на дне последнего бокала показалось дно. Ещё одно канапе — и будет полный порядок.

— Теперь время открыть коробку.

Правда, что ли? А она уже понадеялась, что Реза забыл о подарке. На вес не разберёшь, что внутри. Очередное украшение...

— Открывай. И сразу поймёшь, почему не уснёшь до утра.

Ох, мистер Атертон, а вы не пробовали дарить подарки молча? Теперь точно ногти не сумеют подцепить крышку. Сусанна ещё раз встряхнула коробку — ничего не звякнуло. Так хорошо упаковано? Или коробка пуста? И она до утра будет гадать, почему он подарил пустую коробку?

Последняя попытка под кодовым названием «Прощай, ноготь!» завершилась съёмом крышки и слоя упаковочной бумаги, а под ней было...

— Теперь я понимаю, зачем ты велел опустить занавески. Боялся, что листы унесёт ветром!

Сусанна подняла на Резу глаза, пытаясь по выражению лица получить ответ на главный вопрос: когда он успел нарисовать следующие картинки? Только лицо вновь стало каменным. Сусанна аккуратно опустила на диван лист со сценой в саду, где Сети достаёт из пруда лотосы. Выходит, продолжение было! Оно ей не приснилось. Просто Реза зачем-то забрал листы. Наверное, он печатал текст по главам и забрал недочитанную, ведь на последнем листе текст занимал лишь треть страницы. Но когда, когда он успел написать столько текста и ещё проиллюстрировать? И в магазин за платьем съездить... Нет, время не резиновое, если мистер Атертон, конечно, не живёт в какой-то параллельной реальности и не возвращается в её мир совсем ненадолго.

Сусанна вынула из коробки следующую картинку: здесь фараон с сыном охотятся в зарослях тростника. Наверное, это сцена из воспоминаний фараона — возможно, когда Рамери принёс от Нен-Нуфер ожерелье, два Райи могли вернуться с охоты, потому и были вместе... Следующая... Ну да, просто Нен-Нуфер, вернее статуя, а точнее — сама Сусанна. Только она нарциссизмом не страдает, потому быстро отложила картинку в сторону и потянулась за следующей.

Что это? Подшивка листов. Внушительного количества листов... Рукопись! И вот как

раз про сад, она узнаёт строки и дальше... Там есть продолжение... Про игру в сенет Сети и Нен-Нуфер. Это она всего пару листов пролистая, а там их...

— Реза, — Сусанна беспомощно уставилась на него, не в силах сформулировать вопрос. Он улыбнулся.

— Просто читай. Вопросы отпадут сами собой, — Реза поднялся с дивана и сделал шаг к выходу. — Я вернусь за тобой на рассвете. Но если дочитаешь раньше, выходи на палубу.

Полог с шумом опустился. Сусанна скинула на диван пустую коробку и подвинула фонарь поближе к переплетённой рукописи. В полутьме и без словаря она и глаза, и мозг ломает, но выбор сделан...

Глава 33

«Нынешняя ночь не холодила, а обжигала своим дыханием фараона, распростёртого на мраморных плитах террасы. Сын ёжился, даже лёжа на циновке и укрытый плащом, и фараон пару раз предлагал ему уйти, но маленький Райя тут же сползал на холодные плиты, чтобы показать отцу силу духа, но тот заботливо перекачивал его обратно на циновку. Сейчас царевич спал, но, даже внимая мерному дыханию сына, фараон ощущал себя в полном одиночестве. Он вглядывался в звёзды, будто мог угадать, которые из них открыли Пентауру страшное пророчество, перевернувшее устои его мира и заставившее действовать наперекор высшей воле. Однако звёзды сияли мерно и безразлично. Только жрецам открыты тайны и только жрецы могут сказать, примут ли Боги его решение и его жертву и отвратят ли преждевременную смерть от Асенат.

Сердце в ночи билось куда тревожнее, чем днём. Он шёл к жрице Хатор, чтобы вымолить у Великой Богини снисхождение к его отчаянной заботе о племяннице, но к нему без зова явился слугитель Великого Пта, одним словом разрушив веру в поддержку Хатор. Нен-Нуфер не жрица, но воспитанница храма, и коль молитвы её искренне, то это Пта, в силе жертвоприношений которому он смел сомневаться, всё время помогал ему.

Фараон отослал стражу, решив поговорить с сыном о наследовании престола, но мальчик так увлечённо рассказывал о движениях светил, что отец не смел перебивать и с каждой минутой всё сильнее поражался глубине знаний Нен-Нуфер и тому, с какой лёгкостью она увлекла в царство разума этого маленького ленивца. Обида, захлестнувшая его в саду, таяла, и разум просил сердце умолкнуть и позволить сыну вернуться за знаниями к пруду с лотосами. Но сумеет ли вернуться он? Теперь, зная, что гнев Богини не коснётся его, сдержать пагубное влечение к маленькой лгунье будет куда труднее. Да и посмеет ли она, лишённая защиты Великой Хатор, по-прежнему смело перечить своему повелителю? И что сделается с детьми, коль Нен-Нуфер станет его усладой?

Мальчик заворочался, и фараон протянул руку, чтобы поделиться с сыном жаром тела, лишённого сна, но не успел обнять. Песок зашуршал совсем близко с лестницей, от которой их отделяло всего с десятков шагов. Фараон вскочил, приготовившись сам встретить незваного гостя, кем бы тот ни был.

— Это я, — послышался тихий голос Сети, и его статная фигура в длинном одеянии забелела на фоне тёмного неба. — Спускайся в сад.

Заготовленные злые слова потонули в заполнившей рот слюне, и он, как в детстве, не задавая вопросов, поспешил за старшим братом. Их провожала лишь луна, а встречали только распутившиеся в пруду белые лотосы. Братья молча уселись в кресла и уставились в

тёмный мозаичный пол.

— Я знаю всё, что ты хочешь мне сказать, — начал фараон дрожащим голосом. — Я знаю причину твоего молчания, но я также знаю цену лжи.

Фараон с вызовом уставился в бледное в ночи лицо брата. Сети молча перебирал складки юбки.

— Нет никакой лжи, Райя, и ты не хуже меня знаешь это. Нен-Нуфер обещана Хатор и давно принадлежит ей душой, а вскорости отдаст и тело. Потому я, и секунды не сомневаясь, представил её Асенат жрицей. Хотя, что скрывать, я немного боялся, что простой наставницы она не станет слушаться, но сейчас вижу, что не Богиня, а сама Нен-Нуфер нашла путь к сердцу моей дочери, как и к сердцу твоего сына...

— И к твоему, как я вижу, — почти выплюнул фараон и надавил на подлокотники, собираясь подняться.

— Ты не смеешь ревновать, Райя. Жрица Хатор принадлежит всему Кемету, и ни один мужчина не смеет называть её своей, и я имею такое же законное право любить Нен-Нуфер, как и почтенный Амени. Слышишь меня?

Но фараон уже поднялся и ступил босыми ногами в воду.

— Райя, ты знаешь, что она защищалась от тебя, а вот ты ложью защищал себя, чтобы никто не прознал о проступке властителя двух земель. Ты большой лжец, чем она, потому что Нен-Нуфер станет жрицей, а вот ты уже никогда не будешь царевичем Райей и не научишься не давить людей лошадьми, чтобы унять гнев.

— Я не позволю тебе отчитывать меня, как неразумного мальчишку! — фараон обернулся к брату, и глаза его горели гневом, точно у кошки. — Ты забываешь, что нынче тебе вручены лишь поводья моей колесницы, а не меня самого.

— Я отступлюсь от тебя, когда ты научишься держать себя в узде. Лошади у гробницы отца, кнут в храме Пта и на руках сына. Теперь пущенный в меня камень. Мой Божественный брат испытывает терпение Маат!

Фараон, тяжёло волоча мокрые ноги, вернулся к креслу, и кедр протяжно застонал под обрушившимся на него телом.

— Сама Маат устами своего жреца послала меня к вам, и сам Пта, устами своего жреца открыл мне правду о Нен-Нуфер. Для чего, скажи мне? Не для того ли, чтобы подарить успокоение, которое я жажду и которое могу найти лишь в её объятьях? Успокоение, которое необходимо мне, чтобы поддерживать установленный Богами порядок.

В повисшей тишине звонко заквакали лягушки.

— Не то успокоение ты ищешь, Райя. Ты успокоишься, когда Нен-Нуфер достойно воспитает тебе сына, а не когда вырвет из твоей груди стон наслаждения. Она слишком умна даже для жрицы Хатор, и тебе следует ценить её ум много больше, чем тело, ибо от заботы о духе, а не от томления тела рождается её любовь. Ты ведь знаешь, что я отдаю предпочтение дочерям Кемета, и ты — тоже, вспомни мать своего сына, но я полюбил Нен-Нуфер и пекусь о ней не меньше, чем о жене и собственной матери. Что ждёт Нен-Нуфер во дворце, кроме слёз, когда ты забудешь дорогу в её покои? А ты забудешь очень скоро, мы оба прекрасно знаем это.

По губам фараон скользнула улыбка.

— Я сегодня не смог отыскать комнату Хемет. Зашёл к царице Ти. Ты помнишь её? — Сети кивнул. — А я не в силах вспомнить её лицо. Знаешь ли, что с ней произошло?

— Оспа оставила на лице глубокие рытвины.

— Оспа? Не припомню что-то, чтобы во дворце кто-то болел.

— А никто и не болел, кроме неё, оттого она и считает свою болезнь наказанием Великой Хатор за прелюбодеяние и убийство ребёнка.

Фараон даже скрипнул стулом.

— Не может быть!

— Да, да... Отец тогда запретил её трогать, но Боги не оставили злодеяние безнаказанным. Она живёт затворницей, и по правде я думал, что уже разучилась говорить на нашем языке.

— Она говорит настолько чисто, будто рождена в Кемете.

— Чему удивляешься! Ти прислали отцу, когда девочке не было и десяти.

— Теперь понятно, чего так всполошились Хемет, узнав, что я отдал сына жрице Хатор. Вспомнила о своём прелюбодеянии и решила, что пришло время расплаты, — фараон усмехнулся в голос. — За обедом я её успокою, — он вновь улыбнулся. — Скажешь теперь, что Пта и Маат открыли мне правду, чтобы несчастная Хемет не мучилась?

— Они открыли тебе правду про Ти, чтобы ты вспомнил, что Хатор не прощает тех, кто берёт чужое.

Сети поднялся так стремительно, что кресло откатилось назад. Фараон тоже вскочил и за плечо развернул брата к себе лицом.

— Ти была царицей, а Хемет он так и не взял к себе на ложе.

Сети скинул руку фараона и сказал вкрадчиво:

— Я говорю про Нен-Нуфер. Не гневи Богиню. Я в силах защищать тебя перед людьми, но не перед Осирисом. И Пта может открыть своим жрецам правду о тебе, слышишь меня?

Сети не стоило кричать. Эти слова фараон расслышал бы и шёпотом. Пта уже открыл им правду, о которой бедный Сети даже не догадывается.

— Ступай домой, — приказал фараон потухшим голосом. — И не тревожься о Нен-Нуфер. Я не смущу её покой. Только дай мне побыть немного с Райей и успокоить его мать, а потом я пришлю мальчика к тебе, а сам забуду дорогу к твоему дому.

Он говорил и не верил себе. Он понимал, что теперь с ещё большей тоской станет глядеть с террасы в сад и в ласках других женщин ему будут чудиться губы Нен-Нуфер, и не сможет он спокойно глядеть на цветок лотоса, запутавшийся в чёрных волосах.

Фараон вернулся на террасу и, уткнувшись носом между лопаток сына, ещё долго лежал без сна — в шелесте ночного ветра ему мерещился шелест песка. Сети ушёл, а Нен-Нуфер никогда не придёт к нему по своей воле, и Асенат побоится ныне преступать запреты отца.

С рассвета до полудня Райя неотлучно находился при отце. Только во время судилища Хентика велел мальчику отойти от трона, дабы не смущать просителей. Обед подали у пруда, как и было оговорено, и Хемет не заставила себя ждать — фараону показалось, что никогда прежде не видел он её настолько красивой. Должно быть, и она поднялась с рассветом, чтобы прислужницы успели убрать с лица все следы страданий, которые претерпела их госпожа в разлуке с сыном. Столько украшений она не надевала даже для погребальной церемонии фараона Менеса. Хемет склонилась в глубоком поклоне и осталась стоять в отдалении от стола.

Райя хотел броситься к матери, но едва поднявшись, опустился обратно в кресло, будто неприкрытая радость могла огорчить отца, приподнявшего для него занавес во взрослый мир, о котором он не мог помыслить ещё месяц назад. Но рука фараона легла на его голую

спину и легонько подтолкнула к матери. Царевич медленно подошёл к ней и лишь на краткий миг припал к укрытой ярким воротником груди. Хемет сама оттолкнула сына, направив обратно к столу, и пошла следом к третьему креслу.

— Я не ожидала, что мы будем одни, — Хемет вновь склонила голову, и вплетённые в парик бусины со звоном коснулись пустого фиала. — Я надеялась увидеть жрицу Хатор.

Тёмные блестящие глаза прожигали огнём, но на лице фараона не дрогнул ни один мускул. Райя покосился на отца, не уверенный, что имеет право ответить за него.

— Я забрал Райю к жрецу Маат, чтобы у жрицы Хатор было время научить Асенат тому, что не должно знать мужчине, — отчеканил фараон, и его слова подытожил нестройный перезвон бусин парика Хемет.

Фараон хлопнул в ладоши, и прислужницы тут же подступили к столу, чтобы наполнить фиалы гранатовым вином. Хемет подняла свой и пожелала фараону благоденствия и бессмертия. Фараон ел молча, стараясь не слушать сына, рассказывающего матери о днях, проведённых вдали от неё. Не слушал, потому что Райя и фразы не мог сказать, чтобы не вставить имя наставницы. Фараон сидел с опущенными ресницами: тени опали на столе под музыку сыновних слов оживали, обретая желанные черты. Не в силах больше терпеть эту муку, фараон поднялся и, дав сыну разрешение остаться до утра с матерью, удалился в свои покои, велев не тревожить его, сославшись на плохое самочувствие.

Он и вправду почувствовал головную боль. Сидя в кресле против застеленной постели, он сжимал виски с такой силой, что на ресницах проступали слёзы, и теперь уже из слёз продолжали рождаться мучительные образы, разжигавшие не только разум, но и тело. На закате фараон не выдержал и спустился в сад, вновь велев страже оставаться на месте. Он домчался до стены умело пущенной стрелой и припал грудью к хранившему дневное тепло камню, чтобы восстановить дыхание. Он не пойдёт в дом. Если Бастет угодно, она приведёт Нен-Нуфер к пруду, и ей было угодно.

Вновь в простом платье, босая, Нен-Нуфер стояла у самой воды, глядя на распускающиеся белые лотосы, и была для него во много раз желаннее Хемет, разукрашенной горящими самоцветами и золотыми нитями. Песок шуршанием выдал его приближение, хотя он, поддавшись порыву, как тогда у Пирамид, примчался босым, в короткой юбке, даже без платка. Нен-Нуфер глядела на него, словно на видение, и не дёрнулась, когда он бросился к ней, раскинув руки, но пальцы фараона поймали лишь воздух. В самый последний момент Нен-Нуфер увернулась, проскользнув под рукой, и, замочив ноги, он, чтобы унять обиду, вырвал лотос и обернулся уже с улыбкой. Дрожащей рукой Нен-Нуфер потянулась к цветку, но тот оказался в волосах мгновением раньше, и теперь она не смогла уже ускользнуть от проворных рук фараона. Его ладони сжали горящие щёки, и он вырвал поцелуй, о котором грезил бессонными ночами. Теперь он не отпустит её губы, только сильнее прижмёт тонкое тело, скрещивая за спиной руки в объятьях вечности. Вместо кнута и крюка, он готов до скончания времён сжимать эти дрожащие плечи, если только она дарует ему власть над своим телом.

— Я пришёл за тобой, мой прекрасный лотос, — затараторил фараон, чтобы не дать Нен-Нуфер опомниться. — Я более не в силах выносить одиночество ночей. Раз Амени даёт

тебе право выбора, избери меня. Я довольно принёс даров твоим Богам, чтобы они отдали мне тебя!

Он глядел на губы, ещё блестящие его поцелуем, страхась увидеть в глазах слёзы.

— Это всё, о чём я прошу их сейчас. Перед тобой стоит не властитель двух земель. У меня пустые руки, которые с нашей встречи хватают лишь воздух. Я не могу есть, не могу спать, не могу вершить суд... Я не могу без тебя ничего делать. Я принёс к твоим ногам власть над Кеметом. Подними же её и вручи мне обратно своим поцелуем.

Её лицо было так близко и так далеко. Тело таяло и ускользало из его объятий, и вот он вновь держал в руках лишь воздух.

— Я не стану слушать тебя! — Нен-Нуфер и вправду закрыла ладонями уши. — И Боги тоже забудут твои слова.

— Не смей! — фараон поднял руку, и Нен-Нуфер в страхе отступила от него в воду. — Не смей больше говорить от имени Богов, довольно! — он опустил руку, заметив испуг Нен-Нуфер. — Довольно, довольно, — голос перешёл почти в шёпот. — Боги вновь говорят со мной напрямую и за руку ведут к тебе. Так протяни свою, чтобы соединиться со мной, и народ Кемета поблагодарит тебя за моё исцеление всяко больше, чем за твои танцы в храме!

Она молчала и не выходила из пруда. И лицо её сравнялось сейчас цветом с цветком лотоса.

— Протяни мне руку. Пойди за мной, и ты ни в чём не будешь знать нужды. Коль ищешь ты знак, то найди его в нашей встрече. Отец свёл меня с тобой, он вложил твоё хрупкое тело в мои руки, и я хочу заботливо нести его, покуда Река разливается и дарит нашей земле благоденствие. Что ты молчишь, воспитанница храма Пта? Ты забыла, что в начале было слово?! И слово это было любовь. Как же ты, воспитанная жрецами, смеешь противиться ей!

Фараон сделал ещё шаг, и Нен-Нуфер пришлось вступить в воду по колено.

— Ты можешь замочить платье и извозить его в тине, но я всё равно встречу тебя на том берегу и потребую ответа!

Она остановилась, сжав дрожащими пальцами висящий на шее сердоликовый амулет.

— С нами говорят, видно, разные Боги, Райя, — прерывающимся шёпотом начала Нен-Нуфер. — Мне они говорят бежать от тебя, и я послушаюсь их и стану молить тебя уйти ради собственного блага и благоденствия Кемета. Твой отец свёл меня с Сети на том же месте, что и с тобой, чтобы позволить передать вашим детям знания, которые мне посчастливилось получить от Пентаура. И потом я уйду и, даже когда ты будешь в Фивах, не потревожу твоего взора.

— Ты не слышишь меня, Нен-Нуфер! — фараон ударил ногой по воде, и пущенная им волна достигла подола платья. — Благо Кемета — это моё благо. Коль тревожит тебя судьба народа, так позаботься обо мне.

— Я забочусь о детях!

— Этим детям ещё расти и расти, а у меня дрожат руки, и коль не уймёшь ты их дрожь, я выроню кнут, а ты знаешь, что такое взбешённые лошади!

— Я только знаю, что такое взбешённый фараон! — почти взвизгнула Нен-Нуфер. — И также знаю, что не я причина его гнева и потому не смогу унять его.

— Ты — причина моего гнева! Ты и никто другой!

— Нет, — затрясла головой Нен-Нуфер, когда пальцы фараона вновь скользнули по её щекам. — Не в том причина! Я чувствую это, я вижу! Верь мне, верь, что-то, что велит мне Богиня, и есть твоё благо. И моё! Не навлекай на меня гнев Хатор, прошу тебя! — она

подняла ладони к лицу, чтобы спрятаться от безжалостного взгляда и ненасытных губ.
— Сжался надо мной!

Нен-Нуфер хотела отступить ещё на шаг, но фараон удержал её за запястья и начал выводить из воды.

— Не проси жалости у того, кто принёс к твоим ногам любовь! — он сжал её плечи, чувствуя, как тонкое тело вновь ускользает из рук. Нен-Нуфер порывалась опуститься перед ним на колени, но он не позволил ей спрятать от себя блестящие слезами глаза.

— Не ту любовь ты предлагаешь мне, Райя! Любовь, которую чтит Хатор, горит в сердце, а твоя лишь обжигает тело. Бастет не властна надо мной!

— Что можешь знать о любви ты! Как можешь ты читать моё сердце, лгунья!

Он оттолкнул её, и Нен-Нуфер едва устояла на ногах, зато теперь голова её не клонилась к земле. Лицо, вспыхнувшее факелом в окутавшей пруд темноте, оказалось теперь близко против его воли — он желал получить кнутом по рукам, да только некому было остановить лишившееся разума тело.

Но тут фараон отпрыгнул, наступив босой ногой на что-то склизкое, и сделал ещё шаг назад, поднимая к лицу руки. Нен-Нуфер с тем же трепетом проводила взглядом лягушку, как и фараон увидев в ней знак от Великого Пта.

— Видно не довольно ему моих слёз, и из них не родится ни одной слезинки счастья, — прошептал фараон и бросился прочь, спеша унести свои слёзы от той, которой не желал их больше показывать. Он едва смог возратить ногам прежнюю тяжёлую поступь, чтобы взойти на ступени террасы под внимательные взгляды стражи. Среди юношей был Кекемур, и фараон поспешил отвернуться, чтобы не обрушить на него гнев. Он протягивал юному стражнику собственный кнут за спасение Нен-Нуфер, а сейчас готов был вырвать его простой кнут, чтобы отстегать его руки, посмеявшие прикоснуться к той, кто может принадлежать лишь ему. Может, но не желает.

Лягушачий крик на царском пруду во время разговора с Сети и сейчас, когда он готов был ласками вырвать из Нен-Нуфер признание, походил на смех Пта. Для чего Великий Бог сохранил жизнь этому младенцу и отдал в руки одного из лучших своих жрецов? Неужели лишь для того, чтобы измучить фараона Тети? Фараон хотел остаться на террасе, но слишком уж озабоченными казались взгляды юношей, потому фараон прошествовал к себе, велел не тревожить до самого рассвета.

На рассвете к нему явился сын и после чествования Осириса испросил позволения омыть отца. Фараон следил за ускользающим взглядом мальчика и, когда Райя опустил на пол пустой кувшин, развернул сына к себе, жёстко сжав детское плечо.

— Что тебе сказала мать? — спросил он сухо, будто вопрошал обвиняемого на судилище.

Райя остался с опущенными глазами.

— Ничего, отец. Она не сказала ничего про Нен-Нуфер.

— Отчего ты думаешь, что меня волнуют слова твоей матери о твоей наставнице?!

— Она всё ещё моя наставница? Она не уйдёт в свой храм?

Глаза сына блестели так сильно, что фараон увидел в них своё отражение.

— Она будет с тобой столько, сколько ты того пожелаешь.

— Но когда ты заберёшь Асенат, захочет ли Нен-Нуфер остаться со мной? Она выбрана Сети для дочери.

— Она выбрана мной! — вскричал фараон и чтобы успокоиться схватил полотенце и до

боли растёр ноющее тело.

— Я встретил её давно, — продолжил он тихо, скрывая от сына дрожащее веко. — Только не знал, готов ли ты к встрече с ней.

Райя стоял неподвижно, как истукан, когда отец, бросив мокрое полотенце на пол, обернулся.

— Когда я смогу вернуться к ней?

Фараон сжал губы.

— Я дал ей время побыть с Асенат, — отчеканил он. — А ты проведёшь вечер с Хентикой, и тот покажет тебе списки хлебов из наших житниц.

Только думал фараон не о сыне и не о племяннице. Его ледяное тело согревала надежда, что Нен-Нуфер одумается и примет его вместе с сыном. Он тут же велел отослать дары в храм Пта, чтобы умиловать Бога. Да что особенного в Нен-Нуфер, что её так стерегут люди и Боги. Сети вновь не явился, но фараон не стал посылать за ним. Зачем слышать лишние упрёки от брата, ведь Нен-Нуфер, верно, не сумела скрыть от его внимательного взгляда слёз и мокрого платья. Сети не солгать, Сети тихим голосом вырвет признание из любого. Он выслушает всё завтра, и завтра же, возможно, уйдёт из дома брата с Нен-Нуфер, если Пта примет нынешние дары, позволив сжимать эти простыни не в ярости, а в благоговении.

Фараон провёл рукой по пустой материи и вскочил с кровати. Он даже не станет отсылать нынче стражу — пусть хранят его сон, и тогда, возможно, тот не сбежит. Но прежде чем улечься, фараон спустился в сад. Ему захотелось принести с пруда лотос, чтобы нынче уложить подле себя вместо Нен-Нуфер. Он ступил босыми ногами на выложенную лотосом мозаику и замер. Неужто Пта внял его молитвам, неужто?

Тонкая фигура темнела по ту сторону пруда. Он хотел позвать Нен-Нуфер, но побоялся напугать. Он побежит к ней прямо по воде. Но нет, он же не знает глубины пруда... Он пойдёт по берегу, не торопясь, ведь если Нен-Нуфер пришла к нему, то не уйдёт, не дождавись. Но только он понял, что может позвать шёпотом, не напугав, тут же произнёс заветное имя. Она обернулась и с лёгким вскриком спрятала лицо.

— Ты обознался, мой повелитель!

Фараон узнал голос Ти. Она и вправду похожа на девочку — высокая и стройная. Только как он не заметил, что вместо волос на бритой голове вуаль, но лицо, лицо сейчас скрыто лишь растопыренными пальцами.

— Я действительно обознался. Что ты делаешь здесь ночью?

— Гуляю, — послышался тихий ответ. — Я всегда гуляю у твоего пруда, потому что знаю, что тут в ночи меня никто не увидит, и я могу не прятать лицо. Прошу, не гляди на меня сейчас. И если не побрезгуешь прикоснуться ко мне, молю, накинь мне на лицо ткань.

— Ты не испугаешь меня своим видом, да и нынешняя ночь слишком темна и послужит тебе прекрасным покровом.

— Прошу тебя! Не забирай у меня последнюю крупицу женской гордости.

— Как велишь, царица.

И он опустил на лицо Ти тонкую ткань, а та поспешила связать концы узлами, чтобы утяжелить.

— Не спеши уходить, — остановил её фараон. — Мне тоже не спится.

— Благодарю за приглашение остаться, мой повелитель, но ты ждёшь свой прекрасный лотос, и я не смею мешать вашему свиданию.

— Нен-Нуфер не придёт, так что оставайся со мной ты.

— Кто смеет противиться приглашению фараона? — в голосе Ти послышалась дрожь.

— Скажи мне, где искать её, и я приведу к тебе твою избранницу.

Фараон рассмеялся.

— Неужто ты думаешь, что я приглашаю женщин к пруду? Нен-Нуфер учит Райю и Асенат, и порой они приходят сюда вместе. Оттого я и подумал, что это она, ведь другим женщинам не дозволено приходить ко мне без зова.

— Прости, я больше не приду сюда.

— Приходи, коль тебе это дарит радость. Ночью ты никого здесь не потревожишь.

— Благодарю, мой повелитель.

Ти склонилась перед ним и лёгкий платок соскользнул с головы. Царица укрылась руками, но фараон успел увидеть лицо. Он попятился и шагнул прямо в воду.

— Я не хотела напугать тебя! — вскричала Ти, сильнее сжимая руки на изуродованном лице, но фараон отвёл их и впился в неё взглядом. — Зачем... — затряслась несчастная, и слёзы брызнули из потухших мутных глаз.

— Я не зря обознался! — голос фараона дрожал. — Как же вы похожи... Если бы у тебя была дочь, она была бы прекрасна.

— Если бы у меня была дочь, — затряслась Ти, повиснув на руках фараона. — Если бы у меня была дочь...

— У тебя родился сын, да? И потому ты испугалась и убила его, да?

Ти крутила бритой головой, сотрясаясь всем телом.

— Я не убивала ребёнка, у меня его украли... У меня её выкрали... Я родила дочь.

Фараон усмехнулся и попытался поставить дрожащее тело на ноги, но едва он ослаблял хватку, Ти начинала валиться к его ногам.

— Её выкрал её отец, чтобы фараон никогда не догадался, с кем я нарушила данную ему клятву. Я бежала за ним, пытаюсь остановить, но что мы можем перед вами, мужчинами. Я только умолила его позволить надеть на ребёнка тет, чтобы хоть в другом мире моя дочь обрела вечную жизнь и толику счастье... А потом месяц бродила вдоль Реки, надеясь, что кто-то успел вытащить её до того, как тело поглотил крокодил, а когда обессиленная я вернулась к твоему отцу, он поверил мне, а не наговорам и велел всего лишь не покидать свои покои. Я не знаю, куда он сослал отца моей дочери... Если бы я призналась Менесу раньше в своей измене, Хатор бы не покарала меня, и моя дочь осталась бы жива.

Фараон убрал руки, и Ти окончательно распласталась у его ног.

— Как давно это было? Сколько бы сейчас исполнилось твоей дочери, царица?

— Зачем ты мучишь меня, повелитель? — простонала Ти, продолжая лежать на его босых ногах.

— Я задал вопрос! Отвечай! — фараон почти пнул её, и Ти отползла в сторону, шаря в темноте руками в поисках платка. Фараон нагнулся и протянул ей поднятую ткань.

— Ей было бы чуть больше пятнадцати.

Фараон рухнул подле Ти на колени.

— Твой тет был из сердолика, без камней, лишь с письменами, верно?

Ти подняла на него глаза, позабыв про платок.

— Откуда ты можешь помнить его? Тебя уже давно забрали от матери.

— Я не видел его на тебе, царица Ти, но я видел его на груди твоей дочери.

— Ты не видел мою дочь! Даже твоя мать не видела младенца! — закричала Ти,

пытаясь вырвать платок, в который фараон вновь вцепился.

— Я видел его вчера на груди твоей дочери. Твоя дочь сейчас там, за той стеной, в доме Сети! — фараон тоже уже кричал, тыча мимо лица Ти в пустоту. — Вы одно лицо, у неё твои светлые ливийские волосы, которые, слава Богам, она не думает прятать под париком. Твою дочь зовут Нен-Нуфер!

Лицо царицы сделалось каменным.

— Корзину вытащил из реки никто иной, как Пентаур, жрец храма Пта, и сам Амени воспитал её, как дочь.

— Зачем ты обманываешь меня, сын моего мужа? — голос Ти сделался едва различимым за хриплыми всхлипываниями. — Тебе недовольно страданий, которые наслала на меня Хатор!

Фараон рывком поднял Ти с земли.

— Так останови свою дочь, покуда Хатор не забрала её себе окончательно! Моих слов недостаточно, чтобы отговорить Нен-Нуфер от служения Хатор, но, возможно, она послушает мать!

Ти отступила от фараона.

— Не веришь, да? Завтра ты отведёшь к Нен-Нуфер моего сына. Ты не сможешь не узнать её! Райя у матери. Бери его с утра и веди в дом Сети. Он знает дорогу и вприпрыжку побежит к Нен-Нуфер. Но ты, слышишь, надень такую ткань, которая сумеет скрыть твои слёзы. Взгляни на неё и уходи. Я сам открою Нен-Нуфер тайну её рождения. А теперь ступай спать. Впереди тебя ждут бессонные ночи радости!

Ти ушла, а фараон опустил колени в ил и долго слушал стройный хор лягушек прежде, чем вернулся во дворец. Теперь его не в силах одарить сном даже плиты. Он сначала водрузил голову на подставку, но тут же понял, что голова настолько полна мыслями, что переломит шею. Он убрал подставку и распластался на скомканных простынях. Утром он первым делом отнесёт нетронутый завтрак на домашний алтарь отца. Пусть Менес скажет, что Ти не права, и он, а не другой мужчина, отец Нен-Нуфер...»

Сусанна потянулась к пустому бокалу и чуть не выбила о стекло зубы, когда лодку неожиданно качнуло. Пламя светильника дёрнулось и почти погасло.

— Только не сейчас! Только не на этой странице!

Сусанна потрясла бутылку и опрокинула в бокал последние три капли. На тарелке оставалось последнее канапе! И как, прикажете, доживать до утра?

Глава 34

«Только к рассвету фараон забылся тяжёлым сном, и спальному пришлось потрудиться, чтобы добудиться повелителя для совершения молитвы, и даже в купальне фараон пытался дремать, а после облачения остался в спальне, велев погодить с завтраком, который обещал отцу, потому как пока не чувствовал в себе достаточно сил, чтобы выйти под очи придворных. Боясь заснуть, он устроился в кресле и принялся водить пальцами по пустому столу, будто играл в сенет. Сон отпустил, но теперь фараон боялся стереть мрамор, меряя спальню нетерпеливыми шагами. Посылая Ти спать, он знал, что царица не уснёт и с утра не даст спать его сыну, чтобы скорее увидеть собственную дочь после пятнадцатилетней разлуки. Он тоже сгорал от нетерпения открыть Нен-Нуфер тайну её рождения и потому считал минуты, оставшиеся ему до встречи со жрецом Маат. Если он не дождётся

возвращения Ти, то не увидит её раньше обеда. Торопись же, царица, торопись!

И ливийка действительно вбежала к нему раньше, чем о ней успели доложить. Фараон взмахом руки отослал прислужников. Он не ждал от запыхавшейся Ти слов. Он тут же сам сказал то, что повторял всю ночь:

— Я не ошибся.

Ти рухнула перед креслом и через ткань покрывала прикоснулась к его сложенным на коленях рукам. Сердце и у него замирало, и он не давал волю слезам лишь потому, что не было лишней минуты поправить на глазах краску.

— Не открывай ей правду, молю тебя! — шептала Ти, не отрываясь от его рук. — Она не поверит в мою невиновность, и я... Я не хочу открывать перед ней лицо!

Фараон так резко поднялся, что Ти повалилась на пол.

— Мой отец поверил тебе! Я поверил тебе! Так отчего же Нен-Нуфер должна сомневаться?

Ти поднялась и вцепилась дрожащими пальцами в покрывало, стягивая его в узел у самого подбородка.

— Твоему отцу не надо было верить мне. Он просто простил меня, потому что я не тронула никаких его чувств. Дочь претерпела из-за меня многое...

— О, нет! — фараон резко обернулся и успел увидеть под скомканным покрывалом подбородок и губы Ти. Как же мучительно похожи они на те, что покрывал он жадными поцелуями! — Твоя дочь получила в храме много больше, чем получила бы здесь, но сейчас она должна вернуться туда, где надлежит ей быть по рождению.

Он замолчал, глядя на жалкие попытки Ти расправить заломы покрывала.

— Чем плох дом Сети?! — прошептала ливийка. — Такой заботы не получить ей на женской половине дворца. Здесь её ждёт презрение, как и меня. Я слишком много его испытала. Пожалей нас обеих. И к чему тебе правда её рождения?! Ты сам сказал, что она счастлива, как может быть счастлива лишь женщина, в которой мужчины ценят ум выше тела. Такая мать, как я, принесёт ей лишь горе.

— Ты ничего не понимаешь! — фараон сделал шаг и перешёл на шёпот. — Такая мать принесёт ей возможность отдать себя тому, о ком молит её тело и кому противостоит дух...

Ти отступила от фараона и затрясла головой!

— Не обрекай её на мою судьбу, повелитель! Посмотри вокруг — здесь столько женщин мечтает о твоём внимании! Оставь мою дочь там, куда вынесли её благостные воды Великой Реки...

— Много женщин! — фараон почти рычал. — У меня нет ни одной, которая способна дать мне наследника!

Ти вновь отступила и повалилась в кресло, в котором дожидался её прихода фараон. Только не поднялась, а согнулась к коленям, прижимая ладонями мятую ткань покрывала к мокрому щекам.

— Я поняла, о чём ты подумал! — слабый голос дрожал так сильно, что фараону пришлось присесть подле кресла, чтобы разобрать слова. — Она тебе не сестра, это точно!

— Как ты можешь знать это наверняка?!

— Как любая женщина, в постели которой лишь один мужчина. И это был не твой отец!

— Как ты могла!

Он с такой силой оттолкнул кресло, что то проехалось по скользким плитам. Ти

вскочила и из последней гордости отыскала в себе силы выпрямиться. И ей почти не приходилось глядеть на фараона вверх, потому что тот, испугавшись собственной злости, отступил от кресла.

— Ты обвиняешь меня в том, что я плохо скрыла измену. Но я не изменяла твоему отцу, я любила другого мужчину. Тебе не понять, как любящая женщина бывает слепа!

— Отчего же мне не понять! Отчего ты считаешь, что я не знаю, что такое любить...

— О, да! Ты знаешь... Ты не утратил отца, взяв его невесту, но тебе это простилось, мне же не простится никогда... Хатор взяла с меня двойную плату — мою красоту и мою дочь. Теперь она довольна. И потому Нен-Нуфер не может быть твоей.

— Может! — фараон топнул ногой, заставив Ти вздрогнуть. — Я встретил твою дочь в гробнице отца. Она приносила ему приношения не как фараону, а как родителю. Он призвал её к себе, понимаешь? И пусть в ней нет его крови, но в ней есть твоя царская кровь, которой нет в Хемет, и потому сын Нен-Нуфер будет большим наследником, чем Райя. И если я прочил Райе в жёны Асенат, чтобы подкрепить царскую кровь, то сын Нен-Нуфер, взяв в жёны только что рождённую дочь Сети, даст Кемету лучшего фараона, слышишь? — Ти молчала. — Я возведу твою дочь на престол. Ни одна царица не была ещё столь достойна носить корону, как та, которую мне дал Великий Пта!

Взгляд Ти прожигал и через покрывало, и фараон отвернулся, притворившись, что прислушивается к несуществующим шагам.

— Ты должен сам жениться на Асенат, — в голос ливийки вернулась прежняя твёрдость, пусть он и оставался тихим. — Потерпи пару лет, и она даст тебе самого законного наследника. И, молю, оставь мою дочь Хатор. Боги никогда не отдают своего и жестоко карают покусившегося на чужое!

— Нен-Нуфер не принадлежит Хатор! Тирия даже не знает о её существовании! — фараон из последних сил сдерживался, чтобы не перейти на крик. — Отец привёл твою дочь ко мне, потому что решил, что это во благо Кемета, и жрецы Пта сказали мне, что Асенат не верный выбор. Я отказался от новой женитьбы, не имея другой невесты, но теперь она у меня есть! И это твоя дочь!

— Ты всё решил, как я вижу, — в голосе Ти послышалась злость. — Так чего тебе нужно от меня, повелитель?

Фараон навис над ней и схватил за запястье.

— От тебя я хочу того же, что просил мой отец, — прорычал он приглушённо. — Молчания! Что бы я ни сделал, что бы ни сказал, ты не открываешь рта. Храни свою правду и впредь так же хорошо, как ты хранила все эти годы от других своё лицо!

Ти не успела согласно поклониться фараону, потому что за ним пришли, и сегодня, сжимая фигурку Маат, он просил Богиню дать ему силы сделать то, что ныне во благо Кемета. Иногда человеческая правда сродни божественному хаосу, и для порядка стоит её изменить, и потому Великие Боги должны остаться им довольны.

Он чувствовал необъяснимое спокойствие, которого не помнил с восхождения на престол: доклады писцов не казались нудными, и просители сегодня, как один, принесли на его суд простые проблемы. Он так и не отнёс на отцовский алтарь завтрак, потому не позволил себе притронуться к обеду. Отдав приказ погодить с обедом и приготовить всё необходимое для приношения, фараон сбежал в сад с твёрдым намерением совершить обряд вместе с Нен-Нуфер.

Стража и без приказа остановилась в отдалении от стены, и чтобы не смущать

повелителя, за миг до того, как тот перемахнул за стену, юноши отвернулись. У пруда было пусто, но из дома доносились тягучие звуки флейты. Фараон прибавил шаг. Слуги склонились перед ним и поспешили оповестить хозяина о приходе Его Святейшества. Сети в короткой юбке и голой грудью, блестящей от недавнего купания, выбежал к брату и замер под горящим взглядом повелителя двух земель.

— Мир вам, — фараон прошёл мимо Сети в комнату и сделал знак сыну оставаться на месте. Он явно прервал игру, потому что в руках Нен-Нуфер осталась фишка, и только Асенат продолжала играть на флейте. — Я пришёл за Нен-Нуфер, — Та вскочила и вытянулась в струнку, полная решимости не сделать к нему и шага. — Я пообещал с утра отцу, что мы вместе, как прежде, принесём ему дары.

Теперь она не посмеет отказать ему, и даже Сети ничего не скажет, если брат вообще успеет произнести нынче хоть слово, ведь он уже протянул Нен-Нуфер руку, и она безропотно приняла её.

— А вас всех я жду к обеду. Я велел задержать его, , но сейчас отдам распоряжение накрыть стол на пятерых у пруда. Оденьтесь, как на праздник, потому что я сообщу вам то, что уже возрадовало моё сердце и не оставит спокойным ваше. Сети, пошли вестника к Амени. Пусть задержится в храме. Мы прибудем туда после обеда.

Асенат давно перестала играть, и сейчас тишина была удивительно глубокой, будто все разом затаили дыхание.

— Скажи нам сейчас, — проговорил Сети глухо. — К чему столько таинственности! Словно мы дети.

— Всею своё время, брат, — не смог сдержать улыбки фараон. — Я жду всех вас за своим столом. Вели приготовить колесницу.

— Будет ли с нами царица?

Сети успел бросить вопрос в спину брата. Фараон сжал горячие пальцы Нен-Нуфер и, не оборачиваясь, ответил:

— Никотрисы с нами не будет.

Он захлебнулся слюной, произнося имя пока единственной жены, не в силах назвать её царицей. Своей царицей. Его царица стояла рядом, прижимая к кольшущейся от волнения груди надетый несчастной матерью амулет. Вечером, вечером он при всех впервые назовёт Нен-Нуфер царицей. Выйдя от отца, он велит приготовить кольца и доставить в храм. Пусть Амени справится с волнением прежде, чем он сведёт с золотых носилок свою невесту. А сейчас он держал её руку так крепко, если бы Нен-Нуфер и вправду вырывалась, и еле разжал пальцы, чтобы сомкнуть их вокруг её талии. Нен-Нуфер дрожала в его руках так же, как в ту минуту, когда он впервые поставил её на свою колесницу. Слова не шли, в горле пересохло, живот окончательно свело от голода и от нетерпеливого ожидания ночи. Пусть молчит и она. Единственное слово, которое он желает нынче услышать из её уст — „согласна“. Она не может не согласиться. Она не может пойти против воли своего повелителя.

Царские стражники поклонились, и фараон, заметив в глазах Нен-Нуфер смущение, порадовался, что среди юношей нет Кекемура. Она попыталась высвободить руку, , но он не отпустил. Ему нечего больше скрывать перед придворными. Он привёл Нен-Нуфер во дворец как жену и не отпустит более её дрожащей руки. Полная робости, в простом платье, без единого украшения, она сияла подле него, как сияет в благодатных лучах солнца гранатовое вино.

Фараон отдал распоряжение об обеде и поднял приготовленные приношения. Слуги исполнили всё верно — две плетёные корзины: для него и для неё. И славно, что Нен-Нуфер предстанет под отцовские очи в своём прежнем бедном обличье — именно такой она пришла к нему, и теперь во власти его сына украсить её лучшими самоцветами, , но начнёт он с простого кольца, в которое вложит всю свою любовь.

Нен-Нуфер не могла больше держать очи долу. Она с нескрываемым восторгом глядела на яркие краски стен, на уносящиеся ввысь колонны, на склоненные головы придворных. Фараон улыбался себе — теперь это станет её ежедневной картиной.

Фараон не позволил никому последовать за ними. Они вдвоём замерли подле статуи фараона Менеса, и Нен-Нуфер первая опустила к подножию корзину и коснулась лбом золотых сандалий. Фараон преклонил колени так близко от неё, чтобы коснуться дрожащего плеча. Перед отцовским взором она не посмеет отстраниться, и они долго пролежали так в полной тишине, стараясь не думать о мыслях друг друга, полностью отдавшись умиротворению единения с вечностью. Наконец фараон выпрямился, и Нен-Нуфер осторожно, чтобы не потревожить платья, поднялась с колен.

— Я привёл к тебе Нен-Нуфер, отец, чтобы получить твоё благословение.

Фараон осёкся и уже беззвучно попросил у отца позволения изменить правде. Голос не дрожал, на плечи вновь опустилось спокойствие. Он повернулся к Нен-Нуфер, чтобы прижать её запястья к своей груди.

— Сказал ли тебе Райя, кто привёл его к тебе утром?

Нен-Нуфер кивнула и впервые разомкнула уста:

— Это была царица Ти, , но она не говорила со мной, и я не видела её лица.

— Райя тоже не видел его. Несчастливая Ти прячет от всех следы оспы, , но ты знаешь, как она выглядит. Ты каждый день видишь её лицо, когда глядишься в зеркало, — и насладившись мгновение замешательством Нен-Нуфер, фараон поспешил продолжить: — Ты похожа на неё, как может только дочь походить на мать. Тебя младенцем выкрали у неё, , но отец, — фараон склонил голову перед статуей родителя, — он отыскал тебя и привёл ко мне, чтобы через пятнадцать лет я сумел восстановить справедливость и вернуть тебя туда, где надлежит быть тебе по праву рождения. Подле меня, своего брата.

Он сжал тонкие запястья, но Нен-Нуфер даже не дёрнулась. Не дёрнулась, потому что испугалась за его разум.

— Отец покарал твоего похитителя, , но в твоё спасение никто не верил. Видно, Великому Пта было угодно скрыть тебя от нас, чтобы явить мне, как спасение, когда отчаяние полностью поглотит мою смятённую душу, разуверившуюся в благосклонности нашего Бога. Но вчера, вчера, слышишь меня, я вновь в тайне от всего дворца, мучимый бессонницей, слушал пение лягушек, и Пта призвал к пруду царицу Ти. Твой образ следует за мной непрерывно, и я обознался, с радостным криком бросившись к жене моего отца, , но Пта нарочно застлал мне глаза, чтобы дать возможность заглянуть под покрывало. Я вызвал Ти на откровенность, и всё, всё совпадало... Амулет, — фараон коснулся сердолика, , но тотчас отдёрнул руку, чтобы вновь найти пульсирующее запястье. — Я послал её нынче взглянуть на амулет, который она надела на шею дочери, и всё утро утирал её счастливые слёзы, едва сдерживая свои. Ты явилась ответом на мои молитвы, и я вновь готов усыпать храм лотосами, потому что самый прекрасный из них возвратил мне веру в благосклонность Богов. Я теперь знаю, отчего Хатор не даёт Никотрисе сына, оттого что другой моей сестре надлежит дать Кемету наследника. Тебе!

И вот теперь Нен-Нуфер дёрнулась, , но лишь на мгновение. Сейчас она стояла на ногах как нельзя твёрдо, и голос звучал так же безжалостно, как когда она отчитывала его у пруда за кнут, опустившийся на руки сына.

— Я исполню то, что велют Великие Боги.

И вместо блестящих глаз фараон увидел светлую макушку, к которой тут же припал губами, не позволяя Нен-Нуфер подняться из поклона. Он прижал хрупкое тело к груди, в которой спокойствие уступило место безумному томлению. Она его. Теперь она его! Он опустил вместе с ней на колени, и пальцы тотчас отыскивали её мокрые щёки.

— Не надо плакать, мой прекрасный лотос. Наш сын родится не из твоих слёз, а из любви, переполняющей моё сердце с нашей первой встречи. Утри слёзы, нынче радостный день. Я слишком долго ждал, чтобы медлить ещё хоть одну ночь, чтобы назвать тебя своей женой и царицей Кемета. Я сейчас же пошлю кольца в храм, и Амени благословит наш брак в присутствии лишь самой ближайшей семьи.

Нен-Нуфер вскинула голову, и глаза её были настолько красны, что фараон не посмел коснуться поцелуем дрожащих губ.

— Будет ли мне дозволено увидеть царицу Ти? — прерывисто выдохнула Нен-Нуфер.

Фараон секунду помедлил с ответом.

— Она не хочет, чтобы ты видела её лицо, , но верь, со временем она успокоится и придёт к тебе. А сейчас мне надо отдать необходимые распоряжения, и нас ждёт Сети.

— Бедная Асенат...

Он не дал ей договорить, приложив палец к дрожащим губам.

— Она ребёнок и не будет злиться, как отвергнутая женщина, и со временем поймёт, что Боги распоряжаются так, как лучше для всеобщего блага.

— О, да, — выдохнула Нен-Нуфер, — Асенат очень скоро поймёт причину твоего выбора и будет тебе благодарна.

Она осеклась и вновь спрятала от него глаза, а он вновь прижался губами к мягким волосам.

— Я надеюсь, что Бастет и Хатор возрастят в ней чувства к Райе, , а наш сын возьмёт в жёны её младшую сестру, если Сети к тому времени не произведёт на свет ещё одну дочь. А ты, я знаю, сумеешь воспитать для Кемета мудрого правителя, я вижу по Райе...

И тут Нен-Нуфер приложила к его губам палец, который фараон поспешил поцеловать.

— Не говори больше ни слова. Великие Боги не любят подобных излиятий, и я без лишних слов принимаю их выбор.

Фараон почувствовал её желание подняться и чуть ли не со стоном выпустил из крепких объятий.

— Нас ждут, — кивнул он и сжал запястье Нен-Нуфер, чтобы вывести её из молельни.

Распоряжения были короткими, и слуги молча исчезали один за другим, чтобы чётко исполнить наказанное. Фараона не заботили расползающиеся по дворцу слухи. Он делает то, что должен, и те, кому положено, получают его объяснения в положенное для того время. Не в силах расстаться с Нен-Нуфер, он решил отдать её в руки прислужниц лишь после обеда, да и он сам вдруг почувствовал зверский аппетит, который желал утолить немедленно.

Сети ждал их у пруда и поднялся из кресла после того, как дети вскочили с циновки. Он явно оставался в неведении отданных распоряжений, и его сильно встревожило заплаканное лицо Нен-Нуфер, , но та позволила себе опередить фараона, произнеся тихо, , но твёрдо:

— Это слёзы счастья, благородный Сети, ибо я не мыслила, что Боги ниспошлют мне такую милость.

Но тут она замолчала, не в силах сдержать новый поток слёз. Фараон осторожно усадил её в кресло и промокнул глаза краем своего платка, а потом тут же хлопнул в ладоши и попросил всех есть, прекрасно понимая, что Нен-Нуфер от волнения не сумеет проглотить даже финик.

— Сделай глоток, — он протянул ей полупустой фиал, чтобы она не расплескала вино.

Райя с Асенат, полные нетерпения, казалось, позабыли, что пищу следует жевать. Сети ел спокойно, но мало, не в силах оторвать взгляда от брата, единственно спокойно чувствующего себя за столом. Наконец, насытившись, фараон решил утолить любопытство собравшихся, только кратко, ограничившись короткой фразой:

— Мы отправляемся в храм, чтобы Амени назвал Нен-Нуфер новой царицей. Нынче я не скажу более, но завтра я соберу всех в тронном зале и дам говорить другим, ибо сейчас Пта напрочь лишил меня красноречия.

Сети остался неподвижен лишь на долю секунды, а потом резко поднялся, чуть не опрокинув стул.

— Колесница будет готова через полчаса, если ты не желаешь отсрочки?

Фараон глянул на явившихся за Нен-Нуфер девушек, и те в согласии склонили перед повелителем головы.

— Нам будет довольно времени. Выбери лучшего возницу, ибо я хочу видеть Райю и Асенат в одной колеснице.

— Будет исполнено, мой повелитель, — поклонился Сети и удалился прочь размашистым шагом, поманив за собой притихших детей, рванувших за ним со скоростью загоняемой охотником антилопы.

Фараон отослал прочь и жреца Маат, и визиря без каких-либо объяснений, велел приготовить на завтра достойную встречу новой царицы и жреца Пта, воспитавшего её. Оба с поклоном удалились, и фараон, отдав себя на пять минут прислужникам, вскочил, лишь почувствовал на голове корону. Вторая уже ждала Нен-Нуфер в храме. Никогда ещё нубийцы не двигались так медленно. Хотелось разогнать их и, вырвав у Сети кнут, хлестнуть лошадей, но лишь понимание того, что носилки с Нен-Нуфер не опередят его, сдерживали нетерпение жениха.

Амени встречал их в конце аллеи, и фараону казалось, что каждый сфинкс поворачивает ему вслед голову. Он сошёл с колесницы и подал руку Нен-Нуфер. Пентаура нигде не было видно и пришлось спросить о нём Верховного жреца.

— Ему не здоровиться нынче, — ответил старик сухо, не поворачивая головы в сторону бывшей воспитанницы и ныне царской невесты.

— Позаботься о нём нынешней ночью, чтобы завтра он смог свидетельствовать во дворце о чудесном спасении дочери фараона Менеса и ливийской царевны Ти. Нен-Нуфер сестра мне, и нынче ты даришь Кемету новую Великую Царицу.

От его взгляда не укрылось, как дрогнул в руках старика посох, но не время открывать ему успокоительной правды. Он сам узнает её, когда Нен-Нуфер, опровергнув его пророчество, благополучно даст жизнь наследнику.

Фараон медленно повёл невесту следом за жрецом. За ними молча следовали Сети, Райя и Асенат. Слуги внесли корзины с приношениями и удалились. Ещё мгновение, и кольцо с именем новой жены украсит его руку, а царская кобра ляжет поверх чёрного

парика, украсив чистый лоб Нен-Нуфер. Голос Амени даже утратил стариковскую скрипучесть и замирал высоко под сводами храма Великого Пта. Обряд был совершён. Рядом с ним стояла теперь Великая Царица, и сейчас он возведёт её на золотую колесницу и, взяв в руки кнут, велит лошадям доставить их во дворец. Асенат пересядет в носилки. Райя взойдёт на вторую колесницу вместе с Сети. Возница вернётся во дворец вместе с нубийцами.

Фараон протянул Нен-Нуфер руку и помог занять законное место в царской колесницы. Лицо её не хранило больше следов слёз, но и радость не окрасила его румянцем. Оно было безмятежно-спокойным, как и надлежит быть лицу царицы.

Фараон принял протянутый Сети кнут и едва-едва хлестнул лошадей, чтобы колесница не подняла столб пыли.

Во дворце их ждала украшенная лотосами дорожка, и они прошли по ней к накрытому на двоих столу для первого семейного ужина. Фараон велел жене есть, и Нен-Нуфер подчинилась. Она сидела ровно, гордо вскинув украшенную короной голову. О, да, Пта выбрал для него настоящую царицу, но с ним наедине она перестанет быть такой холодной. Он подал жене руку, чтобы провести новым украшенным коридором в царскую опочивальню, где тоже всё было украшено цветами. Всё, кроме ложа. Оно и так сияло белизной свежих простыней.

Фараон отстегнул бороду и опустил на столик корону. Царица сняла свою и положила рядом. Прислужницы молча ждали её у ступеней купальни, чтобы раздеть и умыть. Фараон, заслышав шум льющейся воды, почувствовал в коленях дрожь и поспешил опуститься в кресло. Руки вновь безотчетно искали на уже свободном от корон столе невидимый сенет. Слова ливийки о гневе Хатор не давали покоя, но фараон гнал их прочь. Если Великая Богиня не лишит его нынче мужской силы, то другого гнева ждать не придётся. Если же эти простыни так и останутся чистыми, то он всего лишь горделивый безумец, посчитавший себя равным Богам.

Прислужницы молча подвели царицу к постели и уложили под простынь. Теперь настало его время спуститься в купальню, чтобы смыть краску и волнения дня. Он выйдет к Нен-Нуфер полный сил стать ей по-настоящему мужем.

Фараон дождался у выхода из купальни, когда из спальни исчезнет последняя прислужница и, отбросив полотенце, шагнул к ложу. Нен-Нуфер молча ждала его приближения. Он сорвал простыню с желанного тела, и на нём заиграл отсвет непотушенного светильника. Нен-Нуфер поднялась, увлекаемая вверх сильными руками. Пальцы фараона заскользили по щекам, ледяным от воды, пока не нашли губы, готовые встретить его поцелуй.

— Обними меня, моя царица, и подари поцелуй, о котором я грезил, вырывая его силой.

Тонкие руки сомкнулись за его спиной, и он удержал робкий поцелуй, прикусив её дрожащую губу.

— Как же я люблю тебя, моя царица.

— И я люблю тебя, мой Божественный супруг, — едва сумела прошептать сквозь его неистовый поцелуй Нен-Нуфер. Теперь за неё говорили губы, покрывающие поцелуями блестящую макушку фараона, чтобы удержать рвущиеся из груди под натиском его губ стоны, и вскрик её, когда он наконец сделал её до конца своей женой, был едва различим за его тяжёлым дыханием...»

Сусанна откинулась на спинку дивана и прикрыла глаза. Кровь стучала в висках, и она

пожалела об опущенном пологе. Спасибо, мистер Атертон, что обошлись без подробностей. Выдохнув, Сусанна вновь придвинулась к столу и закричала явно громче Нен-Нуфер, когда перевернула страницу. Дальше листы были исписаны иероглифами. Один, второй, третий... Ну что ж, достойное мистера Атертона продолжение! За подобное издевательство хочется швырнуть кольцо в его улыбающееся лицо или демонстративно выкинуть в реку. И он будто догадался об её намерении и, чуть откинув полог, проскользнул под навес.

— Что-то случилось?

Да, мистер Атертон, что-то случилось! Терпение закончилось! И всё же Сусанна сказала достаточно спокойно:

— Просто я дочитала до иероглифов. Так что напугать меня изначальным объёмом у тебя прекрасно получилось!

— Отбрось страх и читай дальше, — улыбнулся Реза, занимая привычное место напротив неё.

— Только вот выучу египетский для начала. Когда у нас первый урок? Прямо сейчас?

Суслик, ты хамишь, кажется! Вот именно, что кажется. Я только поддерживаю его игру!

— Урок уже был. На крыше, когда мы встречали солнце. Другого урока тебе не потребовалось. Гляди!

Реза приподнял рукопись и отлистал на пару листов назад — ни одного английского слова, одни иероглифы. Сусанна вырвала рукопись и принялась судорожно потрошить её лист за листом. Он обдурил её в музее с мумиями, и сейчас тоже за секунду перепутал все листы — иллюзионист чёртов! Но стол и оставшийся диван уже скрылся под листьями, а английского текста она так и не нашла.

Реза сидел прямо, будто мачту проглотил. Рука его на автомате схватила лист и сунула под нос Сусанны.

— Читай!

Она отпрянула, чтобы не пялится на дурацкие немые значки, вдруг поняв, что её просто-напросто от выпитого вина сморил сон, и это дурацкое продолжение ей приснилось. Сон выветрил опьянение и точно не навеял желания вступить в очередную сумасшедшую игру мистера Атертона. Хватит!

— Мне без разницы, что здесь написано, — выпалила Сусанна. — Я довольна своим сном. Не зря говорят, что вдохновение приходит во сне. Я напишу, что фараон дождался возвращения царицы Ти и решил пойти ещё дальше...

— Решил соврать Нен-Нуфер, что она ему сестра, чтобы та согласилась стать ему женой.

— Да, да, — закивала Сусанна. — Не спорю, что банально, но достаточно логично, ведь так? — Реза кивнул. — Нен-Нуфер поразится жестокости фараона, так спокойно посылающего её на смерть ради наследника, но примет выбор Богов и в душе не станет особо злиться, ведь фараон подневольный, и наследник превыше любой любви, но у неё будет с ним хотя бы девять месяцев счастья, а потом они всё равно встретятся в загробном мире, ведь она ему жена.

Сусанна не заметила, как замахала перед носом Резы собственным кольцом, и теперь, вспыхнув, спрятала руку под стол.

— Допустим, — усмехнулся Реза. — А дальше?

— Потом, конечно же, Ти всё расскажет дочери, — продолжила Сусанна с запалом,

чтобы сгладить неловкость с кольцом, — и Нен-Нуфер успокоится и, скорее всего, поверит в любовь фараона, решившегося на обман, чтобы заполучить её. Ведь он взял её не просто в любовницы, а в жёны! — выпалила Сусанна и чуть не прикусила губу из-за собственной глупости.

Суслик, прекрати уже проецировать отношения выдуманных героев на собственные реальные, потому что мистер Атертон над тобой просто издевается!

— Интересно, интересно, — протянул Реза и принялся собирать разбросанные Сусанной листы в только ему одному известном порядке. — Позволь мне всё же прочитать тебе настоящее продолжение истории самому, раз ты вдруг резко разучилась читать по-египетски.

Сусанна согласно махнула рукой. С сумасшедшими, особенно в день рождения, спорить бесполезно. Тем более посередине Нила.

Глава 35

«Давно таким спокойствием не веяло с Великой Реки. Фараон выходил на террасу и вдыхал прохладу, прежде чем погрузиться в пропитанную благовонными маслами темноту спальни. Он не отпускал Нен-Нуфер от себя ни на одну ночь, и она почти не ступала на женскую половину дворца, хотя ей отвели лучшие покои вдалеке от запершейся у себя Никотрисы. Та лишь однажды предстала под очи новой царицы, в первое же утро её супружеской жизни, когда фараон собрал всех в тронном зале. Всех, за исключением Хемет и Ти, которых Никотриса тоже давно не видела, хотя обе нынче играли при дворе роли куда значительней её собственной. Рассказ фараона и жреца Пта казался слишком неправдоподобным, но никто не смел усомниться в их словах. Да и вокруг слышались одобрительные перешептывания старых придворных, помнивших ещё лицо ливийской царевны.

Пентаур сравнился лицом с тинной, и палка в его руках служила не столько символом жреческой власти, сколько поддержкой. Однако голос в вялом теле оставался твёрд и взгляд пронзителен, и от Никотрисы не укрылось, как несколько раз фараон опускал глаза долу, не вынеся его. Одна лишь новая Великая Царица сидела на троне величественно и безучастно, будто говорили вовсе не о ней, а о какой-нибудь простой прислужнице. Сестра, она не пожелала встретиться с Никотрисой, и та, решив, что таков её нрав или же приказ фараона, целые дни проводила неубранной в своих покоях, лишь изредка выходя в сад, зная, что не встретит там Нен-Нуфер, потому что после завтрака с фараоном та, не пропуская и дня, отправлялась в дом Сети к Райе и Асенат, чтобы продолжить их обучение. Никотриса задумчиво глядела на лотосы в пруду на женской половине дворца, гадая станет ли царица так же рьяно заниматься чужими детьми, когда появятся свои собственные. И если да, то дозволено ли ей будет нянчиться с наследником, пока Нен-Нуфер открывает храмовые тайны сыну Хемет? Никотриса даже пару раз подходила к покоям царицы Ти, надеясь заручиться поддержкой будущей бабушки, но та не выходила к ней, и Хемет, однажды застав Никотрису в саду, бросила, что мать с дочерью ещё даже не виделись. Никотриса отвернулась и поспешила покинуть сад, не желая впускать в сердце съедающую Хемет ревность. Той Хатор и Таверет даровали счастье прижать к груди ребёнка, а ей остаётся лишь уповать на милость Нен-Нуфер. Только, сколько бы она не вслушивалась, в перешептывания служанок, весть о беременности царицы так и не приходила. Никотриса

прижимала руки к пустому животу и валилась на ложе, чувствуя, как прежние слёзы возвращаются к ней, и она готова была лить их за двоих.

Один фараон оставался спокоен и заботливо утирал щёки Нен-Нуфер, когда та находила утром на простынях кровь, вестницу ещё одного бесплодного месяца.

— Всеми своё время, — говорил он, пряча от жены собственный бешеный пульс. — Это Бастет, сладострастная жена Пта, вымолила у супруга для нас время насладиться друг другом.

Нен-Нуфер улыбалась сквозь слёзы и спешила в купальню, а он продолжал неподвижно лежать на мятом ложе, невидящим взглядом уставившись в потолок, вспоминая недавние слова Сети, поймавшего его в одинокий закатный час на террасе.

— Я боюсь подумать, Райя, что истинная причина в тебе, а не в наших сёстрах? — начал Сети осторожно. — Уверен ли ты в верности Хемет?

Фараон не обиделся на слова брата. Райя слишком похож на него и на деда, чтобы сомневаться в отцовстве, а другого ответа он не мог дать Сети. Возможно, Боги подарили ему Нен-Нуфер, чтобы утолить печаль души и тела, и вся ложь его была напрасна, ибо брак Райи с Асенат предрешён, и теперь остаётся лишь молить их дать Нен-Нуфер силы продолжать обучение детей.

— Пустые тревоги, Сети, — сказал фараон, отходя от террасы. — У Кемета остаётся Асенат и мой Райя, и я смирюсь, коль на них пал выбор Великого Пта. А ты, ты поддержишь выбор любой дочери, когда придёт время.

Братья разошлись, не сказав друг другу больше ни слова. От них уже ничего не зависело. Однако разлив Великой Реки принёс не только плодородный ил, но и наградил царицу утренней слабостью. Фараон теперь поднимался на крышу один, пока прислужницы приводили Нен-Нуфер в чувства. Завтрак его стал скромнее, потому что пустующее кресло царицы дарило горечь самому сладкому финику. Он и сам начал испытывать приступы тошноты и спешил запить водой вставший в горле горький ком.

Теперь Райя и Асенат приходили к царскому пруду, когда у Нен-Нуфер были силы говорить. Днём она всё чаще удалялась в свои покои, и Никотриса являлась туда с опахалом, отослав прислужниц. Они почти не говорили, но молчание не тяготило двух цариц, и Никотриса второй после фараона прикоснулась к округлившемуся животу Нен-Нуфер, с таким же нетерпением ожидая первых толчков, как и будущая мать. А Асенат теперь чувствовала превосходство над наставницей, рассказывая ей про беременность матери, и в эти минуты Райя брал самый тяжёлый камень и швырял в пруд, желая вернуть внимание Нен-Нуфер к уроку.

Ти часто стояла подле покоев дочери, боясь войти, хотя Никотриса пару раз хватала её за руку и чуть ли не силой тащила за собой. Но Ти не шла, пока однажды Нен-Нуфер сама не вышла к ней навстречу. Ливийка не сумела отвернуться. Она простёрла руки, и Нен-Нуфер тотчас бросилась к ней на грудь. И кто плакал громче, мать с дочерью, или стоящая позади них Никотриса, знала одна лишь чуткая Хатор. Теперь мать и сестра сидели по обе стороны от кресла царицы, пытаясь нащупать сквозь истончившуюся кожу живота ручки и ножки наследника.

— А если это будет дочь? — внесла сомнение в уверенность обеих цариц Ти.

— Тогда, — поспешила ответить Никотриса, — Нен-Нуфер отдаст девочку мне и родит сына.

— Я отдам тебе и сына, — вдруг глухо ответила Нен-Нуфер.

— Прекрати! — вскочила Никотриса. — Жена Сети, поговаривают, уже беременна пятым, хотя не знаю, когда он успевает навещать её с детьми, он ведь не отходит от Асенат и на минуту, словно он не отец, а ревнивый любовник!

Нен-Нуфер опустила ладонь поверх проступившего через тонкий лён пупка:

— Но если так будет угодно Хатор, ты ведь полюбишь моего сына, как своего?

— Прекрати! — уже кричала Никотриса. — Прекрати говорить глупости!

— Это не глупости, — послышался тихий голос Ти. — Это обычные страхи женщины, но я верю, что всё будет хорошо.

— Всё будет так, как пожелают Боги, — прошептала Нен-Нуфер и пожелала остаться одна, чтобы подремать. Однако только лишь мать с сестрой ушли, Нен-Нуфер сразу покинула покои с желанием отыскать Рамери, но вместо него ей попался Кекемур.

Он склонился перед ней, и она тихо сказала:

— Мир тебе, мой спаситель!

Она впервые виделась с ним наедине после встречи на рыночной площади.

— Я к твоим услугам, царица.

Он не поднимал глаз.

— Свободен ли ты покинуть дворец, чтобы исполнить мою просьбу?

— Как будет угодно царице.

— Передай это Пентауру, — Нен-Нуфер протянула стражнику ожерелье с лотосами, подаренное женой Амени. — И ничего говорить не надо.

Кекемур снова поклонился.

— Должен ли я сообщить тебе, что исполнил просьбу?

Теперь он поднял глаза, на мгновение задержав взгляд на большом животе.

— Не надо. Я знаю, что ты ревностно исполнишь просьбу, и так же знаю, что Пентаур ничего не передаст тебе для меня. Ступай с миром!

Нен-Нуфер вернулась к себе и, опустившись в кресло, склонилась к окаменевшему животу. Схватки с каждым разом становились всё болезненнее и болезненнее, хотя у неё оставалось ещё целых два месяца радости единения с Божественным супругом, а потом долгое ожидание его нисхождения в загробный мир. Быть может, фараон Менес не оставит её одну в эти годы, и они вместе будут следить за подрастающим наследником Кемета — Никотриса подарит ему нерастрченную материнскую любовь, а Пентаур даст необходимые знания, чтобы будущий фараон не ввергнул Кемет в хаос.

Она так и уснула в кресле, и прислужницам пришлось растирать затёкшее тело прежде, чем облачить царицу к ужину. На стол подавали мало, потому что царица к вечеру едва прикасалась к еде, а фараон после целого дня разлуки готов был пожертвовать трапезой, чтобы скорее припасть ухом к огромному животу. Они могли часами лежать в полной тишине, ловя каждое движение ребёнка. Фараон без усталости целовал живот жены, забывая про потемневшие соски и высушенные ожиданием поцелуев губы, а потом, спохватившись, зарывался носом между лопаток жены и прижимался к трепещущему телу, чтобы утолить взаимную страсть.

И чем ближе была разлука, тем слаще были их поцелуи, и в эти минуты Нен-Нуфер восхищалась мужеством супруга, ни жестом, ни словом даже в минуты безумного экстаза не выдавшего ей тайну страшного пророчества, и тогда она ругала себя за слабость, ведь всякий день, возвращаясь после завтрака в свои покои, она плакала, но совсем беззвучно, чтобы не взволновать внимательную Никотрису. Та уже собрала в ларец самоцветы и каждое

утро вынимала по камню, считая дни до родов.

Во дворце не было никого на сносях, потому родильня стояла пустой, и Никотриса собственноручно каждое утро поднимала на единственном окне тростниковую занавеску, чтобы пустить свет и воздух, а вечером опускала, вознося молитву к Таверет. Это дарило успокоение растревоженной странными словами Нен-Нуфер душе. После родов они проведут здесь вместе две недели, прежде чем отцу будет позволено взглянуть на ребёнка. Две недели она сама будет носить младенца на руках, не позволяя делать это даже Ти, которая тоже не отойдёт от дочери, а потом, потом фараон покажет придворным сына, и молодой матери наконец будет позволено покинуть этот покой. Она не допустит сюда Асенат — только она и Ти имеют право на этого ребёнка в первые дни его жизни. Только она...

В тот день Нен-Нуфер отпустила детей много раньше обычного и чуть ли не бегом вернулась в свои покои, где, как всегда нетерпеливо дожидались её прихода мать и сестра, но она попросила их уйти, сославшись на невероятную слабость. Нен-Нуфер отпустила и всех прислужниц, чтобы никто не видел с какой жадностью она поглощает воду и сладкие финики. Фараон утром ускользнул совсем тихо, позволив ей спокойно доспать утренние часы, хотя она и просила его взять её с собой для прочтения гимна. Весь вечер он играл с появляющимися то с одной стороны живота локтями ребёнка, то с другой, но вот уже почти десять часов она не чувствовала ни одного шевеления, хотя насчитала с дюжину привычных схваток. Обычно, когда с живота спадало окаменение, ребёнок устраивал невероятные танцы. Нен-Нуфер прилегла на бок, надеясь, что хотя бы любимое сладкое кушанье разбудит его. Нет, живот оставался тяжёлым и неподвижным и только сильнее тянул вниз. Она встала и вновь, позабыв про тяжесть и боль в спине, побежала по длинным переходам дворца в надежде отыскать Кекемура, но в этот раз ей попался Рамери. Она спросила о Его Святейшестве. Фараон только что отпустил всех и по обыкновению отдыхал перед ужином на террасе.

— Передай энсеби, чтобы он немедленно пришёл в спальню. Я жду его.

Рамери поклонился. Нен-Нуфер насчитала десять ударов его босых ног по плитам коридора и бросилась в покои фараона. Там ещё не было накрыто к ужину, но она приказала всем уйти и не приближаться к дверям, даже если сам фараон будет их звать.

— Даже если энсеби будет звать, — повторила Нен-Нуфер медленно для растерянной прислужницы. Фараон шёл слишком долго, или же теперь просто каждая минута казалась ей вечностью.

— Отчего здесь так тихо, моя царица? — улыбнулся он, задёргивая полог. — Ты знаешь моё нетерпение видеть вас обоих, но ты никогда не проявляла такой настойчивости, чтобы самой посылать за мной.

Он раскрыл объятия, но получил по рукам.

— Здесь некого обнимать. Больше некого.

Фараон отступил на шаг, но растерянность его была недолгой. Он вновь протянул руки и успел схватить запястья Нен-Нуфер, чтобы она не ударила его вновь.

— Я целый день не слышу шевелений.

Фараон постарался остаться спокойным.

— Он иногда долго спит...

— Нет! — перебила Нен-Нуфер почти криком. — Не после схваток! Нет! Слышишь меня?!

Он слышал, он попытался поймать мокрые щёки ладонями, но Нен-Нуфер извернулась и метнулась к столику в глубине комнаты, где хранилась коробочка с письменными принадлежностями. Она развернула папирус.

— Погоди писать письмо отцу для защиты, — фараон не смел прикоснуться к бегущей по папирусу руке. — Приляг, я принесу фиников и мёда. И давай лучше напишем потом послание моей матери. Ей, женщине, проще просить милости у Таверет и Хатор. Послушай меня...

— Нет, ты! Ты послушай меня!

Она сунула ему перед глаза влажный папирус, но он не взял его. Едва опустив глаза на две единственные строки, он отпрыгнул от жены, как ошпаренный.

— Я писала это для тебя под диктовку Пентаура. Можешь вновь сжечь его!

— Послушай, — фараон протянул к ней руку. — Послушай меня...

Нен-Нуфер рухнула на циновку и сложила руки на макушке.

— Это я должна была умереть, а не наш сын...

— Послушай меня, — фараон присел рядом и попытался оторвать плачущую царицу от циновки, в которую она теперь вцепилась, и получилось поднять её лишь вместе с циновкой. Так он и донёс её до постели.

— Я дам тебе вина!

— Нет! — Нен-Нуфер схватила его за руку, которой он только что отшвырнул циновку. — Нет!

Фараон припал ухом к животу, пытаясь услышать удары детского сердца, и ему удалось, только Нен-Нуфер вновь зарычала:

— Это моё сердце, дурак! Не его! Наш сын мёртв!

— Нет! — фараон стиснул плечи жены. — Дай время, он проснётся. Было же такое, чтобы он спал...

— Нет! Слишком поздно! Оставалось меньше месяца... Почему... Почему Хатор не позволила мне исполнить волю Пта...

Она упала лбом ему на сомкнутые пальцы мужа, которыми он сдерживал её руки.

— Потому что будет другой ребёнок. Потому что предсказание не о тебе... Потому что ты мне не сестра! — закричал фараон ей в ухо, поняв, что она не слышит его. — Ты дочь Ти, но не моего отца, слышишь? Это только Асенат могла умереть или Никотриса, и не одной из них я не желаю жертвовать. А ты, ты просто мне жена, и у нас будет другой ребёнок, слышишь? А Асенат, Асенат, когда придёт время родит Райе законного наследника, а этот папирус сожги. Он уже ничего не значит! Слышишь меня?

Но Нен-Нуфер не слышала. Тогда фараон прижал её к груди, уже не заботясь о животе, и попытался заглянуть в полные слёз глаза.

— Неужели ты могла подумать, что я спокойно пожертвую тобой, которую люблю так, как людям не дано любить! И молчала всё время, ты молчала, зная про послание. Сколько же тайн ты хранишь ещё, мой прекрасный лотос, ответь мне!

Но Нен-Нуфер ничего не отвечала. Она глядела на него и не видела.

— Нен-Нуфер, — позвал фараон тихо, и так же тихо она ответила ему:

— За моей спиной больше нет Хатор. Теперь она за твоей. И какое же злое у неё лицо...

Нен-Нуфер ударила лбом ему в грудь, но он сумел обернуться, но никого не увидев, попытался поднять голову жены, чтобы забрать поцелуем боль, но Нен-Нуфер вскрикнула, и через мгновение он почувствовал, что кровать под ними стала мокрой.

— Я позову врача, слышишь?

Он вновь попытался распрямить сгорбившуюся жену, но опять не увидел её лица.

— Не нужно врача, — простонала Нен-Нуфер. — Великая Хатор сказала, что я получу сына. Его не получишь только ты, лгун!

— Тебе нужен врач!

Теперь она глядела ему в глаза, и фараон не смог сдержать дрожи.

— Боги не знают прощения для лгунов, слышишь меня, Райя?

— Тебе нужен врач! И я позову его.

— Сожги папирус. Пусть никто не знает про слова Пта, которые не горят. Которые выжжены на твоём лбу. Неужто ты не видишь их в зеркале?

Фараон продолжал крепко держать её за плечи, боясь, что она опрокинется с кровати.

— Я вижу их в твоих глазах, их не сжечь! Прошу, доверься мне, моя любовь! Я сейчас приведу врача...

— Сожги папирус!

Фараон кивнул и, схватив послание с мокрой простыни, бросился к светильнику. Папирус запылал. Только в этот раз он не глядел на пламя, постоянно оборачиваясь к постели, боясь за Нен-Нуфер, и не заметил, как пламя подобралось к пальцам, но он не вскрикнул, а молча приложил обожженные пальцы к моче, кляня оставшиеся в ушах серьги.

— Я позову врача! Не вставай с кровати.

Однако с порога ему пришлось вернуться, чтобы подхватить скорчившуюся Нен-Нуфер.

— Дыши, просто дыши, — рука скользила по согнутой спине царицы, вбирая проступивший на шее пот. Он не стал поднимать её с циновки обратно на кровать. — Дыши, мой прекрасный лотос, отпусти боль...

Нен-Нуфер откинулась ему на плечо и прошептала:

— Я люблю тебя, Райя. Люблю даже за ложь, которая подарила мне почти год счастья... Но Хатор не простит тебя, сколько бы я ни молила её нынче...

— Я позову врача, — шептал фараон, собирая губами со лба жены испарину. — Позволь только положить тебя обратно на кровать.

— Оставь меня здесь. Мне привычнее на циновке... Пока она служила мне постелью, Боги слышали меня...

Фараон поднялся, но тут же вновь пал на колени, чтобы удержать голову Нен-Нуфер.

— Ты ударишься так!

Но новая схватка уже скрутила тело царицы, и её стон поглотил слова фараона.

— Кекемур!

Фараон помнил, что именно он находился сейчас ближе всех к царским покоям.

— Кекемур! — закричал он громче.

Но стражник не шёл.

— Я велела им всем не приходить, — простонала Нен-Нуфер, приподнимаясь на локтях, и фараон вновь с трудом сумел спасти её лоб от встречи с напольными плитами.

— Кекемур!

Наконец юноша прибежал на зов, но не посмел переступить порога царской опочивальни, потому что царица корчилась на полу, а фараон стоял перед ней на коленях, крепко держа голову.

— Сюда! — фараон продолжал кричать, хотя юноша стоял уже в двух шагах от него, вцепившись пальцами в юбку. — Держи ей голову, олух!

Кекемур рухнул на колени и подставил руки. Нен-Нуфер продолжала метаться, и фараон не решился полностью доверить её юноше. Кекемур в панике переводил взгляд с одного царственного лица на другое. Оба были смертельно бледны. Фараон сильнее нажал ему на руку, но стражник не мог пошевелиться.

— Держи ей голову, остолоп! Чтобы она не билась об пол! Никого не подпускай к ней!

Фараон надел ему на палец перстень, обличающий его в отсутствие повелителя властью над всяким, даже самым визирем.

— Гони прочь любого, кто посмеет приблизиться к вам!

Кекемур оглох, в голове шумел страх и прилившая к лицу кровь. Он уже прижимал тело Нен-Нуфер к груди, но тогда оно ещё не принадлежало фараону. И голос, который раздавался сейчас под сводами дворца, не принадлежал фараону. Это кричал обезумевший от страха супруг.

— Никого не впускать! — фараон отдавал приказы всем подряд, и плотная стена стражи встала у него за спиной у входа в царские покои. На крики, несмотря на поздний час, сбегались и прислужники, и придворные, но фараон ничего не объяснял. Он бежал к конюшням, и за ним бежали все остальные. Только с конюшим он раскрыл рот, приказав немедленно вывести прогулочную колесницу, и наконец повернулся к дворцовой толпе:

— Я еду за Пентауром. К царице, кроме жреца Пта, никто не войдёт. Это мой приказ!

— Ты не можешь ехать сам!

Один из придворных набрался смелости ухватить его за юбку, но тут же получил по руке кнутом.

— Прочь!

Ему уже вывозили колесницу. Ту, в которой он чуть не раздавил Нен-Нуфер. Сети ночевал у себя в доме, и не было лишней минуты, чтобы послать за ним, а только брату он доверился бы сейчас, а коли нет Сети, так он сам привезёт Пентаура!

Ворота уже распахнули, но трубы молчали, не возвещая об отъезде фараона из дворца. Паника фараона передалась всем, даже страже у ворот. Он хлестнул лошадей, и колесница рванула с места. В храме тоже не успели открыть ворота. Фараон спрыгнул на землю и, оттолкнув храмовых стражников, побежал по аллее. И здесь не успели оповестить фанфарами о его приезде, но два жреца всё же выбежали навстречу. Фараон, боясь, что те падут ниц, заорал ещё издали:

— Где Пентаур?!

Жрецы рванули с места быстрее царских лошадей. И когда фараон добежал до башни, он уже слышал торопливые шаги жреца. Пентаур взглянул на фараона и закрыл глаза, но тот схватил его за плечи и зашептал в лицо:

— Дитя мертво, слышишь?! Но её ты можешь спасти! Слышишь?!

Он за руку поволок жреца к воротам.

— Мне нужны инструменты! — кричал Пентаур на бегу.

— Всё будет!

Они бежали, как два загнанных льва, хотя ни у одного не развевался, подобно гриве,

платок, оба потеряли их ещё у башни. Стражники, державшие лошадей, бросились врассыпную, и фараон чуть ли не закинул жреца в колесницу. Пентаур едва успел ухватиться за бортик, когда хлыст просвистел над его головой. У дворцовых ворот оба замерли, чтобы отплеваться от забившего рот и ноздри песка, а потом вновь понеслись по дворцовым переходам, как угорелые, и никто не рискнул встать у них на пути.

У стены стражников стояло трое врачей, но их не впускали. Вооружённые кнутами юноши стойко закрывали уши на посылаемые им проклятья. Приказ фараона! — слышал в ответ каждый, кто пытался их усовестить, слыша крики царицы.

Пентаур вырвал ящик с инструментами у ближайшего врача и ринулся за фараоном в открывшуюся в стене стражников лазейку. Фараон пал на колени подле Кекемура. Юноша зажал Нен-Нуфер в кольцо рук, и та билась теперь головой ему в грудь. Фараон подхватил обессиленную царицу на руки и, велев Кекемуру убираться вон, опустил на кровать. Пентаур тотчас припал ухом к её животу.

— Я верно ошибся в расчётах! — прохрипел жрец. — Это смерть не царицы, а ребёнка...

— Ты не ошибся, — пролепетала Нен-Нуфер, поднимаясь к воспитателю, и вновь со стоном повалилась на спину.

— Она мне не сестра, — закончил за неё фараон, — и потому ребёнок не мог быть наследником, за которого я платил бы матерью.

— Не сестра? — Пентаур даже выпустил запястье Нен-Нуфер, на котором прощупывал пульс.

— Да, я врал! — прорычал фараон, протирая ладонью лоб жены. — И заставил Ти подтвердить, что отец её дочери фараон, чтобы Нен-Нуфер оставила ради меня Хатор, и теперь Хатор наказывает меня! Но не её, слышишь? Сохрани ей жизнь, даже если она решит оставить меня.

— Я сделаю всё, что в моих силах, если на то будет милость Пта, — едва слышно сказал Пентаур, не склоняя перед фараоном головы. — Позови слуг.

— Сейчас я твой слуга. Никто не должен знать нашей тайны. Ты сам прекрасный врач, а согреть воды и принести свежую простынь я сумею сам. Сохрани мне жену, слышишь?!

— Ты не должен видеть ребёнка, — настаивал на своём жрец.

— Я сделал многое, что не должен. И взять на руки мёртвого сына после всего не такой уж и грех.

— Если я сумею достать его целиком.

— У неё отошли воды, он должен родиться сам, насколько я смыслю в женской природе.

Фараон вновь склонился к Нен-Нуфер, когда она со стоном вцепилась в покрывало.

— Положи ей на лоб, — Пентаур протянул фараону смоченную в опиуме губку и одним рывком разорвал подол платья. Фараон отвернулся от жреца, глотая слёзы, готовый для себя самого попросить маковых зёрен, которыми успокаивают детей. Он слышал звон медицинских инструментов и страшился обернуться, да и смотреть в ныне спокойное лицо жены было куда приятнее, чем на окровавленные простыни в её ногах. В ноздри бил запах воскуренных жрецом смол, уши заполнял его тихий голос, шепчущий молитвы, и фараон не сразу расслышал приказ Пентаура.

— Надави на живот!

Фараон, обернувшись, увидел лишь покрытую испариной макушку жреца,

склонившегося к поднятым коленям царицы. — Дави на живот! — повторил Пентаур нетерпеливо. — Я держу его голову. Ещё! Ещё! Как только я сумею выкрутить плечи, он свободен! Всё!

Даже когда Пентаур положил на покрывала склизкое тельце, фараон не сумел убрать рук, а только сильнее надавил на пустой живот жены.

— Ступай в купальню и омой его, — Пентаур убрал нож, которым перерезал пуповину, и когда фараон не двинулся с места, добавил едва слышно: — Я понимаю, как это тяжело, но и мне сейчас не легче, поверь мне.

— Я знаю и совсем не уверен, что мне дано любить её сильнее твоего.

Фараон бережно взял мёртвого сына на руки и, как слепой, нащупывая ногой каждую ступеньку, спустился в купальню. Холодная вода казалась кипятком, так обжигала она дрожащие руки. Бережно закутав ребёнка в полотенце, фараон остался сидеть на приступке ванны, пока к нему не спустился Пентаур, чтобы омыть руки.

— Время, — сказал он тихо, но фараон не протянул ему ребёнка, только сильнее прижал к груди.

— Как долго Нен-Нуфер будет спать?

— Достаточно, чтобы сильная боль стихла. Потом я дам ей новое лекарство. Швы могут болеть с месяц, и пока ей лучше не садиться.

— Ты останешься при ней?

Пентаур покачал головой.

— Мне нужно вернуться в храм. Амени не справится без меня.

— А здесь не справлюсь я! — почти закричал фараон.

— Я не врач, повелитель. Я — жрец Пта, но я дам наставления дворцовым врачам. Самое страшное позади, — он вновь протянул руки. — Отдай ребёнка.

Фараон склонился над младенцем и запечатлел на лбу поцелуй.

— Как скоро Нен-Нуфер проснётся? — повторил он вопрос. — Я бы очень хотел, чтобы она взяла на руки сына прежде, чем из него сделают мумию.

— Нынче слишком жарко, чтобы ждать. Да и не думаю, что Нен-Нуфер пойдёт это на пользу. Как и тебе. Отдай ребёнка! Дождись живого и положенного срока. Не гневи Богов, повелитель.

И фараон, в последний раз поцеловав сына, протянул неподвижное тельце жрецу и тут же отвернулся, чтобы не видеть, как тот тоже нагнулся к ребёнку с поцелуем.

— Умойся, повелитель, — сказал Пентаур, закрывая лицо ребёнка свободным краем полотенца. — Я велю сменить на кровати простыни. Сейчас царица не проснётся, если осторожно приподнять её.

Пентаур вышел, а фараон продолжал сидеть с согнутыми руками, будто всё ещё держал в них мёртвого сына...»

— Хватит!

Сусанна с силой ударила по листам и выбила всю стопку из рук опешившего Резы, проглотившего даже последнее слово.

— Довольно! Я прекрасно всё помню.

— Я знаю это, моя царица!

Реза поднялся с дивана и поклонился.

— Я не твоя царица! Ты не он и никогда им не будешь!

— Но и ты не она, — произнёс Реза достаточно резко. — Всё пошло немного не так,

как думал Пентаур, верно? Но я даже рад, что твой воспитатель ошибся, а теперь уходи, как ты обещалась ей. Уходи, тебе нет места среди живых! Уходи с миром. Сколько же можно мучить меня? Сколько же можно?

— Сколько же можно мучить меня?! — вскричала Сусанна, швыряя пустой бокал в бледное лицо Резы. — Хватит! Я устала от твоего продолжения! Это мой роман, оставь его в покое. Пиши про своего прадеда и свою мумию! Оставь в покое мою Нен-Нуфер! Она не твоя статуя, слышишь? Не твоя!

Реза перегнулся через стол и, схватив Сусанну за шею, выволок из-за стола.

— Тебе стоит освежиться!

Он потащил её дальше на палубу и под удивлённые взгляды хозяев лодки нагнулся с Сусанной к самой воде и на мгновение окунул её с головой.

— Я говорил тебе о живительной силе нильской воды?

Сусанна крутила головой, обдавая Резу брызгами, и пыталась откашляться. Платье на плечах намокло, и она судорожно отжимала ткань. Махмуд протянул Резе тряпку, которая оказалась длинной рубахой, и Реза отконвоировал Сусанну обратно под навес, и когда та переоделась, произнёс тихо:

— А теперь ты сядешь и не откроешь рта, пока я не закончу говорить. Иначе я заставлю тебя поплавать в реке.

— Я не умею плавать, я говорила тебе уже, — пролепетала Сусанна, пытаясь отжать волосы испорченным платьем.

— Потому тебе лучше молчать.

Реза молча собрал листы рукописи и придавил их неразбившимся бокалом.

Глава 36

Реза невидящим взглядом уставился на стопку листов.

— Не смей прикасаться к ним больше. Я стёр в кровь пальцы, пока писал это. Если ты повредишь хоть один лист, мне придётся переписать его.

— Зачем?

Суслик, тебе велено молчать. И ты прекрасно знаешь, зачем он рисует и пишет. Вернее не зачем, а почему. Потому что он больной на всю голову! Уверена, коль сверить листы, то иероглифы на них будут идентичны! Но как, как у него получается так складно рассказывать? Потому что он сумасшедший, а сумасшедшие все талантливы. Его нельзя оценивать, как нормального человека! Его вообще не надо оценивать. Его надо принимать таким, какой он есть. И не раздражать по мелочам, а то в нынешнем состоянии он тебя точно утопит...

Сусанна поджала ноги и натянула на колени плед. Сейчас бы хиджаб, а то виски от холода сводит!

— Затем, — ответил Реза с опозданием, — что это наше с тобой проклятье. Вернее моё, потому что ты сама — часть моего проклятья. Возможно, самая приятная и неожиданная, ради которой я могу простить ему тридцать лет ужаса, в который он ради исправления собственной ошибки ввергнул моего отца и меня самого.

Суслик, если ты ещё хоть раз откроешь рот, то придётся заткнуть уши. Иначе после очередного признания мистера Атертона захочется утопиться в реке даже без его помощи!

— После похорон отца я остался один на один с проклятьем, хотя ещё не до конца

понимал его сути. Оно было сумрачным, почерпнутым из суеверий, созданных Голливудом и чокнутыми литераторами. Я оставался последним, в ком текла кровь Раймонда Атертона, и моя скорая смерть казалась мне закономерной, а сопротивление потусторонним силам бесполезным. Прадед, взломав печать на гробнице и уничтожив росписи, необходимые для благоденствия фараона в загробном мире, по идее подписал себе смертный приговор, и я терялся в догадках, отчего он умер своей смертью. Дед, продавший женские украшения скупщикам, стал в отличие от прадеда настоящим вором, но и его не постигла преждевременная смерть. Мой отец зашёл ещё дальше, уничтожил мумию фараона, и тоже столько лет оставался жив. И лишь я, взяв на руки мумию ребёнка, тут же привёл в исполнение смертельный приговор. Только умер не я, умер отец — выходит, моя жизнь оказалась для фараона важнее справедливого возмездия, но смерть отца стала явственным посланием — он грозил мне карой в случае непослушания. Я лежал и гадал, что ему может быть от меня нужно. И ничего не приходило на ум. Я взял тогда тетрадь, куда записывал воспоминания деда, но либо слишком мало деталей записал, либо детектив получился из меня аховый, но, не найдя и единой зацепки, я со злости сжёг тетрадь. Лист за листом. И когда Латифа принесла ужин, в комнате стоял такой чад, что она выгнала меня в сад. Я уже много дней не покидал комнату, и духота и угар примешивались к слабости, оставшейся от падения. Я попытался зачерпнуть в пруду немного воды, чтобы умыться, но в итоге потерял сознание и рухнул лицом в ил. Если бы не Аббас, посланный матерью вытряхнуть половики, мы бы с тобой сейчас не разговаривали, — Реза усмехнулся. — Да тебя бы вообще не было...

Сусанна прикрыла глаза в надежде что из-за завесивших лицо мокрых прядей это останется незамеченным. К сожалению, незаметно закрыть уши не получится. А многословность мистера Атертона уже переходит в бредовый потоп, в котором захлебнуться ещё проще, чем в реке.

— Той ночью у меня случился первый после смерти отца приступ. К счастью, в тумбочке лежал заготовленный им шприц. Я проспал до полудня. Аббас был в школе, Латифа хлопотала по дому, и я сумел незаметно спуститься в гробницу. Если бы мать увидела меня, то решила б, что я собрался засесть за работу, и за шкурку вытащила бы меня из мастерской, а я шёл совсем за другим. Мне нужно было наполнить новый шприц. Скарабей жили во дворе в ящике, где у них была и вода, и тень, и солнце. Латифа считала это моей детской придурью, но, помня приказ отца, не посмела тронуть ящик. А вот порошок из мумии хранился в мастерской в том сосуде, откуда ты достала последний шприц.

Реза вновь взял паузу, и Сусанна вновь непроизвольно передёрнула плечами.

— Рядом с сосудом валялся папирус, которого я раньше не замечал. Сначала я подумал, что это и есть рецепт лекарства, и поднял его. Засаленный. Отец видно много раз перечитывал его, вода пальцами по строчкам, явно пытаюсь понять написанное. Первое прочтение вынесло закономерный вердикт — бред. Набор непонятных слов, среди которых мелькали имена Осириса и Исиды. Молитва? Заклинание? Или, — Реза снова замолчал, но Сусанна старалась сохранить непроницаемое лицо: она не собирается играть с ним в «угадайку» и выставлять себя в очередной раз душой. Раз велели молчать, вот сами и говорите, а я буду стараться не слушать ваш откровенный бред, который никакой папирус бы не выдержал! — Или инструкция, потому что по пробелам между абзацами я понял, что это список. И ещё понял, что не успокоюсь, пока не расшифрую его. Да, да, в шестнадцать я возомнил себя умнее отца...

Что, новый выпад относительно возраста? Предложение подпалить на свечке роман?

Сейчас от юношеского бреда избавиться намного проще — жмёшь клавишу «delete» и всё в прошлом. Поскорей бы уж и вы, мистер Атертон, стали кошмаром из прошлого. Жаль нет кнопки телепортации и придётся ждать самолёт, чтобы оказаться дома.

— Я запасся тремя шприцами и вернулся в дом, спрятав на груди папирус. Как, как он не рассыпался под пальцами отца! Видимо его хранила неведомая сила... Я закрылся в библиотеке, чтобы перерыть все книги со священными текстами и тетради с записями отца... Я верил, что он пытался расшифровать папирус. И вот, чтобы не привлекать внимание к своеобразному исследованию, я попросил Аббаса помочь мне перенести в библиотеку статую царицы, как мы называли золотого идола, и для прикрытия я начал рисовать её лицо. У меня всегда на столе лежала стопка чистых листов, которыми я прикрывал книги, и сколько бы раз Латифа не заглядывала в библиотеку, она видела меня рисующим, качала головой и вздыхала: так мальчику будет лучше... Только с каждым разом стилизованные черты статуи уходили, и вот уже с листа глядела на меня почти живая девушка. Тогда ещё почти...

Сусанна нервно расправила на коленях плед. Она уже неживая. Она уже окоченевшая и желающая спать. Как долго ещё нужно вас слушать, мистер Атертон? Неужто до самого рассвета! Разве можно так издеваться над собственной женой, а?

Но Реза остался равнодушен к многозначительным взглядам слушательницы. Он принялся наглаживать листы. Радуйся, Суслик, что на них иероглифы, а не твоё лицо!

— И когда в итоге я расшифровал папирус, оба ящика стола оказались набиты до краёв твоими портретами. Знаешь, что было в папирусе — инструкция по оживлению твоего образа. И я исполнил всё от первого пункта до последнего. Мне было шестнадцать. Я не понимал, что делаю, но в свои тридцать два не надеюсь, что ты сочтёшь мою юношескую дурь смягчающим обстоятельством. Прости...

Реза молчал больше минуты, но Сусанна рано обрадовалась окончанию излияний. Не тут-то было. Новая волна готовилась обрушиться на так ещё и не просохшую голову.

— Когда я понял смысл текста, я не посчитал себя гением. Я вдруг осознал, что отец прочитал папирус, но не мог понять его назначения — египтяне сохраняли тела, но не создавали из воздуха новые. Во всяком случае ни в одной книге про это не написано. Ты ведь помнишь, что мне было шестнадцать, и я не мог, как отец, спокойно отложить папирус. Я вдруг понял, почему до сих пор жив и почему долго жили мои прадед и дед и почему умирали женщины. Фараон ждал, когда кто-то из нас исполнит написанное. Они явно читали заклинание, но не рождали им новую женщину, а из-за какой-то ошибки убивали живую. И вот, что важное, на каждой из них был амулет, который сейчас на тебе. Не пытайся снять его!

Реза вскочил с дивана и перевернул бокал, чтобы успеть поймать руку Сусанны, ринувшуюся к шее.

— Не бойся! Ты не случайная женщина, оказавшаяся рядом. Ты создана этим заклинанием, и этот амулет ждал тебя три тысячи лет, и Нен-Нуфер ждала тебя, чтобы твоими живыми руками исполнить то, что у неё не получилось при жизни сделать самой. Взять ребёнка на руки и приложить к груди. Ты уже сделала это. И теперь я надел на тебя амулет, чтобы оградить от них от всех. Я боюсь за тебя. Создавая тебя, я думал, как спасти от проклятия самого себя, и я... Я... Я думал, что в тебе изначально поселится душа Нен-Нуфер. Я никак не думал, что ты живой человек, что ты, так же как я, должна будешь делить своё тело с мёртвым духом... Я не думал...

Он обошёл стол и втиснулся в узкий зазор между диваном и ножкой стола, чтобы опуститься перед Сусанной на колени.

— Я действительно не знаю, что станет с нами, когда наши тела перестанут быть нужны фараону и его царице, но я хочу и буду рядом с тобой, чтобы оградить от всего, что в моих силах. Я принимаю всю ответственность за то, что натворил в шестнадцать. И это кольцо, — он стиснул руку так сильно, что хотелось кричать, да ещё и уткнулся в него губами. — Я не просто так надел его на твой палец и на свой. Я не сниму своего, пока ты согласна носить своё.

Господи, мистер Атертон, уж лучше про мумии продолжайте...

— Я знаю, что поверить в это трудно...

Ну, хоть это, мистер Атертон, вы понимаете. И я не верю! Вернее верю во временное помешательство, потому что вовсе не хочется верить, что вы меня так низко разыгрываете!

— Я тоже не верил, что у меня что-то получилось, но во всяком случае все эти годы я оставался жив...

— А что вы сделали? — Сусанна попыталась высвободить руку или хотя бы заставить Резу оторваться от неё, да куда там, он только удобнее устроился на полу. Только голову не кладите на колени, пожалуйста! — Если это не секрет, конечно.

Какой может быть секрет, Суслик, если это касается тебя напрямую? Ну же, мистер Атертон! Мне действительно интересно, как вы меня сотворили, чтобы оценить границы вашей фантазии. Хотя, кажется, их не существует. И моим родителям тоже было бы интересно узнать, как я родилась. Они-то по наивности думали...

— Для начала надо знать, чем закончилась история фараона и Нен-Нуфер, — Реза коснулся ухом колени Сусанны, — и когда я готов был её читать, ты не пожелала слушать.

Мистер Атертон, ваша голова! Шайтан вас дерит, коль спать хотите, так ложитесь на диван! Это вам рассвет на Ниле приспичил, не мне! Я сама сейчас начну зевать в голос. Развеселите уж меня своей несравненной историей о древнеегипетском заклинании!

— Если только вы снова не будете выжимать из меня слезу своей историей о несчастном фараоне.

Она попыталась сострить, хотя и не была уверена, что выражение «squeeze a tear» верное. Впрочем, мистер Атертон нынче в любом случае на улыбки не настроен. Как и на то, чтобы занять своё прежнее место на дальнем диване, а рубаха Махмуда слишком тонкая, чтобы выносить подобную близость. Благо дрожь можно списать на мокрые волосы... Мистер Атертон, ну имейте уже совесть! Я не подушка!

— Это не моя история...

— Вот именно! — Сусанна попыталась отсесть от Резы, и у того хватило такта просто поднять голову и не последовать за владелицей его кольца. — Это моя история, и я сама её допишу...

— Поздно, — Реза ткнул пальцем в стопку листов с иероглифами. — Эта история прожита давным-давно и записана мной со слов её главного участника шестнадцать лет назад. Он сказал, что я должен понять важность возложенной на меня миссии по твоему созданию и вообще... Без прошлого нет будущего, и все мы звенья одной цепи, все мы одной крови, что скарабей, что фараон, что ты, что я... Все мы равны перед Великим Ра...

Вы повторяетесь, мистер Атертон, это я уже слышала. Давайте что-то новое. Про заклинание уже, чего тянуть-то до рассвета!

— И как он вам её рассказал?

Суслик, ты напрашиваешься на очередной бред! Уж лучше бред, чем молчание. Он же меня взглядом сейчас сожрёт!

— Очень просто, я же уже рассказывал, что мы с ним с детства разговаривали. Только если раньше мне приходилось подходить к статуи близко, чтобы слышать в голове его голос, то теперь, когда его тело полностью в моём, он говорит со мной, когда ему заблагорассудится. Впрочем, сейчас, как я понимаю, у него появились дела поважнее — теперь он получил возможность говорить с царицей напрямую без меня и без тебя. Если он никогда не вернётся, я не стану по нему скучать, как, впрочем, и ты по Нен-Нуфер, потому что ты её почти не знала.

— Как же! — Сусанна поняла, что больше молчать не в силах. — Она мне диктовала свою историю. Я же сказала, что не понимала, как из меня это лилось. Теперь понимаю, что была просто ручкой, а не творцом. А потом чернила закончились, верно, вот я и не дописала, так?

Суслик, не провоцируй! Он же выберется из любого капкана. Его подловить на нелогичности невозможно или просто не в твоих силах. А я попытаюсь, попытаюсь!

— Нет, не так, — улыбнулся Реза.

Видишь, Суслик, не судьба тебе переиграть мистера Атертона. Для равных сил тебе надо сначала тронуться умом. Да я уже на грани! Я уже готова поверить, что в первый раз в гробнице с ребёнком со мной говорил сам фараон. Только я нифига не поняла по-египетски! Суслик, ты там держись. Тебе что мистер Атертон сказал, когда у него было просветление? Что тебе надо постараться остаться в его обществе в здравом уме. Здесь нет Аббаса, чтобы вытаскивать брата из пруда, здесь есть только ты — и только мозги тебе будут служить спасательным кругом в омуте фантазии и детских игр правнука Раймонда Атертона!

— Всё было намного банальней — я дописал именно до встречи Нен-Нуфер и фараона у пруда... У меня болели пальцы, в глазах двоилось от иероглифов... Я нашёл себя спящем на столе. В голове была пустота. Я взывал к фараону, но статуя молчала. Я тогда даже пнул этот кусок золота со злости. Тишина. И я поспешил поверить, что история рассказана. Они встретились, всё! Я могу совершить обряд, и фараон оставит меня в покое на шестнадцать лет, пока Нен-Нуфер не подрастёт. Вот потому ты и не знала продолжения истории своей жизни. Я был слишком скор, но меня подгоняло не любопытство, а страх смерти. Мне понадобились рисунок, амулет и льняное платье. Я запер кабинет, уложил на пол статую, обрядил в платье и надел на шею амулет. Сам я обложился рисунками, потому что во время прочтения заклинания мне надо было мысленно визуализировать создаваемый образ. Всё. Я поставил статую на прежнее место между книжными шкафами, а платье с амулетом спрятал, как думал тогда, на шестнадцать лет. И, я стал ждать, что фараон скажет мне спасибо. А в ответ — тишина, он перестал со мной разговаривать. Сначала я обрадовался — я победил проклятье, я всё сделал верно! Но в древней инструкции был последний пункт, который я попытался проигнорировать — это заклинание надо было прочитать второй раз через шестнадцать лет на рассвете вместе с созданной девушкой. В общем я решил, что скорее всего через шестнадцать лет это чудо материализуется из воздуха. Как же я ошибся.

— И как же ты нашёл меня?

— Нашёл? Я тебя не находил. Я до последнего момента. До того самого прочтения заклинания на восходе солнца под видом чтения гимна Осирису не верил, что это ты. Не верил в реальность происходящего. До последнего мне хотелось верить, что я просто сумасшедший, и мне всё это приснилось.

— А, может, ты действительно сумасшедший?

Суслик, ты чего... У всего же есть границы. Нельзя так в лоб называть чёрное чёрным.

Реза запрокинул голову и уставился в плотный полог, будто мог видеть сквозь него звёзды.

— Я так и думал, что ты мне не поверишь. Потому не стану рассказывать дальше про твоё создание. Быть может, это и к лучшему. Я буду счастлив, если ты вот так просто избавилась от Нен-Нуфер. Так ты хочешь услышать продолжение её истории?

— Я не хочу, чтобы ты порвал хоть один лист.

По губам Резы скользнула улыбка:

— Я не притронусь к рукописи. Я помню всё наизусть. Слушай.

Глава 37

«Прошло десять дней, а фараону так и не позволили увидеть царицу. Пентаур лишь на словах спешил в храм, а на деле не отходил от воспитанницы ни на минуту, пусть и заверял фараона, что жизни её ничего не угрожает. Жреца беспокоило другое, и потому фараон не позволил перенести царицу в её покои, предпочтя самому уйти в соседнюю комнату — оба хотели увериться в здравомыслии царицы прежде, чем допустить до неё Ти и Никотрису, которые несмотря на запрет каждый день дожидались возвращения фараона, надеясь испросить дозволения войти. Чтобы отвлечь женщин, фараон велел обеим заняться росписями в его гробнице, чтобы смотритель не забыл ни одной детали, необходимой младенцу в загробном мире. И так же велел приготовить игрушки, которые они отнесут туда во время похорон.

— Через пять дней я увижу Нен-Нуфер? — спросил фараон, когда Пентаур присоединился к его вечерней трапезе. — Не молчи. Я устал от твоего молчания.

Пентаур всё равно не поднял на него глаз. Бледный, с опущенными плечами, жрец внушал фараону ужас.

— Я могу поручиться лишь за её тело, — Пентаур растягивал слова, будто не знал, что сказать повелителю. — С душевной болезнью справиться очень тяжело. Ожидая рождения сына, Нен-Нуфер успела проститься с миром живых и сейчас ей тяжело в него вернуться. Она не говорит со мной. Я пытался дать ей перо, но она не хочет и писать. Будем надеяться, что тебя она встретит куда более радостно, — и жрец возложил руки на колени. — Прости, я не могу сегодня есть. И завтра тоже. Я дал обет Пта...

— Тогда и я не стану есть, — фараон резко отодвинул блюдо и уже хотел хлопнуть в ладоши, когда Пентаур поднял руку:

— Не будет в том пользы. Ты прежде всего правитель, а потом уже муж. Не забывай этого. Твоя забота о благе Кемета не умаляет твоей любви к Нен-Нуфер.

— Я всё равно не могу есть.

Фараон прикрыл глаза, чтобы вновь увидеть желанный образ. Он завидовал девушкам с опухшими глазами, которых допускали до царицы, когда в спальне становилось невыносимо жарко. Он сам готов был обмахивать царицу, как она когда-то обмахивала его, стоя позади трона. Но жрец оставался неумолим, не позволяя ему входить в опочивальню даже под покровом ночи, даже в часы её сна. Ожидание оказалось для фараона слишком мучительным, и Сети пару раз предлагал брату своё общество, но тот предпочитал плакать в одиночестве, каря себя за малодушие. Как же ему с улыбкой проводить сына в царство мёртвых, когда все

мысли сосредоточены на его матери, которую он всеми силами души желает оставить подле себя. Теперь, когда Нен-Нуфер свободна от тяготевшего над ней предначертания смерти, она сумеет насладиться подаренным короной величием. У них будут новые дети, и если кто-то из них покажется ему лучшим наследником, чем сын Хемет, он дарует власть новому избраннику.

Подобные мысли лишали сна, и пять дней вылились в череду мучительных раздумий, потому фараон вступил во мрак спальни, шатаясь, точно пьяный. Нен-Нуфер позволила ему присесть в ногах, но не протянула руки, и, вместо долгожданных пальцев, ему пришлось сжать пустые простыни.

— Ты позволишь мне остаться до утра? — спросил он осторожно.

— Безусловно, — послышался тихий незнакомый голос. — Это твоя спальня. И раз миновал срок моего заточения, я хочу вернуться в свои покои.

Ответ прозвучал твёрдо и ровно, будто Нен-Нуфер всё своё молчание репетировала его. А ведь последние перед родами слова звучали признанием в любви, а теперь... Теперь он получил то, на что соглашался перед очами жреца Пта — он просил жизнь для царицы, даже если та решит провести её вдали от него. Но слова ли это самой Нен-Нуфер? Или же эта мысль подарена ей Пентауром, который так и не сумел простить фараону обманной женитьбы. Жрец любит её совсем не так, как Амени. Он любит воспитанницу храма ещё с большей страстью, чем сам фараон, и поставил заботу о ней наперёд обязанностям перед Пта. Он такой же преступник, как и правитель Кемета, но она, избранница Хатор и Пта, как может она ставить личную обиду наперёд блага Кемета, ведь Нен-Нуфер известно, к чему приведёт фараона разлука с ней — к полному фиалу и бессонным ночам.

— А я хочу оставить тебя подле себя, — по прежнему тихо, но более настойчиво произнёс фараон, пытаясь усювестить жену. Он готов верным псом спать на циновке у её ног, только бы не стоять у задёрнутого полога её спальни. И он не хочет приказывать ей — его руки нынче слишком слабы, чтобы удержать её запястья. Опомнись, царица Кемета! Опомнись!

— А я хочу уйти и быть подле матери, — Нен-Нуфер даже повысила голос. — Ты не в праве запретить мне это.

— Когда же я запрещал тебе общение с Ти? — фараон пытался говорить тихо, хотя рыдания подступили уже к самому горлу. — Я не претендую на день, но ночь хочу оставить себе.

— Твои желанья не совпадают с желаньями Хатор. За твою ложь я заплатила сыном! — вскричала Нен-Нуфер. — Не упорствуй, ибо ты, как правитель, неприкасаем для Богов, и потому за твои ошибки будут платить те, кто посмел шагнуть за тобой, презрев божественную волю.

— Да что ты знаешь про волю Богов! — фараон не мог больше покорно сидеть на кровати. Он вскочил и зашагал по комнате, не в силах совладать с охватившим его гневом на несправедливые обвинения. — Первенец моих родителей умер в младенчестве, но мать родила меня, спустя два года, не сетуя на волю Богов и не обвиняя моего отца...

— А ей не в чем было обвинить фараона Менеса! — Нен-Нуфер приподняла голову, и фараон бросился к ней, боясь, что та попытается встать. Её плечи вновь оказались в его руках, да только глаза обжигали сильнее пламени, на котором он сжёг папирус, но отстраняться от боли он не стал: — Твой отец не взял твою мать обманом. А ты, ты не верил в мою любовь и положил на весы не своё сердце, а благо Кемета, зная, что я выберу

его, потому что Хатор не упрекнёт того, кто заботится о своём народе,, но заставить платить того, кто возымел наглость поставить свои желания превыше долга!

— Я слышу слова Пентаура! — вскричал фараон. — Это он вложил их тебе в уста!

Фараон чувствовал, как у него начинают дрожать руки, а в голове закипает от негодования кровь. Как мог он оставить жреца так надолго с Нен-Нуфер. Он, знающий, что такое протягивать руки к желанному телу и получать по ним божественным кнутом!

— Это мои слова, Райя! Это мои слова, которые пятнадцать дней я берегла для своего мужа. Пентаур не посмел бы ни в чём обвинить тебя, потому что сам презрел долг перед Пта, народом Кемета и Амени, предложив себя мне в мужья, когда Амени пообещал меня Хатор.

Нен-Нуфер сумела разорвать кольцо дрожащих рук и поднялась с постели. Фараону пришлось отступить, хотя он и продолжал тянуться к жене руками, страшась, что слабость возьмёт над царицей верх. Но нет, Нен-Нуфер стояла перед ним прямая и гордая, с горящими, как у кошки, глазами.

— Я напомнила ему о долге, и он одумался. Я напомнила тебе о твоём, но ты не одумался. И Пентаур хотя бы остался передо мной честен. Ты же лгал мне все эти месяцы. Ах, если бы ты нашёл в себе силы сказать правду, наш сын родился бы живым, но ты, ты...

И тут фараон ринулся к жене, чтобы не дать ей упасть, но подхватив на руки, остался стоять посреди спальни, вдруг испугавшись, что прижимает к груди любимое тело в последний раз.

— Отпусти меня! — просьба Нен-Нуфер была едва различима за всхлипываниями, но фараон побоялся проигнорировать её. Он опустил Нен-Нуфер обратно на ложе и укрыл простынёй.

— Я жду тебя завтра к ужину. И если ты не придёшь завтра, я буду ждать тебя послезавтра и все вечера, последующие за этим. Ты — моя жена, а я — твой муж. И так будет до скончания веков.

Он коснулся груди и затем прикрытого покрывалом тела своей царицы. Прождал ответа целую минуту и, не дождавшись, вернулся в свою одинокую постель, понимая, что встретится с Нен-Нуфер теперь лишь на похоронах сына ровно через пятьдесят пять дней. Однако на завтра велел накрыть стол на двоих. И на послезавтра. И на следующий день, как и обещал. Он не вступал на женскую половину дворца, давая царице полную свободу. Любовь сильнее смерти, так его учили, так он и полюбил свою жену и верил, что Нен-Нуфер просто нужно время, чтобы успокоиться и смириться с временной разлукой с сыном. Пентаур вернулся в храм и не будет больше смущать её своим скорбным видом, а Ти и Никотриса постараются вернуть в сердце Нен-Нуфер благосклонность к мужу.

В этом он нисколько не сомневался и радовался, узнав, что Никотриса, спустя десять дней, стала провожать Нен-Нуфер в дом Сети. Однако пресекал всякие разговоры, говоря брату, что желает услышать всё из уст самой Нен-Нуфер. Только маленький Райя, глаза которого при встрече с отцом светились неподдельной радостью, выбалтывал всё, что происходило у пруда. Нен-Нуфер с удвоенным усердием вернулась к обучению детей. Сети стал часто брать мальчика в свою колесницу, и фараон не мог удержаться и встречал их на конюшне, чтобы пригласить к обеду. Вечерами же смотрел в пустое кресло царицы и верил, что раз та вспомнила долг перед учениками, то вспомнит его и перед мужем, когда проводит сына в царство Осириса. Тогда их любовь раскроется чистым лотосом в тине

прошлых переживаний и лжи. Однако ожидание не становилось легче, и фараон пригласил за стол Никотрису в надежде разговорить, , но та не знала, что сказать повелителю про царицу. Она говорила лишь про гробницу, в которую так и не смогла привести Нен-Нуфер и сейчас просила помощи супруга. Фараон ухватился за возможность увидеться с Нен-Нуфер и велел ждать его завтра подле гробницы. Он даже суд не довершил, испросив у Хентики позволения удалиться. Но когда они с Сети примчались к гробнице, загнав лошадей, стража доложила, что царицы уже час как находятся в гробнице и велели смотрителю оставить их одних.

— Ты спустишься к ним?

Тон вопроса подсказал фараону ответ:

— Нет, Сети, я пошлю к ним смотрителя.

Обе царицы вернулись вместе со смотрителем, и ни одна не пожелала сопровождать фараона в детскую погребальную камеру. Фараон пытался поймать взгляд Нен-Нуфер, , но та всё время глядела мимо. Одно порадовало его: она подвела глаза, украсила волосы и надела подаренные им украшения, хотя сейчас он с радостью увидел бы на ней прежнее ожерелье с лотосами.

Они с Сети молча шли за смотрителем и одним из стенописцев, который нёс дополнительный факел. Росписи были завершены, и фараон с радостью нашёл среди прочих свою фигуру — они с подростком сыном охотились в камышах на уток. Здесь была и Нен-Нуфер, и Никотриса. Со вздохом фараон подумал, что хотя бы после смерти они все будут вместе и в хорошем расположении духа. Он дотронулся рукой до пустого саркофага, в который скоро положат другой с мумией сына, и Сети пообещал достать из своего пруда лучшие лотосы.

Поднявшись из гробницы, они не нашли царских носилок. Сети с опаской покосился на брата, , но тот не выказал ни обиды, ни гнева на самоуправство Нен-Нуфер. Быть может, царицы хотели вернуться во дворец чуть раньше, чтобы подготовиться к обеду, на который он пригласил обеих. Однако братьев удивило, что они не нагнали носилки по дороге и не увидели их во дворе.

— Ты беспокоишься? — спросил Сети. — Они вероятно отправились в храм, ведь это первый раз после родов, как царица покинула дворец. Хочешь, чтобы я послал гонца к Амени?

— Нет, я не стану красть у Великого Пта время царицы. Я лучше велю повременить с обедом. Но если ты голоден, ешь.

— Я вообще хотел уйти домой, чтобы не мешать вам. Думаю, что и Никотриса удалится к себе.

— А я так не думаю, — вздохнул фараон и уселся в кресло.

В пруду плавали голубые лотосы, и ему казалось, что он слышит их аромат даже под навесом. Он кружил голову, и время тянулось мучительно долго. Фараон успел пожалеть, что отпустил Сети, и брат будто почувствовал его желание и вернулся во дворец. Только лицо его было бледно, хотя должно было разгорячиться от бега. Сети замер перед креслом и вдруг опустился на колени. Фараон хотел вскочить, но рука брата тяжёлой глыбой придавила его колени.

— Нен-Нуфер больше не с нами, — руки Сети переместились с колен на плечи. — Никотриса толком не может объяснить, что произошло. Пока я понял от стражи, что Нен-Нуфер попросила повернуть к реке, выказав желание совершить молитву в воде, уверяя,

что когда-то именно так её слышали Боги. Никотриса не посмела последовать за ней и даже отвернулась, чтобы не мешать, а когда нубийцы всполошились, было поздно — они утверждают, что царица намеренно бросилась в воду.

Больше Сети не смог удержать фараона в кресле. Тот бросился вперёд, но через десять шагов остановился, не понимая куда и зачем идёт.

— Где тело? — фараон обернулся и, взглянув в глаза Сети, вскрикнул. — Не может быть!

— Крокодилов было слишком много. Она будто созвала их на пиршество.

Фараон опустился на голые плиты, и Сети бросился к нему, чтобы поймать на плечо голову.

— Райя, ты должен быть сильным. Ты не имеешь права на слёзы.

Только фараон не слышал его слов, как и топота приближавшихся придворных и слуг. Сети с трудом сумел довести его до спальни и собственноручно опустил на окна тростниковые занавески, погрузив комнату в такой же мрак, в каком пребывала сейчас душа брата. Он лично взял на себя все заботы о двойных похоронах, велел изготовить статую вместо погибшего тела. Царица Ти покорно подняла перед ваятелем покрывало, чтобы придать образу настоящие черты Нен-Нуфер. Никотриса, глядя на бледное лицо фараона, велела расписать заново трон, чтобы на спинке была изображена Нен-Нуфер, держащая опахало над головой божественного супруга. Как и обещал, Сети собственноручно выловил из пруда все белые лотосы, и Асенат наплела из них длинные гирлянды, которыми украсили погребальную камеру после того, как туда внесли маленький саркофаг. Процессия прислужниц расставила по стенам игрушки. Никотриса ущипнула фараона за руку, и тот поспешил вернуть на лицо улыбку. Строители замуровали дверь в крохотную камеру, а статую Нен-Нуфер поместили за стеной молельни, оставив место для статуи самого фараона. Через сорок дней фараон вернулся сюда вдвоём с Пентауром, чтобы опустить под камень пьедестала свиток, о содержании которого никто не должен был знать. Не говоря друг другу и слова, не глядя друг другу в глаза, они разошлись у храма. Пентаур не отошёл от колесницы, и долго простоял в клубах поднятой лошадьми пыли. Он не верил, что даже если переживёт царствующего фараона, сумеет после его погребения прочитать заклинание и соединить его в смерти с Нен-Нуфер. Он столько ночей смотрел в пустые небеса в надежде отыскать ответ, когда надлежит совершить ритуал, но небеса оставались немые, ибо никто прежде не смел посылать провинившуюся душу в новое тело.»

Сусанна минуту ждала продолжения, но Реза молчал, глядя на невидимую точку на столе.

— Почему же Пентаур сам не прочитал заклинание? — Сусанна вжалась в край дивана, когда Реза зашевелился. — Умер раньше фараона? Или... — она поймала лукавый взгляд рассказчика. — Не захотел из ревности. Ну точно, из ревности. Не могут же все герои быть такими положительными, как ты их описал. Почему ты молчишь?

— А что я должен сказать? — Реза продолжал сидеть на полу. — Откуда мне знать мысли Пентаура? Возможно, он прочитал в небесах, что его воспитанница должна три тысячи лет проучиться в одиночестве среди прочих отвергнутых душ, чтобы замолить грехи мужа и собственное малодушное самоубийство. Кто знает...

— Ты знаешь! — воскликнула Сусанна, поняв, что необходимо поставить точку в этом дурацком погружении в Древний Египет. — Ты всё это придумал, и ты знаешь ответ на любой вопрос.

Реза поднялся и потянулся, чтобы размять затёкшее тело.

— Мне надоела эта история. Я подарил её тебе. Делай с ней, что тебе заблагорассудится.

— А если мне история не нравится?

— Ты всегда можешь её переписать, — бросил Реза и отвернулся. — Только помни, сколько всего я пережил ради неё. Одни поиски украшений чего стоили!

А это уже что-то новенькое, мистер Атертон! Продолжайте, продолжайте... А то начали роман за здравие, а закончили за упокой.

— Расскажи. Ведь ожерелье с лотосами осталось у Пентаура.

Реза сел на диван, слишком близко от неё и полез в сумку. Только не очередной артефакт! Нет, лукум... Запасливый, всё сразу не выложил на стол. Видно, действительно хорошо знает женщин. Ещё бы, у фараона был целый гарем, он поделился с ним опытом!

— Пентаур вернул ожерелье фараону, и тот собрал любимые украшения царицы в ларец, хотя для заклинания нужен был лишь амулет, который Нен-Нуфер незаметно оставила в саркофаге сына за час до своего утопления. Его обнаружил Пентаур, руководивший похоронами, и положил к остальным украшениям, потому что ребёнку изготовили собственный.

— А зачем понадобились остальные украшения?

— Для того, чтобы царице было что носить в загробном мире! — покачал головой Реза. — И духи принесли, и платье... Будто не понимаешь! Статуя так же спокойно заменяет погибшее тело, как и покалеченную мумию, а остальное должно быть соблюдено: росписи, утварь и личные вещи умершего должны уйти с ним. Фараон не думал, что те так долго не понадобятся Нен-Нуфер. Ну и драгоценности нужны были для второй части обряда. Платье мне пришлось шить из современного льна, но украшения ты надела именно те, которые носила Нен-Нуфер — те, что продал мой дед.

— Их невозможно было вернуть...

Мистер Атертон, ну проколитесь вы уже где-нибудь! Ну как можно так складно врать!

— Для обречённого нет невозможного, — Реза протянул Сусанне ломтик лукума, и та поспешила взять его пальцами, чтобы её не заставили брать лакомство губами. — Я давно позабыл про твоё создание, списав всё на юношеский бред. Я продолжал делать украшения только лишь для того, чтобы содержать семью. Постепенно обо мне распространились слухи среди местных скупщиков и воров, и бедуины начали приносить золото. Поначалу я не думал спрашивать их про деда, но два года назад фараон вернулся и напомнил про украшения для второй части ритуала, и тогда же я отправился в гробницу, чтобы перепеленать мумию ребёнка, ведь я должен был привести тебя к нему — ради этого весь обряд и затевался. Но фараон не сумел уйти от ребёнка и заставлял меня возвращаться туда чуть ли не ежедневно. Я не понимал, отчего бы ему не рассказать сыну про мать в своём загробном мире, почему надо обязательно держать на руках мумию... Но кто меня спрашивал! Я служил лишь безвольным телом. Тогда я и начал спрашивать брата Сельмы о старых скупщиках древностей, которые могли навести меня на след проданных украшений. И вот удача, он познакомил меня с сыном того самого араба, которому дед продал украшения. У того даже остались серьги, которые он лично побоялся сбыть. Я отвалил ему приличную сумму и забрал их, когда фараон подтвердил подлинность украшений. Тогда я попросил фараона описать остальные украшения и стал просматривать каталоги мировых музеев, в душе не веря в удачу. Да и не всё ещё оцифровано, а перерыть запасники даже в Каире нереально. Я

чувствовал себя загнанной лошадей, ведь сроки поджимали, а на руках у меня был уже ненужный амулет и серьги. Мне пришлось изрядно попутешествовать — правда, заодно, я пристроил много собственных украшений. Не поверишь, но я нашёл все драгоценности, зарисовал их и, вернувшись в мастерскую, сделал копии, чтобы вернувшись в музей, подменить ими оригиналы.

— И тебя не поймали ни разу?

Мистер Атертон, это уже пахнет ироническим детективом! Я такое не читаю! Ну-ну, хватит улыбаться, мне всё же не десять лет!

— Меня не могли поймать. Со мной была корона фараона. Настоящая. С магической коброй, умеющей внушать людям всё, что пойдёт на благо Кемета. За твою сестру мне, конечно, надо бы извиниться, но я не насылал болезнь. Змея сделала это сама, я даже не увидел вас тогда в «Теремке» за день до вылета. Я не врал тебе, что был до ужаса шокирован сходством. Я не ждал появления настоящей девушки. Я верил в мистический образ... Ну или в то, что я просто сумасшедший вор, решившись попробовать на крепость лучшие музеи мира. Колье я забрал в Эрмитаже, как ты уже догадалась. Это оказалось самое лёгкое предприятие, потому что брал я его из запасников.

Но Сусанна уже не думала о колье. Она думала о «Теремке». Как такое возможно?! И змея, которая снилась сестре, она-то не могла её выдумать! Мистер Атертон! Это не может быть правдой, не может... Но, Суслик, твои родственники всегда гадали, почему ты ни на кого не похожа... И твои родители не собирались тебя заводить, им хватало одной дочери... Мистер Атертон...

— Сусанна, теперь ты мне веришь? — он крепко держал её запястья. — Веришь? Пусть это и за гранью разумного. Но египетское наследие настолько не изучено, что никто не посмеет утверждать, что их заклинания пустой набор мёртвых слов. Лучше бы европейцы не трогали пески, лучше бы... Но эта гробница должна была быть вскрыта ради проклятого заклинания, но... Но ведь ты успела полюбить Нен-Нуфер и фараона, ну хоть немного? — Сусанна даже кивнуть не могла от охватившего её ужаса. — Мы помогли им, и я молю всех их богов, чтобы они оставили нам тела и души. Встретив тебя, я впервые понял, что хочу жить. Понимаешь? — Сусанна всё ещё не в состоянии была пошевелиться. — Я не хочу отпускать тебя. Я действительно могу стать тебе хорошим мужем, понимаешь? Я прошу так немного. Дай нам шанс узнать друг друга, если этот шанс нам даруют древние. Не молчи, прошу тебя! Ты не представляешь, как тяжело далось мне это признание.

Но Сусанна продолжала молчать, но не вырывала руки с кольцом, которую Реза сжал с такой силой, что хотелось кричать. К счастью, он сам отпустил её, как она думала, чтобы расстегнуть ворот рубахи, но нет... Реза ухватился за шею. Нет, только не это! Пальцы сами нашли пуговицы, хотя Сусанна и понимала, что раздевать его бесполезно.

— Реза, нет!

Она скользнула под него, когда он осел на диван. До пола ему не провалиться, но стол достаточно жёсткий, и можно разбить лоб... Какой лоб, дура! Он сейчас задохнётся без лекарства! Смотри на цвет лица! Да не вижу я ничего, он лицом уткнулся мне в плечо.

— Реза! Реза, дыши!

Сусанна, прекрати говорить с ним по-русски! Я не знаю другого языка сейчас, я не знаю...

— Реза!

Она рванула вниз рубашку и теперь гладила ему спину, понимая, что действия её

глупы. А когда он совсем обмяк, она закричала непонятно на каком языке:

— Ты не смеешь от меня уходить!

Она окончательно запуталась в спущенных рукавах его рубахи, пытаясь подтянуть его к дивану, и когда ей всё же удалось это сделать, то, не выпутывая рук, она рухнула ему на грудь, пытаясь поймать ухом сердцебиение. Сердце билось медленно и ровно.

— Реза, — позвала она тихо. — Реза.

В ответ его руки сомкнулись за её спиной.

— Тогда ты тоже не уходи, — прошептал он, касаясь губами её уха. — Потому что я не в силах тебя удержать.

Его объятие распалось, но Сусанна поймала его руку раньше, чем он ударился о стол.

— Ты смог справиться, видишь? — она сжала его пальцы, и почувствовала ладонью кольцо. — Смог и без этого дурацкого укола.

— Вместо него была ты. Без тебя я не стану бороться.

— Прекрати!

Она хотела отстраниться, ведь её больше ничего не держала у его груди, но вдруг поняла, что не хочет уходить.

— Я ничего не делаю. Это ты лежишь на мне.

Сусанна дёрнулась, но вторая рука успела остановить её.

— Не уходи, я сейчас безопаснее скарабея. Я только хочу, засыпая, чувствовать тебя. Я безумно устал от одиночества ночей. Остайся подле меня, а рассвет, рассвет посмотрим завтра.

— Я останусь, спи.

Она отстранилась ровно настолько, чтобы увидеть его лицо. Реза не улыбнулся, он просто закрыл глаза и мгновенно провалился в сон. Сусанна высвободила руку и дотянулась до оставшегося на столе лукама. Безумно хотелось есть!

Суслик, ты — свинтус! Сейчас стряхну крошки, что такого! Она дунула на обнажённую грудь Резы, и лепестки роз полетели прочь. Только один попал ему на подбородок. Пришлось протянуть руку и тут же отдёрнуть. Он не уснул. Он смотрел на неё в упор, и спина под арабской рубахой покрылась ледяной испариной. Сусанна попыталась шевельнуться, но придавившая её рука превратилась в камень.

— Ты не Реза, — только и сумела прошептать она, получив в ответ согласное опущение век.

Глава 38

Сусанна тихо сползла на пол в надежде добраться до выхода, где можно будет спрятаться за спину Махмуда. Там люди, а здесь перед ней непонятное чудовище.

— Не бойся меня! — произнёс тот, кто некогда был Резой.

Он стоял перед ней в полный рост, в одних брюках, сорвав по пути болтающуюся на одних манжетах рубашку, а Сусанна продолжала пятиться, как краб, не в силах подняться. До прорези в пологе оставалось меньше метра, когда её поставили на ноги, подняв за ворот рубахи, словно котёнка.

— Я же сказал: не бойся меня. Я пришёл с миром поклониться тебе за возвращение мне моей царицы, — и он действительно приложил к груди руку и наклонил голову, и Сусанна сумела досчитать до десяти, пока лицезрела блестящий в дрожащем свете свечного фонаря

затылок. Только образ чудовища не рассеялся. Взгляд светящихся глаз приковывал к полу. — Я не позволил сделать это ей самой, ибо Нен-Нуфер уже достаточно напугала тебя своим появлением в гробнице, когда ты держала на руках нашего сына.

Он замолчал, но Сусанна не подумала открыть рот, сообразив, что с ней говорят на древнем языке. Возможно, она и сумеет ответить, но испытывать свои новые знания она не хотела. Да и пересохшие от страха губы склеились, но она кивнула, подтверждая понимание сказанного. Если Реза с ней не играет, то лучше молчать. Да как он может играть! Никакие линзы не в силах превратить глаза в два фонаря.

В ту же секунду железные пальцы обвилились вокруг её запястья и оттянули от полога. Что дальше? Что? Что он ещё собирается сказать?

— Я уйду навсегда из мира живых, потому что ничего не держит меня в нём больше. Ты последняя причина, по которой я вновь вошёл в чужое тело. Смыслом твоего рождения стала моя любовь. Она принесла мне мало радости при жизни, но я не сетую. Моя душа болит за ту боль, которую я причинил этим заклинанием другим. Я не повинен в смерти отца Резы, это было случайное стечение обстоятельств, но я беру на себя ответственность за смерть всех трёх женщин в их семье и хочу, чтобы жертв не стало четыре. Это заклинание писалось для жрецов, и ни я, ни тем более Пентаур не думал, что оно попадёт в руки несведущих людей через три тысячи лет. Тебя не должно было быть, тебя Реза создал по ошибке, от страха переставив местами слова. Он должен был создать тело из слёз Нен-Нуфер, а создал реальную женщину с собственной душой, но я вымолил у Осириса твоё право на жизнь. Подойди ко мне, не бойся.

Какое подойди, её сейчас можно только подтащить, и фараон подтянул её ближе и коснулся ледяными губами лба.

— Теперь ступай с миром обратно в мир живых. Ты свободна от проклятья Нен-Нуфер. И, молю тебя, не плачь по Резе. Он не стоит ни одной твоей слезинки. Поверь, ему так будет лучше... Он должен был умереть ещё ребёнком из-за своей болезни и лишь потому, что оставался моей последней надеждой, дожил до сегодняшнего дня. Я надушил его отца поддержать его жизнь своим телом.

— Как?! — Голос прорвался сам собой. — Как так?! — И когда фараон вместо ответа прикрыл глаза, Сусанна сама схватила его за запястья, будто простым движением могла удержать мёртвый дух в живом теле. — Ты же не хочешь сказать, что он... Он только что справился с удушьем без твоего тела. Слышишь, он справился. Ты ведь это знаешь. Он справился...

Фараон открыл глаза и, к несказанной радости Сусанны, они продолжали светиться ярче горящего на столе фонаря.

— Нет, не справился. Мне просто понадобилось его тело для спасения тебя. А сейчас я уйду, и он больше не проснётся.

— Нет! — Сусанна сжимала пальцы вокруг железных запястий, хотя и понимала, что фараон ничего не чувствует в чужом теле. — Это я удержала его. Это я попросила его остаться. И я не отдам его небытию. Вот! — Она стянула с пальца кольцо и сунула под светящиеся глаза: — Читай! Ты не посмеешь забрать у меня мужа, который возвратил тебе твою жену. Не посмеешь!

Фараон взял кольцо двумя пальцами, и Сусанне показалась, что тот собирается его расплющить, но нет, он лишь зажал его в кулаке.

— Это была игра...

— Нет, за минуту до приступа Реза сделал мне настоящее предложение, и я...

— Ты промолчала, — теперь в железном голосе духа послышался смех. — Я уйду, и со мной уйдёт всё хорошее, что тебе в нём нравилось. Останется тщедушный мальчишка, умеющий лишь водить кистью да стучать молотком и вестись на все шалости испорченного брата — отец не воспитывал его, или ему просто нечего было дать сыну. Я слишком благодарен тебе за Нен-Нуфер, и ты мне, как дочь, и потому я не дам тебе Резу в мужа.

Сусанна потянулась вниз и сумела опуститься на колени.

— Просто оставь мне его, какой он есть, — она обвила колени фараона дрожащими руками, — и я сама решу, подходит мне такой муж или нет. Если Резе вновь будет шестнадцать, мне даже легче будет понять его.

— Я уже ответил — нет, — прогремел над ней ответ фараона. — Первое нет — я лучше тебя знаю, что он тебе не подходит, потому и прошу не скорбеть, а второе нет — я не могу оставить ему жизнь. Это не в моей власти.

— Ты просил за меня перед Осирисом, — она припала губами к держащей её руке и тут же отшатнулась: с такой же болью губы приклеивались зимой к качелям! — Попроси и за Резу! — продолжала она, глотая слёзы. — Без него я не вернула бы тебе Нен-Нуфер. Где же божественная справедливость? Где же божественное равновесие?

Железные губы искривила улыбка.

— А в тебе осталось что-то от души Нен-Нуфер. Я отвечу тебе, где они: в том, чтобы соединять подобное с подобным. Реза — тьма, а ты — свет. Вместе вы — затмение, ведущее к хаосу. Не плачь по нему. Возрадуйся своей свободе. И его. Наконец-то он обретёт покой.

Сусанне пришлось разжать горящие пальцы, и фараон тут же отступил от неё:

— Оставайся с миром, мой прекрасный лотос.

— Нет! — Сусанна стрелой метнулась к нему и, преодолевая боль, удержала запястья, чувствуя, как под чужой кожей замирает пульс. — Верни кольцо! Верни мне мужа!

Глаза фараона вновь вспыхнули, и Сусанна отдернула руки, но тут же вернула их обратно, но уже не она, а её тащили к выходу. За пологом оказалось пусто, хотя там должны были находиться Махмуд с сыном. Фараон остановился у самого борта и выдернул руки. Только Сусанна не успела протереть обожжённые пальцы. Фараон махнул рукой, и кольцо с именем Резы поглотила Великая Река.

— Нет! — Сусанна упала на колени и потянулась к воде. — Нет...

— Да, — фараон опустил на колени подле неё и указал на тёмную, серебрящуюся от света луны, воду. — Да, ты можешь достать его. Оно лежит на берегу реки в царстве мёртвых. Ступай туда и возьми его, раз оно тебе нужно. Там же спроси, как пройти к храму Пта. Тебя проводят к Пентауру, и тот прочитает над кольцом заклинание, чтобы вернуть Резе здоровье. И ты должна успеть вернуться до рассвета. Иначе Реза умрёт, да и ты сама утонешь в этой реке.

Сусанна отвела взгляд от воды. Лицо фараона больше не казалось железным. Оно вновь стало живым.

— Я не умею плавать. Ты же знаешь.

Реза пообещал искупать её в реке. Вот и купает. Замечательный спектакль. И глаза больше не светятся. Да и не светились небось. Он умеет убеждать, явно умеет. А она повелась, как дура. Блин... Пора бы привыкнуть к его экстравагантному поведению. Ничего. Может и стоит прыгнуть и утопиться, как булгаковская Маргарита, не вынеся позора. Кто бы рот вовремя заткнул. Пусть даже поцелуем... Да не нужны ему твои поцелуи! Ему нужна

твоя игра! Ты его развлечение!

Сусанна выпрямилась.

— Я не стану прыгать. Я не умею плавать.

— Я тоже не умею плавать, — Реза остался стоять на коленях и не поднял на неё глаз, устремив взгляд в черноту воды. — Мы не плавали в реке, потому что река — самый короткий путь в царство мёртвых. Под этой рекой, дающей воду и плодородный ил, течёт другая река. Течёт по равнине, где мы обитаем после смерти. На берегу мёртвой реки лежит твоё обручальное кольцо. Прыгай в воду, если хочешь его достать. Время утекает, и повернуть ни его, ни реку вспять невозможно.

Сусанна отступила на шаг и уперлась в балку навеса. Чего он ждёт от неё? Чтобы она прыгнула? Ему мало простого «да» или простого «нет»? А хочет ли она сказать ему «да»? Ведь прыжок равен желанию получить настоящее кольцо. А если он не успеет вытащить её за то время, какое обычно люди успевают пробарахтаться в воде, что тогда? А станет ли он вообще её вытаскивать? Он же сумасшедший. Мистер Атертон только что поверил, что он действительно фараон, и именно его вера сделала игру настолько правдоподобной, что она купилась. Где Махмуд? Где его сын? Они-то должны вытащить её обратно в лодку, если она закричит! Суслик, зачем вообще прыгать? Ты сдурела? Тебе нужен в мужья псих?

Сусанна прикрыла глаза и привалилась головой к балке, да так неудачно, что ввалилась обратно под навес. Выругавшись по-русски, она соскребла себя с пола и уставилась на диван. Реза спал на диване в той же позе, что она и оставила его. Только рубашка продолжала валяться на полу. Как он успел проскользнуть мимо неё, как?

— Хватит! — она со злостью затрясла его за плечи, но спящий не открыл глаз. Тогда Сусанна размахнулась и вlepила ему пощечину. Только результатом стала зудящая рука, а Реза как спал, так и продолжил спать. Она ударила его по другой щеке — даже не шевельнулся! Нифига себе выдержка! Она схватила пустой контейнер из-под фруктов и выскочила обратно на палубу.

— Do you need something, Madam?

Сусанна чуть не влетела в сына Махмуда. Извинившись, она замотала головой. Где же они были во время дурацкого швыряния колец? Под внимательным взглядом парня она зачерпнула воды и вернулась под навес. Ну всё, мистер Атертон! Сейчас вы узнаете, как издеваться над русскими девушками! И она плеснула в блаженно-спокойное лицо ледяной водой. Не шелохнулся.

— Реза...

Сусанна отшвырнула контейнер и нагнулась к мокрой груди.

— Реза...

Рука нашла сердце, но не обнаружила его стука. Сусанна схватила безвольную руку: пульс едва прощупывался. Она чуть не закричала «Аббас!» Сейчас надо бежать к Махмуду. Может, его телефон посередине реки всё же ловит сигнал. Нужен врач! Резе нужен врач!

Она потянулась к рубашке, чтобы прикрыть мокрую по её вине грудь, но тут же отбросила её, получив электрическим разрядом.

— Что же это?

Она бочком выскочила на палубу — снова никого. Только тёмная вода кругом. Она подставила руку под мерцающий фонарь — пальцы покраснели, будто от ожога... Фараон!

Сусанна осела на пол. Не может быть... Не может быть...

— Captain! Sir! — позвала Сусанна сначала тихо, потом всё настойчивее и

настоячивее.

Никакого ответа. Безмолвие ночи нарушалось лишь плеском воды о низкие борта.

— Реза, Реза, — Сусанна затрясла головой, а потом резко вскинула влажные глаза к небесам. Только те ничего не сказали ей про рассвет.

— Я иду! — прошептала Сусанна в темноту и стащила рубаху. Оставшись с одним амулетом, она подошла к борту и нащупала ногой его край. Суслик, остановись! Суслик...

Сусанна зажмурилась, зажала двумя пальцами нос и солдатиком прыгнула в ледяную воду бескрайнего Нила.

Глава 39

Толща воды сомкнулись над головой, заклокотала в ушах, хлынула в нос, но не родила страха. Сусанна летела вниз умело пущенной стрелой, пока над ней не разверзлось небо, и с него не посыпались звёзды. Яркие, колкие и обжигающие. Сусанна хотела схватить воздуха, но получила лишь обжигающую горечь на язык. Вода колыхалась у самых губ, и сколько бы она ни тянулась ногами, не чувствовала дна даже кончиками пальцев. И Сусанну охватила паника, но она не сумела закричать, только лишь заглотила воды, разлившейся по телу смертельным холодом. Она больше не могла сопротивляться. Сотни иголок поднялись со дна и вонзились в ноги. Только руки ещё могли шевелиться, и с последней надеждой Сусанна потянулась к бревну, не успев даже подумать о его природе, потому, увидев разинутую пасть, даже не ахнула, только пустила пузыри, чувствуя, как вода заполняет нос.

Перед глазами промелькнула тень, и тело откинуло назад сильной волной. Небо стало ниже, а звёзды ярче. Рисованные блестящим золотом. Только вместо ночной тьмы вокруг разливался мучительный свет, и Сусанна зажмурилась, но через секунду, почувствовав, как в нос, вместо пузырьков, набирается нечто колкое, она приподнялась на руках и зашлась кашлем. Из ноздрей полилась вода. Сусанна попыталась утереться и в страхе отпрянула от собственной чёрной руки, и, не сразу сообразив, что это всего лишь грязь,

Сусанна наконец закричала, и тут же золотые звёзды слились воедино — тело вновь подхватило волной и понесло прочь. Она рванулась, и звёзды превратились в мелкий песок. Она попыталась зачерпнуть пригоршню, но тут же перевалилась на другой бок и уткнулась носом в отполированный лист, не сразу признав в том человеческую грудь. Под коленями и шеей, выходит, тоже чьи-то руки, но больше двинуться она не смогла, и увидела лицо, лишь когда голую спину снова кольнул песок. Он не походит на Резу, и это главное. Мальчик, юноша, мужчина — слишком правильно скроенный, чтобы определить возраст. Вернее вообще не правильно... Или проблема в том, что он остался к ней в профиль... Или, или... Только профиль и есть. Вот отчего было так неудобно в его руках — он плоский. Плоский... Он сошёл со стены гробницы, как те девушки с опахалами...

Сусанна зажмурилась и даже рукой прикрылась, чтобы стереть с лица испарину вместе с грязью. И вовремя — в лицо вновь полилась вода. Только нынче она не окутывала, а била струёй. На неё опрокинули кувшин, и она, дёрнувшись, начала отплёвываться, как собака после купания. Юноша продолжал молчать. Лодочки его глаз глядели мимо — просто мимо по закону египетского рисунка или же на кого-то за её спиной? Она обернулась — два раза смотреть не пришлось. Она знала, кто перед ней: Нен-Нуфер. С рисованной чёткой улыбкой она протягивала ей белое одеяние. Вскочив на ноги, Сусанна не нашла на теле ни следов ила, ни следов песка. Только как надеть плоскую, будто накрахмаленную, материю,

о которую легко порезаться? Она даже обернулась за советом к юноше, который, как она теперь догадалась, спас её от крокодила. Однако тот согнул руки в локтях и стоял на песке неподвижно, да и река замерла вместе с ним, и камыши не шевелились более...

Сусанна поспешила обернуться. Плоский профиль Нен-Нуфер ещё хранил следы движения, хотя грубый, почти что акварельный, лист ткани, болтался на пальцах, словно на вешалке. Сусанна схватила его, и тот, едва коснувшись груди, приклеился к телу, но не согнулся, потому что грудь скосилась в сторону, и лицо, лицо тоже ушло в другую плоскость, только смотреть она продолжала прямо. Теперь придётся двигаться бочком, бочком... Как в дурацких танцах в первом классе.

Песок не скрипит, воздух не колышется, зато наполнен ярким дурманящим ароматом непонятно какого цветочного происхождения. Только бы не опиум, а то она все рассветы на свете проспиг... Но она действительно упала и с трудом поняла, как вновь оказалась на руках юноши, только больше не чувствовала его колкости — узкое тело мягко вошло в прорези его рук. Сусанна хотела открыть глаза, но в итоге закрыла уши от страшного воя, и всё равно ей казалось, что через тонкие ладони прорывается скрежет зубов. И она даже почувствовала, как приклеенного платье отошло от коленок, когда его за подол рванули вниз.

Сусанна хотела открыть глаза, но ресницы склеились. Она силилась разлепить их, но когда это удалось, пожалела о своём желании. Она завизжала и чуть не схватила зубами крюк, но его быстро отдернули, и разинутая пасть исчезла вместе с ним, но, соскребая себя с ледяных плит, Сусанна успела увидеть удаляющуюся фигуру с огромными торчащими ушами. В последний момент шакал обернулся, но тут же исчез. У Сусанны затряслись руки, и она рухнула обратно на плиты — Анубис, проводник мёртвых. Что он только что с ней сотворил?

Она вновь почувствовала под собой движение. Только теперь её волокли. Коленкам было больно, но встать не получалось, пока горячий порыв ветра не бросил в лицо горсть песка. Она вскочила и вновь оказалась лицом к лицу с Нен-Нуфер. Её рука была в её руке, и это она тащила её всю дорогу и теперь сама припала на колени, чтобы отдышаться.

— Анубис потребовал закрыть тебе глаза и рот перед входом в наш мир, но открыв их, он, кажется, скрутил тебе ноги, — почти усмехнулась Нен-Нуфер. — Ты совсем не можешь идти? Кекемуру не позволили сопровождать нас, а я уже без сил.

— Я не могу идти, у меня не получается, я падаю, меня сдувает...

Сусанна говорила правду — как, как идти, когда нет чувства опоры.

— Прости, — Нен-Нуфер поднялась, и будто живая утерла блестящий лоб. — Я забыла, что твоё тело не пустое...

Сусанна в страхе попятилась и тут же вновь осела на обжигающий песок. — А разве нам нужно что-то, кроме сердца, чтобы жить? — Нен-Нуфер глядела мимо или же на неё, просто не двигала глазами. — Больше всего сердцу мешает мозг, не зря мы оставляем его в мире живых. Но и там выбрось его за ненадобностью и следуй дорогой сердца — оно ведёт к свету, а разум приводит во тьму и холод.

— Кольцо! — Сусанна, обдирая колени, поползла назад, не зная ещё, как попадёт обратно к реке, да и река у ней на глазах превратилась в расписанную стену. Как же она забыла о кольце... На песок упали две слезинки и зашипели раскалённым маслом, и тут же Сусанна почувствовала на плече невесомую руку.

— Вот оно.

Кольцо лежало на тонком срезе ладони Нен-Нуфер, и Сусанна поспешила его забрать и, прорезая собственную плоть, втиснула кольцо на палец, и только оно одно сейчас имело объём и вес. Теперь две капли крови скатились по бледной руке в песок там, где исчезли слёзы, только остались видимыми. К ним тут же подполз жук, и Сусанна прикоснулась к его панцирю, отдавая боль. Скарабей скатал кровавой песчаный шарик и покатил прочь.

— Идём, — Нен-Нуфер протянула руку. — Скоро рассвет, у тебя слишком мало времени... А ты знаешь, что мужчины ничего не делают быстро, кроме двух вещей, — она сжала пальцы Сусанны: — лгут, чтобы заполучить женщину, и умирают, чтобы оставить женщину одну.

Сусанна промолчала. Она согласна на любую ложь, лишь бы сердце Резы забилося с прежней силой.

Поддержка Нен-Нуфер оказалась слабой, и Сусанна вновь пошатнулась. Пески поплыли перед глазами и взвились вверх, но тут же превратились в стену. Стену гробницы с росписями, восстановленными Резой. Они шли по узкому коридору почти в полной темноте, и Сусанна второй рукой опиралась на стену.

— Теперь ты научилась ходить?

Сусанна не успела ответить — глаза залил яркий свет, и она отпрыгнула назад в темноту коридора, но Нен-Нуфер потянула её обратно на свет, по дороге взяв со стены протянутый пекарем хлеб. Она разломала его и дала половинку Сусанне, которая вгрызлась в его твердь, не жалея зубов, наплевав на возможный песок — нет, хлеб оказался чист и мягок. Она рвала его зубами, как изголодавшийся зверь мясо, нисколько не смущаясь, потому что Нен-Нуфер выглядела такой же голодной.

— Прости меня, — слова звучали тихо, царица будто действительно извинялась, но нарисованное лицо не могло передать нужную эмоцию и оставалось безмятежно-счастливым. — Я не ела много веков, и за один день не в силах утолить голод. Я принесу нам пива.

И она исчезла в тёмном коридоре, чтобы тут же явиться с огромным горшком и двумя соломинками. Они пили, глядя друг другу в глаза, будто рассматривали себя в зеркале. Сусанна оторвалась от соломинки первой, когда в ноздри ударили пузырьки перебродившего пива. Она с трудом не икнула, и на всякий случай набрала в лёгкие воздуха, вновь пропитавшегося сладким ароматом. И тут, виновато взглянув на провожатую, она заметила в её волосах цветок лотоса и на своих нащупала такой же.

— Я хочу попросить прощение за то, во что ввергла тебя, но не суди меня слишком строго. Я осуждена другими, кто не ведает жалости, кто умеет задавать лишь вопросы по списку, те вопросы, на которые я не в праве ответить «нет». Я осуждена мужчинами, — прошептала Нен-Нуфер, и в уголке чёрной лодочки блеснула слеза. — Я не подчинила сердце разуму при жизни, всецело отдав его своему мужу, а после смерти сына я потеряла способность видеть, слышать, чувствовать... Только они не видели этого, никто, даже Пентаур... Я была как во тьме и в ней же очнулась перед ликом Анубиса, который оттолкнул меня со страшным оскалом. Как, как это возможно... Как я сделала то, что сделала... Как я оказалась у реки... Я могла ответить лишь «не знаю».

Сусанна сжала трясущиеся плечи царицы, и те почти свернулись в трубочку, словно свиток папируса.

— У нас это теперь называют послеродовой депрессией, — выдала Сусанна умное слово, которое случайно — хотя разве можно теперь верить в случайности — прочитала в популярном журнале о какой-то актрисе или ещё о ком-то, она не запомнила имена. — Ты

не виновата. Виноваты те, кто не остановил тебя. Виноваты те, кто отступили, дав тебе право выбора, когда тебе нужна была сильная рука.

Слезинка блеснула и исчезла. Нен-Нуфер выпрямилась и вновь протянула Сусанне руку:

— Ты действительно не злишься на меня?

Сусанна в ответ покачала головой:

— Если бы не ты, — Сусанна подняла руку с кольцом, и Нен-Нуфер, не позволив ей закончить фразу, потащила дальше на яркий свет.

— Надо спешить. Иначе ты не успеешь на ладью Амона.

На ладью бога? Царица явно шутит, это местная аллегория будильнику такая просто...

Стены расступались и вновь смыкались, вытягиваясь в огромные пилоны. Стражники сошли с ворот и молча распахнули их створки.

— Почему ты пришла к реке? — пролепетала Сусанна, оборачиваясь на ставших вдруг трёхмерными сфинксов храмовой аллеи. — Фараон сказал, что я сама должна найти кольцо и дорогу к храму.

— Ты сама и сделала это, — Сусанне показалось, что нарисованные губы Нен-Нуфер на этот раз всё же дрогнули в улыбке. — Мы с тобой одно целое. И ты сама сказала, что нужно протягивать другому руку. Я безумно боюсь реки... К тому же, Кекемур все эти века переживал, что не был тогда среди нубийцев, и вот он получил возможность спасти меня из пасти крокодила во второй раз. Правда, в этот раз, он не потерял кнут.

Сусанна тоже улыбнулась, и сфинксы расплющились по стенам. У последнего неподвижно стояла фигура в леопардовой шкуре, ожидая их приближения. И даже когда они подошли ближе, фигура жреца не шелохнулась, оставшись, как и была, росписью на стене.

— Почему? — Сусанна почувствовала, как у неё затряслись губы.

— Это другой жрец, — сжала её локоть Нен-Нуфер. — Пентаур ждёт нас в башне. Я предупредила его про рассвет.

И на последнем слове царицы на их головы пала тьма — бирюза неба стала чёрной, а звезды из золотых превратились в серебряные. Нен-Нуфер сняла со стены факел и поманила Сусанну за собой. Ту уже не так шатало, но мысль о том, что придётся преодолеть нескончаемые ступени вгоняла в ступор и не давала сделать и шага. К счастью, ступени выросли перед ней сами собой, и она двумя ногами запрыгнула на нижнюю и попрыгала дальше, как зайчик, балансируя на каждой ступеньке, словно игрушка «Ванька-встанька», а потом просто упала под ноги Пентаура, и резкий порыв ночного ветра отшвырнул её к парапету, за которым сияла иная ночь, полная огней и музыки.

— Не время! — потянула её назад рука Нен-Нуфер. — Ты пришла не за царскими развлечениями, а за мужем.

Сусанна сжала кольцо и тут же увидела протянутую ладонь Пентаура. Кольцо вновь исчезло в чужой ладони, и когда жрец шагнул к парапету, она бросилась к нему, испугавшись, что тот швырнёт кольцо в ночь, как недавно сделал фараон. Но Нен-Нуфер вновь удержала её.

— Научись доверять людям. Только так можно принять от них помощь. Ты бессильна победить болезнь своего мужа, так позволь другим применить силу.

Огни царского дворца исчезли. Вокруг снова царили тишина, тьма и звёзды, в которые вглядывался жрец. Затем он воскурил смолы и, шепча, заклинание, швырнул кольцо в горшок. Взметнувшийся дым рассеялся, и с ним исчез и сам Пентаур. Так внезапно, что Сусанна ахнула. Нен-Нуфер молча подняла горшок и пошла к лестнице. Сусанна запрыгала

вниз, стараясь не сильно удариться о стены.

Храм исчез, лишь только они сошли с последней ступени, и на его месте выросла стена с неподвижным тростником. Нен-Нуфер продолжала держать горшок у груди.

— Прости за боль в гробницы, — произнесла она, и нарисованные веки впервые дрогнули. — Эта боль преследовала меня долгие века. На третий день после родов молоко наполнило мои груди, хотя Пентаур и перетянул их — стояла жара, а у меня был жар. Бесчисленные опахала и руки невольниц не унимали боли. Тогда мне принесли чужого ребёнка, но я отбросила его, лишь только жадный ротик сомкнулся вокруг соска. Как же я рыдала, как же я рыдала тогда, как же мне хотелось уткнуться в тёплую грудь моего Райи, но Пентаур не впускал его, потому что так было заведено Богами... А когда настал срок долгожданной встречи, моё сердце от боли уже превратилось в камень. Доставай кольцо. Живо! — она сунула горшок под нос Сусанны. — Надевай и не снимай никогда, даже когда тебе скажут, что это неправильно. Никто не видит твоё сердце, и лишь один Анубис может его нащупать после смерти и сказать, насколько оно пусто... Наполни его любовью, лишь она придавит тебя к земле и не позволит упасть от ветра ненастий. Спешите же!

Кольцо обожгло палец, но Сусанна не ойкнула. Тонкие руки Нен-Нуфер обвилились вокруг её стана, а губы нашли губы.

— Торопись! — повторила царица. — Сейчас камыши раздвинутся, и ты с разбегу запрыгнешь на ладью. Только зажмурься, иначе сияние Амона ослепит тебя.

— Но как же я узнаю, когда прыгать? — всполошилась Сусанна.

— Сердце подскажет тебе. У него тоже есть глаза. И зрение их в много раз острее тех, что сияют у нас на лице.

Сусанна зажмурилась, камыши зашуршали, и она рванула с места, подлетела в воздух и ударилась о нечто твёрдое и обжигающее. Она вдыхала дым, с ужасом понимая, что это на ней тлеет платье. Только глаз открыть не смела. Огонь подбирался к сердцу. Она жмурилась до слёз, но слёз было недостаточно, чтобы затушить огонь, и она закричала пронзительно, из последних сил, когда тело пронзила тысяча иголок, и к имеющейся боли уже не добавилась боль заломанных рук.

Она открыла глаза, но вместо золотой ладьи увидела черноту. В ушах грохотало, или это чужие ноги бегали по палубе, на которой она лежала ничком.

— Why you jumped off the boat? — наконец сумела она разобрать слова Резы, когда тот прижал к горячей груди её ледяное тело.

— I did it for you, — едва слышно выдохнула Сусанна и откинула голову: солнце медленно вставало над рекой. Она хотела схватиться за амулет, но грудь оказалась пуста. Она потеряла его в воде или же он вернулся к хозяйке, в целости и сохранности проводив Сусанну в царство мёртвых.

— Ты же не умеешь плавать! — Реза с трудом поднялся с мокрой палубы, продолжая прижимать Сусанну к сердцу.

— Я знала, что ты вытащишь меня...

Но тут взгляд упал на сухие, лишь слегка забрызганные водой, стекающей с её волос, брюки спасителя.

— Это парень за тобой прыгнул, а Махмуд уже вытянул тебя на борт. Хорошо же ты разбудила меня на рассвете!

Он уже внёс её под навес и уложил на сухой диван.

— Ты хотела, чтобы мы прыгнули вместе? — усмехнулся Реза, проследив за её

взглядом, застрявшим на мокром диване.

— Нет, у меня был только один тет. И парень не вытащил бы двоих.

— Я умею плавать.

— И я теперь тоже. Хотя бы нырять. До самого дна.

Сусанна откинулась на руку Резы и уставилась в пустую крышу навеса. — И вот, — она подняла руку с обожженными пальцами и кольцом. — Его я не потеряла. Только, — Сусанна попыталась его снять, но кольцо после горшка стало чуть ли не на размер меньше. — Только мне теперь его не снять. Да я и не хочу его снимать.

Реза подтянул к подбородку плед, в который завернул её дрожащее тело. Только губы оставил открытыми, но коснуться их не успел. Навес дрогнул: мокрый парень принялся скручивать полотнища, чтобы открыть обзор на реку, помня, что именно за рассветом их с отцом погнали в ночь.

— Мы будем читать гимн Осирису? — улыбнулась Сусанна.

— Сумасшедшая у нас теперь ты. Я — пас. Только утреннее купание больше не устраивай, пока плавать не научишься, ведь река — самый короткий путь в царство мёртвых.

Сусанна перехватила его усмешку:

— Я знаю, и мне там не понравилось. Анубис надо мной смеялся.

— Ты бы тоже над собой смеялась, видя себя сейчас.

— Я ведь серьёзно говорю про царство мёртвых! Почему ты мне не веришь?

Сусанна хотела приподняться, но Реза придавил её рукой, совсем как Анубис, нащупывая сердце, или всё же грудь...

— Потому что теперь твой черёд задавать этот вопрос.

— Так я тебе теперь верю! — не унималась Сусанна.

— А я тебе нет, даже с кольцом. Любишься лучше рассветом.

И она уставилась мимо него на реку, в которую налили расплавленное золото. На оранжевом полотне неба чернели силуэты пальм. Ладья Амона величественно выплывала на небо из яркого шара, который постепенно превращался в абсолютно белый. Не выдержав его яркости, Сусанна зажмурилась. Перед глазами остался белый свиток папируса, на котором предстояло написать новый день. Последний день в Каире.

Глава 40

Сусанна с трудом разлепила глаза, когда Реза наконец закончил перепалку с братом, которую вёл в коридоре, прямо перед дверью в спальню.

— И это только начало! — он закрыл дверь спиной. — Тебе придётся выучить арабский.

— А есть какой-нибудь ритуал? — начала сонным голосом Сусанна, но Реза тут же перебил её, повернув на двери замок:

— Да, и очень простой. Каждое утро брать в руки учебник и делать десять упражнений.

Сусанна перевернулась на другой бок и уткнулась носом в подушку.

— Чего дуешься, как маленькая?! — он потряс её за плечо. — С ритуалами покончено. Ты же сама сказала, что фараон ушёл, а без него у меня ничего не получится, — Реза присел на край кровати. — Кроме одного ритуала — свадебного. На то, чтобы завоевать тебя, у меня ровно семьдесят два дня, чтобы над моей мумией ты сказала, что он чистый,

это я сама хочу за него замуж. Поняла?

Сусанна осталась лежать лицом в подушке. Не смешно, мистер Атертон. Вот совсем не смешно!

— На что ты злишься? На верблюда? Ну кто же знал, что он заартачится и не пойдёт гулять! И это ты не пожелала пересесть на другого. Какой к чертям знак!

— Я теперь во всём буду видеть знаки, — пробубнила Сусанна в подушку и повернулась лицом к Резе. — И даже в том, что ты намеренно не вернул билет на самолёт.

— Сусанна, — Реза аж глаза закатил, — это такие мелочи, ну, правда. Я просто о нём забыл. Если бы ты не согласилась стать моей женой, я бы и не думал лететь в Санкт-Петербург, поверь. Что я там забыл, кроме тебя? Но злишься ты не из-за этого, так ведь?

Он улыбался, не усмехался, но снисходительную улыбку хотелось стереть с его лица куда сильнее усмешки, и Сусанна резко села в подушках.

— Твоя семья меня не примет, — выпалила она и уставилась на него с вызовом.

— Моя семья — это только я, и больше никто. Вернее теперь — это ты и я, это мы и дети, которые у нас будут, — Реза опустил руки ей на плечи и дунул на чёлку, чтобы рассмешить. Однако Сусанна осталась суровой. — Латифа в шоке, оно и понятно, но за ужином, не сомневайся, она будет бегать вокруг тебя, как курица.

— Чтобы ублажить тебя! — рычала Сусанна снова в подушку, выкрутившись из его рук.

— Началось! Ложись-ка спать! Я не хочу больше слушать этот детский лепет! — Реза чуть ли не швырнул в неё одеялом. — Когда я вернусь из душа, чтобы ты спала. Поняла?

Сусанна кивнула, стараясь проглотить подкатывающуюся к горлу горьким комом фразу «Слушаюсь, мой господин». А, может, фараон был прав? Он забрал с собой английского джентльмена и оставил на его месте спесивого восточного мальчишку! Или это она изменилась... А он, конечно, оставался прежним — когда она не успела просушить на залитой солнцем палубе платье, они отправились за новым, и пусть она уже клевала носом, он вызвонил бедуина — да, да, раз пообещал прогулку на верблюде, так пренебреженно исполню! Хорошо хоть верблюд поставил мистера Атертона на место, послав далеко и надолго, даже плюнуть, кажется, собирался... А потом этот ужас дома. Реза отвёл мать в сторону и что-то нашептал по-арабски, и больше мадам Газия к ним не выходила. А Аббас, тот честно сказал, что Сусанна дура, раз решила связать судьбу с его братом! Да, да... Прямым текстом, памятуя опыт пустой балконной беседы. И его презрительный взгляд не смыл даже душ, хотя она сделала воду горячей аж до чёртиков в глазах. Тело до сих пор горит. От душа ли, Суслик? Или от ожидания женишка?

— Почему до сих пор не спишь?

Почему у него нет в ванной комнате двери! И почему он двигается тихо, как кошка! Она осторожно повернула голову — странно, что они не всё с Аббасом одинаковое покупают, а только пижамы. Хотя кожаные штаны братца пришлись бы мистеру Атертону к лицу куда больше этих размахаек.

— Не могу уснуть, — честно призналась Сусанна. Сон, сморивший её в машине, здесь напрочь развеялся от грустных мыслей. Или радость единения со спасённым ею собственноручно внуком Раймонда Атертона спалили безжалостные лучи Амона... А, может, Суслик, тебе по совету Нен-Нуфер просто надо прекратить думать...

— Принести ещё чаю с мёдом?

В голосе такая забота, что аж сахар на зубах скрипит, или песок, хотя мадам Газия намыла в их отсутствие полы. И чай успела приготовить, пока они шли от машины к дому.

Электровеник, , а не баба!

— Нет, спасибо.

— Тогда спи.

Кровать огромная. Тяжело даже почувствовать движение матраса на второй половине. Но Реза точно уже забрался под одеяло и отвернулся к двери в сад.

— Если я просплю ужин, не лей на меня воду, ладно?

Ох, мистер Атертон, когда же вы научитесь молчать! И это ещё не витиеватая арабская речь! Твоё счастье, что он не помнит пощёчины. Твоё счастье, Суслик...

— Реза, — позвала Сусанна тихо. — Почему Аббас так злится?

Реза нехотя обернулся, и в этот раз ощутимо продавил матрас.

— Я должен был сказать ему раньше... По его мнению. Сказать, что я не врал полиции. Он обиделся. Он считает, что я предал братское доверие, — Реза повернулся к ней всем телом. — Да тысяча чертей, как я могу сказать ему правду про тебя, как? Он и так считает меня сумасшедшим! Ну и конченным наркоманом в довершение всего. А теперь ещё и мерзавцем, решившим напоследок захватить себе малолетнюю идиотку. Ну что я должен ему сказать про нас?

Ласковые пальцы Резы скользнули под волосы и погладили розовеющую щёку Сусанны.

— А как я могу сказать о тебе родителям? — пролепетала она, чувствуя, как теряет от его близости голос.

— Им уж точно не следует говорить правду о твоём рождении.

Он улыбался, , а ей хотелось плакать. Или прижаться к его груди, и она действительно ткнулась носом в рифленый трикотаж, и Реза тут же нашёл губами её макушку.

— Не переживай. Для них у меня заготовлена достоверная легенда, , но расскажу я её только после живительного сна. Спи, моя царица.

Вот как! Вы снова играете со мной, как с ребёнком! Какого шайтана, мистер Атертон?! И, поймав испепеляющий взгляд, Реза добавил, убирая со лба Сусанны чёлку.

— Скоро Латифа придёт нас будить. Ты же помнишь, сколько всего нам предстоит съесть до отъезда, помимо торта, хотя я бы ел только его. Но ведь ты испечёшь для меня новый? — и добавил, запнувшись: — Через год.

Он смеётся или спать её укладывает? Или целует в конце-то концов!

— Спеку...

Его губы оставались на свободном от чёлки лбу, и Сусанна поспешила обвить руками шею Резы, но тот не позволил ей запрокинуть голову и мягко уложил на подушку.

— Спи.

Сусанну тут же отвернулась. Да идите вы к шайтану, мистер Атертон! Какого тогда запирались! Чтобы побольше разозлить братца?

Но Реза не думал отвечать, он похоже уже спал. Тогда можно спокойно ворочаться, потому что уснуть не удастся — ещё Анубис приснится! Ну почему Реза не верит, что она была в царстве мёртвых, почему? Да потому что фараон ушёл и забрал с собой его временное помешательство. Чего тут непонятного, Суслик?! Теперь мистер Атертон нормальный. Никакой он не нормальный, раз спит, когда к нему лезут с поцелуями!

Сусанна ещё не успела как следует разозлиться, когда почувствовала голым плечом лёгкий поцелуй. Один, второй... Мурашки собрались в комок и скатились к животу. Бретелька майки соскользнула с плеча и замерла под пальцем Резы. Но лишь на краткое

мгновение. В следующую секунду рука нырнула под одеяло в поисках сердца.

— Я ведь попросил тебя уснуть, — рука по груди поднялась к подбородку. — Я не из железа и не из золота. Я из плоти, а эта кровать недостаточно большая, чтобы я не чувствовал тебя!

В глубине тёмных глаз разгорался неземной свет — огонь фараона. Чтобы прогнать наваждение, Сусанна дёрнулась, и губы Резы ткнулись ей в щёку. Дура ты, Суслик! Но исправлять ошибку было поздно: Реза молниеносно спустил с кровати ноги и отвернулся. Сусанна потянулась за ним, но он, не глядя, поймал её руку и заставил улечься обратно.

— Ты права, — он потёр лоб и тяжело выдохнул. — Сейчас не время и не место. — Реза поднялся с кровати и остался к ней спиной. — Я пойду в кабинет на диван.

— Реза, нет! — Сусанна запуталась ногой в одеяле, но всё же успела поймать Резу у двери. — Я всё объясню! — Тот нехотя обернулся. — Твои глаза, — голос у Сусанны дрожал. — Они почти что засветились, как тогда... Тогда, когда я говорила с фараоном, — Она ухватилась за рукав, когда Реза потянулся к ручке двери. — Мне почудилось, слышишь?! Не уходи!

Сусанна аж на цыпочки поднялась, чтобы ухватиться за его шею, но Реза отвернулся, лишь она коснулась его губ, и сжал её плечи.

— Вот это точно знак! Но не переживай так сильно. Нам действительно нужны семьдесят два дня, чтобы убедиться, что я — это я. Два с половиной месяца не так ведь долго, верно? — и не дав Сусанне ответить, так крепко прижал её голову к груди, что ей пришлось проехаться носом по ткани футболки, чтобы отыскать воздух. — Я хочу быть уверенным, что приступы не повторятся или хотя бы я сумею научиться управлять ими. Я всегда был обузой для семьи, а мне так хочется дать тебе счастье.

— Реза...

— Ничего не говори, — Сусанна вновь с трудом ловила воздух. — Ты не до конца понимаешь, во что мы ввязались.

— Всё закончилось, Реза, — она с надеждой глядела в его тёмные глаза. — Всё закончилось.

— Всё только начинается, — его пальцы поднялись с плеч к лицу и заскользили от ушей к губам, очерчивая их влажным полукругом. — Отдать мне тело не великий фокус, но сумеешь ли ты отдать мне душу на всю вечность, потому что, взяв её, я не верну её ни при каких обстоятельствах. И не надейся.

— Я ведь сказала тебе — да. Ведь это кольцо побывало в руках Пентаура, — Сусанна не могла поднять руку, так крепки оказались объятья Резы. — Я согласилась носить его вечность. Мы прошли древний обряд. Почему ты не веришь мне?

— Я не верю себе. Я не хочу ещё одной несчастной женщины в семье...

— Реза! — Сусанна сумела оттолкнуть его, собрав всю злость в кулаки. — Если ты передумал, так и скажи! Я верну тебе кольцо! — она рванула кольцо, но то не поддалось. — Ты же можешь его распилить? Можешь?!

В голосе уже клокотали слёзы, но глаза пока только нещадно пощипывало.

— Сусанна, прекрати! — Реза встряхнул её за плечи и вновь прижал к груди, но в этот раз оставил лицо на свободе, чтобы целовать без остановки, и только прижав коленом матрас, Реза опомнился и, оставив Сусанну со спущенной майкой, отошёл к двери в сад и, секунду постояв молча, вышел, затворив с противным щелчком дверь. Сусанна подтянула ноги к животу и, свернувшись калачиком, тихо заплакала. Но она не вылила и половины

слёз из кровоточащего сердца, как дверь вновь скрипнула. Реза присел у кровати и затряс, похоже, колокольчиком. Сусанна разлепила заплаканные глаза и увидела, вместо него, серьги — две крылатые Исиды:

— Как думаешь, твоей сестре понравятся такие?

Сусанна вытерла глаза и уставилась на него, как на идиота.

— У неё уши не проколоты.

И судорожно подтянула бретельки на плечи.

— Кулон?

В другой руке на витой цепочке белого золота болтался увесистый скарабей.

— Она не любит Египет.

— Окей, — Реза положил украшения рядом с Сусанной и запустил руку за кровать.

— Браслет?

Просто золото с полуабстрактной чеканкой.

— Я думал подарить его твоей матери, , но у меня ещё имеется вот такая брошь.

Рука снова исчезла за кроватью, и на ладони Резы оказалась брошь в виде кошки.

— Лучше подари брошь сестре, , а маме — браслет.

— Остальное тебе, — он поднял с пола ларец, расписанный фигурками Хатор и Бастет.

— Там нет древностей. Даже золото и камни современные.

— А драгоценности царицы...

— В её ларце, надёжно спрятаны.

— Я хотела сама...

— Не надо прикасаться к ним больше. Я боюсь за тебя. И потом зачем кланяться пустым статуям. В них сейчас точно нет царственных Ка. После долгой разлуки они заняты вещами куда более приятными, чем подглядывание за нами. Мы ведь просто ложимся спать.

Если по носу щёлкните, мистер Атертон, я вас огрею этим самым ларцом! И Сусанна юркнула под одеяло и притворилась спящей, , а Реза ещё долго наматывал круги вокруг кровати: то собирал украшения, то поднимал с пола концы одеяла, то просто, потому что не мог успокоиться. Сусанна поджала ноги и, зажмурившись, огрызнулась совсем по-свойски:

— Надоел! Или ложись, или уходи в библиотеку!

Реза замер, и Сусанна была уверена, что он сейчас направится к двери, но, потоптавшись на месте, Реза лег на свой край кровати и не сказал больше ни слова.

Дура ты, Суслик! Чего хамишь? Вы только неделю знакомы... Какая неделя? Вечность, и мы уже два дня как женаты. Два или больше? Мозги за ненадобностью я уже и в этом мире сдала в утиль! Да и извиняться глупо. И вообще он сам грозился уйти в библиотеку... А теперь будет делать вид, что спит. Так и ты притворяйся с ним на пару!

Только притворяться не пришлось. Сусанна открыла глаза, когда за отдёрнутой занавеской оказалась темнота. А разбудил её очередной спор братьев. Только голоса доносились на этот раз, наверное, из столовой! Это ж надо так орать! Если бы даже она вызубрила словарь арабского языка, из этой какофонии не выудила бы и слова.

Наспех одевшись, Сусанна выскочила в коридор, из коридора на кухню, а вот дальше кухни не пошла. Мадам Газия встретила её приложенным к губам пальцем. Понятно — мужики дерутся, бабам лучше не встречать. Это по-арабски. Но не по-русски!

— Реза!

Она шагнула мимо Латифы в столовую, и оба брата мигом затихли.

— Welcome to the family, sister!

Аббас швырнул на стол папку и хлопнул входной дверью.

— Семейный ужин отменился, — скривился Реза. — Надеюсь, этот придурок вернётся, чтобы отвезти нас в аэропорт.

Снова хлопнула дверь: это Латифа побежала за сыном.

Реза отодвинул Сусанне стул и сел напротив. Брошенная папка продолжала лежать между ними.

— Что это? — осторожно спросила Сусанна.

— Он привез по моей просьбе выписку из актов гражданского состояния о том, что я пока не женат. Надеюсь, российские власти больше ничего, кроме визы, от меня не потребуют.

— Я привезу тебе всё, что пожелаешь! — Аббас вновь возник в столовой. — Я заодно подал на российскую визу. Даже не надейся, что наймёшь на свадьбу другого фотографа! Или я не соответствую твоему имиджу? Дурак, тебе не скрыть арабскую кровь — ты такой же англичанин, как и я, хоть сотню коттеджей сними в Англии.

— Аббас! — в дверях кухни стояла Латифа с подносом. Самое время для успокоительного чая со смирительной рубашкой. Странно, что Аббас в запале ещё не сорвал футболку! Он обернулся к матери и затараторил по-арабски с таким жаром, что мадам Газия с трудом донесла поднос до стола.

— Ты своей невесте переведи! — огрызнулся Аббас в сторону брата и тут же затараторил по-английски: — Уверен, что он тебе ещё не сообщил, что снял для вас дом в Ноттингеме.

— Аббас! — зарычал Реза, придавливая сильнее стул, чтобы побороть желание наскочить на брата. — Она не может заканчивать школу в Египте!

— А в Англии может?! Ты послушай её английский!

Сусанна прикрыла глаза в ожидании очередного плевка.

— А я на что? Я буду ей помогать!

— Так бы и говорил, что воплощаешь в жизнь мечту — учиться в школе для девочек!

Аббас, кажется, сдулся и рухнул на стул. Мать тут же поставила перед ним стакан с чаем.

— А я пока должен стеречь твою кошку?!

— Санура вряд ли вернётся. У меня теперь есть другая кошка с именем на ту же букву... Здесь надо смеяться или плакать, мистер Атертон?

— Реза, а ты не подумал, что лучше жениться, когда ей исполнится восемнадцать? Она свою школу закончит, да и ты...

— А ты не подумал, что некоторые вопросы тебя не касаются?

Аббас поднялся и, оставив чай нетронутым, вихрем поднялся к себе.

— Латифа, неси ужин, — приказал Реза совершенно спокойным тоном.

Мадам Газия внесла картошку с огромными кусками говядины. Реза пододвинул к себе тарелку Сусанны и принялся нарезать мясо на мелкие кусочки.

— Я могу сама, — несмело запротестовала Сусанна.

— Мне приятно ухаживать за тобой.

— Про Англию это правда?

Реза кивнул:

— Я думаю, нам разумнее держаться подальше от этих статуй. И от Египта вообще.

— А твоя работа?

— Я заслужил медовый месяц длиною в год, не находишь? Вернее в два. А если ты надумаешь поступить в университет. На кафедру древних языков, например...

Он усмехнулся, и Сусанна подхватила улыбку:

— Меня востоковедение на данный момент больше интересует.

— Об этом мы поговорим через два года.

— А Санура...

Реза подвинул к ней тарелку с аккуратными кусочками мяса и перегнулся через стол:

— Она ушла так же, как и фараон. Это была Нен-Нуфер. Её дух вселился в кошку, чтобы следить за тобой. Теперь кошка свободна. И от меня тоже.

— Жалко, я хотела взять её с собой.

— Не надо. Мы должны оставить всё это позади. Обезопасить себя со всех сторон, если это вообще возможно, — Реза откинулся на спинку стула и взял свои столовые приборы.

— Ешь. Нам надо позвонить твоим родителям. Дать им время хоть немного подготовиться к встрече со мной.

Сусанна кивнула.

— Что я должна им сказать?

— Они ведь знают, что ты пишешь роман? — Сусанна кивнула. — Скажи, что нашла мои координаты на сайте каирского музея (Они действительно там есть) и написала мне письмо с вопросами. Слово за слово мы разговорились и переписывались несколько месяцев, а потом я неожиданно прислал тебе сообщение, что нахожусь в Санкт-Петербурге, и предложил встретиться лично.

— Я так редко выхожу из дома...

Сусанна пыталась переварить легенду.

— Ты прогуляла ради меня школу. Как вариант?

Мистер Атертон, давайте вы романы всё-таки будете писать!

— Хорошо, — кивнула Сусанна.

— Ты сообщила мне, что едешь в Египет. Я пообещал встретить тебя в Каире, а остальное... Остальное детали, которые твоих родителей не касаются. Так ведь?

— Угу, — кивнула Сусанна. — Только мои друзья из самолёта могут разрушить нашу легенду.

— Мы успеем их опередить, — усмехнулся Реза, отпивая глоток чая. — Ну и в конце концов скажем, что действительно познакомились в самолёте и у нас любовь с первого взгляда, — Сусанна опустила глаза. — Разве это не так?

Она поднялась из-за стола.

— Можно, я позвоню из спальни?

— Это твой дом, — Реза махнул руками. — Ты вольна делать, что хочешь.

Только вызывать сестру в видео-чат Сусанна не захотела, побоялась. Она написала ей Вконтакте: «Дашка, я прилетаю с женихом. Подготовь маму с папой. И приберись у меня в комнате».

Ну почему, когда не надо, все онлайн! Дрожащей рукой Сусанна приняла вызов и с каменным лицом стала ждать загрузки камеры.

— Я не шучу, — опередила она фразу сестры. — Его зовут Реза Атертон. Он англичанин, так что не пугайся. И он египтолог. И не называй меня сумасшедшей. Я знаю, что в понедельник в школу. Только первый урок химия. Я могу прогулять».

Сусанна опустила телефон и подняла глаза на дверь. Реза прислонился к косяку, но не входил в комнату. Её самостоятельность заканчивается ровно через пять шагов в сторону от мужа. Привыкай, Суслик. Аббас прав, у его братца только фамилия английская, да и то труднопроизносимая.

Сусанна не слушала, что говорила сестра, отвечая одно и то же «Всё расскажу при встрече». У них перерыв в Риме целых пять часов! Со скоростью Резы можно не только пять пицц сожрать, но и пять романов написать. Он всё придумает, он всё придумает... А родители могут быть не согласны, это их проблемы...

— Ну пока. Встречать нас не надо.

Сусанна уставилась в выключенный телефон, чувствуя, что сейчас разревётся. Реза тихо подошёл к кровати, сел рядом и притянул её к себе, уже ритуально целуя волосы.

— Аббас сказал, что съест весь торт, если мы не придём.

И он действительно качался на стуле с прежней улыбкой.

— А твоя сестра свободна?

После вопроса Аббаса Сусанна еле сумела дойти до стола.

— Ты обещал! — сверкнул глазами Реза.

— Я задал серьёзный вопрос и жду серьёзный ответ.

— У неё сейчас нет парня, но ей нравятся блондины, — проскрежетала зубами Сусанна.

— И ещё она Египет не любит, — присел на соседний стул Реза.

— Она просто меня не видела и в Каире не была, — усмехнулся Аббас. — Что вы так на меня смотрите?! Я же от скуки умру в пустом доме без кошки! Но не желаете отвечать, я у неё сам спрошу на вашей свадьбе! Вот так!

И Аббас потянулся за тортом, но Реза успел утащить приглянувшийся ему кусок, чтобы положить на тарелку Сусанны, а она взяла и протянула его через стол Аббасу.

— Надо было брать покорную арабскую девку, — замурлыкал тот, принимая подарок.

— Так покажи пример! — буркнул Реза и застучал ложкой по стеклу стакана.

После чая он долго сидел на кухне с Латифой, а, может, и с братом, отослав Сусанну собирать вещи. Ларец она положила в рюкзачок и осталась сидеть на кровати, тупо пролистывая простыни новых сообщений от сестры, пестрящие вопросительными и восклицательными знаками, даже не читая.

Нежданно в спальне появилась Латифа и, словно в ускоренном кино, собрала чемодан для Резы. А потом... Потом она остановилась подле кровати, и Сусанна, которая при её появлении сразу вскочила на ноги, сделала шаг навстречу. Латифа так долго держала её в объятьях, что Сусанна сумела сосчитать все булавки, которыми был заколот на голове платок. Мадам Газия ничего не сказала, да Сусанна и не ждала никаких пожеланий от женщины, в чьей культуре верят в сглаз. Но на глазах от теплоты объятий навернулись слёзы, и Латифа тоже плакала.

Реза вновь стоял в дверях. Заметив его, Латифа тихо удалилась, оставив посреди комнаты собранный чемодан.

— Готова?

Сусанна кивнула. Из коридора возник Аббас и подхватил её чемодан. Не увидев Латифы, Сусанна со вздохом вышла в придерживаемую Резой дверь к блестящему в свете фонарей автомобилю. Она села на заднее сиденье и пристегнулась.

— Подержишь?

Реза опустил ей на колени чёрную сумку, в которой носил корону фараона. Глаза

Сусанны наполнились ужасом.

— Зачем? — пролепетала она.

— Подарок твоему отцу, — без малейшей заминки ответил Реза и улыбнулся, угадав её мысли. — Там хука.

— Что?

— Хука, — спокойно повторил Реза и раскрыл молнию. В сумке лежал кальян. — Это Аббас притащил. Я думал купить шотландский виски.

Аббас хохотнул. Сусанна проглотила обиду и сама закрыла молнию.

— Хука, значит, да? А почему не лампа с джинном?

Аббас уже завёл машину, но обернулся:

— Потому что джинна ты хапнула в мужья. Он ещё не все твои желания исполнил? Тёрла, видать, плохо!

Реза обернулся к Сусанне:

— Пожалуйста, не поддерживай игру. Невоспитанным мальчикам свойственно хамить, но воспитанные девочки должны мило улыбаться в ответ, чтобы мальчик наконец заткнулся.

Аббас рванул машину с места. Реза довольный откинулся на подголовник, но молчать Аббас долго не смог. Он запел очередную попсытину, но Сусанна запретила себе вслушиваться в слова. И правильно сделала, потому что Реза совсем скоро заглушил голос брата музыкой. Так и доехали в молчании до аэропорта и распрощались без поцелуев. Аббас просто высадил их у дверей и, перебросившись с братом парой арабских фраз, уехал, даже не взглянув на его невесту.

— Аббас замечательный, — Реза взял Сусанну под локоть. — Ему просто нужно время, чтобы привыкнуть к новому положению вещей.

Им, кажется, всем нужно время, и у неё его меньше всех. Встреча с родителями неумолимо наступала на пятки, и она бежала к выходу на посадку, словно боялась упустить самолёт. Из России она улетала в джинсах и футболке, а возвращалась в длинном платье с длинными рукавами, и сейчас от нервов и жары хотелось сорвать его с себя. Она не понимала, как Резе не жарко в пиджаке и с галстуком. Уж галстук мог бы не повязывать. Бритой голове он не поможет!

Сусанна держала сумку с кальяном на коленях и водила ногтем по молнии — вжик-вжик. Реза развалился в кресле и прикрыл глаза — конечно, сейчас третий час ночи, но чего зевать, когда у них перепутался день с ночью. Зевать надо другим, кто всю субботу носился по Каиру, чтобы успеть объять необъятное. Марина... Нет, она не спала. Она на неё пялилась из дальнего угла зала ожидания.

— Можно мне отойти на минуту? — спросила Сусанна, не уверенная, что Реза не задремал. Может, он вообще не спал днём. Она же проснулась без него.

— Иди. Я и с закрытыми глазами всё вижу.

Кто б сомневался! Сусанна опустила сумку в кресло и пошла по проходу к русской группе. При её приближении Марина оживлённо заговорила с соседкой, вызывающе-громко смеясь. Сусанна ловила на себе любопытствующие взгляды, но дала себе установку не нервничать по поводу мнения окружающих. Пусть мозг молчит и дальше!

— Паша, привет. Хотела поблагодарить за заботу...

— Это сарказм? — перебил недовольно бывший цербер.

— Нет, это действительно благодарность. Приятно сознавать, что ты не безразлична окружающим. Надеюсь, в полиции вам сказали, что у нас с Резой всё хорошо.

Марина отвлеклась от собеседницы и уставилась на Сусанну.

— Ладно, мне пора. Увидимся на контроле в Питере, — поспешила сбежать от расспросов Сусанна.

Реза приподнял сумку, чтобы она могла сесть, и снова притворился спящим аж до объявления посадки. Они прошли первыми и устроились в креслах у окна.

— Шампанское будем пить? — спросил Реза, чтобы оторвать её от созерцания аэропортового пейзажа.

Сусанна покорно приняла от улыбчивой стюардессы стеклянный бокал.

— За начало новой жизни! — улыбнулся Реза.

Их бокалы встретились.

Да можно и не чокаться. Она уже чокнулась, согласившись выйти замуж. Когда самолёт вырулил на взлётную полосу, Реза сжал пальцы Сусанны. Она прикрыла глаза. В ушах шумело от выпитого шампанского и работающих двигателей. Живот давно скрутило и придавило сердцем, но вовсе не от взлёта. Самолёт плавно взмыл к облакам, но Реза не отпустил руки Сусанны, даже когда за окном раскинулись бескрайние белоснежные поля. Он продолжал ласково поглаживать на её пальце кольцо.

КОНЕЦ